Евгений Панов

ТЕХНИК-АС

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Евгений Панов

ТЕХНИК-АС

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Умереть военным пенсионером в мягкой постели в двадцать первом веке и очнуться, засыпанным землёй в воронке от взрыва авиабомбы, в теле молодого авиатехника в огненном сорок первом году. Над головой, ревя моторами, проносятся самолёты с крестами на крыльях, и стрекочут пулемёты, несущие смерть.

Пришло твоё время. Настала пора применить свои навыки. Ведь ты всю свою жизнь готовился к этому. Готовился защищать Родину. Очень скоро врагам предстоит узнать, кто такой русский ас из будущего. Им даже не надо крестов на могилах, сойдут и на крыльях кресты.

- Евгений Владимирович Панов
  -
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Интерлюдия
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Интерлюдия
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

    - Глава 17
    - Интерлюдия
    - Глава 18
    - Интерлюдия
    - Глава 19
    - Интерлюдия
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Интерлюдия
    - Интерлюдия
    - Глава 26
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57

- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94

- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123

Евгений Владимирович Панов
Техник-ас

© Евгений Панов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

К 80-летию прорыва блокады Ленинграда и разгрома немецкофашистских войск в Сталинградской и Курской битвах!

Воздушным рабочим войны посвящается!

Вечная память героям, павшим в боях за нашу советскую Родину!

Пролог

Градусник, на котором я кое-как сфокусировал взгляд, ожидаемо не обрадовал. Температура не только не спадала, а наоборот, поднялась до 40,3 градусов, хотя я и проглотил полчаса назад горсть таблеток. Проклятая ковидла всё же достала меня, несмотря на вакцинацию. А как нам из всех утюгов трещали, что, мол, уколись и спи спокойно. Ага, спи спокойно, дорогой товарищ. Мы тебя никогда-никогда не забудем. Вот фиг его знает: может, если бы не укололся, то и не заболел бы? Хотя тут можно гадать, как на кофейной гуще.

Звонок в скорую тоже успокоения не принёс. Все машины на вызовах, и когда хоть одна освободится, то сразу приедут, а пока ждите. Короче, как только, так сразу.

Собравшись с силами, с трудом доковылял до входной двери и повернул защёлку замка. Теперь дверь смогут открыть снаружи, если у меня не будет сил встать. Плохо всё же жить одному. Как говорится, и кружку воды подать некому. Жена уехала на дачу, а дети давно уже поразъехались кто куда. Нет, супруга порывалась вернуться, но я категорически запретил: ещё тоже заразится. На даче сейчас куда как безопаснее в этом плане. Я бы и сам с ней уехал, да дела заставили остаться в городе.

Фух! Вроде и прошёл туда-сюда несколько шагов, а сил уже нет, сердце бешено колотится в груди, и голова кружится. Похоже, отлетался ты, Илья Александрович Силаев, пятидесяти восьми лет от роду, подполковник запаса, военный лётчик, неоднократный призёр российских и международных соревнований по высшему пилотажу, а также любящий муж и отец двух дочерей и сына.

Нет, надо прилечь и постараться уснуть. Сон – лучшее лекарство. Когда врачи на скорой приедут и позвонят в дверной звонок, то всяко их услышу, а уж зайдут они и сами.

Я уснул, и мне снился странный сон, будто бы я – это не я. Вернее, не совсем я. Вернее, даже не только я, но и кто-то другой. В общем, сплошной бред, наверное, вызванный высокой температурой. Но очень уж реалистичный бред. Я знал наверняка, что я пятидесятивосьмилетний военный пенсионер Илья Александрович

Силаев, и одновременно я был двадцатидвухлетним авиатехником Ильёй Андреевичем Копьёвым, буквально полгода назад призванным в армию.

Вся жизнь молодого парня пронеслась у меня перед глазами. Детский дом на окраине Саратова, работа на заводе, учёба в ФЗУ[1], аэроклуб, в котором он не только с удовольствием учился летать на биплане У-2, но и любил копаться в моторах, повестка в военкомат, где он упросил военкома направить его на службу в ВВС. И вот не успел он после краткосрочных курсов авиатехников приехать в полк, как началась война, которая идёт уже целых десять дней.

Так, просматривая воспоминания своего тёзки, я вдруг ощутил, что моё сознание всё больше и больше погружается в личность Копьёва. Не самое приятное ощущение, и поэтому я сделал попытку вырваться из этой трясины чужой памяти. Однако ничего не получалось. Собрав все свои силы, я рванул, как мне показалось, вверх, и вдруг всё вокруг меня будто бы просочилось друг в друга и закружилось в цветном хороводе, перемешиваясь и создавая новую личность, обладающую памятью и опытом обеих личностей-доноров.

Глава 1
Огненный рассвет. Первый бой

Меня довольно ощутимо тряхнуло. При этом тело я не ощущал от слова «совсем». Это что же, меня парализовало, что ли? Вновь тряхнуло, и тут же ещё раз, но уже сильнее. Похоже, что скорая всё же добралась до меня, и теперь меня везут в больницу, а машину немилосердно подбрасывает на колдобинах. Да и водитель тоже, блин, молодец. Не на лесовозе же дрова везёт, мог бы и объехать ямы или переезжать их поаккуратнее.

Вновь тряхнуло. Странно, что я не слышу звуков. Вернее, слышу, но как-то словно сквозь вату. Гром какой-то. Хотя какой гром может быть в марте месяце? Да и странный этот гром. Не раскатистый во всю ширь небосвода, а резкий и хлёсткий, словно… Взрыв?!

От пронзившей меня мысли я вздрогнул и в тот же миг ощутил своё тело. Из ушей тоже словно вынули затычки, и звуки заполнили сознание. Взрывы, рёв авиамоторов (уж этот звук я ни с каким другим не спутаю), треск пулемётных очередей. Ё-моё! Да что тут вообще происходит-то?! И почему я полузасыпан землёй?

Попытался пошевелиться, и это у меня получилось. Наконец-то смог протереть глаза и открыть их. И первое, что я увидел, были руки. Грязные, в земле и… не мои, хотя я и ощущал их своими. И тут меня пронзила мысль, что тот сон-бред был не таким уж и бредом. Получается, я умер и моё сознание слилось с сознанием этого паренька из прошлого, который, очевидно, тоже умер, погибнув под этой бомбёжкой (а ничем иным происходящее вокруг быть не могло). И почему-то эта мысль не вызвала у меня никакого отторжения. Видимо, влияние сознания Копьёва было достаточно сильно, и это позволило принять окружающую меня действительность.

Из ямы, в которой меня засыпало близким взрывом бомбы, я, хоть и с трудом, но всё же выбрался. Моему взору предстала картина полного разгрома. Повсюду дым, несколько горящих самолётов, в которых я узнал И-16, чуть в стороне – торчащие в разные стороны брёвна от разрушенной прямым попаданием авиабомбы землянки. И

бегущая прямо по взлётному полю к лежащему рядом с перевёрнутой зениткой расчёту молодая девчонка в белом халате.

Откуда-то сверху-сзади сквозь нарастающий рёв авиационного двигателя раздалась длинная пулемётная очередь, и фонтанчики земли побежали наперерез бегущей. Вот их пути пересеклись, и из груди медсестры вырвались брызги крови. Девушка упала как срезанный цветок. И тут же надо мной пронёсся самолёт с крестами на крыльях. «Мессер».

– Лида! – вскрикнул я и тут же осёкся.

Откуда я знаю, как её зовут? Прислушавшись к себе, понял, что знаю. Это Лида Мишанова, наша медсестра. И похоже, Копьёв неровно дышал в её сторону.

Видимо, память хозяина этого тела постепенно раскрывается для меня, становясь моей собственной. И одновременно с осознанием этого меня буквально затопила необузданная ярость. Нужно было что-то делать, и я осмотрелся.

Совсем рядом под маскировочным навесом стоял истребитель Як-1. Перед самой войной их в полк прислали четыре штуки, остался один. Это был самолёт командира первой эскадрильи капитана Сысоева. Сам капитан сидел в кабине, неестественно откинувшись назад. Из виска у него текла кровь. Винт истребителя крутился на холостых оборотах, а значит, двигатель прогрет и машина готова к взлёту.

Решение пришло мгновенно. С разбега вскочил на крыло самолёта и попытался вытащить убитого капитана из кабины, но ничего не получилось.

– Ремни отстегни, раззява.

С другой стороны от кабины на крыло забрался полноватый дядька в таком же, как у меня, техническом комбинезоне. Старшина Федянин, подсказала память. Протиснувшись, отстегнул привязные ремни и ремни парашюта. Вдвоём мы вытащили тело пилота, и я тут же юркнул в кабину на его место. Пара секунд – и все ремни пристёгнуты.

– Куда, сопляк?! – перекрывая шум двигателя заорал старшина. – А ну брысь из машины!

– От винта! – проорал я в ответ и руками показал команду «убрать колодки».

Федянин на миг растерялся, но потом у него сработал рефлекс, и он выдернул из-под шасси колодки.

Даю оборотов двигателю и начинаю разбег почти поперёк полосы. По моим прикидкам, основанным на памяти Копьёва, для взлёта должно хватить. И вроде на пути воронок быть не должно. Во всяком случае, с крыла самолёта я их не видел. Ну, суки, молитесь. Сейчас я вам покажу, что такое русский ас!

Спросите, откуда я умею управлять истребителем военных лет и почему так уверен в себе? Так тут секрета нет. На соревнованиях во Франции я познакомился с владельцем летающей реплики истребителя Як-3. Ну и поспорили мы с ним, что если я выиграю соревнования, то он разрешит мне полетать на его самолёте, а если проиграю, то приглашаю его к себе в Россию и вожу по стране за свой счёт. Пари я выиграл и с удовольствием полетал на легендарном самолёте.

Так что в том, что смогу справиться с «яшкой первым», я был уверен. Был у меня, ну не знаю, талант, что ли, с первых секунд чувствовать даже незнакомую машину. Вот так сажусь в кабину, посижу, подвигаю рулями и элеронами – и всё, самолёт мне как родной. Мне и на И-16 довелось полетать, и на Р-39 «Аэрокобра», но уже в Америке. Там же близко познакомился с Ме-262. Правда, полетать на нём не дали, но хозяин разрешил посидеть в кабине, запустить двигатели и немного порулить по полосе. Заодно достаточно подробно рассказал об устройстве кабины и об особенностях самолёта.

А у нас в России я летал на восстановленных Ил-2, По-2 и МиГ-3. Ощущения непередаваемые, когда ты вот так, в небе, соприкасаешься с великой историей своей страны.

Был у меня и ещё один талант. Я всегда попадаю в цель. ВСЕГДА! Хоть из пистолета, хоть из охотничьего ружья, хоть из бортового вооружения самолёта. Чувствую я, куда полетит пуля, снаряд или ракета, и ясно вижу ту точку пространства, где они встретятся с целью.

Как-то в сложный период, надумав увольняться из армии, я хотел было через своего знакомого устроиться к одному новому русскому личным пилотом. Денег там обещали платить очень даже немало, вот я и приехал к нему в загородный особняк для собеседования. А новый русский очень уж любил пострелять по тарелочкам. Вот и мне предложил пальнуть пару раз. Ещё и смеялся: мол, это тебе не сапоги топтать, это спорт, искусство, можно сказать. Даже на деньги

пострелять предложил. Надо было видеть лицо этого хозяина жизни, когда я, почти не целясь, навскидку перестрелял все выпущенные тарелки. Он ещё спросил, точно ли я лётчик или, может, спецназовец какой.

Увы, с работой тогда не сложилось. Взорвали моего несостоявшегося работодателя прямо в его машине. Зато за те пострелюшки я выиграл десять тысяч баксов, и они ой как сильно помогли нашей семье в тяжёлые времена.

Но что-то я отвлёкся, а истребитель тем временем, набирая скорость, уже катится по полю на виду у немецких стервятников. Буквально затылком чую, как пара «мессеров» заходит на набирающий скорость истребитель. Хвост самолёта уже оторвался от земли, ещё чуть-чуть, ещё немного скорости, так необходимой для того, чтобы крылья получили опору в воздухе. И вот самолёт, что называется, встал на крыло. Тут же убираю шасси. М-да, а штурвал-то здесь довольно неудобный. Держать его надо двумя руками. Помнится, на реплике Як-3 ручка штурвала была другая. Может, новые и более удобные появились позднее?

Пулемётная очередь с «мессера» прошла точно по тому месту, где только что был я. Вот то-то и оно, что был. А теперь – тю-тю. Делаю резкий вираж влево и тут же возвращаюсь на прежний курс. Имея преимущество в скорости, немецкая пара пролетает надо мной, и ведущий на миг оказывается в перекрестье прицела.

Коротко рыкнули два ШКАС, вспарывая брюхо немца, и я тут же чуть доворачиваю, ловя в прицел ведомого. Новая очередь – и из-под капота «мессера» полыхнуло пламя. Ведущий, словно не веря судьбе-злодейке, на короткий миг застыл в воздухе, тут же свалился на крыло и врезался в первоклассный российский чернозём. Свою долю русской земли, обещанную их фюрером, этот уже получил. Думаю, что остался доволен. Хорошая здесь земля, плодородная. А теперь ещё удобрений добавится.

Чуть в стороне замечаю разворачивающуюся для атаки на меня любимого вторую пару. Кручу головой, осматриваясь. Больше «мессеров» нет, но имеется десяток Ю-87, выполняющих новый заход на штурмовку нашего аэродрома. Целый штаффель[2]. Пока целый. Но с «лаптёжниками» разберёмся потом. Сейчас насущная проблема – это «мессеры».

Оба фрица полезли на высоту, чтобы оттуда, сверху, заклевать меня в своей излюбленной манере. Вот только лезть за ними следом я не собирался. Да и крутиться с ними в «собачьей свалке» тоже желания не было. Какой бы я ни был профессионал, но к машине надо привыкнуть получше. Одно дело – летать в мирном небе и совсем другое – в условиях, когда по тебе реально стреляют. Это, как говорится, две большие разницы.

Поэтому, набрав скорость, я чуть задрал нос самолёта и, взяв упреждение, дал короткую очередь из пушки. Я буквально кожей чувствовал, как 20-миллиметровые снаряды несутся наперерез ведущему «мессеру».

Есть! Горит, бубновый!

Ведомый решил не искушать судьбу и, свалившись в пике, взял курс на запад, подымливая форсажем. Ну и фиг с ним. Тут ещё «штуки»[3] есть мне на закуску.

Пилоты на «лаптёжниках» тоже быстро поняли, что дело тут явно нечисто, и, вывалив остатки бомбового груза в чистое поле, развернулись восвояси. Вот только отпускать их никто не собирался. Тем более что тихоходные бомберы представляли собой прямо-таки учебную мишень. Они, конечно, начали огрызаться из турельных пулемётов, вот только расстояние для них было великовато. Для них, но не для меня.

Спокойно, как на полигоне, беру в прицел замыкающего и бью короткой очередью из пушки. С удовлетворением замечаю, как брызнуло в разные стороны остекление. «Юнкерс» уходит в своё последнее пике. Сразу же бью идущего рядом с ним. Похоже, попал в бензобак, потому что фриц полыхнул сразу и весь. Так же, словно в тире, расстреливаю ещё два «лаптёжника», когда правое крыло вдруг покрывается ровной строчкой пробоин. Резко даю ручку от себя и влево и вижу, как чуть в стороне промелькнул хищный силуэт «мессера». Похоже, зря я списал его со счетов. Фриц всё же решил вернуться и разделаться со мной.

Однако повторной атаки не последовало. Видимо, топлива у немца на дальнейший бой не осталось, и он, уже, похоже, окончательно, отправился к себе. Зато теперь будет хвастать, что сбил русского аса. А вот хрен ему. Машина слушается рулей, двигатель работает ровно. Жаль только, бомберы уже далеко ушли. Ну да ладно,

пора и мне домой. И так неплохо их проредил. Три «месса» и четыре «юнкерса». Ха, неплохо. Да сейчас такого счёта и нет ни у кого.

Домой – это, конечно, громко сказано. И так почти всё происходило либо над аэродромом, либо в пределах видимости. Улетел бы подальше и не факт, что нашёл бы дорогу назад. А вообще, странное дело: я совсем освоился в этом теле и в этом времени. Во всяком случае, никакого дискомфорта от произошедшего я не испытывал. Всё воспринималось абсолютно естественно и… с какой-то эйфорией. Ну так ещё бы. Скинуть больше тридцати лет – это у кого угодно вызовет эйфорию.

А вот и аэродром. Ёшкин дрын! А куда садиться-то? ВПП украшена несколькими воронками, там, где я взлетал, догорает сбитый мной «сто девятый». Проношусь над полем и ухожу на второй круг. Попробую сесть рядом с взлёткой.

Стоило только мне начать снижаться, как кто-то на поле выпустил ракету параллельно земле как раз в том направлении, куда я и собирался садиться. Ну что же, другого выхода всё равно нет. Выпускаю шасси, и вот машина уже бежит по выжженной солнцем траве. Замечаю машущего руками старшину Федянина, показывающего, куда заруливать. Следую его указаниям и выключаю двигатель.

В наступившей тишине слышно, как потрескивает, остывая, перегретое сердце истребителя. Ё-моё! Только сейчас замечаю, что комбинезон на мне насквозь мокрый от пота, да и такая слабость навалилась, словно вагон угля в одиночку разгрузил. Похоже, откат наступил.

Кое-как собрался с силами и сдвинул назад фонарь кабины. В нутро самолёта тут же ворвался весёлый ветерок, несущий поток живительной прохлады, впрочем, изрядно сдобренной запахом гари, перегретого двигателя и ещё чего-то неуловимого, что чувствуешь лишь на войне.

С удивлением посмотрел на свои руки, их заметно трясло. И это не реакция моего сознания, это реакция тела. Сознание у меня абсолютно спокойно. Я хоть и не воевал реально, но всю свою жизнь к этому готовился, а вот тот паренёк, чьё тело мне досталось, такого опыта не имел. Нет, Родину защищать, а если надо, то и умереть за неё,

он, как и подавляющее большинство людей этого времени, был готов, но моего багажа знаний и опыта у него всё же не было.

М-да, а приложило меня неслабо. Попытался дрожащими руками отстегнуть ремни – ничего не получилось. Без сил откинулся на бронеспинку.

Сзади послышался топот множества ног. Вот кто-то с разбега заскочил на крыло, отчего самолёт качнулся, и перед глазами предстало полноватое лицо старшины Федянина. Во, вспомнил, Анатолий Кузьмич его зовут, или, по-простому, но не для всех, просто Кузьмич.

– Ты как, сынок, жив? Не ранен?

Во, уже сынок. А совсем недавно сопляком обзывал.

С другой стороны фюзеляжа в кабину заглянул запыхавшийся командир в синей пилотке с голубым кантом и двумя шпалами майора в голубых петлицах. Майор Пегов Сергей Викторович, услужливо подсказала память, командир полка. Поговаривают, что года три назад он был полковником, больше года «отдыхал» на нарах, но реабилитирован уже при новом наркоме внутренних дел Берии, хотя и понижен в звании.

– Ты?! – Казалось, глаза майора сейчас выскочат из орбит от удивления. – А где капитан Сысоев?

– Убит Сысоев, – подсказал кто-то, невидимый мне. – Прямо в висок осколком.

– Так это ты, что ли, летал? – совершенно обалдев, спросил комполка.

– Я, товарищ майор, – устало улыбнулся я. Уж больно эта сцена напоминала мне сцену из моего любимого кинофильма «В бой идут одни старики».

– И сбивал тоже ты?

– Тоже я, товарищ командир. – Всё так же улыбаясь, я пожал плечами и чуть виновато произнёс: – Так получилось.

– Ни хрена себе у тебя получилось, боец, – вытер Пегов ладонью вспотевший лоб.

– Так, в сторону, в сторону, товарищи! Где раненый? – раздался новый голос, на этот раз, для разнообразия, женский, и, оттеснив старшину, в кабину заглянула очень даже симпатичная женщина в

белом халате, с аристократическим лицом и пронзительными зелёными глазами.

Наш доктор (во, уже наш) Бурцева Марина Михайловна, военврач 3-го ранга. Мой, так сказать, реципиент, считал её старой и побаивался. Гоняла она его пару раз, когда он пытался вручить скромный букет полевых цветов медсестре Лиде. Ну, старая – это явно не про неё. Ей от силы тридцать пять – тридцать восемь лет, так что для меня, учитывая мой истинный возраст, она молодая женщина. Кстати, довольно симпатичная.

– Ранен? Куда? – обеспокоенно спросила она, пытаясь рассмотреть на мне страшные раны.

– Да цел я, доктор, цел. Только сил что-то нет.

– Ну-тка, товарищ военврач, разрешите мне.

Старшина помог мне расстегнуть ремни и буквально выдернул меня на крыло.

– Качай его, ребята!

Бли-и-ин! Вот где было страшно. Это вам не фрицев вгонять в чернозём или на соревнованиях фигурять. Это гораздо, гораздо страшнее, когда тебя, взрослого человека, с криками подбрасывают в небеса. Хорошо хоть не уронили и длилось всё это недолго, после чего меня буквально потащили в штаб.

– Давай рассказывай.

Передо мной сидели трое. Прям не штаб авиаполка, а народный суд. Или, что ближе к эпохе, тройка НКВД. Комполка, начальник штаба и комиссар смотрели на меня, как на заморское чудо-юдо.

– Ну а что рассказывать? – Я переступил с ноги на ногу, и это опять-таки была не моя реакция, а реакция тела: не мне, подполковнику запаса, переминаться перед младшими по званию. – Взлетел, сбил, вернулся. Что такого?

– Что такого, говоришь? – Комполка вытащил из лежащей на столе пачки папиросу и закурил. – А ничего такого. Просто рядовой техник садится в новейший истребитель, взлетает под бомбёжкой и, как куропаток, сбивает семь вражеских самолётов. А так да, ничего такого. – Он смял в пепельнице недокуренную папиросу. – Ты где так летать и стрелять научился? И за каким ты вообще в самолёт полез?

– Так я же, товарищ майор, в Саратове в аэроклубе учился. – Ну, память Ильи Копьёва, выручай! – Мне и на УТ-2[4] доверяли летать. Я даже на первомайские праздники над городом пилотаж показывал. А стреляю я из всего отлично. У меня и значок Ворошиловского стрелка второй степени имеется. Ну а в самолёт полез из злости, потому что они Лиду…

Я замялся, опустив голову, – опять реакция тела.

– М-да…

Командир хотел ещё что-то сказать, но на столе затрещал телефон.

– Комполка майор Пегов у аппарата. Да, товарищ комдив. Вернулся с незначительными повреждениями самолёта, товарищ комдив. Всего семь самолётов противника, из них три истребителя и четыре пикирующих бомбардировщика. Налёт был внезапный, и поднять дежурное звено в воздух не успели. Потери большие, товарищ комдив. После последнего налёта в строю восемь машин и семь пилотов. А он не пилот, товарищ комдив. Нет, не шучу. Он младший авиатехник, красноармеец Копьёв, товарищ комдив. Да, это так. Слушаюсь, товарищ комдив. Донесение и представление составим немедленно и сразу отправим вам в дивизию. Спасибо, товарищ комдив.

Майор аккуратно, словно взведённую бомбу, положил трубку телефона и вытер выступивший на лбу пот.

– Так, – обвёл он взглядом землянку, в которой располагался штаб полка. – Начштаба, оформляй приказ. Красноармейцу Копьёву присвоить звание сержанта. Перевести сержанта Копьёва из технического в лётный состав. А что ты хотел? – повысил он голос, глядя на вскинувшегося было начштаба. – У нас лётчиков меньше, чем самолётов, а тут такой умелец нашёлся. Далее, составить совместно с сержантом Копьёвым схему боя, донесение в штаб дивизии и наградной лист на орден Красного Знамени. Комдив, оказывается, почти весь бой с земли видел.

Из штаба я выбрался часа через два. Попробуйте составить все требуемые бумаги и при этом не показать свои истинные знания. Сразу пошёл к столовой, чтобы наконец-то умыться. А то так и хожу грязный с того самого момента, как здесь оказался. Заодно и перекушу чего-нибудь. В животе уже ощутимо бурчало.

Рядом с умывальником у входа в столовую висело довольно большое зеркало. Умывшись, я взглянул на своё отражение и оторопел. На меня смотрел я же, только молодой. Но ведь этого не может быть! Я же попал в другое тело. Хотя… Говорят, что у каждого человека есть свой двойник, так почему бы не быть двойнику и во времени. Может, поэтому и сознание моё переместилось сюда, в это тело, которое уже покинуло сознание прежнего хозяина.

Как бы там ни было, но на меня смотрел молодой парень, судя по ощущениям, роста чуть выше среднего, крепкого, как говорят, спортивного телосложения, со светлорусыми волосами, глазами серого цвета и лицом… В общем, как говорится, девкам нравится.

Помнится в своей школьной и курсантской молодости я не был обделён вниманием противоположного пола. Ну а потом женился, и для меня никогда не существовало других женщин, кроме моей любимой. Блин! Я же больше никогда не увижу ту, которая много лет делила со мной все тяготы службы, жизненные невзгоды и радости, ту, которая была моим надёжным и любящим тылом. И детей своих не увижу. Никогда.

От осознания всего этого я сел на стоящий тут же чурбак. Из меня словно выпустили воздух. Захотелось по-звериному завыть от безнадёги и от горечи потери. С немалым удивлением почувствовал на губах солёный вкус, а на щеках – влагу. Это что, я плачу? Похоже, что так. Но как же тяжко на сердце. Такое ощущение, словно его сжали стальные тиски.

Я встряхнул головой и ладонями вытер лицо. Негоже мне, подполковнику, слёзы лить. Того, что случилось, вспять не обратить, так что, как говорится, будем жить.

– Вот ты где, – неслышно подошёл откуда-то сзади старшина Федянин и сел на лежащее здесь же брёвнышко. – Ты как, Илья?

В его голосе было прямо какое-то отеческое участие.

– Жить буду, Кузьмич.

Насколько я помнил, хозяин тела никогда прежде так старшину не называл, но сейчас Федянин совершенно не обратил на это внимания.

– А ты молодцом.

Старшина достал из кармана потёртый портсигар и, вынув из него папиросу, закурил.

– Я же думал, ты головой тронулся, когда в самолёт полез. А потом смотрю – взлетел, а тут немцы сзади на тебя заходят. Я уж и похоронил тебя в мыслях, а оно вон как вышло. Здорово ты их ссадил, – хлопнул себя ладонью по колену Федянин. – А уж как потом немчура с неба посыпалась, так тут на аэродроме все как с ума сошли. Сам комиссар скакал как умалишённый и орал на радостях матерно. В первый раз его таким видал. А по Лиде не тоскуй, – по-своему понял он моё состояние. – Видать, на роду ей так написано было. Жаль её, конечно. Молодая девчонка совсем была. Эх, война, война, – грустно вздохнул он. – Сколько ещё горя будет от неё людям.

Я сидел рядом с Федяниным и ловил себя на мысли, что едва сдерживаюсь, чтобы не назвать его Макарычем. Он внешне был точь-в-точь как герой замечательного артиста Алексея Макаровича Смирнова в фильме «В бой идут одни старики».

Старшина ещё несколько минут молча посидел со мной и, слегка хлопнув меня по плечу, ушёл. А я всё же смог раздобыть на кухне краюху хлеба со шматком сала и кружку горячего чая. В животе больше не били барабаны, и жить стало значительно веселее.

Потом помогал Федянину и ещё двоим техникам латать повреждённое крыло истребителя. Только сейчас обратил внимание на бортовой номер – тринадцатый. Кто-то скажет, несчастливый, но точно не я. Это число сопровождало меня всю мою жизнь. В детстве рос в доме № 13, потом учился в школе № 13, в военном училище учился в 13-й роте, после в полку бортовой самолёта был 013, и, как апофеоз, когда мы с женой обзавелись своей собственной квартирой, то угадайте: какой номер был на её двери?

Пока возились с плоскостью, на поле уже успели засыпать и утрамбовать воронки от бомб, и на взлёт пошли все оставшиеся целыми самолёты полка, кроме меня, конечно. Четыре И-153 «Чайка» и три И-16, ревя моторами, потянулись на запад.

Назад вернулись три «чайки» и три «ишачка», при этом один из И-16 шёл с сильным дымом, заметно вихляя из стороны в сторону. Было видно, что пилот с большим трудом удерживает машину в воздухе. Перед самым заходом на посадку «ишачок» вдруг резко свалился на крыло и врезался в землю. Все, кто был на аэродроме, бросились к месту крушения. Удивительно, но пожара не было. Однако

и от самолёта осталась лишь груда обломков. Лётчик погиб. При таком, как говорится, без вариантов.

До вечерних сумерек полк (вернее, его остатки) совершил ещё два вылета полным составом. Как я узнал из разговоров, летали на штурмовку наступающих колонн немцев. Без бомб, без РС, одними пулемётами и пушками пытались остановить стремительное продвижение противника. А до немцев, судя по времени, затраченному на вылет, особенно на последний, было совсем близко.

Вечером, когда мы закончили приводить «як» в порядок, меня вызвали в штаб, где зачитали приказ о присвоении мне звания сержанта и переводе меня в лётный состав и выдали все положенные документы. К моему величайшему удовлетворению, закрепили за мной тот самый Як-1.

Если честно, то я думал, что у меня банально отожмут этот самолёт – либо кто-то из более опытных лётчиков, либо сам командир. Однако этого не произошло. Видимо, майор решил, что раз уж у меня настолько хорошо получается валить немцев на этом истребителе, то и нефиг множить сущности сверх необходимого.

Но самое забавное было то, что по технической части за эту машину отвечал не кто иной, как старшина Федянин. Однако стоило мне появиться у самолёта уже с двумя сержантскими треугольниками в петлицах, как он вскочил по стойке смирно и доложил об устранении повреждений и готовности машины к вылету. Наверное, со стороны это смотрелось довольно забавно, когда старшина докладывал младшему по званию, который ещё полчаса назад был его подчинённым.

Утро на аэродроме началось с невообразимой суеты. На автомашины и подводы грузили имущество, а самолёты готовили к вылету. Немцы в очередной раз прорвали фронт, и их танки были уже на подходе к нашему месту базирования.

Всех пилотов, включая меня, вызвали в штаб, где командир поставил нам задачу.

– Значит, так. – Он на какой-то миг замер над расстеленной на столе картой. – Ваша задача та же, что и вчера. А именно – штурмовка колонн наступающего противника. Всё остаётся как прежде, за исключением того, что с вами пойдёт сержант Копьёв, который со

вчерашнего дня переведён в лётный состав. Твоя задача, сержант, – обратился майор ко мне, – прикрывать нас с воздуха. Ты у нас глазастый, так что крути головой во все стороны и не проворонь немцев. Иначе будет как вчера, когда мы остались почти без боеприпасов, а на нас навалились их истребители. Так что бди. Возвращаемся на другой аэродром. Вот сюда, – показал он на карте точку восточнее нашего нынешнего местоположения. – Там сейчас формируется сборная солянка из остатков авиачастей, так что со всем остальным определимся уже на месте. Всем всё понятно?

– Разрешите, товарищ майор, – выступил я на шаг вперёд и после разрешающего кивка продолжил: – Мне бы карту и ориентиры отметить.

– Карту сейчас получишь, и давай в темпе. Времени на раскачку нет совсем.

Расположившись на крыле уже своего истребителя, я изучал карту. Почему-то другие лётчики отнеслись ко мне довольно прохладно. Может, сказалась растерянность от такого начала войны или, может, не посчитали за равного вчерашнего пацана-маслопупа, по какой-то случайности сбившего несколько самолётов врага, вдруг возвысившегося и вставшего в один ряд с ними, элитой ВВС. Не знаю. А значит, нужно завоёвывать авторитет наглядными делами.

И вот я в кабине, двигатель прогрет и мерно гудит на холостых оборотах. От штаба в небо взмыла белая ракета. Пора. Я взлетаю после всех и сразу набираю высоту. Александр Покрышкин, один из лучших асов этой войны (впрочем, он им ещё не стал), вывел формулу «высота – скорость – манёвр – огонь». Вот и буду ею руководствоваться.

Вылетевшие раньше истребители полка я догнал довольно быстро и занял место на километр выше них. Прямо по курсу небо было чисто, а вот в стороне крутились какие-то самолёты. Далековато, так что и не разглядишь, кто именно.

Немецкую колонну нашли быстро. Да и сложно было бы не найти, учитывая, что ими сейчас забиты все дороги. Два «ишака» и три «чайки» резко спикировали и прошлись вдоль колонны из пулемётов. Видно было, как в разные стороны разбегались крошечные фигурки людей в серой форме. На дороге загорелись пара грузовиков и бронетранспортёр. Откуда-то из колонны навстречу краснозвёздным

истребителям ударили автоматические зенитные пушки. Вот трассер буквально на мгновение задел одну из «чаек», и самолёт, вдруг вспыхнув весь и сразу, кометой понёсся к земле.

Спокойно на такое смотреть я просто не мог. Быстро осмотревшись и не увидев опасности с неба, я с переворотом устремился на колонну. Откуда ведётся зенитный огонь, я видел очень хорошо. Ну что же, попробуем себя и по наземным целям. Ловлю в прицел БТР с установленным на нём зенитным автоматом и даю короткую очередь из пушки. Мне даже показалось, что я увидел, как выпущенные мной снаряды выбивают искры из немецкой брони и зенитки. Во всяком случае, огня отсюда больше не ведут.

Используя набранную на пикировании скорость, вновь ухожу наверх и в этот самый момент вижу, как со стороны солнца на оставшихся «чаечек» валятся четыре «мессера».

Разминулись мы с ними буквально крыло в крыло. Ни им, ни мне стрелять было несподручно: уж больно неудобный ракурс. На «чайках» опасность заметили и прыснули в разные стороны. Разозлённые неудачей немцы опять полезли на высоту. А нет, не все. Одна пара, развернувшись, пошла следом за уходящим на восток «ишачком». Похоже, наш самолёт получил какие-то повреждения, потому что летел, виляя из стороны в сторону. Вот его-то и спешили добить фрицы.

Чёрт, далековато. Наудачу даю короткую очередь из пушки и вижу, как трассер проходит прямо за хвостом ведущего. Его ведомый от неожиданности метнулся в сторону и, видимо, по радио предупредил ведущего об опасности. Во всяком случае, немцы бросили подстреленный И-16 и решили разделаться со мной. Ага, счаз-з-з! Расстояние уже заметно уменьшилось, и я спокойно с невозможной для них дистанции расстреливаю оба «мессера».

Возвращаюсь к месту боя над наступающей немецкой колонной и на малой высоте проношусь над какой-то речушкой. Краем глаза вижу, как на её восточном берегу среди редких пятен ячеек и позиций артиллерии радостно машут руками и головными уборами бойцы. Да, редко сейчас их, пехоту, наша авиация радует победами. Держитесь, парни. Покачиваю крыльями и делаю свечку над позициями.

А над дымящейся то тут, то там колонной всё ещё крутятся в карусели пара «чаек» с парой «мессеров». Странно, а где ещё один

«ишачок»? Увидев приближающегося меня, немцы решили не связываться и, свалившись на крыло, понеслись к земле, набирая скорость и уходя на запад. Даю вдогонку очередь. Хоть и не попал, но ускорения им явно придал. Волшебный пендель, так сказать.

Возвращались втроём. Пара И-153 шла чуть ниже, а я нарезал над ними «змейку», чтобы сохранить скорость. До нового места базирования долетели без приключений. Вот только топлива у меня осталось, что называется, на донышке. Движок заглох сразу, как только я зарулил на указанное мне место.

Едва мои ноги коснулись земли, как на меня буквально налетел майор Пегов. Это его И-16 хотели заклевать два немецких стервятника, да попались мне на прицел.

– Ну, сержант, спасибо, – по-медвежьи облапил он меня. – Я же думал, что всё, отлетался. Машина чуть в воздухе держится, какой тут бой вести. И смотрю: оба «мессера» отвернули и тут же друг за другом загорелись. Должник я твой, век не забуду.

Несколько часов спустя от наземных войск пришло подтверждение, что истребитель с бортовым номером 13 сбил два немецких Ме-109. Так на моём счету прибавилось ещё два сбитых.

На следующий день к нам добрались наши наземные службы. Кузьмич тут же занялся обслуживанием самолёта. А ещё он раздобыл красную краску и трафарет и нанёс на борта девять звёздочек по числу сбитых мной. На стоянку началось буквально паломничество. Всем хотелось взглянуть на такое количество звёздочек на борту истребителя. И мало кто верил, что это дело рук вот этого молодого парня.

Сбитые мной в первый же день семь самолётов противника аукнулись через десять дней. Всё это время мы по два-три раза в день либо вылетали на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков, либо прикрывали переправы, либо отбивали атаки немецких бомбардировщиков на наши объекты и войска. Я пополнил свой личный счёт ещё двумя Ю-87, одним Ме-109 и одним двухмоторным «Хенкелем-111». Итого получилось моё любимое число тринадцать.

Вернувшись из очередного вылета, я пошёл в столовую. У столовой собралось изрядно народа, и все что-то бурно обсуждали. Стоило лишь подойти поближе, как меня подхватили на руки и

принялись качать. Я прямо-таки начинаю ненавидеть подобные проявления чувств.

Опустив меня на землю, мне тут же сунули в руки дивизионную газету «За Родину!», где на первой полосе была крупная фотография, на которой одинокий истребитель со звёздами на крыльях и хорошо видимым бортовым номером тринадцать гонит перед собой свору немецких бомбардировщиков Ю-87, и при этом один из «лаптёжников», дымя, валится к земле, а второй взрывается прямо в воздухе. Кадр, безусловно, получился эффектный, жаль не цветной.

В статье под фотографией писалось о том, как в N-м истребительном авиаполку простой авиатехник, красноармеец Копьёв занял место убитого лётчика в кабине истребителя, взлетел и в бою в одиночку сбил семь вражеских самолётов, чему было много свидетелей на земле, в том числе фотокорреспондент газеты. За мужество и героизм, за умелые действия отважный лётчик представлен к званию Героя Советского Союза. Ну и, естественно, призыв бить врага так же, как доблестный сталинский сокол.

За эти десять дней та сборная солянка из остатков авиаполков, что собрали здесь, почти полностью сточилась в непрерывных боях. В строю осталось девять самолётов разных моделей, включая один одноместный Ил-2. Я несколько раз вылетал, прикрывая его, и теперь старший лейтенант Саня Мартынов требовал, чтобы его прикрывал непременно я: уж очень ему понравилось, как я отгонял от него фрицев.

Плюсом было ещё то, что мой «як» был оборудован приёмо-передающей радиостанцией, и я имел возможность вовремя предупреждать Мартынова о вражеских атаках. «Мессер» я, кстати, снял у него с хвоста. Очень настырный фриц попался, пришлось его успокоить, ну, и упокоить заодно.

А вообще, как рассказали на радиоузле, немцы уже начали вопить: «Achtung, am Himmel ist das Dreizehnte!»[5] Репутация, однако. Да и сложно меня в воздухе не узнать, тем более что на всю округу был один-единственный «як» – мой. Самое интересное, что я так и летал один, то есть не в составе звена. Меня вообще зачислили в эскадрилью управления. Да и сложновато мне было бы летать с кем-то, учитывая разницу в характеристиках самолётов.

А вообще, за то время, что я нахожусь в этом времени, я так ни с кем близко и не сошёлся. Да и времени, если честно, на это не было. Полёты прерывались лишь на обслуживание машин и приём пищи. Вечером все просто валились без сил. Сказывалось и, мягко говоря, не самое удачное начало войны, и большие потери, и отсутствие ясно видимых перспектив на быструю победу.

Нормально общался я лишь со старшиной Федяниным и ещё парой техников. Да, пожалуй, командир полка с полковым комиссаром Новиковым относились ко мне, можно сказать, по-отечески. Остальные лётчики хоть и не игнорировали, но чувствовалась какая-то отчуждённость. Ну ещё бы, они элита ВВС, белая кость, а тут какой-то вчерашний маслопуп вдруг становится асом. Из лётного состава только с Саней Мартыновым у меня сложились отношения, которые можно было назвать дружескими. Мы с ним как-то сразу перешли на «ты» и на общение по именам.

Новый день войны начался с головной боли. Ночью плохо спал, всё думал о том, что, может, стоит написать письмо Сталину с изложением хода войны. После долгих размышлений пришёл к выводу, что всё же не стоит. Во-первых, мне его просто неоткуда отправить так, чтобы оно не попало не в те руки. Даже если вызовут в Москву на награждение, то и тогда не факт, что оно дойдёт до адресата. Да и не поверит он ему. Это в книжках про попаданцев главный герой моментально выходит на руководство страны и начинает раздавать советы направо и налево, и все его слушают как мессию. В жизни всё будет с точностью до наоборот.

Да и стоит ли вмешиваться в ход истории, особенно так грубо? Вот предупредишь о чём-либо, и всё пойдёт по-другому, и не факт, что нам на пользу. Как говорил один мудрый человек, лучшее – враг хорошего. Так что не нужно лезть своими ручонками в такой тонкий механизм, как история. Пусть всё идёт так, как должно.

С такими мыслями я и уснул.

Глава 2
За одного битого двух небитых дают

Первый вылет утром был на перехват самолёта-разведчика. Зловредная «рама»[6] постоянно висела над передовой, корректировала огонь немецкой артиллерии и наводила на наши позиции пикировщиков.

Подойти к ней до меня уже пытались, но фрицы, заметив приближение советских истребителей, просто уходили к себе, не дожидаясь, когда противник вскарабкается к ним на высоту. Да и живучая машинка была на редкость, так что бить её надо наверняка. Где-то читал, что были случаи, когда «рама» возвращалась на свой аэродром после таранного удара или буквально потеряв один из двигателей. В общем, несмотря на свою невысокую скорость, противник довольно неудобный.

Аэродром наш находился на окраине села Субино Житомирской области, и, учитывая, что линия фронта почти вплотную подошла к городу Коростень, то лететь здесь километров сорок. Едва взлетев, я начал набирать высоту. На шести километрах стало довольно холодновато. Если на земле было плюс восемнадцать, то здесь – столько же, но с противоположным знаком. Спасали зимний комбинезон и тёплые унты. Да ещё Кузьмич раздобыл зимние полётные перчатки и утеплённый шлемофон, так что не замёрзну.

Разведчика заметил издали. «Рама» неспешно нарезала круги метров на пятьсот ниже меня. Похоже, меня заметили, и немец полез на высоту. Несмотря на кажущийся несуразный и хрупкий вид и откровенно низкую скорость, на высоте немец имел очень хорошую манёвренность, так что шансы увернуться от атаки истребителя, тем более одиночного, у него были. Вернее, были бы. Вот это самое «бы» фрицев и подвело.

Я не стал сближаться, а с уже привычной мне дистанции влепил очередь из пушки по кабине. Что хорошо, так это то, что кабина на «раме» большая, и стрелять по ней одно удовольствие. Вся эта

летающая оранжерея брызнула остеклением, и разведчик, беспорядочно кувыркаясь, устремился к земле.

Представляю, какое сейчас ликование там внизу, в окопах. Осмотревшись ещё раз, я развернулся в сторону дома.

Только успел доложить о выполнении задачи, как поступил приказ готовиться к новому вылету. На этот раз идём бомбить переправу. Вернее, бомбить её будут пять И-153, пара И-16, которым под крылья подвесили по две бомбы-сотки, Саня Мартынов на своём «ильюшине» как основная ударная сила, ну а я, как всегда, буду их прикрывать. Потом, отбомбившись, ко мне присоединятся оба «ишачка». К счастью или нет, но бомбодержателей на «яке» не было.

На переправу вышли точно. Через небольшую речушку с топкими берегами немцы проложили понтонный мост. Вот он и был нашей целью. Едва приблизились, как нам навстречу потянулись густые трассеры – от автоматических зенитных пушек. Сразу же один из И-16 вспыхнул как свечка и рухнул в лес. Вот из-под капота одной из «чаек» вырвалось пламя, и пилот направил горящую машину на лупящую в бешеном темпе зенитку.

«Ил» Мартынова пёр как танк, оправдывая своё прозвище. Не знаю, видит ли пилот то, что творится вокруг его машины, но со стороны зрелище не для слабонервных. Штурмовик будто опутан паутиной трассеров. Вот с направляющих сорвались РС и понеслись к другому берегу на позицию зениток, а следом посыпались бомбы, разнося в щепки переправу.

Следом за «илом» от своего груза избавились остальные, высыпав бомбы на подходы к переправе. Сделали ещё пару заходов, пройдясь огнём пушек и пулемётов вдоль дороги, по которой, на свою беду, подходила к переправе очередная колонна немецкой пехоты. Расстреляв весь боекомплект, осуществлявшие штурмовку самолёты развернулись на обратный курс.

И тут зенитный огонь внезапно прекратился. Прекращение огня зениток могло означать лишь то, что в непосредственной близости находятся немецкие истребители. Я ещё активнее закрутил головой, высматривая опасность. И… прошляпил. Немцы атаковали не в своей излюбленной манере – сверху, – а снизу. Четвёрка «мессеров» зашла с бреющего полёта и с ходу зажгла одну из «чаек». Мартынов на своём штурмовике в самый последний момент смог увернуться.

«Мессеры» сразу полезли на высоту. Уже бросая истребитель на перехват, я заметил, как чуть в стороне набирает высоту четвёрка фрицев, а восточнее наверх лезет ещё одна пара. Итого получается десять фрицев против нас шестерых, а учитывая, что у остальных всё было расстреляно до железки, то против меня одного.

Я успел с большой дистанции свалить один «мессер», остальные резко развернулись и пошли в атаку, сокращая дистанцию. О других самолётах они, казалось, забыли.

– Саня, уводи остальных, я прикрою! – проорал я в эфир, уворачиваясь от атаки.

– Илья, отобьёмся! Да твою ж…

«Ил» Мартынова вильнул в сторону, когда прямо над фонарём кабины прошёл трассер. Странно. Немец вполне мог свалить штурмовик, но не сделал этого, а лишь, так сказать, обозначил намерения. Да и остальные тоже не стремились атаковать другие краснозвёздные машины, но плотно занялись мной. Всё страньше и страньше.

– Не отобьёмся! Уходите! «Семёрка»! Собирай всех, и прикрывайте «полста третий»![7]

На «ишачке» с бортовым номером 7 стоял лишь приёмник, это у нас с Мартыновым были полноценные приёмо-передающие радиостанции.

– Да как их соберёшь, когда они не слышат?! – в отчаянии прокричал Мартынов. На «чайках» вообще никаких радиостанций не было.

– Саня, мне по барабану! – прорычал я в ответ, всаживая очередь из пулемётов в брюхо подвернувшегося фрица. – Хоть причиндалами своими маши из кабины, но чтоб духу вашего здесь не было! Эти по мою душу здесь! Останетесь – и вас сожгут! Кто воевать дальше будет?! Всё, валите отсюда, мешаете! И не поминайте лихом, если что!

Похоже, меня всё же поняли. «Ил» Мартынова покачал крыльями и со снижением пошёл на восток. К нему тут же присоединился И-16. Оставшиеся три «чайки» крутнулись было в сторону свалки, в которую превратился бой, но опомнились и поплелись следом. Их никто не преследовал, а значит, моё предположение, что немцы устроили охоту на истребитель Як-1 с бортовым номером 13, подтвердилось. Ну, суки,

сейчас я вам покажу, что такое чемпион по высшему пилотажу со школой пилотирования, опередившей вашу на несколько десятилетий!

Нет, немцы отнюдь не цыплята беспомощные и воевать умеют. Их ошибкой было то, что они набросились на меня кучей. Атаковали бы парами, и я точно долго не продержался бы. Как говорил нам инструктор по рукопашному бою (занимался я в секции в лётном училище, факультативно, так сказать), чем больше против вас нападающих, тем хуже для них. У вас, в отличие от них, свобода перемещения и принятия решений, а они лишь мешают друг другу. Ну что же, есть где разгуляться. Тем более двух я уже вывел из боя. Один догорает на земле, а второй, жирно дымя, со снижением ушёл на запад.

Сложно сказать, сколько времени занял воздушный бой. Во всяком случае, мне показалось, что несколько часов. Немцы никак не ожидали от меня боя на вертикалях, на которых считали себя хозяевами. Пилотаж был буквально за пределами всех возможных ограничений. Я всем своим телом чувствовал, как трещат от перегрузок элементы конструкции «яка». Глаза застилала кровавая пелена.

Немцы, похоже, были хорошо осведомлены о том, как я их ссаживаю на дальних дистанциях, и старались не отдаляться, при этом активно мешая друг другу. Одного неосторожного, решившего выйти из боя и осмотреться, я сбил короткой пушечной очередью.

Стрелял я, стреляли по мне. Вот брызнула осколками приборная доска. Обожгло голову чуть выше виска, и по щеке потекло что-то липкое и тёплое. Прямо перед носом истребителя на миг промелькнул худой силуэт «мессера», но мне хватило этого мгновения, чтобы всадить в него очередь. Буквально затылком почувствовав холодок, я резко бросил машину в сторону. Трассеры прошли мимо, но по бронеспинке что-то довольно сильно ударило. Благодаря своему манёвру я оказался в хвосте у замешкавшегося фрица, чем сразу воспользовался. Горит, бубновый!

«Мессеры» вдруг как-то разом бросились врассыпную. Это они что, меня, что ли, испугались? А, нет. С востока приближались несколько «ишачков». Ну спасибо вам, братья! Без вас мне бы точно хана.

Вдогонку фрицам выпустил остатки боекомплекта и… попал. Попал!!! Один из «мессеров» кувыркнулся в воздухе и врезался в

землю. Ну, как говорится, земля тебе асфальтом, тварь!

Только сейчас почувствовал, как трясёт мой «як». Да и вид у машины, что называется, далёк от идеального. Плоскости все в дырах, двигатель работает с каким-то скрежетом и повизгиваниями, на месте приборной панели большая дыра. Не, ребята, я домой.

Самая большая загадка – это то, как я вообще долетел до аэродрома. На последних километрах двигатель начал работать рывками, а истребитель буквально бился в руках как взбесившийся мустанг. Садился я с ходу, не выпуская шасси: судя по состоянию плоскостей, далеко не факт, что они бы вышли. Уже перед самой землёй двигатель будто бы вздохнул с облегчением, что смог дотянуть до аэродрома, и окончательно встал. Не скажу, что родная земля встретила меня ласково. Удар был очень даже чувствительный.

Подняв облако пыли, «як» наконец-то остановился. Откинуть фонарь не получилось: похоже, заклинило. И это просто счастье, что самолёт не загорелся: фиг бы я смог из него выбраться. Подёргав ручку, я бросил это бесполезное занятие. Вон народ бежит, сейчас откроют.

Первым закономерно подбежал Кузьмич. Вот что интересно: у него же комплекция явно не легкоатлета, а несётся быстрее всех. Следом за старшиной бежали Саня Мартынов, а потом и остальная немаленькая толпа.

Совместными усилиями фонарь сорвали.

– Ранен?! – спросил Федянин.

Видимо, видок у меня был тот ещё, потому что во взгляде Кузьмича была неподдельная тревога.

– Не дождутся, – хрипло ответил я.

Блин, а в горле-то пересохло. Попробовал снять шлемофон и зашипел от резкой боли.

Тут же, у самолёта, подбежавшая врач вытащила мне из-под кожи на голове впившийся туда осколок стекла, обработала рану и наложила повязку. Теперь я как герой той песни про Щорса: «Голова обвязана, кровь на рукаве».

Федянин несколько раз обошёл вокруг разбитого «яка» и лишь горестно качал головой. Дождавшись окончания процедур, он подошёл ко мне.

– Сколько?

– Пять, если подтвердят. И один с дымом ушёл, сволочь.

Я глотнул тёплой воды из протянутой кем-то стеклянной фляжки.

– Илья, тут к тебе корреспондент приехал. На КП сейчас.

Я кивнул в ответ и обошёл вокруг самолёта. Да, похоже, отлетался «яшка». На мой вопросительный взгляд Кузьмич лишь отрицательно покачал головой. Вот я и безлошадный. Похлопав не раз выручавший меня истребитель по разбитому фюзеляжу, я пошёл в сторону КП.

Ожидавшего меня корреспондента я узнал сразу. Ещё бы мне его не узнать, если я учился в школе, пионерская дружина которой носила его имя, и его большой портрет висел прямо напротив входа. Аркадий Петрович Гайдар.

Из серии очерков «Есть такая профессия – Родину защищать!»

А. Гайдар. Газета «Комсомольская правда», июль 1941 года

Воздушные рабочие войны

Рядом со мной сидит совсем молодой парень и, щурясь и чуть заметно улыбаясь, смотрит в синее-синее бескрайнее небо. Его голова перебинтована и сквозь бинты немного проступило кровавое пятно. Он только что вернулся из тяжёлого боя, где и получил лёгкое ранение.

Ему всего двадцать два года, а он уже по праву может считаться самым результативным асом наших военно-воздушных сил. В последнем воздушном бою, где он прикрывал своих товарищей, разбомбивших вражескую переправу и колонну техники, он в одиночку уничтожил пять гитлеровских стервятников, что поганили своими крестами наше чистое небо. А несколькими днями ранее также в одиночку в одном бою вогнал в землю семь немецких самолётов. Всего на счету этого парня уже двадцать воздушных побед.

Общаться с ним очень легко. У него весёлый открытый характер. Но весёлый он только с друзьями. Врагам нашей Родины от общения с ним совсем не весело.

Это сержант Илья Копьёв, лётчик-истребитель N-го полка.

– Скажи, а страшно было выходить одному против такой своры? – спросил я его.

– Страшно, – признался он. – Но ещё страшнее было подвести своих товарищей. Страшно было упустить этих гадов. Ведь они продолжили бы нести смерть и разрушения нашей Родине. А вообще, смелый не тот, кто ничего не боится, смелый тот, кто преодолевает свой страх.

– Расскажи про свой подвиг.

– Подвиг? – усмехнулся он. – Какой же это подвиг? Это моя работа, которую я стараюсь выполнять максимально качественно. Вот есть сталевар, он рабочий мартеновского цеха. Есть колхозник, он рабочий сельского хозяйства. А мы, лётчики, воздушные рабочие войны. Профессия у нас такая.

– Это что же за профессия такая? – удивился я.

– Есть такая профессия, Аркадий, – мы с ним как-то сразу перешли на «ты», – Родину защищать!

Он хлопнул меня по плечу и чему-то улыбнулся. И в этот самый момент у него был взгляд не двадцатидвухлетнего парня, а человека, прожившего долгую жизнь и обладающего большим жизненным опытом.

Мы долго ещё беседовали с Ильёй, и вот что он сказал:

– Сейчас отдельные несознательные и слабые духом личности, увидев временные, вызванные внезапностью нападения успехи на фронте Германии и её союзников, начинают впадать в панику. Хочу обратиться к ним. Успокойтесь, Германия уже проиграла. Она проиграла двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года. Этот день можно назвать днём начала конца Третьего рейха. Немцы совершили огромную ошибку – пожалуй, самую большую за всю свою историю, – напав на Советский Союз. Ещё никому не удалось победить Россию. И так будет впредь и навеки.

Мы, русские, не начинаем войн. Мы их заканчиваем. И заканчиваем мы их в поверженных столицах государств, напавших на нас. И я свято верю в то, что пройдёт не так много времени, и в поверженном Берлине, на закопченной стене их Рейхстага, над которым будет реять наше красное

знамя, я смогу написать: «Развалинами Рейхстага удовлетворён!» А рядом уже будет другая надпись: «Дошли!» – и ниже подпись: «Рядовой пехоты Ваня». И мне не будет завидно оттого, что он меня опередил. Потому что мы с ним братья. Братья по оружию.

А значит, работайте, братья! Приближайте тот самый час нашей общей Победы и верьте: ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Из воспоминаний гвардии полковника в отставке С. Г. Тимохина

Центральный архив МО СССР, 1978 год

Когда мы окончательно поверили в то, что победим? Да мы в это верили с первых же минут войны. И верили до самого последнего дня. Но, пожалуй, больше всего укрепил нашу веру один увиденный нами воздушный бой, произошедший буквально над нами в первые дни войны.

К тому времени мы постоянно отступали, стараясь хоть ненадолго задержать немцев на различных рубежах. В тот день заняли мы оборону возле небольшого хутора. Выкопали стрелковые ячейки, разместили пару уцелевших сорокапяток на флангах. Мы тогда не знали, что чуть в стороне от нас немцы навели переправу и по ней перешли на наш берег. По сути, мы уже были в окружении.

И вот где-то в обед над нами пролетели несколько краснозвёздных самолётов и принялись атаковать кого-то за небольшим леском. А надо сказать, что нашу авиацию мы в первые дни войны почти и не видели, зато немецкая висела над нами постоянно. Что там наши бомбили, нам видно не было. Видели лишь, как вспыхнул один из наших самолётов, а за ним следом – ещё один. Кулаки сжимались от бессилия и ярости, когда мы видели, как гибнут наши соколы. Но, несмотря на потери, что-то там всё же разбомбили, потому что в той стороне в небо поднялись несколько столбов чёрного дыма.

Откуда появились немцы, мы и не поняли. Как из-под земли выскочили словно черти аж десять немецких

истребителей и тут же сбили ещё один самолёт с красными звёздами на крыльях. Остальные наши развернулись и полетели на восток.

То, что произошло потом, иначе как чудом не назовёшь. Один из краснозвёздных истребителей остался и закружил с немцами в небе. Вот один из самолётов вспыхнул свечкой и понёсся к земле. Мы подумали, что всё, нашего сбили (с земли сразу и не разберёшь, где чей самолёт), но бой в небе продолжался. Вот ещё один вывалился из карусели и, сильно дымя, полетел на запад.

А потом самолёты с крестами начали падать на землю один за другим. Нам всё хорошо было видно, потому что воздушный бой шёл почти что над нами.

Один из немецких самолётов упал прямо перед нашими позициями, воткнувшись носом в землю. Пять сбитых врагов насчитали мы. И это притом, что наш был один. А если бы их было хотя бы двое, то из фрицев вообще никто не ушёл бы.

Помощь к нашему соколу подошла, когда немчура уже смазала пятки салом и драпанула. Да только наш лётчик просто так их не отпустил, свалил ещё одного вдогонку.

Наш лейтенант тут же бросился к телефону, благо связь тогда ещё была, и доложил об увиденном.

Вот тогда-то мы и поняли, что немцев бить можно и нужно, даже если у них численное преимущество…

Уехали мы с Гайдаром вместе, рано утром, переночевав в полку. Пришёл приказ сдать оставшуюся материальную часть соседям, а остатки полка выводились на переформирование. Меня же вызывали в штаб дивизии – полагаю, для того чтобы потом отправить в Москву на награждение.

Вот уж никогда бы не подумал, что стану Героем Советского Союза. Последних пять сбитых мне всё же засчитали. Правда, с передовой сообщили о шести сбитых, но падения одного из «мессеров» никто не видел, так что он в зачёт не пошёл.

Удивило то, насколько быстро прошли по инстанциям бумаги на награждение. Видимо, на фоне военных неудач срочно понадобились

герои, и меня решили сделать одним из них. Придётся, как говорится, соответствовать.

Гайдар вёз материал в газету. Мы долго с ним беседовали. Пришлось довольно сильно напрячься и, как говорится, фильтровать свои слова. Но вроде справился. Во всяком случае, судя по выражению лица Аркадия, говорил правильно, так сказать, в духе времени.

Он успел перед визитом к нам в полк раздобыть фотографии моего первого воздушного боя, и даже то самое фото, напечатанное в дивизионной газете, на котором я на своём «яке» гоню перед собой толпу немецких пикировщиков.

С Гайдаром мы как-то сразу нашли общий язык и с первых же минут перешли на общение по именам. Я когда-то читал, что он был чуть ли не психом-маньяком. Ну не знаю, мне он показался вполне вменяемым человеком. Теперь главное – не дать ему погибнуть 26 октября 1941 года.

До штаба дивизии добрались ближе к обеду. Несколько раз пришлось съезжать с дороги в лес, укрываясь от пролетающих над нами немецких самолётов. По дорогам шло много гражданских, бегущих от войны, и асы люфтваффе с удовольствием охотились на мирных людей, безнаказанно расстреливая колонны беженцев. Наших самолётов в небе либо не было видно, либо они прилетали уже поздно, и немцы благополучно ретировались к себе.

В штабе до меня, казалось, никому не было никакого дела. Командира дивизии срочно вызвали в штаб фронта, а начальник штаба с красными от недосыпа глазами лишь махнул рукой и распорядился выписать мне документы для поездки в Москву, в штаб ВВС РККА. Ещё пару часов заняла бумажная волокита, и вот я наконец-то выбрался из суеты штабных коридоров на свежий воздух.

Гайдар сразу по приезде ушёл в политотдел, находящийся в боковом пристрое к штабу, и завис там. Ну а я расположился в курилке напротив входа в политотдел, благо там никого не было. Захотелось посидеть на свежем воздухе. Когда Аркадий закончит свои дела и выйдет, непременно сразу меня увидит.

Солнце пригревало, и я не заметил, как задремал.

– Сержант! Это что ещё такое?! Ну-ка встать!

Я так сразу и не понял, что обращаются ко мне. Спросонья забыл, что я уже не подполковник запаса, а простой сержант. Да и отвык я как-то от подобного обращения.

Открыв глаза, увидел стоящего передо мной лейтенантика с красным от натуги лицом. По всему было видно, что это штабной. Вот поставьте рядом двух абсолютно одинаково одетых офицеров, и человек, много лет прослуживший в армии, безошибочно скажет вам, кто из них штабной, а кто – строевой. Есть в штабных что-то этакое, неуловимое взгляду, что отличает их от других. Этот же представитель штабной братии был одет в безукоризненно выглаженную форму, сияющие на солнце сапоги и перетянут новенькой портупеей.

Кряхтя, как старый дед, я нехотя встал с лавочки, на которой нечаянно задремал. А вообще странно, что он наехал на меня в курилке. Есть неписаное правило, что в курилке, как на водопое в дикой природе, хищники (старшие по званию) не трогают слабых (тех, у кого звание ниже). Или пока такого правила нет?

– Извините, товарищ лейтенант, задремал нечаянно.

Я изобразил, насколько мог, виноватое выражение лица. Как говорится, подчинённый пред ликом начальника должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не вводить начальство во смущение.

– Где ваш головной убор, сержант?! – продолжал орать красномордый, – На гауптвахту захотели за нарушение формы одежды?!

Я смотрел на него как на идиота. Какая, на хрен, форма одежды, когда война идёт, и идёт пока явно не так, как нам хотелось бы. Может, он контуженый? Да вроде непохож. Он, судя по его лощёному виду, и под бомбёжкой-то ни разу не был.

– Пилотка на повязку не налезает, товарищ лейтенант.

Пилотка и правда всё время норовила свалиться с бинтов на голове, и я заткнул её за ремень.

– Какая повязка?! – истерично заорал лейтенант. – Да ты симулянт! Замотал голову тряпкой и думаешь уклониться от своего священного долга бойца Красной армии! Под трибунал пойдёшь!

Всё, надоел, красавчик. Быстро осмотревшись по сторонам, делаю шаг к красномордому и резко втягиваю его за портупею в курилку. Он и среагировать не успел, когда я нанёс ему молниеносный удар в

солнечное сплетение. Усадив выпучившего глаза и пытающегося поймать хоть каплю воздуха широко открытым ртом лейтенанта на скамью, я склонился к его уху.

– Слышь, ты, щегол пестрожопый. У меня сбитых больше, чем у тебя зубов во рту. – (Обратил внимание, что у лейтёхи нет переднего зуба.) – Я с первого дня воюю и сбиваю немцев, в отличие от тебя. А ты научись общаться с людьми, иначе когда-нибудь нарвёшься не на такого доброго, как я. А сейчас посиди и подумай.

Я уже увидел выходящего из двери Гайдара, оглядывающегося по сторонам, очевидно, в поисках меня.

– О, Илья! – Аркадий быстрым шагом направился в мою сторону. – Ты документы все получил? – И после моего утвердительного кивка продолжил: – Тогда поехали быстрее. Сейчас машина на станцию пойдёт, и я договорился, чтобы и нас захватили по пути. А что здесь происходит? – заметил он наконец лейтенанта, сидящего в неестественной позе.

Я рассказал ему о случившемся и предложил уехать побыстрее.

– Ты, Илья, иди-ка вон к той полуторке, – кивнул он в сторону грузовичка, который сейчас чем-то загружали, и сел рядом с лейтенантом. – Я сейчас подойду. Ты иди, нам тут поговорить надо.

Подходя к полуторке, я обернулся. В курилке Гайдар что-то говорил более-менее пришедшему в себя штабному, а тот только согласно кивал головой, пару раз бросив в мою сторону удивлённые взгляды.

Уже когда разместились в кузове на тюках, Аркадий повернулся ко мне.

– Илья, вот ты вообще нормальный? Ты знаешь, что за такие дела трибунал бывает? Ты на хрена этого мудака ударил? И это ещё кое-кто меня называет психом. Да я ангел рядом с тобой. Хорошо ещё лейтенант оказался с мозгами и, когда узнал о твоих делах, согласился замять дело. Ты сам-то головой думай иногда, а то повстречаешь какого-нибудь принципиального и поедешь туда, где дед Макар телят не пас.

Я сидел, опустив голову. Правильно всё говорит Аркадий. Надо быть осторожнее. Как говорится, тут вам не там. Заверил Аркадия, что всё понял и осознал, и дальше мы ехали молча, глядя по сторонам.

На станции творился если и не бардак, то что-то близкое к этому. Огромная толпа гражданских, желающих уехать подальше от войны, буквально затопила прилегающую к вокзалу площадь. На перрон никого не пускали стоящие в оцеплении милиционеры. Сейчас там шла погрузка в санитарный поезд раненых из местного госпиталя.

Кое-как мы смогли пробиться к начальнику станции.

– Часа через три подадим эшелон, и я вас на него пристрою, – сказал он, перед тем внимательно изучив наши документы. – Как там, тяжко? – кивнул он головой в сторону.

– Тяжко, но выдюжим, – ответил я, глядя на этого уставшего пожилого мужчину в форме железнодорожника. Похоже, он не спал уже несколько дней, принимая и отправляя составы.

С трудом найдя свободный пятачок в здании вокзала, разместились и перекусили тем, что положили в дорогу повара в полку. В штабе дивизии, из которого пришлось поспешно уехать, ни позавтракать, ни пообедать не получилось, и желудок уже настойчиво требовал пищи.

Пока я нарезал хлеб, полкруга умопомрачительно пахнущей колбасы и открывал банку консервов, Аркадий успел раздобыть чайник с кипятком. У него в командирской сумке нашлось немного заварки в бумажном кульке и комковой сахар в холщовом мешочке. После того как утолили голод, окружающая действительность перестала быть чрезмерно мрачной. Жизнь, как говорится, налаживается.

– Бежите, значица, – даже не спросил, а ехидно констатировал сидящий рядом тщедушный старичок с седой куцей бородёнкой, в видавшем виды пиджаке.

– По служебной надобности, отец, – опередил я пытавшегося ответить что-то резкое Гайдара.

– Так оно ж получается, что надобность-то ваша там, где вороги, а вы в другую сторону навострились. – Дедок, прищурившись, смотрел на нас. – Что же вы, ироды, нас не обороняете? Землю нашу на поругание бросаете?

– Это временно, отец. Уж больно силён немец, да и напал внезапно, прикрывшись договором о мире. Ты же, поди, и сам знаешь их подлую натуру. А немца мы разобьём. Сколько их приходило к нам с войной? И немцы, и поляки, и французы. И всех их били. Так что

даже не сомневайся. Вот соберёмся с силой и вломим им. Так уж у нас на Руси заведено, что мы долго раскачиваемся, да больно бьём.

Глава 3
Москва

Нашу поездку в поезде комфортной не назвал бы даже обладатель самой богатой фантазии. Поезд плёлся с черепашьей скоростью, подолгу ожидая на станциях, когда пройдут встречные эшелоны, идущие к фронту, или обгонят санитарные составы, везущие в госпитали раненых. Но всё же, как говорится, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Зато было время подумать в относительно спокойной обстановке. Я всё чаще и чаще задумывался, что, может, попробовать всё же пойти по пути бесчисленной армии попаданцев, которых, если судить по прочитанным мной книгам, тут, в сорок первом году, ну просто завались. Буквально плюнуть не в кого, чтобы не попасть в попаданца. И все они в едином порыве дают советы Сталину, поют песни Высоцкого, прилаживают куда только можно командирскую башенку и внедряют промежуточный патрон и прочий ядрён батон.

Проблема только в том, что советчиков у Сталина и без попаданцев хватает, и, судя по результату, советчиков не самых плохих. Высоцкого тоже перепеть не получится. Что у меня-Силаева, что у меня-Копьёва с музыкальным слухом были, мягко говоря, не самые дружеские отношения. Да и, если честно, хоть я и слушал иногда под настроение песни Высоцкого, но вот так, чтобы помнить, этого не было. Башенку с патроном и соответствующим батоном изобретут и приладят куда следует и без меня.

В этом вопросе меня всегда поражала наивность авторов. Ребята, чтобы что-либо изобрести и внедрить в производство, надо решить массу сопутствующих проблем, попутно изобретая и внедряя что-то ещё, не менее нужное. Заодно неплохо было бы с нуля создать несколько новых отраслей промышленности. А так, чтобы трах-бах – и на коленке сляпать МБР[8] и шарахнуть ею по Берлину, не получится. Тут найдётся работёнка для рук и мозгов и металлургам, и радиотехникам, и машиностроителям, и просто строителям (а где и в каких условиях вы собираетесь выпускать такую

высокотехнологичную вундервафлю?), и учителям, и врачам и много кому ещё.

Так что буду руководствоваться одной из заповедей врачей – не навреди, – и пусть будет, что должно.

Сколько бы ни длилась поездка, но она рано или поздно заканчивается. Вот и мы с Гайдаром наконец-то в Первопрестольной.

О Москве начала войны в моё время говорилось достаточно много. И писали, и в фильмах показывали. Правда, в основном это касалось периода, когда немцы вплотную подошли к городу и началась паника. Тем интереснее мне было посмотреть на Москву образца августа 1941 года.

Город уже бомбили, и местами были видны следы разрушений. Заложенные мешками с песком витрины магазинов, перекрашенные здания с нарисованными фальшивыми фасадами. Даже на асфальте площадей были нарисованы крыши домов, чтобы сбить с толку немецких лётчиков. На Москва-реке на якорях стояли плоты с размещёнными на них макетами домов. Целая улица получилась.

А я смотрел на лица москвичей. В них не было паники и обречённости. Сводки Совинформбюро ежедневно сообщали об очередных оставленных городах, но люди верили. Жили и верили в Победу. Уже началась эвакуация из города женщин и детей, но народа на улицах было достаточно. Люди шли на работу, в магазины и даже в кинотеатры, в которых помимо художественных показывали оборонообучающие фильмы и боевые киносборники. У многих через плечо висели сумки с противогазами.

А через три с половиной месяца по этим улицам пройдут войска, идущие с парада на Красной площади прямо на передовую. И этот парад, ставший легендарным, вселит в сердца и души всех советских людей полную уверенность в том, что выдюжим, выстоим, преодолеем и победим.

Пока добирались до штаба ВВС РККА, нас несколько раз останавливал патруль для проверки документов. У входа в штаб мы расстались. Аркадий сразу направился в редакцию, но оставил мне номер своего домашнего телефона (кучеряво живёт, по нынешним меркам) и настоятельно просил позвонить сразу, как только выпадет такая возможность. Ну а после награждения приглашал к себе в гости.

В штабе, когда я предъявил свои документы, просто не поняли, что со мной делать. Дежурный несколько раз куда-то звонил по телефону, потом вообще отправил посыльного, и вот спустя почти полтора часа за мной пришёл лощёный лейтенант и жестом велел идти за ним. Было видно, что он ну очень хочет высказаться по поводу моего внешнего вида, но сдерживается. Видимо, списывает всё на фронтовую вольницу.

Остановившись перед массивной дверью, он кивком показал мне на неё.

– Вам туда, сержант. – И, убедившись, что я его понял, повернулся и ушёл.

За дверью оказалась приёмная командующего ВВС РККА генерал-лейтенанта авиации Павла Фёдоровича Жигарева[9].

В отличие от своих подчинённых, во всяком случае, некоторых, он принял меня хорошо, невзирая на мой несколько помятый внешний вид.

– Так вот ты какой, герой. – Он вышел из-за стола и вплотную подошёл ко мне. – Ну, проходи, присаживайся. Сильно зацепило? – кивнул командующий на мою повязку на голове.

– Не очень, товарищ генерал-лейтенант, царапина. Надо бы снять, да присохла. Боюсь, кровить начнёт. Хотел в санчасть обратиться, чтобы сняли, да не знаю, где она тут есть.

– Ну, с этим мы тебе поможем. От меня сразу в наш госпиталь отправим, чтоб осмотрели как полагается. А сейчас давай рассказывай, как воюется, как сумел столько немцев посбивать.

– Да как-то так само получилось, товарищ командующий, – пожал я плечами. – Взлетел, сбил и обратно вернулся.

– Ну ты и сказанул, – рассмеялся Жигарев. – У всех бы так запросто получалось. Мне тут доложили, что ты очень метко стреляешь с большой дистанции. Это как? Мы ведь учим, что нужно сблизиться с противником для точного огня.

– Это, наверное, потому, что я нигде, кроме аэроклуба, не учился и не знал об этом, – улыбнулся я. – Но я исправлюсь, товарищ командующий.

– Я те исправлюсь, – шутя погрозил мне кулаком Жигарев. – Исправится он. Ты мне вот что скажи, сержант: как дальше немца бить будем?

– Думал я об этом. Есть мысли на этот счёт.

– Ну-ка, ну-ка, давай излагай, – явно заинтересовался главком ВВС.

Я вкратце изложил идею о создании эскадрильи для выполнения задач по завоеванию господства в воздухе на отдельных участках фронта. Своего рода воздушный спецназ. Ну не хочу я воевать как все, как принято.

Жигарев откинулся на стуле и, задумчиво глядя на меня, пробарабанил пальцами по столу.

– Совсем недавно такую же идею высказал товарищу Сталину Супрун[10]. Ему было поручено сформировать из лётчиков-испытателей истребительный полк особого назначения. К сожалению, сам Супрун погиб, но его полк воюет, и достаточно успешно. Так что идея вполне жизнеспособна. А почему именно эскадрилья, а не полк?

– Эскадрилья более манёвренна. У эскадрильи не будет постоянного места дислокации. Прилетели в нужный район, расположились на базе уже имеющихся авиаподразделений, устроили террор противнику и улетели. Задачей будет свободная охота. А ещё я предлагаю придать самолётам эскадрильи особую окраску. Например, выкрасить в красный цвет оконечности крыльев. Это деморализует немцев и позволит в случае необходимости дезинформировать их.

– Это как? – удивился Жигарев.

– Тут всё просто, товарищ генерал-лейтенант. Для начала приучим немцев к тому, что там, где появляется эскадрилья, в скором времени начинается наступление. А потом, если того потребует ситуация, возвращаем своим самолётам стандартную окраску и улетаем, а на месте оставляем перекрашенную в наши цвета местную эскадрилью – демонстрировать наше присутствие. Пусть немцы ждут удара там, где не планируется. Конечно, это можно будет провернуть раза три-четыре, пока не раскусят, но оно того стоит.

– Знаешь, сержант, разговариваю с тобой, а такое ощущение, что говорю как минимум с полковником. Дельные мысли у тебя. Изложи-ка ты их мне в форме докладной записки. Будем думать, что дальше делать. Во всяком случае, сформировать одну эскадрилью в любом случае сможем.

Мне предоставили отдельную комнату, и я засел за бумажную работу. Итак, за основу возьмём эскадрилью трёхзвеньевого состава. В

каждом звене две пары. Итого имеем двенадцать машин плюс самолёт командира эскадрильи и его ведомого – всего четырнадцать истребителей. Естественно, самолёты хотелось бы не серийные, а улучшенные. На каждую машину один техник и один оружейник. При этом оба должны быть, что называется, взаимозаменяемые. Итого обслуживающего персонала двадцать восемь человек. И необходим минимум один транспортный самолёт для перевозки технической службы и расходников.

Приведя всё, что называется, в удобоваримый вид, отдал докладную адъютанту командующего и с сопровождающим отправился в госпиталь ВВС. Повязку мне отмочили и аккуратно сняли. Страшного ничего не было, поэтому уже почти зажившую рану обработали и отпустили с миром. Хоть нормально головной убор надену, а то надоело уже сверкать бинтами.

После госпиталя вернулись в штаб, где в строевом отделе зачитали приказ о присвоении мне звания младшего лейтенанта и награждении меня орденом Красной Звезды за мой последний бой и медалью «За боевые заслуги» за сбитый самолёт-разведчик. Причём за «раму» представление к медали написал командир стрелковой дивизии, которую эта самая «рама» долго терроризировала. А я читал, что наградные очень долго ходили по инстанциям. Или, может быть, это просто мне так повезло?

Ну а затем мне выдали новое обмундирование, уже командирское, разместили в гостинице, выдали талоны в ресторан, пропуск по городу и велели ждать. Награждение планировалось через пять дней, так что было время отдохнуть и подумать, как жить дальше. Единственно, что попросили, в случае если куда отлучусь, по телефону ставить об этом в известность дежурного по штабу.

В гостиничном номере я первым делом залез в ванну и больше часа отмокал. Вот в чём счастье, но поймёт это лишь тот, кто был долго лишён такой радости, как возможность нормально помыться. В ресторан я спускался уже гладко выбритым, пахнущим щедро вылитым на себя одеколоном, в новенькой, ещё толком не обмятой форме с орденом и медалью слева на груди.

Бросив взгляд в большое, в два роста зеркало, невольно залюбовался. Всё же многое во мне осталось от Копьёва. Мальчишество какое-то. Вот стал бы я-Силаев буквально с щенячьим

восторгом воспринимать то, что в петлицах у меня сияет по одному кубарю младшего лейтенанта? Нет, наградам я был рад, тем более что их честно заслужил, но повышение меня-подполковника до младлея воспринимал с иронией. А вот для Копьёва это было очень серьёзным шагом в карьере. Ну а, судя по отражению в зеркале, я, что называется, «красавчег».

Вообще, у Силаева и Копьёва оказалось на удивление много общего. Даже родились мы с ним в один день – 24 марта. Всё детство и юность Копьёва прошли в Саратове, в детском доме. Своих родителей он не помнил, но по рассказам воспитателей знал, что они умерли в двадцатом во время эпидемии испанки[11]. Соседство с Республикой Немцев Поволжья привело к тому, что он с самых ранних лет свободно говорил как на русском, так и на немецком языках. В школе учил английский, впрочем, без особого успеха.

Мои, Силаева, детство и юность также прошли в Саратове, но на четыре десятилетия позднее. Родители погибли во время сплава по одной из рек на Урале, когда мне было три с половиной года, и я остался жить с бабушкой и дедом со стороны мамы. С отцовой стороны никого у меня не было. Дед, лётчик, погиб в сорок первом, а бабушка умерла ещё до моего рождения. Вторая бабуля у меня была филологом и поэтому взялась за воспитание из внука всесторонне развитой личности. К десяти годам я вполне сносно говорил, кроме русского, ещё и на немецком, английском и французском языках.

Мой выбор, когда я заявил о желании поступить в лётное училище, бабушка с дедом восприняли спокойно, лишь пожелав мне подойти к учёбе со всей ответственностью и старанием. Кстати, знание трёх иностранных языков в военном училище не принесло мне особой радости: в дни, когда мои сокурсники постигали тонкости произношения и зубрили слова и тексты, я шёл в наряд. А учитывая, что иностранный язык был дважды в неделю, в наряды первые два года я ходил очень часто.

Местный общепит неожиданно приятно удивил. Несмотря на войну, кормили в ресторане гостиницы очень даже неплохо. Вот только кофе подкачал: судя по вкусу, цикория в нём было как бы не больше, чем самого кофе. При этом коньяк, которого я взял сто пятьдесят граммов, был просто божественным. Я вообще из всех алкогольных напитков всегда предпочитал именно коньяк. Конечно, за него

пришлось заплатить отдельно, но оно того стоило, благо денежное довольствие мне выдали уже как командиру.

В оставшиеся до награждения дни меня дважды вызывали в штаб ВВС и ещё пару раз я сам выбирался в город. Просто ходил по военной Москве и смотрел – в основном на людей. Открытые чистые лица, в которых хоть и была заметна тревога, но не было обречённости. Военных патрулей тоже было предостаточно. Документы у меня проверяли раз десять точно.

Визиты в штаб ВВС дали понять, что моё предложение, похоже, нашло отклик. Во всяком случае, как я понял, уже решался вопрос с оснащением эскадрильи техникой и подбором лётного и технического состава. Попросил, если есть такая возможность, перевести в эскадрилью старшину Федянина. Также пока было непонятно, кто станет командиром.

А ещё меня взяли в оборот ребята из политуправления РККА. Всё же, как я понял, из меня делали героя и пример для подражания. Поэтому, наверное, и наградные так быстро утвердили. В принципе, дело нужное, особенно в такой не самый простой период.

Пришлось даже выступить на радио. Сама студия не впечатлила. В той своей жизни я частенько смотрел по интернету прямой эфир из студий радиостанций. Естественно, сравнивать то, что я увидел здесь, с виденным ранее было бы некорректно.

Накануне в политуправлении мне предложили помочь написать речь для выступления, но я отказался. Уж найду что сказать слушателям.

Меня усадили на стул за столом, на котором был установлен здоровенный, архаичного вида микрофон. Рядом, напротив точно такого же микрофона, сидела серьёзная девушка-ведущая.

– Здравствуйте, товарищ Копьёв, – поздоровалась она, вставая и протягивая мне свою ладошку.

Затем она объяснила мне, как будет проходить эфир, а это реально был прямой эфир. Она представит меня, я скажу небольшую речь, и на этом всё. М-да, в моём времени устроили бы целое ток-шоу, а здесь этого пока не умеют. А вот к лучшему это или нет, неизвестно.

На стене напротив загорелась зелёная лампочка. Эфир пошёл.

– Здравствуйте, товарищи радиослушатели! – бодрым голосом начала ведущая. – Сегодня у нас в студии у микрофона лётчик-

истребитель N-го полка младший лейтенант Копьёв, который с начала боевых действий сбил двадцать самолётов противника. За умелые и решительные действия товарищ Копьёв представлен к званию Героя Советского Союза. Дадим слово нашему гостю.

– Здравствуйте, товарищи! – Я чуть подался вперёд к микрофону. – Жестокая и кровавая война пришла в наш с вами дом. Коварный враг, нарушив все взятые на себя международные обязательства, пришёл на нашу землю, чтобы разрушить всё то, что было построено руками народа, сбросившего с себя оковы рабства, чтобы сделать рабами тех, кто покрепче, и уничтожить тех, кто слаб. Но враг просчитался. Это им не Европа, это Россия! Здесь парадным маршем не пройдёшь! Здесь сама земля горит под ногами захватчиков! Много их приходило на нашу землю, и все они ощутили крепость русской стали в своём брюхе.

Двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года станет датой начала конца нацистской Германии. И через пятьдесят лет немцы будут вздрагивать в страхе от звука русской речи. Сегодня линия фронта проходит не только там, где трещат пулемёты и рвутся снаряды. Сегодня фронт проходит через каждый станок, через каждую ученическую и студенческую парту, через каждую соху в поле. От работы каждого зависит, насколько быстро придёт час нашей окончательной Победы! А значит, всё для фронта! Всё для Победы!

Сверху мне хорошо видны чёрные щупальца вражеских колонн, что топчут нашу землю. Во многих местах эти щупальца уже горят, источая смрадный дым, но остальные продолжают тянуться вперёд, чтобы задушить нас. И знаете, о чём я думаю, когда вижу их? Я думаю лишь о том, где мы их всех хоронить будем. Их Гитлер пообещал каждому своему псу русскую землю и железный крест. Ну что же, я думаю, надо помочь Гитлеру выполнить своё обещание. Каждой фашистской сволочи выделим клочок земли метр на два и два в глубину. Железных крестов не обещаем, но берёзовые гарантируем. А для гитлеровских стервятников даже не надо крестов на могилы, сойдут и на крыльях кресты.

В заключение своего выступления я хочу сказать всем бойцам на передовой и труженикам в тылу: ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Награждение в Кремле прошло достаточно торжественно. Сталин выступил с речью, а потом Михаил Калинин, «всесоюзный староста», дедушка с айболитовской бородкой, вручил мне золотую медаль Героя Советского Союза и орден Ленина. Кроме меня различные ордена получили ещё четырнадцать человек. А после церемонии откуда-то появился Жигарев и повёл меня по кремлёвским коридорам.

Часто в книгах про попаданцев, которые я иной раз почитывал от нечего делать, рассказывалось о том, как попаданцы благоговели от визита к Сталину и прям каждой клеточкой чувствовали ауру власти в его кабинете. Может, я какой-то неправильный попаданец, но ничего подобного я не почувствовал. Колыхнулось где-то в глубине души что-то похожее на ликование, но, видимо, это была реакция копьёвской части сознания.

Сталин выглядел устало. Было видно, что ситуация на фронтах оптимизма ему не добавляла.

– Товарищ Жигарев ознакомил меня с вашей, товарищ Копьёв, инициативой по формированию эскадрильи специального назначения, – без всяких прелюдий, не вставая из-за стола, с лёгким грузинским акцентом начал Сталин. – Аналогичное предложение товарища Супруна уже было принято, и сформированный им из опытных лётчиков полк успешно воюет. Вы тоже предлагаете формировать эскадрилью из лётчиков-испытателей?

– Нет, товарищ Сталин. Я предлагаю формировать из строевых лётчиков тех полков, остатки которых выведены на переформирование, – уверенным голосом ответил я.

– Объясните.

Было видно, что слово «остатки» сильно задело вождя.

– Они выжили в мясорубке первых, самых тяжёлых дней и уже имеют реальный боевой опыт.

– А если отозвать с фронта опытных пилотов из воюющих частей?

Сталин чуть прищурился, глядя на мою реакцию.

– Я считаю, что это несвоевременно, – глядя ему в глаза, ответил я, – Опытные лётчики пусть передают свой опыт другим. Они нужнее на своих местах.

Видимо, мой ответ понравился хозяину кабинета. Сталин задумчиво повертел карандаш в пальцах и прямо спросил:

– Вы, товарищ Копьёв, сможете сформировать и подготовить к боям такую эскадрилью?

– Да, товарищ Сталин, смогу.

– Ну что же, – Сталин встал из-за стола, подошёл к нам с Жигаревым и протянул мне руку, – действуйте, товарищ капитан.

Я пожал протянутую мне крепкую ладонь.

– Извините, товарищ Сталин, но я младший лейтенант.

– Есть мнение, – чуть заметно усмехнулся Сталин, – что товарищ Сталин хорошо разбирается в воинских званиях Красной армии. Сроку вам пять дней на всё. Этого времени должно хватить, ведь не дивизию формируете. По истечении пяти дней вы должны вылететь на фронт.

– Спасибо, товарищ Сталин, – я всё ещё держал его ладонь, – но не меньше двух недель.

– Что?! – Сталин от неожиданности даже забыл, что всё ещё пожимает мне руку. – Вы, товарищ Копьёв, знаете, какое положение на фронтах?! – чуть повысил он голос и сильнее стиснул мне руку.

– Именно поэтому я прошу на подготовку две недели, а не полтора-два месяца, – тоже чуть усилил нажим я. – Одна эскадрилья *пока* погоды не сделает, а лётчикам надо слетаться друг с другом и освоить новые тактические приёмы. Нам и так в эти две недели спать придётся не более четырёх-пяти часов в сутки. А вот после мы таких дел наворотим, что асы Геринга будут просыпаться ночами в холодном поту и с мокрыми подштанниками.

Мы с минуту мерились со Сталиным взглядами, всё ещё сжимая ладони друг другу. Жигарев стоял рядом ни жив ни мёртв. Он вообще не ожидал, что я себя так поведу с Верховным главнокомандующим.

– Наглец, – произнёс Сталин, отпуская мою руку. Я тоже ослабил хватку. – Наверное, потому и герой, что наглец. – Он прошёлся по кабинету. – Хорошо, пусть будут две недели, начиная с сегодняшнего дня. Надеюсь, теперь вы, товарищ Жигарев, уложитесь в срок? – обратился он к главкому ВВС.

– Уложимся, товарищ Сталин, – вытянулся перед вождём Жигарев.

– Есть ещё кое-что, товарищ Сталин.

Я всё же решился выдать кое-какую информацию из будущего.

– Что ещё? – чуть раздражённо спросил Сталин.

– Когда я после курсов авиатехников ехал к месту службы, то в поезде моим соседом был один старик. В руках он всё время держал какую-то большую и толстую книгу, аккуратно завёрнутую в материю. Я попросил посмотреть её, и он разрешил. Это был ещё дореволюционный атлас. На его развороте была карта Российской империи, а на ней нанесено несколько значков. Я спросил, что это за значки, и старик рассказал мне, что ещё задолго до Империалистической[12] он был участником нескольких геологических экспедиций, а значки обозначают места нахождения месторождений алмазов.

– Алмазов? – удивился Сталин. – Мне докладывали, что на территории СССР нет и не может быть таких месторождений.

– Возможно, в неразберихе Гражданской войны сведения об экспедициях были утеряны, но тот старик рассказывал вполне уверенно. Одно из мест нахождения алмазов находится близ Архангельска, так что проверить будет не так и сложно.

– Вы, товарищ Копьёв, можете вспомнить, где именно были отмечены эти самые месторождения?

– Не с точностью до метра, но смогу, товарищ Сталин. У меня хорошая память.

Сталин отдал распоряжение, и вскоре на столе лежала карта СССР. Карандашом я отметил примерное местонахождение алмазов в Архангельской области и будущий город Мирный[13]. Заодно пояснил, что про Архангельск помню достаточно точно, а вот координаты алмазов в Якутии – только приблизительно.

– Это не проблема. – Сталин задумчиво смотрел на карту, дымя своей легендарной трубкой. – Если там действительно есть алмазы, то отыщем. А этого вашего попутчика вы больше не встречали?

– Нет, товарищ Сталин. Разговор был вечером, а наутро, когда я проснулся, его уже не было. Вероятно, сошёл где-то с поезда.

Меня всегда забавляло в книгах о попаданцах то, с какой уверенностью и точностью они показывали на карте, где есть нефть, золото, алмазы, уран и прочее. Да попросите сотню человек, окончивших школу лет десять назад, показать это всё на карте и, пожалуй, только пара человек что-либо вспомнят. Мне же в своё время довелось недолго послужить под Архангельском, и у нас в полку

прапорщик из БАО[14], из местных, матерился, говоря, что мы ходим буквально по алмазам, а элементарных вещей купить не можем. От него я и узнал про архангельские алмазы. Ну а про Мирный знал и так.

После этого меня отправили в приёмную ожидать своего главкома.

Уже в машине Жигарев снял фуражку и, достав платок, вытер пот со лба и шеи.

– Ну ты, капитан, и наглец, – покачал он головой. – Так с товарищем Сталиным ещё никто не разговаривал. Он так и сказал, что ты самый нахальный молодой капитан ВВС. Но ты ему понравился, так что цени. Приказано оказать тебе всю возможную помощь. Однако помни, что теперь ты на виду и в случае чего падать будет ой как больно.

А я лишь усмехнулся про себя. Очень скоро, буквально в октябре месяце, когда немцы будут рваться к Москве, генерал армии Апанасенко[15], командующий Дальневосточным фронтом, будет матом орать на Сталина в ответ на приказ отправить под Москву противотанковую артиллерию. И при этом Сталин не только не отдаст приказа расстрелять дерзкого генерала, но и оставит того в прежней должности и всегда будет ценить.

Моё выступление по радио очень понравилось начальнику Главного политического управления РККА армейскому комиссару 1-го ранга[16] Льву Мехлису[17].

Едва я успел зайти в штаб ВВС, как мне передали, что звонили из Главпура и просили подойти к ним. Получив разрешение от Жигарева, я направился туда. Появился хороший шанс решить один вопрос.

Дело в том, что Гайдар уже несколько раз жаловался, что его не отпускают на фронт в действующую армию. Вот я и решил попросить направить его в формирующуюся отдельную эскадрилью на должность комиссара. Он ведь всё равно не усидит дома и под любым предлогом сбежит на фронт, где и сложит голову, как это было в моём прошлом. А так у него есть реальный шанс уцелеть. Глядишь, и вправит мозги внуку[18].

В Главпуре меня хотел видеть сам Мехлис. Он долго расспрашивал меня о моей, то есть Копьёва, жизни до войны, об учёбе в аэроклубе и жизни в детдоме. Под конец я всё же смог высказать свою просьбу.

– Гайдара? – удивился Мехлис. – Он же неоднократно лечился в психиатрических клиниках[19]. Его даже из партии исключали в двадцать втором году. Зачем он вам? Как писатель и корреспондент он проявил себя, конечно, очень хорошо, но не думаю, что как комиссар он будет на своём месте. Мы подберём вам надёжного, проверенного товарища.

– Видите ли, товарищ армейский комиссар первого ранга, товарищ Сталин поручил мне сформировать не совсем обычную эскадрилью. И комиссар у нас тоже должен быть не обычный. Я бы даже сказал, с некоторой…

Я замялся, подбирая слова.

– С придурью, – усмехнулся Мехлис. – Ну что же, я вас понял, товарищ Копьёв. Будет вам Гайдар, если, конечно, он сам согласится. Но это уже ваше дело – его уговорить.

Было видно, что Мехлис потерял всякий интерес к разговору.

Решив все вопросы и попрощавшись, я из приёмной Мехлиса позвонил Гайдару домой и сказал, что скоро приеду для важного разговора.

Едва услышав моё предложение, Гайдар издал нечто похожее на вопль индейцев, отправляющихся за скальпами бледнолицых, и едва не пустился в пляс. Пока он носился из комнаты в комнату, собирая какие-то бумаги и вещи, я подошёл к его супруге Доре Матвеевне, которая стояла в дверях кухни и утирала платком слёзы.

– Вы же знаете, какой он шебутной, – обратился я к ней. – Всё равно сбежит на фронт и попадёт в какуюнибудь переделку. А у нас в авиации и дело будет ему по душе, и шансов уцелеть значительно больше, чем в пехоте.

– Он уже собирался добровольцем уйти на фронт, – кивнула она в сторону бегающего из комнаты в комнату мужа. – Это даже хорошо, что он будет с вами, Илья. Он о вас очень хорошо отзывался.

Глава 4
Эскадрилья

В Раменское, где предстояло сформировать и подготовить эскадрилью, приехали уже кое-каким личным составом. Утром на следующий день после награждения и разговора с Мехлисом мне представили восемь лётчиков, которых направили в эскадрилью. Естественно, ни о каком отборе речи не было. Как говорится, бери что дают. Хотя все имели боевой опыт, а кое-кто даже был сбит и прыгал с парашютом из горящего истребителя.

Старший лейтенант Шилов Андрей Никанорович. Летал на И-15, И-16, перед самой войной освоил Як-1, ЛаГГ-3. В последнем бою был сбит и вынужден был прыгать с парашютом. Личный счёт – три сбитых: два Ме-109 и один Ю-87. Награждён медалью «За боевые заслуги».

Старший лейтенант Гуладзе Зураб Ревазович. Летал на И-16, МиГ-3. Личный счёт – три сбитых: один Ме-109, один Ю-87 и один «Хенкель-111». Награждён медалью «За боевые заслуги».

Лейтенант Мищенко Сергей Тарасович. Летал на И-16, И-153, освоил Як-1. Два сбитых, оба Ме-109.

Лейтенант Смолин Фёдор Михайлович. Летал на И-15, И-16, освоил Як-1. Был подбит зенитным огнём. Сажал истребитель на брюхо.

Лейтенант Гоч Николай Николаевич. До войны работал инструктором по лётной работе в Осоавиахиме[20]. Летал на И-15, И-153, И-16, освоил Як-1. Личный счёт – два сбитых «мессера».

Младший лейтенант Филонов Яков Александрович. Летал на И-16, Як-1. На счету один сбитый Ю-88.

Младший лейтенант Суворов Виктор Андреевич. Летал на И-16, ЛаГГ-3. Личный счёт – три сбитых: Ю-87, Ю-88 и Ме-109.

Младший лейтенант Шишов Иван Сидорович. Летал на И-16, Як-1. В бою был сбит, выбросился с парашютом. Один сбитый Ю-87.

Народ подобрался боевой. Надеюсь, и оставшиеся пятеро, которые должны прибыть завтра-послезавтра, уже на аэродром, будут

не хуже. Увы, но Гайдар к нам пока присоединиться не мог: его отправили на какие-то краткосрочные курсы. Ещё с нами приехал назначенный начальником особого отдела младший лейтенант госбезопасности Данилин Олег Сергеевич. Всё никак не могу привыкнуть к тому, что хоть он и младший лейтенант по званию, но в петлицах у него по три кубаря, как у старлея. Путаюсь периодически.

Да, есть у нас даже свой особый отдел. Мы, как-никак, не абы кто, а 13-я отдельная истребительная эскадрилья. Как сказал Жигарев: «Наслышан я о том, как немцы вопили по радио, что в воздухе тринадцатый. Пусть теперь вопят, что в воздухе тринадцатые».

Стало понятно и то, почему суетиться в штабе ВВС начали ещё до того, как Сталин дал добро на формирование эскадрильи. В том, что так и будет, тот же Жигарев не сомневался. А побегав по кабинетам, оформляя различные документы, я узнал, что, когда Супрун формировал свой полк, все сроки были сорваны, и это вызвало недовольство Сталина. Вот Жигарев и подстраховался, заранее, так сказать, подстелив себе соломки.

Так что приехали мы не на пустое место, а к уже имеющимся техническим службам и пригнанным с завода самолётам. А уж с самолётами Жигарев, можно сказать, уважил. Во-первых, все они были, что называется, бригадирской сборки, то есть собраны с соблюдением всех требований и с особым качеством. Во-вторых, все они были полностью радиофицированы. Сразу стало понятно, что эскадрилья является любимым детищем главкома. Теперь главное – это не подвести его.

Едва я вышел из автобуса, очень сильно напоминающего тот, что видел в фильме «Место встречи изменить нельзя», как на меня буквально налетел не кто иной, как старшина Федянин. Блин, вот сил у человека немерено. Чуть не раздавил меня в своих медвежьих объятиях. Я уже не раз замечал, что в этом времени люди более искренни в своих чувствах.

Старшина вдруг вспомнил, в каком я теперь звании, и несколько смущённо, стесняясь проявленных чувств, отстранился.

– Виноват, товарищ капитан.

– Ты это брось, Кузьмич. – Я сам был смущён таким проявлением эмоций. – Мы с тобой с первого дня вместе, так что…

Дальше я просто не нашёл слов.

За всем этим наблюдали высыпавшие из автобуса лётчики и особист.

– Через тридцать минут общее построение личного состава, – объявил я. – Сейчас всем оправиться, перекурить.

До построения я успел обойти выстроенные в ряд четырнадцать наших истребителей. Красавцы! И окраска соответствующая. Крылья примерно на метр от оконечности сверху и снизу выкрашены в ярко-красный цвет.

– Илья, – неслышно подошёл сзади Кузьмич, – я тут это… Я машину для тебя выбрал. И номер уже нанёс. Твой, тринадцатый. Вот он, – кивнул старшина на стоящий с краю «як».

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что этот истребитель мой. Я молча обошёл его по кругу, заглянул в кабину.

– Спасибо, Кузьмич, уважил, – широко улыбнулся я. – Надеюсь, ты его за собой закрепил?

– Неужели я его кому-то другому доверю? Так я за краской? Звёздочки рисовать.

Я стоял перед коротким двухшереножным строем, и мне было откровенно не по себе. На меня смотрели три с половиной десятка пар глаз. Кто-то смотрел в обалдении, а кто-то и с фанатичным блеском в глазах. Один Кузьмич был доволен, как кот, объевшийся сметаной, и посматривал на остальных с таким видом, словно хотел сказать: мол, вот смотрите, какой у нас командир. Не птенец неоперившийся, а орёл, уже вкусивший вражьей крови.

А всё дело в том, что я наконец-то снял кожаную куртку, которую буквально зубами вырвал у вещевиков и в которой ходил всё время. Естественно, что под курткой мои награды видно не было. Зато забавно было наблюдать, как награждённые медалями лётчики посматривали с видимым превосходством, в том числе и на меня, и всеми силами старались, чтобы их сияющие на солнце медали были видны всем. Да, в это время народ ещё не избалован наградами, и получить медаль, а тем более орден, неимоверно почётно.

Что уж говорить о Звезде Героя. А тут у молодого командира вдруг обнаруживается такой иконостас на груди.

Пожалуй, никаких эмоций на лице не было лишь у нашего особиста, что стоял чуть сзади и сбоку от меня. Не удивлюсь, если он уже наизусть выучил личные дела всего личного состава эскадрильи.

– Здравствуйте, товарищи! – поприветствовал я строй, вскинув ладонь к козырьку фуражки, и после ответного «здравжелаемтарщкапитан» продолжил: – Поздравляю вас с формированием тринадцатой отдельной истребительной эскадрильи! Кто-то, верящий в приметы, может сказать, что это несчастливое число, и я с ним соглашусь. Это число действительно несчастливое, но лишь для наших врагов. И пусть каждая встреча с нами будет для них последним, что они увидят в своей жизни. А чтобы так всё и было, нам предстоит ближайшие две недели активно учиться. Спать будем мало, а работать – много. Ну да на фронте потом отдохнём.

На этом лирику закончим и перейдём к некоторым назначениям. Первое: моим заместителем и начальником штаба эскадрильи назначается старший лейтенант Шилов. Второе: старшим над технической службой назначается старшина Федянин. И третьим будет приказ об установлении в эскадрилье сухого закона на время подготовки. Любой, замеченный в употреблении спиртных напитков, будет с соответствующей записью в личном деле отправлен в распоряжение кадров ВВС и, скорее всего, до самого конца войны будет возить почту в глубоком тылу.

Последнее распоряжение вызвало чуть слышимый горестный вздох.

Затем я распустил строй и занялся распределением лётчиков по самолётам. И опять вышел казус. Я пришёл на стоянку самолётов чуть позже всех и застал уже знакомую мне по полку картину. Весь личный состав столпился возле моего «яка» и с восхищением рассматривал его. Блин, ну вот когда только успел Кузьмич намалевать звёздочки на фюзеляж? Хотя выглядело очень даже солидно.

– Ну, чего столпились? – прикрикнул я, впрочем, беззлобно. – Заняться нечем, так я найду. А вы чего зенки вылупили? – это уже к лётчикам. – Скоро и у вас не меньше будет. Даже ещё больше, потому что меньше пятидесяти сбитых каждым из вас я просто не пойму.

Заодно закрепил старшего лейтенанта Гуладзе и младшего лейтенанта Суворова, не имеющих опыта полётов на Як-1, за опытными лётчиками. Наставником Гуладзе стал Шилов, а Суворова под своё крыло взял лейтенант Гоч. Задача была поставлена следующая: чтобы сегодня же к вечеру оба наших «птенца» могли выполнять рулёжку по полю. Завтра будем, как говорится, ставить их

на крыло. Должны справиться, тем более что «як» – довольно простой истребитель.

Гуладзе буркнул было что-то насчёт того, что за такой короткий срок машину не освоить, на что я ответил:

– Запомните, товарищ старший лейтенант, советский лётчик может летать на всём, что летает, и в отдельных случаях даже на том, что летать в принципе не может. Так что задача вам поставлена, сроки определены. За работу, товарищи.

А сам я направился к местному командованию – знакомиться и договариваться насчёт питания личного состава, топлива и боеприпасов. Как рассказал Федянин, они всё время, что находятся здесь, питаются лишь сухпайками. Хорошо хоть палатки выделили на всех.

А вообще, мне здесь не нравилось. Как мне перед отъездом сообщили в штабе ВВС, сейчас здесь, в Раменском, формируются целых три полка, и наша эскадрилья оказалась попросту никому не нужна, хотя и был уже отдан грозный приказ оказывать нам всяческое содействие. Да и об интенсивных полётах здесь говорить не приходится. В небе постоянно кружатся самолёты формируемых полков, и втиснуться в их полётный график не представляется возможным. Зато буквально в семи километрах имелся неиспользуемый небольшой аэродром Осоавиахима. Для полка он был мал, а вот для нас – самое то.

Договорился о подвозе горячего питания (топать до столовой было далековато, потому что нас загнали в самый дальний угол, чтобы под ногами не мешались), топлива и боеприпасов. Заодно созвонился со штабом ВВС и утряс вопрос с перебазированием на новую площадку. Блин, целые сутки потеряем впустую. Хорошо ещё, что оставшиеся пять лётчиков, которые прибудут завтра, имеют опыт полётов на «яках». Иначе мы просто не успеем подготовиться.

Ну а пока отправил старшину Федянина с половиной механиков и оружейников на честно отжатых двух полуторках на новое место базирования подготовить всё к нашему завтрашнему прилёту, а остальных посадил изучать материальную часть.

К вечеру Гуладзе и Суворов вполне уверенно делали небольшие подлёты на выделенном нам клочке поля. Надеюсь, завтра они дров не наломают.

Подъём был ранний – в три тридцать. Быстро перекусили булочкой с маслом, запили кружкой какао и в четыре двадцать, стоило краешку солнца показаться над горизонтом, пошли на взлёт. Порядок вылета я довёл до всех ещё вчера вечером, так что каждый знал своё место.

Перелетели на новое место без происшествий, да и лететь тут пара минут, дольше на посадку заходили. Волновался, конечно, за только вчера севших в незнакомую машину пилотов, но, как оказалось, зря. Сели нормально.

На аэродроме нас уже ждал топливозаправщик, а чуть в стороне дымила полевая кухня, возле которой суетились несколько человек в белых фартуках. Видимо, волшебный пендель из штаба придал ускорение местному начальству в оказании нам содействия. Ну, теперь живём. Сразу отправил своего зама, старшего лейтенанта Шилова, обратно, ждать приезда оставшегося пополнения. Заодно и полуторку отправил за технарями.

Стоило лишь самолёту Шилова скрыться за леском, как с неба послышался стрёкот, и на поле сел У-2. Похоже, доставили сюрприз, о котором я вчера договорился с Жигаревым. И точно. На землю выгрузили два здоровенных деревянных ящика и четыре охотничьих ружья. Пришлось долго объяснять командующему, для чего мне понадобились ружья и фарфоровые тарелки.

Кстати, стендовая стрельба в это время вполне себе известна и даже является олимпийским видом спорта. Жигареву и самому стало интересно, что выйдет из моей затеи, и он пообещал раздобыть и специальные тарелочки из смеси битумного песка и цемента, и даже машину для их запуска. Вроде были в СССР энтузиасты, занимающиеся этим видом спорта. А пока в качестве замены у кого-то подчистили запасы посуды.

– Ну что, товарищи краснвоенлёты, постреляем по посуде?

Я откровенно потешался, глядя на слегка обалдевшие лица лётчиков. Они ожидали чего угодно, но точно не набор тарелок.

– Разбившему девять из десяти тарелок будет суперприз.

Я жестом фокусника вытащил из одного из ящиков бутылку коньяка. Это вызвало заметное оживление и довольные ухмылки. Это они ещё не знали, что стрелять придётся по летающим тарелочкам.

Выбрав из техников здоровенного парня, больше похожего на тяжелоатлета, объяснил ему, как нужно бросать тарелки. Отошли в сторону, где быстро соорудили из толстых досок щит, из-за которого наша живая машина для запуска будет метать тарелки. Когда всё было готово, встал в стойку метрах в двадцати от щита, зарядил оба ствола ружья патронами с дробью и громко крикнул:

– Дай! Дай!

Две тарелочки вылетели из-за щита одна за другой по разным траекториям. Два выстрела, слившиеся в один, и тарелки брызнули мелкими осколками. Быстро перезаряжаюсь, и снова звучит команда. Пять серий по две тарелки – и счёт в десять разбитых целей. Решил выпендриться и достал тэтэшник. Из восьми разбил пять, что совсем неплохо для короткоствола. Кстати, тарелки в это время делают просто бетонные. Во всяком случае, те, что упали на землю, не разбились. То ли земля мягкая, то ли трава смягчает падение, то ли действительно тарелки очень прочные.

К тому времени, как расколошматили первый ящик с посудой, больше всего очков набрал… наш особист – семь из десяти. Всё же сотрудников в ведомстве Лаврентия Павловича готовят очень хорошо. Зато нашего дискобола ушатали так, словно он в одиночку вагон угля разгрузил. Пришлось освободить его от всех работ и дать отдохнуть. Что-то подсказывает мне, что стрельба по тарелочкам станет любимым занятием в эскадрилье. Заодно и тренировка меткости стрельбы по движущимся мишеням.

Перед самым обедом над аэродромом пронеслись шесть «яков» – прибыло пополнение. Теперь будем учиться.

Пополнение, к чему я уже начинаю привыкать, от души поглазело на фюзеляж моего истребителя и, выстроившись в шеренгу, по очереди представилось, разглядывая мои награды.

Старший лейтенант Юсупов Семён Филиппович. Летал на И-15, И-153, И-16, Як-1. Два сбитых: Ю-88 и «Хенкель-111».

Лейтенант Кравченко Пётр Константинович. Летал на И-16, Як-1. Два сбитых Ме-109.

Младший лейтенант Сударь Антон Сергеевич. Летал на И-16, Як-1. Три сбитых: Ме-109, Ю-87 и ФВ-189.

Младший лейтенант Горбань Александр Иванович. Летал на И-153, Як-1. Один сбитый Ме-109.

Младший лейтенант Мигель Санчес. Испанец. Из числа детей испанских коммунистов, вывезенных в СССР на учёбу в 1936 году. Окончил лётную школу. Летал на И-16, Як-1. На счету один сбитый Ю-88.

А после обеда начались наконец-то полёты. Надо было посмотреть в воздухе, кто чего стоит. Вылетал со всеми по очереди. Задача была удержаться у меня на хвосте.

М-да… Пока выполнял виражи на горизонтали, дело шло в целом неплохо, никто не потерялся. Но стоило уйти на вертикаль, как ведомые отрывались. Лучше всего вертикаль держали Смолин, Гоч, Юсупов и Санчес, но и они не успевали за мной. Попробовал подсказывать по радио, и пошло получше, хотя и не так, как хотелось бы. Гуладзе и Суворов, что удивило, вполне уверенно держались на горизонталях, хотя с ними я особо и не виражил.

После полётов расположились рядом со стоянкой и начали разбирать ошибки.

– Забудьте, как страшный сон, все инструкции и наставления. На войне есть одно-единственное наставление – это бить врага и при этом самому уцелеть. Наша задача сделать так, чтобы асы люфтваффе умирали за свой рейх. А нам с вами ещё детишек после войны на экскурсиях по воздуху катать. – Последняя фраза вызвала улыбки на нахмуренных лицах. – Если кто ещё не понял, то разъясняю первый и последний раз: мы не просто истребительная эскадрилья, а эскадрилья специального назначения. Нашей задачей будет свободная охота, завоевание господства в воздухе на отдельном участке и выполнение специальных заданий командования.

Добро на формирование нашей эскадрильи дал сам товарищ Сталин, так что вы должны понимать, какая ответственность лежит на всех нас и какая честь нам оказана. Драться будем не просто много, а очень много. И нашу Победу мы должны встретить в том же составе, в котором сидим здесь сейчас. А значит, будем учиться, учиться и ещё раз учиться – жёстко и со всем пролетарским упорством. Времени осталось мало, а сделать предстоит очень и очень много.

И началась учёба. Разбил всех по парам и звеньям. Себе ведомым взял Санчеса. У парня обнаружилась уникальная способность замечать другие самолёты задолго до того, как их увидят остальные. Не зрение, а прям радар в голове. К тому же ещё и снайпер вроде меня. Этот

испанец с максимальной дистанции из бортового оружия разносил в щепки установленный на земле деревянный щит. Хотя в стрельбе по тарелочкам коньяк он так и не выиграл.

В редкие минуты отдыха это увлечение захватило всех. Тарелки быстро кончились, и пришлось технарям выстругать что-то похожее из дерева. Конечно, эффект был не тот, но это никого не смущало. Только патроны с дробью к охотничьим ружьям пришлось просить ещё трижды.

А в перерывах между полётами, пока самолёты обслуживали, я диктовал порядок выполнения фигур высшего пилотажа, одновременно демонстрируя саму фигуру при помощи деревянной модели самолёта. Затем все садились в свои машины и на земле с записями, лежащими на коленях, до автоматизма заучивали все движения. Кроме того, тренировались ещё и пешими по лётному с деревянными моделькими в руках, отрабатывая на земле то, что потом выполняли в небе.

Через пять дней я решил ещё более усложнить процесс обучения. Где-то в своё время читал, что при подготовке легендарной панцирной пехоты, штурмовых инженерно-сапёрных бригад[21], прообраза современного мне спецназа, использовали боевые патроны. Вот и я решил действовать так же.

Договорился в Раменском и перелетел с ведомым к ним. Когда я объяснял Санчесу свою задумку, то он смотрел на меня как на сумасшедшего.

– Командир, а вдруг…

Он не договорил.

– А вот для того, чтобы никакого «вдруг» не было, твоя задача, друг мой Мигель, состоит лишь в том, чтобы держаться у меня на хвосте, а всё остальное я сделаю сам. А то получится, что хотели как лучше, а получилось как всегда. – Я с улыбкой смотрел на лицо испанца. Он хоть и знал русский язык в совершенстве, на уровне родного, но идиома политика из будущего явно поставила его в тупик. – В общем, твоё дело – следить за задней полусферой, прикрывать меня и повторять за мной все манёвры. Сам не атакуй.

Получив по радио сигнал о том, что пара в составе старшего лейтенанта Юсупова и его ведомого, младшего лейтенанта Горбаня, взлетела для отработки пилотажа, мы тоже пошли на взлёт. Сохраняя

полное радиомолчание, на бреющем вдоль просеки мы незамеченными подкрались к своему аэродрому. Пара «яков» кружила выше нас, не замечая ничего вокруг себя.

Беспечных раздолбаев надо наказывать. Резко набираем высоту и заходим в хвост паре. Никакой реакции. И только когда очередь из трассирующих пуль прошлась впритирку к кабине ведущего, с земли и ведомый завопили об атаке. Даю точно такую же очередь над ведомым и, проследив взглядом, как они свалились в пике, выходя из-под атаки, вышел на связь.

– Юсупов, Горбань, на посадку. Вы оба сбиты. Готовьте большую клизму с патефонными иголками.

С ведомым прошлись над взлётной полосой и синхронно сделали победную бочку над стоянкой самолётов.

На земле устроил разнос.

– Вы, ёрш вашу медь, на войне или где?! – орал я на стоящих передо мной с опущенными головами Юсупова и Горбаня. – Какого, хотелось бы мне знать, не следите за обстановкой?! Расслабились?! Думаете, что вы в тылу и до фронта далеко?! Так я имею вам сообщить, что вы глубоко ошибаетесь! Фронт везде! От окопов на передовой и до самой крайней скалы на Камчатке!

– Мы не ожидали, что вы, товарищ капитан, начнёте боевыми по нам стрелять, – буркнул себе под нос Горбань.

– Ах, вы не ожидали! – картинно развёл я руками. – Надо было вас заранее в известность поставить? Немцев вы тоже будете просить ставить вас в известность об атаках?

И запомните: если бы я или кто-то другой стрелял по *вам*, то вы давно бы уже в бурьяне догорали.

Ладно, на первый раз никаких оргвыводов не будет, но всем настоятельно рекомендую хорошенько запомнить одно правило: на войне фронт везде. Так что всегда и везде крутите головами на триста шестьдесят градусов. И теперь все вылеты будут с боевыми стрельбами. Будем учиться драться пара на пару, звено на звено, пара на звено и так далее, вплоть до боя в одиночку против нескольких противников. Очередь вплотную над кабиной означает сбитие, так что смотрите, не промахнитесь. А теперь всем разойтись и продолжить выполнение учебного задания.

– А не слишком круто? – спросил наш особист, младший лейтенант госбезопасности Данилин. – Дров ведь наломают и постреляют друг друга, а отвечать тебе. По всей строгости.

– Отвечу, если надо будет. Дальше фронта не пошлют, больше вышки не дадут. Но, надеюсь, до этого не дойдёт, – как можно увереннее ответил я, хотя где-то глубоко в душе червячок сомнения слегка шевелился. – Ты пойми, Олег, мы их здесь не для балета и не для танцев на льду готовим. Мы здесь готовим настоящих воздушных убийц. И не морщись, – резко повернулся я лицом к особисту. – Нравится тебе формулировка или нет, но суть от этого не меняется.

Чуть больше чем через неделю им предстоит показать всё, на что они способны, а экзамен этот у них будут принимать асы Геринга. И задача наших орлов – вогнать в землю как можно больше этих самых хвалёных асов и при этом уцелеть самим. Сделать так, чтобы от одного упоминания о тринадцатой эскадрилье немчуру пробирало до мокрых подштанников, до поноса. Чтобы они боялись не то что взлетать, а просто нос свой наружу показывать из самой глубокой щели. И без жёстких вариантов подготовки здесь не обойтись.

Кстати, завтра я выезжаю в Москву. Надо договориться о замене двигателей на самолётах перед отправкой на фронт и узнать, как там насчёт транспортника, что нам обещали.

Так что ты тут за порядком проследи. И если тебе надо что привезти, то список составь.

За этот день прогнал все пары через то, что в шутку назвали огневым посвящением. Ох и покрутиться пришлось, чтобы по мне не влупили. Мастерство у парней росло прям не по дням, а по часам, что и неудивительно, если учесть, что полёты у нас практически не прекращались. Заправщик не успевал метаться между нашим расположением и Раменским. Оттуда даже начальник службы горючего приезжал с проверкой, куда мы расходуем такое количество топлива.

Несколько истребителей всё же обзавелись пробоинами в фюзеляже и плоскостях, но, к счастью, серьёзных повреждений не было и никто не пострадал, хотя у меня седых волос точно добавилось. Кстати, подкрасться незаметно больше не получалось. За обстановкой следили получше любого радара.

Для поездки в Москву выпросил в Раменском «эмку»[22] с водителем. Выехали рано, ещё затемно. Доехали без приключений, хотя несколько раз и останавливал патруль.

В штабе ВВС оставил заявку на новые двигатели, запчасти и боеприпасы. По поводу транспортного самолёта решил зайти к главкому Жигареву. Время-то идёт, и осталось его считаные дни, а транспортного борта у нас всё так и нет.

– Ну заходи, анархист. – Было видно, что настроение у главкома явно не фестивальное. – Давай рассказывай: что ты там учудил?

– Да вроде ничего, – пожал я плечами. – Подготовка идёт своим чередом. К указанному товарищем Сталиным сроку будем готовы.

– Ничего?! – повысил голос Жигарев. – А призыв забыть все инструкции и наставления как страшный сон, а стрельба боевыми по своим – это, капитан, по-твоему, ничего?! – уже натурально орал главком. – Мы собрали в эскадрилью опытных пилотов не для того, чтобы ты их здесь угробил!

– Так ведь не угробил же! – начал заводиться я. Интересно, кто уже успел настучать на меня? – У нас не институт благородных девиц, а эскадрилья специального назначения, и они не кисейные барышни, а боевые лётчики, которые должны стать лучшими из лучших. И они такими станут или сгорят в первых же боях. Вот для того, чтобы этого не произошло, мы и используем в учёбе боевые патроны. – Я не заметил, как сам начал повышать голос. – А наставления и инструкции хороши для мирного времени, а на войне есть лишь одно наставление – уничтожать врага, и желательно при этом самому остаться в живых.

– Ладно, остынь. – Жигарев уже почти успокоился. – А то аж раскраснелся весь, хоть прикуривай. Как хоть они?

– Нормально, товарищ генерал-лейтенант, толк будет.

– Нормально ему. – Жигарев прошёлся туда-сюда по кабинету. – Вот скажи мне: откуда у тебя такие идеи появляются? Ведь у тебя же нет никакого специального образования.

Сказал бы я, какое у меня образование, да не поверишь. Однако произнёс другое:

– Не знаю, товарищ генерал-лейтенант. Само как-то в голову приходит. Потом обдумываю это как следует, взвешиваю все за и против и уже после это озвучиваю.

– Уже то хорошо, что обдумываешь вначале, – усмехнулся Жигарев. – Через пару дней буду у вас. Посмотрю, что вы там накуролесили. Сегодня получи документы, и на Центральном[23] тебя ждёт транспортник. Да не какой-то там, а «дуглас»[24], почти новенький. Смотри, буквально от сердца отрываю. А теперь иди с глаз моих, капитан. Одна морока с тобой.

Уладив все бумажные дела в штабе, уже собрался на выход, когда в коридоре столкнулся с Гайдаром. Аркадий сиял как начищенный пятак на солнце. Новенькая форма ладно сидела на нём, на рукаве алела красная пятиконечная звезда с серпом и молотом, а в петлицах – по три кубика политрука.

Увидев меня, Гайдар на мгновение замер, а потом неожиданно для меня сделал несколько строевых шагов, приближаясь ко мне и, вскинув ладонь к козырьку фуражки, отрапортовал:

– Товарищ капитан, политрук Гайдар. Представляюсь по случаю назначения на должность комиссара в тринадцатую отдельную истребительную эскадрилью.

– Здравствуйте, товарищ политрук, – мне не оставалось ничего, кроме как откозырять в ответ, – рад, что будем служить вместе. – Я протянул Гайдару руку: – Здорово, Аркадий!

Если бы не Аркадий, то я даже не представляю, где бы закупал всю ту мелочовку, что мне заказали. В основном одеколон, бритвы, пуговицы и редкий в это время крем для обуви – для форса: это же вам не вакса. С Гайдаром мы быстро проехали в несколько мест, где всё это нашлось, правда, за довольно кусачую цену.

На аэродром приехали уже хорошо так после обеда. Найдя местное командование, предъявил им свои документы.

– Вон ваши сидят, – кивнул усталый майор в сторону курилки, в которой сидели двое в лётной форме. – Из штаба ВВС давно уже позвонили, и ждём только вас, капитан.

Подошли с Аркадием к курилке. Сидевшие там капитан лет сорока и совсем молодой лейтенант тут же встали. Я только махнул рукой, показывая, что без официоза, и сел на скамейку. Познакомились.

Командир воздушного судна капитан Ермолаев Семён Фёдорович. Призван из ГВФ[25]. До войны возил почту и пассажиров.

Второй пилот лейтенант Бугаев Леонид Львович. Перед самой войной летал вторым пилотом на транспортном ТБ-3. Две недели назад, после того как их «туберкулёз» разбомбили на прифронтовом аэродроме, получил назначение на «дуглас». С одной стороны, рад летать на таком самолёте, а с другой – рвётся на фронт. Завалил всех своими рапортами.

– Навоюешься ещё, лейтенант, – чуть заметно усмехнулся я. – Войны на всех хватит. Что скажете о машине, Семён Фёдорович?

– Самолёт до недавнего времени находился на авиазаводе в Казани. Летал мало, так что сам как новенький. Естественно, прошёл полную ревизию всех узлов. Неделю назад поступил приказ перегнать его сюда, на Центральный аэродром. Уже здесь сняли пассажирские кресла, убрали туалет с умывальником и установили скамейки вдоль бортов, после чего приказали быть готовым в любой момент вылететь и сидеть ждать. Вот сидим и ждём, – усмехнулся Ермолаев.

– Считайте, что дождались. Готовьте самолёт к вылету. Идём на Раменское. Эскадрилья находится на соседнем осоавиахимовском аэродроме, но места там будет для вас маловато, так что придётся вам какое-то время базироваться отдельно от нас. Пойду договорюсь о вылете и свяжусь с Раменским. Пусть встречают.

Вылетели минут через сорок. Вначале взяли курс на северо-восток, почти до Мытищ, потом повернули на девяносто градусов и шли до Балашихи и уже оттуда взяли курс на Раменское. DC-3, конечно, не «Боинг-747» и не «арбуз»[26], но лететь на нём, даже в качестве пассажира, всё же довольно, я бы даже сказал, комфортно. Это как проехаться на раритетной машине. На ней нет ни ГУРа, ни ЭУРа, ни роботизированной коробки, да и сиденья явно не анатомические с подогревом и кучей регулировок, но вы всё равно ощущаете восторг.

В Раменском сели без проблем. Пока договорились о временном базировании здесь нашего транспортника, поставили пилотов на довольствие, утрясли ещё несколько мелких вопросов, начало уже смеркаться. Выпросив полуторку, под бурчание зампотылу о том, что я ещё ту машину не вернул («эмка» ещё не успела вернуться из Москвы), поехали к себе.

О том, что что-то случилось, я понял сразу, лишь увидев лицо встречающего нас Кузьмича. Не успел я рта раскрыть, чтобы задать

вопрос, как из сгустившегося сумрака вышел наш особист.

– Товарищ капитан, у нас ЧП, – начал он без предисловий. – Трое лётчиков – младшие лейтенанты Горбань, Филонов и Суворов – через водителя топливозаправщика раздобыли самогон и напились до непотребного состояния. Они были взяты мной под арест. Предлагаю завтра же отправить рапорт об их проступке в штаб ВВС.

– Где они? – сквозь зубы выдавил я.

Вот ну не гады они? Я же им доверял, а они так меня подставили перед самой отправкой на фронт.

Святая троица вусмерть пьяных гавриков с блаженными улыбками мервецки спала прямо на земле в отдельно стоящем сарае. Было страстное желание отмудохать их как следует, да что толку-то. Один хрен, пока не протрезвеют, ничего не почувствуют и не поймут педагогической составляющей. Ладно, утро вечера мудренее. Но это залёт, а как поступать с залётчиками, я по своей прошлой службе прекрасно знал.

– Так, Кузьмич, – повернулся я к старшине. – Утром обеспечь три хорошие лопаты. А ты, Олег, свяжись со своим коллегой в Раменском, и отправляйте этого водилу, этого бутлегера[27] недоделанного, на фронт. Пусть там освежится, раз здесь, в тылу, ему острых ощущений мало.

Кого-то утро встречает прохладой, а весь личный состав оно встретило стоящим в строю напротив высокой дощатой стены ангара. У подножия этой самой стены три опухших с похмелья личности без ремней и сапог копали глубокую яму прямоугольной формы, больше всего напоминавшую могилу. И всё это в полном молчании.

Конечно, все оху… удивились, когда я приказал раздать залётчикам лопаты, а им – копать яму. И всё это под прицелом ППД в руках особиста. Кстати, и сам особист был в шоке.

Наконец я посчитал, что глубины ямы (а выкопали уже больше двух метров) вполне достаточно, и приказал лётчикам-залётчикам вылезать наверх и встать рядом с ямой.

– Вчера трое наших (можно было бы назвать их товарищами, но почему-то не хочется) раздобыли самогон и устроили пьянку. Тем самым они нарушили приказ, запрещающий употребление спиртных напитков, сорвали учебный процесс, подвели всех нас и подставили

водителя топливозаправщика, который и привёз по их заказу самогон и которому теперь вместо службы в тылу предстоит с винтовкой в руках на передовой останавливать немецкие танки.

Я обещал, что нарушители дисциплины будут отчислены из эскадрильи и отправлены в тыл возить почту. Однако, учитывая то, что эти три субъекта плевать хотели на своих товарищей, учитывая то, что они уже прошли достаточно хорошую лётную подготовку и изучили новые тактические приёмы воздушного боя, веры им нет. Поэтому, чтобы избежать попадания таких ценных источников информации в руки противника, я считаю, что их нужно расстрелять.

Я сделал паузу и посмотрел на стоящих в строю и на стоящих у выкопанной своими руками могилы. Прямо картина маслом. Всеобщее обалдение на лицах. У залётчиков, по-моему, остатки хмеля моментально выветрились из организма. Им и так изрядно попотеть пришлось, пока копали, а тут такое вот «здрасти».

Я подошёл к особисту и молча взял из его рук автомат. Классная, скажу я вам, машинка. Пострелял я из него здесь несколько раз. Хотя, конечно, правильнее называть его пистолетом-пулемётом, но все называют автоматом.

Передёрнув затвор, я дал очередь прямо впритирку над головами нарушителей сухого закона – так, чтобы ветерок от пролетающих пуль пошевелил шевелюру. Надо отдать должное расстреливаемым: ни один из них не рухнул от страха.

– Прицел неверный взял, – громко сказал я, поворачиваясь к строю и всё ещё держа в руках «дегтярь». – Так что будем с этим делать? Может, стоит поправку при стрельбе взять?

– Товарищ капитан! – громко произнёс старлей Шилов, по совместительству мой заместитель. – Я предлагаю отдать их нам на поруки.

– На поруки? – изобразил я удивление в голосе. – Так ведь им наплевать на вас, своих боевых товарищей, на меня как на командира. Я просто боюсь дальше перечислять, на кого и на что им ещё наплевать. Думаете, вы сможете их перевоспитать?

– Мы проведём с ними разъяснительно-воспитательную беседу, товарищ капитан, и приложим все силы, чтобы подобное больше не повторилось.

– Ну что же… – Я сделал вид, что задумался. На самом деле всё шло именно по моему сценарию, хотя кульминация ещё не наступила. – В первый и последний раз я вам поверю. Воспитывайте, вправляйте мозги, только без членовредительства.

Казалось, земля колыхнулась от всеобщего вздоха облегчения. Тут могли чего угодно ожидать от командирабеспредельщика, который во время обучения в учебном воздушном бою лупит по своим же боевыми патронами.

Я отдал автомат стоявшему с каменным лицом особисту и повернулся к залётчикам.

– Так как ваши товарищи упросили вас не расстреливать, а могила уже выкопана, то в ней следует кого-то похоронить, чтобы не было так, что зря копали. Поэтому вы трое будете хоронить пустую бутылку из-под самогона. Торжественно. Кроме того, вы лишаетесь права на употребление всего, что крепче чая, до тех пор, пока каждый из вас не завалит десяток гансов! К церемонии приступить!

Тут же амнистированным были вручены небольшие дощечки, гвозди и молоток (заранее Кузьмича попросил приготовить; он единственный знал, что я задумал, и полностью поддержал такой способ воспитания). Из всего этого они по-быстрому сколотили маленький гробик, в который торжественно уложили пустую бутылку. Затем гроб с бутылкой был на верёвках аккуратно опущен на дно могилы. Могилу закопали, насыпав сверху ровненький холмик, и трое собутыльников дали трёхкратный салют, вскидывая к небу черенки от лопат и громко крича «Тыдыщ-щ-ь!».

Чуть позже ко мне подошли особист и комиссар.

– Ну ты, командир, и ненормальный. – Данилин закурил папиросу. – Я же был уверен, что ты их действительно расстреляешь.

– А вообще, перед приведением приговора в исполнение следует говорить «именем Союза Советских Социалистических Республик», – задумчиво глядя куда-то в сторону, произнёс Гайдар.

– Тогда мне пришлось бы реально их расстрелять. – Я пристально посмотрел на своих собеседников. – Таким словами впустую не разбрасываются.

Глава 5
Боевое крещение

Далеко справа под крылом, простираясь до самого горизонта, в лёгкой утренней дымке просыпалась Москва. Ей ещё далеко было до того неимоверно разросшегося, пожравшего свои окраины и пригороды, переполненного людьми и автомобилями, круглосуточно снующими по улицам и проспектам, мегаполиса, каким она стала в конце двадцатого – начале двадцать первого века. Лучше ли она от этого стала? Не уверен. Поддавшись моде на всё иноземное, она утратила свою русскую самобытность, свою патриархальность. Кому-то весь этот хай-тек нравится, но мне он как-то не по душе.

Перевожу взгляд влево – на летящие уступом вверх самолёты эскадрильи. Эшелонирование по высоте – наше всё. Знаменитая «кубанская этажерка», придуманная позднее Покрышкиным, а сейчас нагло приватизированная одним попаданцем, здесь получила название «московская этажерка». Молодцы парни, освоили и строй держат ровно.

Чуть ниже впереди идёт наша «дуся», как любовно прозвали транспортный DC-3. На её экипаже, помимо доставки нашей технической части, ещё и штурманская проводка. Тринадцатая отдельная истребительная эскадрилья летит на фронт.

– Командир, справа ниже сзади на пять часов, – раздался в шлемофоне спокойный голос ведомого. Посмотрев в указанном направлении, заметил тройку МиГ-3, идущих нам на перехват. Московская ПВО не дремлет. Всё правильно. Хоть их и предупредили о нас, но надо удостовериться своими глазами. Тем более что на столицу уже было несколько довольно серьёзных авианалётов.

Быстро догнав нас, что было нетрудно, так как мы шли со скоростью триста двадцать километров в час, равняясь на транспортник, «миги» поравнялись. Фонари кабин открыты, и видно, как ведущий показывает большой палец. Машу рукой в ответ и пэвэошники отваливают к себе. Эти всё ещё летают по старинке – по трое. Ничего, война быстро научит, и перейдут на пары, как мы.

Жигарев прилетел к нам с проверкой, как и обещал. Самолёт «Сталь-2»[28], на котором он летел в качестве пассажира, был перехвачен находящимся в тот момент в воздухе звеном старшего лейтенанта Юсупова ещё на дальней дистанции и сопровождён до посадки на наш аэродром. Командующему понравились слаженные действия звена в воздухе. Ну а потом началась обычная для любой армии показуха, когда прибывает с проверкой высокое начальство. Показали воздушный бой, правда, без ставшей уже привычной стрельбы, высший парный пилотаж. В целом Жигарев остался доволен и улетел от нас в хорошем настроении.

На следующий день доставили новенькие двигатели для самолётов. Новенькие во всех отношениях. Улучшенная модификация двигателя М-105П под обозначением М-105ПА с усиленными картером и шатунами, беспоплавковым карбюратором, обеспечивающим перевернутый полет в течение пяти минут и ввод в пикирование с отрицательной перегрузкой. Самое то для нас. Увеличился не только срок службы двигателя, но и максимальная скорость у земли. Из Раменского в помощь нашим технарям перебросили своих механиков, и за сутки они поменяли движки на всех истребителях эскадрильи.

А вчера прилетевший на У-2 курьер вручил мне стопку карт и запечатанный пакет, в котором был приказ вылететь в составе эскадрильи на Западный фронт, на аэродром в Холм-Жирковский, где базировались части ВВС 30-й армии. Задачей была нейтрализация действий авиации противника и завоевание господства в воздухе. Вот так, ни много ни мало.

Хорошо хоть нас никому не подчинили, и мы оставались в непосредственном подчинении командующего ВВС РККА. На приказе была резолюция Жигарева – «действовать самостоятельно по своему усмотрению в соответствии с обстановкой». Это то, что называется «идти ва-банк». Главком решил рискнуть и поставить на нашу эскадрилью.

Ближе к линии фронта прибавили скорость и пошли змейкой, сохраняя прежнюю курсовую скорость. Заодно получились ножницы, когда звенья пересекались друг с другом курсом.

– Командир, над Холмом дым, и самолёты кружат. – Санчес, наш штатный ДРЛО[29], опять оказался на высоте. – Похоже, их бомбят.

– «Дуся», в круг. Второе звено прикрывает, – отдал я команду. – Первое и третье звено, пойдём посмотрим, кто там безобразничает. Вторая первой наверх.

Транспортник пошёл в пологий вираж. Выше и ниже его тут же пристроилось по паре истребителей прикрытия. От первого звена отделилась вторая пара и полезла на высоту, будут нас прикрывать от удара сверху. Похоже, сейчас у нас будет экзамен на профпригодность.

Над аэродромом Холм-Жирковский вполне вольготно безобразничал целый штаффель из десятка Ю-87 и восьми Ме-109. Нас заметили, и «мессеры» пошли нам на перехват. Их пара также полезла наверх, но было поздно: наверху их уже ждали.

– Князь, твои «лаптёжники». Шило, займёмся мелкими. Работаем! – коротко бросил я в ларингофон и довернул на встречный курс с немцами.

С позывными вышло довольно смешно. Я всё ждал, когда каждый сам себе выберет позывной, но время шло, а все помалкивали. Да и не принято это сейчас. Тогда я сам посидел в свободную минуту, почеркал в блокноте и на построении присвоил каждому второе имя.

Так, старший лейтенант Шилов, командир первого звена и ведущий первой пары, стал Шилом – по фамилии. Его ведомому даже не стал ничего придумывать, и он остался Сударем. Ведущий второй пары лейтенант Мищенко за свой непоседливый характер стал Вьюном, а его ведомый, младший лейтенант Филонов, стал Котом, потому что всегда всем доволен и постоянно щурится от удовольствия.

Командир второго звена старший лейтенант Гуладзе получил позывной Дункан, с ударением на «у». Пришлось рассказать, что в Шотландии есть легенда о храбрых воителях-горцах, и самым храбрым из них был Дункан Маклауд из клана Маклаудов. Зураб потом ходил весь такой гордый и довольный, что его сравнили с самым храбрым из храбрецов. Его ведомый, младший лейтенант Шишов, стал Потапычем. Тут я просто процитировал стихотворение про мишку косолапого, который ходит по лесу и шишки собирает. Но Мишкой называть неинтересно, потому как «Потапыч» звучит солиднее.

Лейтенант Кравченко, ведущий второй пары, получил позывной Фил за свою привычку засыпать при любом удобном случае, как тот сурок. Про День сурка тоже рассказал, типа где-то об этом читал как о

курьёзе. Ведомый Кравченко, младший лейтенант Суворов стал Корнетом, потому что до фельдмаршала ему ещё очень далеко.

В третьем звене командир, старший лейтенант Юсупов, стал Князем. Ну, тут всё просто: фамилия такая. Кстати, услышав такое моё обоснование, наш особист как-то весь напрягся. Теперь будет при случае искать дворянские корни у сына простого крестьянина. Ведомый Юсупова, младший лейтенант Горбань, естественно, получил позывной Горбатый. Все, как и сам, так сказать, виновник, восприняли это как производное от фамилии и очень удивлялись тому, как я при этом едва не ржал. Уж очень мне хотелось голосом с хрипотцой крикнуть: «А теперь Горбатый! Я сказал: Горбатый!»

Ведущий второй пары третьего звена лейтенант Гоч стал Учителем. Тут ему припомнилась работа инструктором в Осоавиахиме. А его ведомому, лейтенанту Смолину, достался позывной Пихта. Тут просто сработала аналогия: Смолин – смола – пихтовая смола – пихта. Мой ведомый, младший лейтенант Санчес, стал Кортесом, а меня все не сговариваясь окрестили Тринадцатым – по моему любимому числу.

– Кортес, твой правый. Работаем!

Сам издали бью ведущий «мессер». Из-под капота фрица вырывается пламя, и он резко уходит вниз. Санчес промазал.

– Не цельсь, стреляй по интуиции, – подсказываю ведомому.

Блин, что-то мне это напоминает. О, вспомнил. Когда-то в своей курсантской юности в увольнении пошли в видеосалон, которые были едва не в каждой подворотне, и там смотрели бешено популярные в то время «Звёздные войны». Ага, точно – «Люк, доверься Силе!». А потом бац – и Звезда Смерти в клочки.

С немцами разминулись на встречных курсах. Кручу головой, и увиденное мне нравится. Сверху, распуская хвосты жирного чёрного дыма, валятся два «мессера», ещё двоих срезали Шило и Сударь. Итого минус пять. Оставшиеся три «месса» поняли, что им тут явно не рады, и решили свалить от греха подальше, в своей излюбленной манере уйдя в пике, набирая скорость.

И тут Санчес удивляет меня. Короткая очередь – и один из фрицев, не выходя из пике, врезается в землю.

– С почином, Кортес, – поздравляю ведомого, расстреливая ещё один «мессер».

Третий заметался среди трассеров, которыми его буквально опутали Шило с Сударем. Видимо, бог войны сегодня решил смилостивиться над потомком тевтонов. Сделав какой-то немыслимый кульбит, немцу удалось уйти из-под обстрела и оторваться от преследователей. Видно было, как за ним потянулась белесая полоса. Форсаж врубил и (было такое ощущение) руками начал махать, чтобы скорости прибавить.

Звено старшего лейтенанта Юсупова в это время устроило форменное избиение пикировщиков. Из десятка «юнкерсов» в небе осталось пять, и они, сбившись в плотный строй, отчаянно огрызались из пулемётов стрелков. Однако близко к ним никто не лез. Вот один из «яков», по-моему, истребитель Пихты, метров с двухсот ударил из всех стволов по крайнему Ю-87.

Было такое ощущение, как будто стая волков кружит вокруг отары овец и время от времени задирает по одной овце с краю. Вот ещё один краснозвёздный истребитель с красными оконечностями крыльев «откусил» от группы очередной «юнкерс». И всё это с большой дистанции. Оставшиеся три «лаптёжника» бросились врассыпную, и двоим удалось уйти. Третий же разделил судьбу своих собратьев-неудачников.

Итогом нескольких минут боя стало уничтожение пятнадцати из восемнадцати самолётов противника. По-моему, даже мои орлы обалдели от такого результата. Понятно, что немцев застали, можно сказать, со спущенными штанами, но всё же. Ох, не подцепили бы сталинские соколы звёздную болезнь. Такими результатами за один бой не каждый полк может похвастаться.

В душе я ликовал. Дебют эскадрильи прошёл успешно. Уже есть о чём докладывать Жигареву.

Сели нормально. На удивление, немцы бомбили стоянки самолётов, но не тронули ВПП. Хотя, скорее всего, для себя пытались сохранить. Первыми на посадку пошла пара Вьюна и Кота. Заодно удостоверились в пригодности полосы и определились с местом стоянки. За ними пошёл транспортник, а следом попарно остальные. Я с Кортесом садился последним.

Зарулив к своим, выбрался из кабины и тут же попал в гомонящую и возбуждённую толпу лётчиков эскадрильи. Ну ещё бы. Все, кроме Кортеса, сбили по два самолёта противника и теперь,

перебивая друг друга, делились впечатлениями от боя. Один Дункан в огорчении ругался сразу на двух языках, русском и грузинском, и сетовал на горькую судьбу в лице командира, не давшего ему поучаствовать в такой славной драке.

– Отставить восторги! – прерываю всеобщее веселье. – Становись!

Лётчики с сияющими лицами выстроились в образцово-показательный строй. Даже тот же Гуладзе искренне радовался за своих боевых товарищей. Стоящий рядом со мной перед строем Гайдар тоже сиял улыбкой, словно это он заваливал «мессеры» и «юнкерсы».

– Хреново, товарищи краснвоенлёты! – начал я после небольшой паузы. – Очень хреново! Целых трое фрицев благополучно ушли. Хоть и с грязными штанами, но ушли. Шило и Сударь, объясните мне, за каким, я извиняюсь за мой французский, гхм… Ну ладно… Так за каким вы вдвоём долбили по этому несчастному «мессеру» и ни хрена не попали? Вы же мешали друг другу, сбивая прицел. Князь, на твоей совести два «лаптёжника». Так что клизма всем с патефонными иголками.

На будущее: ни один из врагов не должен уйти из зоны нашей ответственности, за исключением случаев, когда это надо нам для распространения паники среди противника. Район, где действует тринадцатая эскадрилья, должен стать для немцев чёрной дырой, в которой бесследно исчезают их самолёты.

Сейчас все дружно садятся и пишут отчёт о бое со схемами. И не надо мне здесь делать лица, – пресёк я недовольное бурчание. – Социалистическая экономика есть в первую очередь учёт. Так что все за работу, а я к местным.

Идти никуда не пришлось. Не успел я отойти от наших самолётов, вокруг которых уже копошились механики и оружейники, как навстречу подъехала видавшая виды полуторка.

Из кабины выскочил лейтенант.

– Эй, боец, кто у вас старший? Его срочно вызывают к командиру.

М-да, давненько ко мне не обращались «эй, боец». Впрочем, ничего удивительного. Мы летали в комбинезонах поверх формы, и я попросту забыл его снять. Похоже, придётся. Что-то как-то неласково нас здесь встречают: во, вызывают, а должны, по идее, приглашать.

Мы здесь никому не подчиняемся. Так что надо расставить все точки над «ё», но желательно без конфликта.

– Сейчас будет старший, – отвечаю лейтёхе и разворачиваюсь к своему истребителю.

Через пару минут, одетый по всей форме, со всеми наградами на груди я предстал перед опешившим лейтенантом. До этого он с интересом разглядывал мой «як», особенно его фюзеляж с нарисованными звёздочками.

– Извините, товарищ капитан. – Лейтенант вытянулся в струну и вскинул ладонь к козырьку фуражки. – Лейтенант Дягилев, помощник начальника штаба сборной авиационной группы. Вас просили прибыть к командованию.

Во как, уже просили. Вот что субординация животворящая делает. Ну, раз просили, то прибудем.

В штабе первое, что попыталось сделать местное начальство в лице шустрого майора, это отжать у нас транспортник. «Для нужд ВВС тридцатой армии», как было заявлено мне в приказном тоне.

– Товарищ майор, могу я узнать вашу фамилию и кто вы по должности? – как можно более вежливо обратился я, хотя и очень сильно хотелось нахамить в ответ, причём желательно матом.

– Тебе какая разница, капитан? – взвизгнул майор. – Тебе старший по званию отдал приказ, так что изволь его исполнять. А теперь свободен. Распорядись, чтобы транспортник готовили к погрузке и вылету. Маршрут сообщу позднее.

– Транспортный «дуглас» приписан к тринадцатой отдельной истребительной эскадрилье, которой командую я, и никуда без моего приказа не полетит. Эскадрилья подчиняется напрямую главкому ВВС, и мне глубоко по барабану на ваши хотелки, товарищ майор, – всё так же спокойно произнёс я.

Однако мой спокойный и уверенный тон лишь ещё больше взбесил майора, лицо которого стало пунцовым.

– Что?! – заорал он. – Да я тебя под трибунал отдам! Эй, там, немедленно арестовать этого типа! – крикнул он куда-то за дверь.

Дверь отрылась, вот только вошёл в неё не конвой, а высокий седой полковник с медалью «XX лет РККА» и орденом Красного Знамени на груди.

– Что здесь происходит? – сильным голосом с металлическими нотками спросил он. – Юшко, что опять за шум от тебя?

– Да вот, товарищ полковник… – И куда только крутой начальник подевался? Майор заискивал перед старшим по званию, как лакей перед господином. – Отказывается выполнять приказ о передаче транспортного самолёта для нужд авиации армии. Я приказал поместить его под арест до выяснения личности. Есть подозрение, что это может быть вражеский шпион и саботажник.

– Представьтесь, капитан, – посмотрел мне в глаза полковник.

– Капитан Копьёв, – козырнул я. – Командир тринадцатой отдельной истребительной эскадрильи. Прибыл в составе эскадрильи для выполнения поставленных мне штабом ВВС РККА задач. Имею сообщить, что транспортный самолёт является штатной единицей эскадрильи и никому передан не будет ни при каких обстоятельствах.

– Полковник Ерёмин, – вскинул он ладонь к козырьку в ответ, – командир сборной авиагруппы. Я получил приказ из Москвы оказывать вам всевозможное содействие. Если честно, то я надеялся, что вы будете в качестве подкрепления нам, но в приказе сказано, что вы действуете самостоятельно. Видел ваш бой над аэродромом и поражён. За пару минут пятнадцать сбитых, и без собственных потерь. Что же вы за эскадрилья такая, капитан?

– Обычная эскадрилья для решения специфических задач. – Полковник мне понравился: сразу чувствуется, что опытный командир. – Нам бы на довольствие встать, товарищ полковник, и определиться по взаимодействию. Да и машины нужно заправить.

– Кому только в голову пришла идиотская мысль формировать отдельную эскадрилью, когда можно просто пополнить действующие части, – чуть слышно пробурчал майор, успевший затеряться за спинами полковника и двух вошедших с ним командиров. Один из них был с энкавэдэшными петлицами и тремя шпалами в них[30].

– На приказе о формировании тринадцатой отдельной истребительной эскадрильи стоит резолюция и подпись товарища Сталина, – чётко, буквально по буквам, произнёс я.

Всё. Это то, что называют coup de grace – смертельный удар, наносимый поверженному противнику.

В помещении воцарилась гробовая тишина, а вокруг майора, моментально ставшего белее снега, образовалась мёртвая зона. Майор,

судорожно сглотнув и рванув воротник, выскочил в коридор. Следом за ним неслышимой тенью вышел энкавэдэшник. Всё, похоже, пипец котёнку. В это время подобные высказывания плохо влияют на общее состояние организма. Фатально, я бы сказал, влияют.

– Идиот, – чуть слышно, одними губами, произнёс полковник.

– А кто это вообще *был*? – спросил я, выделяя последнее слово, отчего пришедший с Ерёминым майор невольно вздрогнул.

– Интендант, – практически выплюнул полковник. – До второй шпалы дослужился, а ума не прибавил. Всё за своё барахло трясётся и только и думает, как его подальше вывезти. Ну да и шут с ним, потом с этим разберёмся. Давайте с вами, капитан, работать. Вот, знакомьтесь, начальник штаба нашей смешанной авиагруппы майор Протасевич Николай Моисеевич. Меня, кстати, Иван Сергеевич зовут. За что Звезда, капитан? – кивнул он на мои награды.

– За семь сбитых в одном бою, товарищ полковник.

Я даже несколько смутился.

– Погоди-ка, я же слышал об этом, только не поверил. Думал, байка, – присоединился к разговору майор. – Только говорили, что немцев сбил красноармеец-авиатехник.

– Был красноармеец, а теперь вот приказом товарища Сталина стал капитаном и командиром эскадрильи.

Про Сталина вставил умышленно. Если просто скакнуть из рядовых в капитана, то назовут выскочкой, а вот решение *самого* оспариванию и сомнению не подлежит. И вообще, строить из себя скромняжку-курсистку я не собираюсь. Мне в этом времени жить, и поэтому, если есть возможность избежать лишних трудностей, то надо этим пользоваться.

Обговорили с хозяевами взаимодействие. Им, конечно, хотелось бы, чтобы мы занимались сопровождением штурмовиков и бомбардировщиков, но я эти подкаты сразу пресёк.

– Летать совместно с бомберами мы иногда будем, но не в качестве прикрытия. Хотя это и коробит слух, но будем использовать их в качестве живца. Наша задача – это уничтожение истребителей противника. Выполним, и тем же штурмовикам работать будет куда как спокойнее.

Хотел было я заговорить об авианаводчиках на передовой, но вовремя осёкся. Какие, на фиг, авианаводчики, если связи, считай, нет

от слова «вообще».

В расположении эскадрильи царила деловая суета. В помощь нашим техникам выделили свободный технический персонал из местных, и дела пошли гораздо быстрее. Лётный состав, закончив бумажную работу, заправлялся в столовой под любопытными взглядами местных.

– Э, дарагой, ти нашего камандира не знаешь! – слышался голос Гуладзе. – Звэр, а не лётчык. Адын против десятка в воздухе выходыл и всэх сбывал. Герой, и не смотри, что маладой. Он нас, знаешь, как учил? Он нас так учил, что мы на фронт как на отдых лэтели.

Я вошёл в столовую.

– Дункан, хорош байки травить! Заканчивайте здесь и готовьтесь к вылету в составе звена. Прогуляемся к линии фронта. Что-то немчура здесь вкрай оборзела, надо поучить их манерам.

Надо ли говорить, что тарелки вмиг опустели, и второе звено со скоростью молнии ломанулось к своим самолётам. Кстати, на тарелки мои орлы посматривали как-то уж очень нехорошо. Надо будет предупредить, чтобы даже не думали заниматься приватизацией посуды.

Сразу после взлёта взяли курс строго на запад, к линии фронта. Там повернули на север и шли до города Белый. Шли уже ставшей обязательной «этажеркой». Мы с Кортесом заняли место на верхнем эшелоне.

Под крыльями лежали позиции пехоты, во многих местах видны были всполохи разрывов снарядов и мин. В небе же было на редкость пусто. Уже на подлёте к Белому Кортес заметил приближающиеся с запада самолёты. Сблизились. Это оказалась пятёрка наших Ил-2, возвращающихся с задания. На их плоскости было просто страшно смотреть: все в рваных дырах. Фюзеляжи также пробиты. Один из штурмовиков вообще только чудом держался в воздухе, так как большого куска обшивки на крыле просто не было. Досталось парням. А штурмовики-то одноместные и идут без истребительного прикрытия.

Над Белым развернулись на обратный курс и пошли на Ярцево. Да где немцы-то? Судя по когда-то прочитанному и увиденному в фильмах о войне, их самолёты должны непрерывно кружить над

советскими войсками, а тут ни одного даже самого заваляющего «юнкерса». Перерыв на обед у них, что ли?

Уже на подходе к Ярцево Кортес доложил:

– Командир, впереди четыре «мессера» и шесть «лаптёжников». Бомбят кого-то.

Я уже и сам увидел вдалеке периодически срывающиеся к земле чёрточки самолётов. Чуть выше основной группы крутились ещё четыре чёрточки, также по очереди попарно ныряющие вниз. Зрение у Санчеса, конечно, может, и не радар, но близко к этому.

– Дункан, твои «лапти». Бей с «кобры» «веером». Мы с Кортесом берём «мессов». Ты, как отработаешь своих, присоединяйся, если успеешь.

«Коброй» назвали тактическую схему, когда в атаку выходишь на бреющем полёте, перед самым противником делаешь свечку и бьёшь снизу. Похоже на бросок кобры. Очень уж всех впечатлила наша с Санчесом учебная атака пары Князя и Горбатого, так что стали отрабатывать и такой приём. Теперь вот опробуем его на реальном противнике. Ну а «веер» – это когда каждый самолёт группы самостоятельно атакует своего противника.

Четыре истребителя с красными оконечностями крыльев заскользили над самой землёй, почти сливаясь с ней, а мы с ведомым пошли в плавный вираж с набором высоты, забирая к западу.

Немцы нас с Кортесом заметили. «Мессы» разделились, и пара полезла наверх, а вторая, плавно развернувшись, не спеша пошла нам на перехват, бросив своих подопечных. А чего бы им не поразвлечься с парой унтерменшей, по какому-то недоразумению решивших назваться рыцарями неба. Других-то русских самолётов не видно. А нам только того и надо. Теперь Дункан со своими может работать спокойно, не отвлекаясь на всякие мелочи вроде четвёрки «мессеров».

Удар по бомбардировщикам немцы откровенно прозевали. Да и не мудрено, атакующую четвёрку «яков» они не видели до самого мгновения удара. И именно что мгновения. Выскочив, словно чёртик из табакерки, звено Дункана разом буквально смело с неба три «юнкерса», расстреляв их как на учениях. По четвёртому либо кто-то промахнулся, либо повреждения не были фатальными.

«Мессеры» дёрнулись было на помощь своим избиваемым подопечным, но всё же не стали сбрасывать нашу пару со счетов,

решив отыграться на нас.

– Кортес, твои прямо, я наверх.

Разделяемся с ведомым, и я делаю горку в направлении ушедшей наверх пары немецких истребителей. А вот и они, голубчики. Явно не ожидали от меня такой наглости и решили наказать. А вот хренушки. Руки и ноги делают свою работу, мозг моментально производит вычисления не хуже компьютера, и я бью из всех стволов с небольшим упреждением. Ведущий «мессер» напарывается на очередь и вспыхивает свечкой. Его ведомый шарахается в сторону, сбивая себе прицел, и с рёвом проносится мимо меня вниз.

Переворачиваюсь через крыло и спешу на помощь своему ведомому. Но там тоже уже всё закончилось. Один из «мессов» с густым чёрным дымом валится вниз, а второй со всех ног улепётывает на запад, прихватив с собой уцелевшего из «моей» пары. «Лаптёжники» тоже ломанулись в сторону заката, и тут у одного из них вдруг складывается вверх крыло. Всё же повредили его, похоже, серьёзно.

С востока показалась тройка И-16, спешащих к месту боя. А всё уже, опоздали. Хотя можно попробовать догнать удирающую пару Ю-87, но это вряд ли. «Ишачки» просто не успеют, а мы не полезем, так как нам ещё возвращаться к себе, а горючее в баках не бесконечно. Да и по пути домой можно напороться на самолёты противника.

Собираю своих, и мы, с чувством хорошо выполненной работы, направляемся к себе, оставляя позади шесть костров на земле и четыре висящих в воздухе купола парашютов. М-да, не повезло немцам: ветерок несёт их прямиком в наш тыл. Хотя, может, наоборот, повезло. Война для них закончилась, и они имеют все шансы вернуться домой.

Ближе к вечеру совершили ещё один вылет в полном составе – на отражение авианалёта на Вязьму. Четыре десятка Не-111 и Ю-88 в сопровождении тридцати Ме-109 всей своей тевтонской душой желали разбомбить железнодорожную станцию со всеми находившимися на ней воинскими эшелонами, санитарными поездами и составами с беженцами. Сила на Вязьму шла довольно внушительная. Аэродром в Издешково был качественно обработан «лаптёжниками» и минимум на сутки выведен из строя, так что с этой стороны немцам бояться было

нечего. Исходящей от нас опасности для себя они ещё не прочувствовали, так что шли довольно уверенно.

Договорились с полковником Ерёминым, что его орлы возьмут на себя бомберы, а мы займёмся идущими в прикрытии «мессами». Я принял решение, что пойдут я с ведомым и звенья Шила и Князя. Звено Дункана поднимется в воздух позднее, когда немцы будут отходить. Ерёмин также оставил резерв. Причём для добивания бомбардировщиков он решил использовать одноместные Ил-2 в качестве тяжёлых истребителей. Вот их и прикроет наше второе звено.

Бойня на подходе к Вязьме вышла знатная. Мы связали боем «мессеры», с ходу завалив шестерых, а ерёминские на «ишачках», «чайках» и пятёрке МиГ-3 устроили форменное избиение бомбардировщиков, не отвлекаясь на истребители сопровождения. Немцы были вынуждены вывалить весь свой груз в чистое поле и развернуться назад, где их уже ждали с распростёртыми объятиями.

Итогом боя стали двадцать девять сбитых бомбардировщиков и двадцать два сбитых истребителя противника. Ерёминские потеряли семь истребителей, четыре штурмовика и трёх лётчиков убитыми. Тринадцатая эскадрилья потерь не имела, хотя пробоин привезли изрядно. Из кабин истребителей техники и оружейники нас буквально доставали, настолько мы вымотались.

– Ну как там, Илья? – спросил Кузьмич, помогая мне устроиться поудобнее на расстеленном под крылом брезенте и заботливо протягивая фляжку с прохладной водой с добавлением глюкозы.

– Нормально там, Кузьмич. – Я одним глотком буквально влил в себя чуть сладковатую воду. – Немчуры набили просто жуть, аж посмотреть приятно.

Я поискал глазами, у кого бы ещё стащить фляжку с водой, но Федянин к такому был готов и жестом фокусника буквально из воздуха материализовал ещё один сосуд. Кстати, стеклянный. Здесь вообще у многих на поясе стеклянные фляжки. На этот раз водичка была чуть подкисленная какими-то ягодами и приятно освежала.

Рядом устало буквально рухнул прямо на примятую траву Юсупов, а следом за ним подошли Шилов, Гуладзе и Гайдар. Молча сидели и заново переживали тяжёлый бой. Вид у парней был хоть и изрядно помятый, но откровенно обалделый. Они и сами не верили, что смогли порвать в клочья такую армаду противника.

Если честно, то я и сам был изрядно удивлён. Казалось бы, чего можно добиться двумя неделями, пусть и напряжённых, тренировок. Ну освоили по верхам новые тактические приёмы, разучили до автоматизма несколько фигур высшего пилотажа, чему, кстати, в лётных училищах практически не учат. Тут в этом плане главное безаварийность, так что курсантов учат взлёту – посадке, умению пла-а-авненько пройтись по квадрату да слегка тренируют в стрельбе.

Мы же готовились именно воевать, нещадно выжимая из машин всё, на что они способны на вертикалях, и ещё чуточку больше, а результат на выходе получился просто ошеломляющий. Или, может, так сложились обстоятельства, что люди подобрались уникальные? Не знаю. Ответа на это у меня нет, но можно с уверенностью сказать, что свой экзамен эскадрилья сдала с самыми высокими баллами.

– Ну что, орлы, как вам фронтовой отдых? – вспоминая слова Гуладзе, спросил я, чем вызвал смешки у командиров звеньев.

– Я такой отдых не променяю ни на один курорт, – потянувшись и разминая плечи, произнёс Шилов.

Это послужило спусковым крючком, и мы в полный голос захохотали, сбрасывая нервное напряжение. Наступил откат после боя. От смеха на Гуладзе напала икота, что вызвало новый взрыв хохота. Один лишь Гайдар сдержанно посмеивался и с пониманием глядел на нас.

Наконец кое-как успокоились и разошлись писать отчёты. И никуда от этого не денешься. Учёт важен, особенно на войне. По всему выходило, что на нашем счету было восемнадцать «мессеров» и семь бомбардировщиков. Из них два «мессера», один «хенкель» и один «Юнкерс-88» были мои и два Ме-109 завалил Кортес. В том, что подтвердят, сомнений не было: весь бой проходил над нашей территорией.

Уже возвращаясь из столовой после ужина, обратил внимание на сидящих отдельной группой и что-то обсуждающих местных лётчиков и технарей. Похоже, собрание проводят – либо партийное, либо, что вероятнее всего, учитывая молодой возраст собравшихся, комсомольское.

У нас в эскадрилье тоже есть и партийная, и комсомольская ячейки. Гайдар, как только прибыл в расположение, сразу озаботился этим вопросом, да ещё и мне выговорил наедине. Кое-как отговорился

тем, что процесс формирования и подготовки съедает всё свободное время. А ведь это мог быть залёт, и залёт по нынешним временам серьёзный. В итоге парторгом выбрали старшину Федянина, а комсоргом стал младший лейтенант Сударь. Я, кстати, тоже ношу в кармане комсомольский билет.

Утро нового дня принесло небольшой дождик. Пока погода не позволяла подняться в небо, провели подробный разбор вчерашних боёв. Расположились под брезентовым навесом, и там с деревянными моделькими самолётов в руках каждый рассказал о проведённых им манёврах. Радовало то, что народ находил ошибки, и тут же звучали предложения, как было бы эффективнее выполнить ту или иную атаку или манёвр уклонения. Покритиковали и меня, когда настала моя очередь, сразу нашли несколько ошибок.

В самый разгар, так сказать, дискуссии, меня дёрнул за рукав сидевший рядом Санчес и мотнул головой в сторону. Под самым краем навеса, едва укрывшись от мелкого дождика, стояли полковник Ерёмин и майор Протасевич и с интересом наблюдали за происходящим.

– Извините, товарищи, не помешаем? – заметив, что я обратил на них внимание, спросил Ерёмин. – Очень уж интересно у вас здесь.

Полковнику с майором тут же уступили место, и разбор полётов продолжился. Протасевич то и дело что-то черкал у себя в блокноте.

– Слушай, Илья Андреевич, а как ты посмотришь, если я своих к тебе пришлю, чтобы послушали? – спросил Ерёмин, когда все разошлись. – Пусть поучатся.

– Хорошая идея, Иван Сергеевич, – согласился я. – Мы из своей работы тайны не делаем, поэтому расскажем и покажем всё, что сами знаем и умеем. Вот вечерком после полётов пусть к нам и подтягиваются.

Ближе к обеду небо как-то резко очистилось, и спустя полчаса от утреннего дождика не осталось и следа. Мы уже собирались вылететь на свободную охоту, когда над ВПП показался УТИ-4[31] в сопровождении пары И-16. С ходу зайдя на посадку, двухместный «ишачок» подрулил к штабу авиагруппы. Почти сразу оттуда в нашу сторону стартовала полуторка. Как оказалось, прилетел командующий авиацией Западного фронта полковник Науменко, назначенный на эту

должность после того, как бывший командующий генерал-майор Копец[32] застрелился в первый же день войны.

Прилетел командующий, как оказалось, по наши души. Свидетелем боя над Ярцево оказался генерал-майор Рокоссовский[33], командующий оперативной группой войск. Он связался с командующим ВВС фронта и поинтересовался, что это за авиачасть с самолётами с красными крыльями так лихо воюет. Полковник Науменко, в свою очередь, позвонил в Холм-Жирковский, где ему поведали о количестве сбитых немецких самолётов прилетевшей отдельной эскадрильей. В первый момент он не поверил и чуть не матом потребовал дать ему реальные данные, а не выдуманные. Получив вновь тот же ответ, он не выдержал и решил сам посмотреть, что это за чуды-юды такие объявились, что семерых одним махом побивают.

Пришлось мне с Санчесом остаться и ехать в штаб, чтобы предстать пред очи начальства. С завистью смотрел я на взлетающие самолёты эскадрильи. А ведь красиво, чёрт побери! Техники с оружейниками всю ночь не спали, но смогли заделать все пробоины и подготовить машины к новому боевому дню.

Пообщались с полковником Науменко в целом очень даже неплохо, хотя поначалу он и высказался в том смысле, что если собрать вместе лучших лётчиков, то и результат будет заведомо отличный. И был очень удивлён, когда я сказал, что лётчики в эскадрилье самые обычные, из обычных строевых частей, просто летаем мы не по шаблону и используем новые тактические приёмы. В итоге перед тем, как улететь, командующий авиацией фронта передал благодарность всему личному составу эскадрильи и пообещал отметить нас в докладе в Москву.

Глава 6
В небе Подмосковья

Чудо не произошло. Да и не могла, при всём своём желании, одна-единственная эскадрилья переломить ход войны. Хотя и потрепали мы 2-й воздушный флот люфтваффе изрядно. Начавшееся восьмого августа наступление 30-й и 19-й армий под командованием генералов В. А. Хоменко и И. С. Конева на направление на Духовщину завязло в обороне немцев. Прорвав передний край, они так и не смогли выйти в оперативную глубину.

Сверху нам хорошо было видно, насколько упорные бои идут по всей линии соприкосновения. Очень помогла нашим наземным войскам поддержка с воздуха. Полковник Ерёмин прислушался к моему совету и активно использовал уже не такие эффективные истребители И-153 «Чайка» и И-15 бис в качестве лёгких штурмовиков. Ну а нам всё же пришлось выступать их прикрытием от атак немецких истребителей. Потери «чайки» и «супер чато»[34], конечно, несли большие, но и шороху наводили немало, уничтожая технику и артиллерию противника и поливая пулемётным огнём скопления пехоты немцев.

Не забывали мы и о свободной охоте. Как смеялись наши лётчики, летали проветриться в свободное от работы время. Во всяком случае, старались, чтобы одно звено этим занималось. Почти из каждого вылета возвращались с парой-тройкой побед. Так и «развеивались», ежедневно сменяя друг друга.

А после полётов, какими бы ни были уставшими, почти все дружно шли на устроенное неподалёку стрельбище, где с удовольствием стреляли по полюбившимся всем тарелочкам. Где они их нашли, остаётся загадкой. На мои осторожные расспросы только хитро улыбались, однако из столовой жалоб на нехватку посуды не поступало. Ну а патронами для ружей запаслись ещё в Раменском.

Увы, но такое времяпрепровождение прошло мимо меня. Каждую свободную минуту я систематизировал на бумаге процесс подготовки,

описывал и рисовал новые тактические схемы. Это мне Ерёмин посоветовал сделать.

В середине августа со свободной охоты вернулось звено старшего лейтенанта Гуладзе. Стоило лишь винтам остановиться, как Дункан выскочил из кабины, сбросил с себя парашют и, с силой швырнув на землю шлемофон, едва не начал топтать его ногами, громко выкрикивая русские и грузинские ругательства и грозя кулаком в сторону заката. Наконец, смачно плюнув в ту сторону, он поднял с выгоревшей на солнце травы шлемофон, стряхнул с него пыль и пошёл в сторону наших землянок. Я как раз только умылся и, вытираясь полотенцем, смотрел на весь этот цирк.

– Зураб, ты чего такой нервный?

– Ай, прэдставляешь, командыр, лэтим, и тут навстрэчу нэмцы. Восэм. «Мэссэры». Как на параде, – активно жестикулируя, рассказывал Гуладзе. – Ну, мы обрадовалыс, на них довернули, а они, эти шакалы, в вираж и удралы. Лэтим дальше. Опять нэмцы. «Лаптёжники» и тоже восэм «мэссеров». Нас увидэли и тоже удралы. Ну как тут работать, а?! Никого не сбили, зря бэнзин сожгли. Прышлось на пэрэдовой расстрелять миномётную батарэю у нэмцев и по окопам из пулэмётов пройтись.

Расстройству Гуладзе не было границ.

На следующий день я сам стал свидетелем странного поведения немцев. Мы пристроились к идущим на штурмовку Ил-2, надеясь использовать их в качестве приманки. Ну не могли немцы не клюнуть на такую лакомую добычу, как не прикрытый с хвоста одноместный штурмовик. И они клюнули, но потом что-то явно пошло не так. Я успел срезать одного с дальней дистанции, и тут же целый штаффель «мессеров» резко развернулся и дал дёру.

– Э, куда?! – только и успел я проорать в эфире, прежде чем немцы скрылись в утренней дымке.

Ещё через день стала ясна причина такого поведения немцев. Сбитый над нашей территорией и попавший в руки красноармейцев немецкий лётчик рассказал, что им было приказано всячески избегать боя с самолётами с красными оконечностями крыльев: мол, на них летают какие-то особенные лётчики из личного полка Сталина, встреча с которыми в воздухе означает верную смерть. По данным

радиоперехвата, которыми с нами поделился командующий ВВС фронта полковник Науменко, немецкие авианаводчики уже начали орать: «Achtung! Rote Flugel im Himmel!»[35]

Семнадцатого августа, собрав ударный кулак, командование фронта предприняло новое наступление. За несколько дней боёв наши части смогли продвинуться лишь на пару километров, а местами и того меньше. В конечном итоге бились лбом об оборону противника, неся при этом немалые потери, аж до десятого сентября, когда Ставка отдала приказ о переходе к обороне. Безусловно, самым положительным результатом всех действий войск фронта стало освобождение шестого сентября города Ельня. А в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое сентября советские войска оставили Киев.

Мы вынуждены были изменить тактику. Теперь мы занимались сопровождением штурмовиков и бомбардировщиков, пытаясь спрятаться среди них. Часто это получалось, и, выскочив как чёрт из табакерки, мы уничтожали пытавшихся атаковать наших подопечных. Дошло до того, что немцы стали с опаской приближаться к любым краснозвёздным самолётам.

Однако выход они нашли. Отправляли в атаку пару, а остальные наблюдали со стороны. Естественно, позволить обижать своих мы не могли и сбивали этих либо храбрецов, либо невезучих, которым выпал такой жребий. А вот остальные тут же ретировались, видя, что им здесь не рады.

Как бы там ни было, но к концу сентября на счету эскадрильи было сто два сбитых самолёта противника. После вышедшего 19 августа приказа № 0299 «О порядке награждения летного состава ВВС РККА за хорошую боевую работу и о мерах борьбы со скрытым дезертирством среди военных летчиков» оказалось, что четверо лётчиков эскадрильи выполнили норму на звание Героя Советского Союза, а уж ордена заработали все без исключения. Да ещё и смеялись, что теперь денежной награды (тысяча рублей за каждый сбитый плюс выплаты за количество боевых вылетов) точно хватит и на коньяк, и тарелок закупить побольше. Свой личный счёт я довёл до сорока семи сбитых.

Все отчёты о боевой работе эскадрильи в целом и каждого пилота отдельно я ежедневно отправлял в штаб ВВС Жигареву. Оттуда

заверили, что за наградами дело не станет. Кроме того, отправил в Москву представление на награждение комиссара эскадрильи Гайдара и начальника особого отдела младшего лейтенанта госбезопасности Данилина орденами Красного Знамени, как проявивших особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности.

В конце августа немцы решили разделаться с нами раз и навсегда. Рано утром, когда рассвет ещё только-только забрезжил на востоке, над аэродромом появились немецкие пикировщики Ю-87 в сопровождении целой своры Ме-109.

Спасло нас только то, что буквально накануне мы сменили место стоянки и перебрались на другую сторону аэродрома, поближе к импровизированному стрельбищу. Надоело, видите ли, сталинским соколам ноги бить и топать в такую даль, чтобы пострелять вволюшку. Немецкая разведка среагировать на это не успела, и «юнкерсы» вывалили бомбы на пустую опушку. Однако всё же смогли разглядеть, что там никого нет, и развернулись уже в нашу сторону.

Вот в этот самый момент Гайдар вместе с Данилиным подбежали к счетверённой пулемётной установке, расчёт которой посекло осколками от близкого взрыва, и первой же очередью сбили самый настырный «лаптёжник». Идущему следом тоже досталось, и он, чадя чёрным дымом из-под капота, отвалил в сторону и взял курс на запад.

Не ожидая такой ответки, немцы порскнули в разные стороны, что дало время другим расчётам ПВО занять свои места и открыть ураганный огонь. Под их прикрытием смогла взлететь пара Гоч – Смолин и с ходу завалить ещё пару Ю-87 и один «мессер». Увидев, что на взлёт пошли ещё Rote Flugel[36], асы люфтваффе предпочли ретироваться, потеряв при этом ещё пару бомбардировщиков. Так что ордена комиссар с особистом честно заслужили.

В конце сентября из Москвы поступил приказ возвращаться. Только лететь нам предстояло не в Раменское, а на Центральный аэродром. Напоследок вылетели в полном составе к линии фронта, показали себя, пошумели слегка, проштурмовав немецкие позиции, и сбили парочку зазевавшихся немцев.

Тепло попрощавшись с полковником Ерёминым, с которым почти что сдружились, с начальником штаба майором Протасевичем и лётчиками авиагруппы, взяли курс на Москву. Вёл нас наш верный DC-3, который всё то время, что мы геройствовали на фронте, тоже не

стоял без дела, то мотаясь за запчастями, то помогая с эвакуацией раненых.

На Центральном аэродроме нас встречал сам главком ВВС РККА генерал-лейтенант Жигарев. Поблагодарив личный состав за отличную службу, он забрал меня, а остальным приказал отдыхать и готовиться к награждению. Видно было, что он сильно торопился.

– *Сам* велел привезти тебя к нему, как только прибудете, – уже в машине, показав глазами вверх, сказал Жигарев. – Положение на фронтах, сам знаешь, какое тяжёлое, а тут ещё Киев сдали. Злой был. А вот за вашими успехами следил. Несколько раз сам звонил и спрашивал, как там самый нахальный капитан ВВС воюет.

Сталин встретил нас с Жигаревым вполне приветливо. Подробно расспрашивал о том, как воевали, о настроении в эскадрилье и в авиагруппе, в составе которой мы вроде как числились.

– Мне доложили, что немцы начали избегать вступать с вами в бой и издали соответствующий приказ. Это правда? – чуть прищурившись, посмотрел на меня Сталин.

– К сожалению, правда, товарищ Сталин, – вполне откровенно горестно вздохнул я.

– Почему «к сожалению»?

– Так ведь совершенно невозможно стало работать, – пожал я плечами. – Только соберёмся подраться, а они драпают. У меня лётчики все расстроенные ходят.

Сталин улыбнулся.

– Молодцы! А товарищам лётчикам передайте, чтобы не расстраивались. Немцев на всех хватит. И всё же, в чём, по-вашему, причина такой результативности вашей эскадрильи?

А дальше пошёл уже, как говорится, деловой разговор. Узнав, что я подготовил методичку, Сталин попросил передать её ему для ознакомления. Благо с аэродрома я поехал на встречу, не переодеваясь, и несколько тетрадей с записями лежали у меня в планшете, который охрана, когда сдавал пистолет, осмотрела, но оставила при мне.

Сталин читал быстро, но было видно, что внимательно. Пару раз возвращался к уже прочитанному и делал, по своей привычке, пометки на полях красным карандашом.

Наконец он закончил с чтением, не спеша набил трубку табаком и прикурил. Над столом, покрытым зелёным сукном, поплыл ароматный

дым.

– Есть мнение, что ваш опыт и разработанная вами методика подготовки пилотов истребительной авиации должны быть размножены и переданы для ознакомления всем лётчикам нашей авиации. Оставляйте свои тетради. Я распоряжусь, чтобы их незамедлительно отправили в типографию. И я рад, что не ошибся в вас, товарищ Копьёв.

Хотел я было спросить о поисках месторождений алмазов, но воздержался. Раз Сталин сам об этом не сказал, то, значит, не моего это ума дело.

Нам дали два дня отдыха перед награждением, а затем весь лётный состав эскадрильи, плюс Гайдар с Данилиным, в новенькой, только что выданной форме отправился на автобусе в Кремль.

Старший лейтенант Шилов, старший лейтенант Юсупов, лейтенант Гоч и младший лейтенант Филонов стали Героями Советского Союза. Все остальные получили ордена Красного Знамени. Также Знамя получили и Гайдар с Данилиным, причём их награждению заметно порадовался присутствовавший на церемонии нарком внутренних дел Л. П. Берия. Нечасто армейцы балуют подчинённых грозного наркома представлениями к орденам.

Я получил, к некоторому удивлению моих подчинённых, орден Красного Знамени. Как позднее сказал Жигарев, против моего награждения второй звездой Героя выступили представители ГлавПУРа, высказавшиеся в том плане, что не стоит награждать высшей наградой слишком часто, да ещё в то время, когда армия повсеместно отступает.

Но, несмотря на их сопротивление, меня и Гайдара, как комиссара эскадрильи, наградили орденами Ленина в соответствии с пунктом приказа № 0299, в котором говорилось, что «командир и комиссар эскадрильи, уничтожившей в воздушных боях не менее пятнадцати самолётов противника и потерявшей при этом не более трёх своих самолётов, представляются к ордену Ленина».

М-да, иконостас у меня на груди получился солидный. Хотя слухи о том, что мы любимчики Сталина, оказались слегка преувеличены. Да и не всесилен Иосиф Виссарионович, что бы ни писали о нём в будущем, и вынужден учитывать мнение других.

После церемонии решили обмыть награды в ресторане. После недолгих размышлений выбор пал на «Арагви». Посидели вполне душевно, но в меру. Блюда выше всяких похвал, особенно для нас, привыкших к фронтовой трапезе. Коньяк тоже был превосходный. В честь знаменательного события налили по сто грамм и нашим лётчикамзалётчикам.

А на следующий день на общем построении приехавший главком авиации генерал-лейтенант Жигарев зачитал приказ наркома обороны Советского Союза И. В. Сталина о присвоении 13-й отдельной истребительной эскадрилье почётного звания гвардейской за боевые подвиги, организованность, дисциплину и образцовый порядок, с вручением особого знака отличия – гвардейского знамени. Теперь мы стали именоваться 13-й отдельной гвардейской истребительной эскадрильей специального назначения. Народ воодушевился настолько, что, казалось, прикажи – и они голыми руками разорвут в клочья всё люфтваффе.

Ещё два дня ждали, когда с завода перегонят для нас новые самолёты. Наши было решено списать. Облётывать новые машины начали второго октября. В этот же день немцы начали наступление на Московском направлении.

Третьего октября вечером получили приказ вылететь утром следующего дня в Кубинку. Задача ставилась прикрыть Москву с этого направления. Я даже несколько раз перечитал текст приказа. Смысла в нашем перебазировании туда именно сейчас не было. Вернее, пока не было. Днём немцы бомбить столицу не рисковали, предпочитая действовать ночью. А вот у нас в эскадрилье опыт ночных полётов был только у двоих: у меня и у Гоча. Ну, и много мы навоюем вдвоём?

Зато чуть позднее, когда немцы подойдут вплотную к Москве, наше присутствие в той же Кубинке будет очень даже кстати. Бывал я там в своём прошлом-будущем. Пару раз по службе на аэродроме в новом городке и один раз в качестве туриста в танковом музее. Насколько я помнил из истории, Кубинку немцы не возьмут.

Прилетели в Кубинку, на этот раз без транспортника: смысла гонять его за шестьдесят километров не было. Техники прибыли на новое место на автотранспорте, отстав от нас лишь на несколько часов.

Встретили нас, можно сказать, с распростёртыми объятиями. Многие уже были о нас наслышаны, так что никаких проблем не

возникло. Разве что к нашей стоянке началось буквально паломничество. Все хотели посмотреть на наши истребители, украшенные рядами звёздочек по числу сбитых. Ну а мы с удовольствием привлекали этих «паломников» к работам по устройству землянок для личного состава и навесов для самолётов из маскировочных сетей, которые мне удалось буквально с боем вырвать из цепких лапок интендантов. Пока есть такая возможность, надо обустраиваться.

Со старшиной Федяниным на будущее решили соорудить что-то вроде полукапониров для каждого истребителя. Как раз прикидывали с Кузьмичом объём работ, когда к нам подошёл хмурый Гайдар. К слову сказать, нашего комиссара народ любил. И не только за то, что он любимый многими, особенно молодёжью, писатель, но и за то, что несмотря на свой статус и звание он, когда было нужно, надевал комбез техника и наравне с ними копался в моторах, чистил авиапушки и пулемёты, набивал патронами ленты. Да и характер у него был общительный и весёлый и от стоянок самолётов то и дело слышался смех.

– Что, Аркадий, ты не весел? Что головушку повесил?

В присутствии Кузьмича я мог себе позволить такое панибратское обращение. Да и так у нас в эскадрилье особого официоза не было.

– В столовой был, – буркнул Гайдар, усаживаясь рядом на лавочку.

– Так из столовой, наоборот, надо приходить в хорошем настроении, – схохмил я. – Или тебе компота не налили?

– Паникёры они, – зло бросил он. – Случайно услышал разговор вольнонаёмных. Говорят, что надо родных в Москве предупредить, чтобы из города уезжали побыстрее: мол, Москву сдадут немцам.

– Ну а ты что?

– А ничего. – Казалось, Аркадий вот-вот взорвётся. – Ушёл я по-тихому. Испугался.

– Чего испугался? – пришла моя пора удивляться.

– Не чего, а кого. Себя я испугался. Как услышал такие разговоры, так чуть в голове не помутилось. Ты же знаешь мою историю. Вдруг сорвусь и наворочаю дел? Эх, хреновый из меня комиссар. Не нашёл слов, чтобы возразить.

Гайдар вздохнул и опустил голову.

– Ну, насчёт того, что не нашёл что сказать, это действительно хреново. А вот касаемо того, какой ты комиссар, то это не тебе, а вон им судить, – кивнул я в сторону техников, дружно таскавших брёвна на перекрытия землянок. – А знаешь, пойдём в столовую да чайку попросим. Там и покумекаем, что и кому говорить надо.

В столовой кроме чая нам выдали по пышной сдобной булочке с маслом. Эх, хорошо быть лётчиком в Красной армии. Вот что-что, а кормят хорошо.

– Вон те, – чуть заметно кивнул Аркадий в сторону двух посудомоек, гремящих какими-то кастрюлями.

– Спасибо, девицы-красавицы, – громко поблагодарил я, когда почаёвничали. – Булочки просто объедение. Ел бы и ел, да боюсь, меня потом самолёт в воздух не поднимет. Ну а на то, что тут некоторые несознательные граждане говорят, что Москву сдадим, – я чуть повысил голос, не глядя на замерших посудомоек, – то спешу их успокоить: Москвы немчуре не видать как своих ушей. Несколько дней назад я был у товарища Сталина и краем уха слышал, как там обсуждали проведение седьмого ноября парада на Красной площади. Так что немцы если и войдут в Москву, то только в колонне военнопленных. И прекращайте разводить панику.

Последнюю фразу я говорил, уже глядя в упор на побледневших женщин, продолжавших держать в руках только что отмытые кастрюли.

– Илья, а про парад – это правда? – спросил Гайдар, когда мы шли к своей стоянке.

– Что якобы слышал, нет. А вот то, что парад будет, правда. Это святая традиция, и из-за каких-то там немцев никто её нарушать не будет.

На ужине (а нам в столовой выделили отдельные столы) появились новые действующие лица. Несколько лётчиков, явно только что проснувшихся, с интересом и как-то слегка свысока посматривали в нашу сторону. Ну ещё бы им не смотреть свысока, ведь они, как я понял, были ночниками. Элита, можно сказать. А мы были, по своему обыкновению, в технических комбинезонах поверх гимнастёрок. Награды, естественно, видно не было, только петлицы выглядывали из-под расстёгнутого ворота комбеза.

– А вы кто такие будете? – подсел один из ночников к сидящим чуть отдельно Суворову, Смолину, Филонову и Санчесу. Видимо, решил, что они помоложе и званием пониже и на них можно слегка надавить авторитетом.

– Вам вот на помощь прилетели. – Суворов незаметно перемигнулся с Санчесом. – Говорят, вы тут без нас не справляетесь.

– А вы летать-то умеете? – присоединился к беседе ещё один из местных.

– Та ни, – подражая малоросскому говору, по обыкновению прищурившись, ответил Филонов, – мы так, низэнько. Вы, дяденьки, не серчайте, мы быстро научимся. А вы к нам в гости приходите да уму-разуму поучите.

И ведь пришли. Любопытно им, видите ли, стало, что это за желторотиков к ним прислали. Пришли и остановились как вкопанные с отвисшими челюстями. Мой-то самолёт стоял с краю, вот на него первый они и натолкнулись. Мало того что окраска необычная, так ещё и без трёх штук пять десятков звёздочек на капоте.

А тут и наш молодняк нарисовался поприветствовать гостей дорогих. Да все при наградах, а Котяра (младший лейтенант Филонов) так вообще со звездой Героя и орденом Ленина. В общем, вид у местной элиты был ошарашенный.

А ночью, предварительно согласовав с командиром полка майором Титаренко взаимодействие, мы в Гочем в качестве ведомого вылетели на перехват немецких бомбардировщиков, идущих на Москву. М-да, это вам не кабина Су-27, набитая приборами по самое не балуй. Тут из средств обнаружения и прицеливания лишь глаза пилота да провидение господне. Хорошо хоть не опозорился перед Учителем – лейтенантом Гочем. У него-то, в отличие от меня, реальный опыт ночных полётов на нынешних машинах. Да, я в своё время летал ночью и на спортивных поршневых самолётах, но это, как говорится, две большие разницы.

Впрочем, здорово помогли прожектористы, ловя в паутину лучей вражеские бомбардировщики, на которые, словно разъярённые осы, тут же нападали невидимые в темноте истребители. Огненные трассы впивались в туши бомберов, и в небе то тут, то там вспыхивали яркие факелы, стремящиеся к земной тверди. На земле тоже периодически вспыхивали цепочки разрывов – это подбитые немецкие асы

стремились избавиться от своего смертоносного груза, вываливая его, куда придётся.

Мы крутились чуть в стороне, когда я заметил тёмный силуэт на фоне облаков. Вернее, даже не столько заметил, сколько почувствовал, что там что-то есть. Длинная очередь из обеих стволов впилась в чёрный сгусток, который внезапно расцвёл ослепительной вспышкой. Похоже, я попал в бомбоотсек. Тут же откуда-то из-за моего левого плеча в ту же сторону пронеслись трассеры – Гоч высмотрел в осветившей округу вспышке и свою добычу. В ночной тьме вспыхнул яркий факел и стремительной кометой понёсся вниз.

Тут же в нашем секторе зашарили лучи прожекторов. Пара из них на миг осветили нас, но тут же метнулись в сторону. Я обстрелял ещё один Не-111, но то ли не попал, то ли повреждения были не фатальные, и фриц ушёл восвояси. Всё же вести бой ночью – это особая наука. Но хотя бы не на сухую слетали и не подмочили свою репутацию.

Следующий день мы с Гочем до обеда отсыпались, а остальной лётный состав учил по картам местность и сдавал зачёт штурману полка. Сбитых нам подтвердили, и мы с полным на то правом пополнили ряды звёздочек на фюзеляжах. На вылет нас не выпустили, а вот местные работали вовсю, сопровождая бомбардировщики и барражируя над передовой, хотя последнее, по моему мнению, приводило лишь к тому, что бессмысленно жгли топливо и расходовали моторесурс моторов. Гораздо эффективнее было бы иметь в нашем секторе своего авианаводчика на передовой.

Пришёл приказ нашей эскадрилье уделять больше внимания непосредственно сопровождению штурмовиков. На «илах» лежала основная работа по уничтожению колонн бронетехники противника, и беречь их нужно было как зеницу ока. А уж как обрадовался этому приказу майор Титаренко! Его полк, оснащённый истребителями ЛаГГ-3, входил в структуру ПВО Москвы и большей частью работал ночью. А тут ещё и приходилось выделять машины для сопровождения штурмовиков. Естественно, лётчики выматывались. Так что мы пришлись очень даже кстати.

В первый вылет на сопровождение штурмовиков пошли в составе 1-го звена старшего лейтенанта Шилова, 3-го звена старшего

лейтенанта Юсупова и нас с Санчесом. 2-е звено Гуладзе оставили на аэродроме в готовности номер два. Они поднимутся в воздух, когда мы отработаем и будем возвращаться. Так сказать, на всякий случай.

С «горбатыми»[37] встретились в оговоренном квадрате. Из двенадцати штурмовиков у половины за кабинами пилотов устроены самодельные огневые точки воздушных стрелков. Просто вырезали часть обшивки и установили там пулемёт да подвесили брезентовое сиденье[38]. Боюсь даже представить, какие потери несут стрелки, находясь за пределами бронекапсулы, в незащищённой части фюзеляжа. Тем не менее это хоть какая-то защита от атак истребителей с задней полусферы. Вторая половина Ил-2 были вообще одноместными.

Поравнялся с ведущим. У него, кстати, за кабиной пилота сидел стрелок. Оба с интересом разглядывали звёздочки у меня на борту. Пилот, улыбаясь, поднял вверх большой палец. Видимо, впечатлился. Мы с Санчесом эффектно отвалили в сторону и ушли с набором высоты. Наше место там, выше всех. Буду своего рода диспетчером. Да и Санчесу обзор там побольше.

На подходе к цели штурмовики начали перестраиваться, а мы отвалили в сторону, чтобы не попасть под огонь зениток, которые в бешеном темпе лупили в небо. Нам-то проще, можно уклониться, а каково сейчас в «илах»? Они-то с боевого курса уйти не могут. Хоть и называют Ил-2 летающим танком, а немцы так вообще прозвали его «бетонным самолётом» и «железным Густавом», но наибольшие потери они несут именно от огня зениток.

– Внимание, маленькие! – раздался в шлемофоне голос ведущего штурмовиков. – Атакуем! Всем усилить наблюдение за небом!

Из-под крыльев первой пары штурмовиков сорвались дымные стрелы реактивных снарядов и помчались к земле. Внизу что-то полыхнуло. Жаль, с высоты плохо видно.

– Тринадцатый, здесь Кортес! – Санчес бдит. – С запада, высота три, восемь или десять «худых». Далековато, видно плохо.

– Принял, Кортес. Шило, с запада гости. Восемь или десять. Высота три. Встреть. Князь, на тебе «горбатые».

Первое звено устремилось навстречу незваным гостям.

И тут же вновь раздался голос Санчеса:

– На девять часов, высота один, четвёрка «мессов». Ещё пара там же на нашей высоте.

– Князь, твой выход. На девять часов четвёрка бандитов, займись сам. Учитель с «горбатыми». «Горбатые», у нас гости. Работайте спокойно, мы их встретим.

Ну, та пара «мессеров», что выше всех, это, похоже, такой же командир со своим ведомым, как и я. Значит, его надо срезать в первую очередь. Вот им и займёмся.

Плавно пошли в набор высоты. Немцы, похоже, нас ещё не видят. Ну так не у всех такое уникальное зрение, как у Санчеса.

По-моему, немцы так и не поняли, кто их убил. Ещё раз убеждаюсь, что у Ме-109 обзор назад вообще никакой. Мы с Кортесом плавно зашли им в хвост и, как на полигоне, спокойно расстреляли их чуть ли не в упор. Ведущий вспыхнул весь и сразу, а ведомый, беспорядочно кувыркаясь, посыпался вниз без каких-либо признаков огня или дыма. Похоже, пилот убит.

Ну а мы бросились на помощь вниз. «Илы» уже отработали и, сбившись в плотный строй, уходили на восток. Позади них на земле что-то весело горело и стояли несколько столбов чёрного жирного дыма. Пара Юсупова носилась над ними, высматривая опасность.

– Тринадцатые! Заканчиваем фестивалить. Идём домой! – дал я команду в эфир.

Почти сразу подошла пара Гоч – Смолин, а через минуту и звено Шилова.

Уже на земле подвели итоги. По одному завалили мы с Санчесом, из первого звена Мищенко сбил двоих, и по одному – Шилов и Филонов, одного срезал Смолин. Итого семь. Штурмовики вернулись без потерь, хотя двое из них получили довольно серьёзные повреждения от зенитного огня. Самое интересное, что как только немцы разглядели, с кем имеют дело, то поспешили выйти из боя. Помнят ещё, времени-то прошло не так и много. Да и приказ не связываться с нами всё ещё действует. А против нас здесь всё тот же 2-й воздушный флот люфтваффе. Старые знакомые, можно сказать.

Постепенно сопровождение штурмовиков и «пешек»[39] стало ежедневной рутиной. Народ ходил всё более и более хмурый. Не добавило настроения даже то, что мне удалось раздобыть целых

четыре ящика с тарелками и охотничьи патроны для ежедневных пострелюшек, которые стали уже нашей традицией.

Немцы упорно не хотели с нами драться. Пришлось связываться со штабом ПВО, к которому мы были вроде как временно прикомандированы, и договариваться о вылетах на свободную охоту.

– Ну что, орлы, – подошёл я к сидящим в курилке с кислыми лицами лётчикам, – совсем закисли? Кто желает полетать?

– «Пешки» или «горбатые»? – лениво спросил лейтенант Мищенко, дымя папиросой и даже не открывая прикрытые в полудрёме глаза.

– А ты сам-то чего бы хотел, Вьюн? – усмехнулся я.

– Эх… – Мищенко наконец-то сел и бросил окурок в стоящее здесь и изображающее урну ведро. – Я бы хотел «мессеров», да побольше. И чтобы они не драпали, а дрались. Скучно.

Он горестно вздохнул.

– Ну, тогда есть предложение отдохнуть и повеселиться. Нам дали добро на свободную охоту.

Наверное, в этот момент Кессельрингу, командующему 2-м воздушным флотом люфтваффе, икнулось. Потому что такого громкого «УРА!!!» лично я ещё не слышал. Ну чисто дети. Прыгают и радуются, как школьники, только что получившие пятёрки за контрольную, к которой совершенно не готовились.

Какое звено первым отправится к передовой на охоту, решили нашим любимым способом – стрельбой по тарелочкам. С отрывом в одно очко победило второе звено, и счастливый Гуладзе со своими орлами бегом бросился к стоянке истребителей.

Следующие три недели стали сущим кошмаром для немецкой авиации в нашей зоне ответственности. Каждый день, за исключением дней, когда либо погода была нелётная, либо приходилось вылетать в полном составе на сопровождение, одно из звеньев делало пару-тройку вылетов на свободную охоту. Немцы вновь начали орать в эфир: «Achtung! Rote Flugel im Himmel!»[40] Почти из каждого вылета возвращались с победой, а зачастую и не с одной.

Уже заметно похолодало. А у нас куда-то запропастился наш особист. Пятый день от него ни слуху ни духу. На мой вопрос о судьбе Данилина в особом отделе полка ПВО мне ответили, чтобы не переживал: человек работает. И всё. Дальше думай что хочешь. Ну да

ладно. Раз человек работает, то и пусть. Он в наши дела особо не лезет, так и в его тоже лезть не следует.

Данилин вернулся сияющий, как пятак, со шпалой лейтенанта госбезопасности[41] в петлице и медалью «За отвагу» на груди. Как оказалось, нами серьёзно заинтересовалась немецкая разведка, и Данилину удалось выйти на их агента и поучаствовать в ликвидации диверсионной группы, нацеленной на наш аэродром.

А на следующий день из вылета не вернулся лейтенант Кравченко (позывной Фил), а младший лейтенант Шишов (позывной Потапыч) едва смог дотянуть на повреждённом истребителе до аэродрома и чудом сумел посадить в хлам избитую машину.

– Я таких ещё не видел, – рассказывал в курилке Гуладзе, от волнения позабывший про свой грузинский акцент. – Размалёванные. Мы только успели минут пять покрутиться над передовой, как они на нас навалились вдесятером. Кто-то у них такой же умелец, как ты, командир. Бьёт издали и точно. Так они Фила и срезали. Мы одного смогли завалить, и если бы соседи на выручку не подошли, то там бы все и остались. Немцы не стали вступать в бой и ушли к себе. Да ещё, сволочи, крылышками так покачали: мол, до встречи.

Дальше Зураб перешёл на свой родной язык. Как я понял, ругался.

М-да, похоже, немцы решили натравить на нас каких-то своих асов. Ну что же, как говорил герой индийского народа товарищ Маугли, мы принимаем бой. Надо только подготовиться как следует. Тем более что Кузьмич обещал за сутки привести машину Потапыча в боеспособное состояние. Не так там всё страшно было, как казалось на первый взгляд.

Поздно вечером в расположение вернулся на попутной полуторке лейтенант Кравченко. Хоть и с исцарапанной мордой лица, но живой. Смог всё же покинуть горящую машину на минимальной высоте. Парашют едва успел раскрыться, как вот она уже, земля-матушка.

А «размалёванные», как их с нашей подачи успели окрестить, устроили форменное избиение соседнему истребительному полку. Мало того что в одном бою сбили одиннадцать «ишачков», так ещё и присовокупили к ним девять бомбардировщиков СБ, которые те самые И-16 сопровождали. С каким-то маниакальным азартом они расстреляли в воздухе всех, кто смог выпрыгнуть с парашютом из подбитых машин.

Как говорится, хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах. Так и у нас все планы по ответке немецким асам пошли прахом. На следующий день со мной связался сам Жигарев и распорядился оказать содействие разведотделу фронта. Спустя час после разговора на аэродром сел У-2, доставивший представителя этого самого разведотдела аж в чине полковника.

Мы расположились в штабе полка, расстелив на столе карту.

– Вот смотри, капитан, здесь район, который нас интересует. Необходимо провести авиаразведку. Скажу честно, ни один самолёт-разведчик и ни одна разведгруппа оттуда не вернулись. Район плотно прикрыт как зенитками, так и с земли. Нам крайне важно знать, что там происходит. По некоторым признакам, немцы сосредотачивают где-то там танки для удара на Москву. Так что решай, кто у тебя пойдёт на задание. Снимки района нужны как можно быстрее.

Я задумался. Хотя что тут думать. Самому придётся лететь, и лететь одному: так больше шансов прорваться. У парней, какими бы боевыми они не были, нет моего опыта. А значит, решено: лечу сам. О чём и сказал полковнику.

– Тебе виднее, капитан, – произнёс он. – Больше нам надеяться не на кого, а о вас уже легенды ходят, как вы фрицев в хвост и в гриву бьёте.

Вылетать решил рано утром, с тем расчётом, чтобы на рассвете быть над указанным районом. За ночь на мой «як» установили фотокамеру.

Когда надевал тёплый комбинезон (а наверху, мягко говоря, холодновато) и парашют, Кузьмич похлопал меня по плечу и сказал:

– С Богом, Илья. На рожон не лезь.

– Товарищ старшина, вы же партийный, а в Бога верите, – усмехнулся стоящий рядом младший лейтенант Суворов.

Их звено пойдёт со мной до линии фронта, а третье встретит, когда буду возвращаться, и в случае чего прикроет.

– Командир, а ты сам в Бога веришь? – Данилин, которого обязали проконтролировать, чтобы к отсеку с фотокамерой никто не подходил до момента взлёта, тоже решил поучаствовать в религиозном опросе.

– В Бога? – Я слегка попрыгал, поправляя парашютную систему. – А хрен его знает насчёт Бога, но вот в одно я верю точно. В то, что пройдёт не так много времени, и мы подойдём к самому фашистскому

логову. И будет на обочине дороги стоять указатель «До Берлина 50 км», а ниже от руки рядовой Ваня припишет: «Ни х…я, дойдём!»

Кстати, анекдот в тему. Идёт антирелигиозная лекция, и лектор, заканчивая выступление, говорит: «Бога нет, товарищи, и, чтобы убедиться в этом, сейчас каждый подойдёт и плюнет на икону. И ничего страшного ему за это не будет».

Все подходят, плюют, один лишь Рабинович спокойно сидит на своём месте. Лектор спрашивает его: «А вы что же, товарищ Рабинович, не идёте и не плюёте?» – на что Рабинович отвечает: «Если таки Бога нет, то плевать просто бессмысленно, а если он вдруг есть, то зачем так сразу портить с ним отношения?»

Громкий хохот взрывом раскатился над стоянкой 13-й эскадрильи, а я полез в кабину истребителя. Пора, однако.

Линию фронта пересёк в составе звена и, уже углубившись на вражескую территорию на несколько километров, отделился от группы. Парни слегка пошумят и вернутся к себе, а мне предстоит вояж в тыл к немцам.

К интересующему разведку району подошёл с севера. На земле стало уже совсем светло, и в прохладном воздухе отчётливо было видно несколько столбов белого дыма. Очень похоже на полевые кухни. Так, а это что такое? Ну прямо классика жанра: поле, а на нём – много стогов сена. Даже слишком много. Прошёлся над ними на километровой высоте, делая снимки, а потом резко спикировал и дал очередь из пушки по одному из стогов. Что и требовалось доказать. Под сеном оказалась бронированная тушка танка.

Поняв, что фокус не удался, немцы открыли ураганный огонь из зениток. В небе стало несколько тесновато от пролетающего металла. Набрал высоту полтора километра и прошёл над районом ещё раз, щёлкая электрозатвором камеры. Блин, а страшновато. Когда снимаешь, то нельзя сменить курс и приходится идти как по ниточке, чем и пользуются расчёты зениток, всё больше и больше сжимая кольцо разрывов вокруг крохотного самолётика.

Всё, хорош. Надеюсь, снимки получились, и разведка увидит на них что-то стоящее. Хотя танки по-любому должны разглядеть. Вон они как шустро начали расползаться по полю, словно тараканы, спасаясь от тапки. Не, на фиг, на фиг. Домой.

Но домой сразу не получилось. Когда до линии фронта оставалось километров двадцать, наперерез мне из облаков вынырнула четвёрка «мессеров». От одного взгляда на них предательский холодок пробежал по спине. Вот они, голуби размалёванные, ёрш их медь. Интересно, только четверо или?.. А вот хренушки, вся банда здесь. Остальные отсекают от нашей территории. Прям дежавю какое-то. Совсем недавно так же дрался один против толпы, когда прикрывал отход наших со штурмовки. Только там фрицы были немного пожиже.

Упс, а вот и снайпер местного разлива нарисовался. Я едва успел увернуться от очереди, выпущенной с приличной дистанции. Ну что же, деваться некуда, придётся принимать бой. Надо только потихоньку оттягивать их к своей территории.

Всё, что происходило потом, память не сохранила, изрядный кусок времени словно оказался практически полностью стёрт. Остались только мельтешение крыльев с крестами, какие-то драконы, единороги, ястребы и прочая чертовщина на фюзеляжах. Чёрные дымные полосы по направлению к земле и треск пулемётов и авиапушек. Помню, как смолкло моё оружие, и хвостовое оперение с ненавистным крестом прямо перед винтом моего «яка». Треск, болтанка и… темнота.

В себя пришёл от резкого запаха гари, подействовавшего на меня не хуже ватки с нашатырём под нос. Самолёт стремительно нёсся на встречу с земной твердью, а это явно не входило в мои планы. Изо всех сил тяну ручку на себя – «як» нехотя начинает задирать нос кверху. Набегающий поток воздуха сбил пламя под капотом, но двигатель работал с подвизгиванием, и машину нещадно трясло.

Вот ведь твою же ж! И прыгать нельзя, и садиться на немецкой территории тоже: фотоплёнку надо во что бы то ни стало доставить к нашим. Иначе туда опять кого-нибудь пошлют, и опять не факт, что смогут выполнить задание. Блин, а левая рука-то болит и постепенно немеет ниже локтя, зато выше прям печёт. Зацепило, что ли? И где, в конце концов, встречающие? Рация разбита, и связаться не получится. А и фиг с ним, поплетусь тихой сапой домой. Авось дотяну.

Дотянул. С огромным трудом удерживая норовящий вырваться истребитель, притёрся к полосе. В самом конце пробега правая стойка подломилась, и истребитель несколько раз крутнулся на месте. Всё, дома.

И тут меня затрясло как припадочного. Руки, ноги, голову, всё тело трепало в сильнейшем откате. Попытался открыть фонарь и не смог ухватиться за ручку: рука просто не слушалась. Вот снаружи сорвали то, что осталось от остекления, вот кто-то сунул мне в губы горлышко фляжки. Прежде чем понял, что это спирт, успел высосать почти всю.

В себя пришёл только ближе к вечеру, лёжа на кровати в лазарете. Левая рука была забинтована выше локтя. С трудом сел на кровати, кутаясь в колючее шерстяное одеяло. Кроме нижнего белья, на мне ничего больше не было. Страшно хотелось есть. Вернее, есть-то мне как раз не хотелось – мне хотелось ЖРАТЬ. Просто дико хотелось, словно я неделю провёл на голодном пайке.

Из-за занавески, изображавшей здесь дверь, донеслись чуть слышимые голоса. Кто-то спросил шёпотом:

– Доктор, ну как он?

– Так и не просыпался, – послышался в ответ женский шёпот. – Видимо, сказалось нервное напряжение. Будем ждать.

– Считайте, что дождались. – Блин, а голос-то какой хриплый. И во рту сушняк, как после длительного запоя. – Проснулся я уже.

Занавеска тут же откинулась в сторону, и, так скажем, в палату ворвались врач местного полка, а за ней Гайдар и мой заместитель, старший лейтенант Шилов. Доктор сразу бросилась замерять мне пульс и смотреть глаза, а эти двое глядели на меня прямо с щенячьим восторгом.

Наконец я не выдержал:

– Ну и что вы на меня так уставились, словно я блондинка с четвёртым номером бюста?

Доктор укоризненно посмотрела на меня. Из-под белой шапочки у неё выбивался светлый локон, а грудь была на вид именно четвёртого размера.

– Командир! Ты! Сбил! Десять! Немецких! Асов! – чётко разделяя слова, сказал Шилов.

– Откуда известно?

Нет, то, что я отбился от фрицев, это понятно, но вот чтобы так прямо взял и сбил – это невероятно. Немцы-то были далеко не те, с которыми довелось встречаться ранее.

– Илья, ты спал четверо суток, – вступил в разговор Гайдар. – Вчера трое сбитых немецких лётчиков подтвердили, что тобой в одном бою был полностью уничтожен зондерштаффель под командованием оберста Зигфрида фон Рауха. Из штаффеля не выжил никто. Двух выбросившихся с парашютом ты расстрелял в воздухе, последнего из немцев таранил почти над самой передовой. По словам пленных, у немцев большой переполох. Кессельринг выпросил этот штаффель у Гитлера специально для того, чтобы уничтожить нашу эскадрилью, и теперь попал в немилость к фюреру. До этого фон Раух со своими подчинёнными терроризировал англичан над Ла-Маншем. У них у каждого по сорок-пятьдесят сбитых на счету, а у их командира – больше сотни.

– Да и чёрт с ними, – махнул я рукой, – сбил и сбил. Скажите лучше, что с плёнками? Уцелели?

– Камеру сразу сняли, и её увёз Данилин. Вернулся довольный, как кот из сметанной кладовой, – улыбнулся Шилов. – Значит, всё в норме, иначе он бы так не лыбился.

В этот самый момент у меня предательски забурчал желудок, настойчиво требуя от своего хозяина пищи. Я уже порывался встать, но не тут-то было. Доктор едва не силком уложила меня на кровать и выпроводила посетителей. А минут через пятнадцать, показавшихся мне вечностью, мне принесли тарелку жиденькой каши с маслом. Какой? Да кто же знает. Содержимое тарелки как-то сразу исчезло, а в животе перестали бить барабаны, хотя голод никуда не ушёл. Через полчаса меня опять накормили, на этот раз наваристым борщом. Жить сразу стало лучше, жить стало веселее, товарищи.

Выпустили меня из медицинского узилища на следующий день, убедившись, что все рефлексы у меня соответствуют норме. Печальнее всего было то, что я стал безлошадным. Мой «як» ремонту не подлежал, о чём меня с печалью в голосе известил Кузьмич. Жаль. Я хотел полетать. Рана на руке оказалась пустяковой, хоть и болезненной царапиной. Эх, придётся у Санчеса клянчить машину. Уж, наверное, не откажет своему командиру и ведущему.

На основании доставленных мной данных был нанесён мощный авиационный бомбоштурмовой удар. Говорят, немецких танков из разряда боевых машин в разряд банального металлолома перевели больше сотни, плюс уничтожили большое количество живой силы,

орудий и миномётов, автотранспорта. Мне засчитали десять сбитых. За проведённую разведку представили к ордену Красного Знамени, а за десять уничтоженных немецких асов – ко второй Золотой Звезде.

Слетал я пару раз на истребителе Санчеса и даже сбил одного зазевавшегося немца на Ме-110, проводящего, по всей видимости, разведку.

Выяснилось и то, почему меня не встретили над линией фронта. Немцы грамотно отвлекли встречающих, навязав им неравный бой. Против наших четырёх фрицы выставили дюжину истребителей. В общем, зажали третье звено крепко. Юсупова подбили почти сразу, он вышел из боя и чудом сел на относительно ровное поле. Потом сутки добирался до расположения. Немцы в том бою потеряли пятерых, но свою задачу по отвлечению подмоги выполнили. Досталось мне по полной.

Через неделю нам перегнали новые самолёты в количестве пяти штук. Славно всё-таки быть на хорошем счету у начальства. Хватило одного звонка Жигареву, чтобы решить вопрос с техникой. А уж от перегонщиков мои орлы были в полном восторге. Молоденькие девчонки, стоило им лишь покинуть кабины истребителей, вызвали бурю эмоций. Народ резко бросился бриться, приводить себя в порядок и наводить лоск. В общем, общение с очень даже симпатичными перегонщицами подняло всем настроение.

Седьмого ноября вся авиация была приведена в боевую готовность номер один. Хотя я точно помнил, что в день проведения легендарного парада на Красной площади погода была нелётной и немецкая авиация Москву не бомбила. Тем не менее сидели и ждали команды на взлёт.

Вечером в столовой с удовольствием подняли тост за годовщину Октябрьской революции, за Сталина и за Победу. Гайдар принёс свежие газеты, в которых был его новый очерк о моём бое «Неравный поединок. И один в поле воин, если он по-русски скроен». Опять пришлось пережить минуту страха, когда потолок раз за разом вплотную приближался к моему лицу. Вот что за любовь в этом времени подбрасывать людей вверх?

Через неделю после праздника от сбитого немецкого лётчика узнали, что так полюбившийся нам 2-й воздушный флот люфтваффе перебрасывается в Италию. Теперь придётся воспитывать и приучать к

относительно приличному поведению их сменщиков. Зато они пока у нас здесь непуганые, и это позволило нам всем увеличить личный счёт. Я свой довёл до шестидесяти шести – уже больше, чем у легендарного Ивана Кожедуба. Во всяком случае, если смотреть на его официальный счёт[42].

В конце ноября меня вызвали в Москву. Я ехал на присланной за мной Жигаревым «эмке» и думал о странностях, которые заметил в последнее время. Я прекрасно помню по своим визитам в Кубинку в моем времени, где проходила линия обороны в сорок первом году. Даже был там с экскурсией. А теперь линия фронта проходит километров на двадцать западнее этого рубежа и, судя по тому, что со дня на день должно начаться контрнаступление, сдвигаться на восток не собирается.

Это что, я своим вмешательством хоть ненамного изменил ход истории?

Глава 7
Британский вояж

Моё награждение второй Золотой Звездой и орденом Красного Знамени прошло без особой помпы. Так сказать, в рабочем порядке, правда, в Кремле. Заодно повысили в звании, и теперь у меня в петлицах две шпалы майора. Привычное, можно сказать, для меня звание. Там, в другом времени, я до последнего дня ходил майором, подполковника мне дали по увольнении.

Лётному составу эскадрильи также всем повысили звания на одну ступень. Мы стали, можно сказать, уникальным подразделением: у нас теперь все без исключения лётчики – Герои Советского Союза. Как сказал Жигарев, даже встал вопрос об увеличении нормы сбитых для представления к этому высокому званию. Я частично согласился с этим мнением, но предложил увеличить норму не всем, а лишь для гвардейских авиачастей.

Награждать парней будут немного позднее, уже торжественно, а меня срочно выдернули с фронта для выполнения особого задания. Предстоит мне дорога дальняя, аж на Туманный Альбион – в составе делегации. Буду, так сказать, работать в Англии лицом Советских ВВС. Заодно и к технике присмотрюсь.

После были инструктажи и беседы с контрразведчиками, у которых возникли вопросы по поводу моего знания английского языка. Пришлось сказать, что у меня есть способности к языкам, немецкий я знаю с детдомовского детства в Саратове, английский учил в школе и самостоятельно, а сейчас занимаюсь самостоятельным изучением французского языка. Продемонстрировал русско-французский разговорник, который раздобыл через Гайдара, чтобы залегендировать на всякий случай моё знание языка Вольтера.

Контрразведчики даже переводчика пригласили, чтобы он оценил мои познания в английском. Пришлось следить за речью и допустить несколько ошибок в словах и произношении. В общем, отбился от бдительной спецслужбы.

Самолётом вылетели в Архангельск, где предстояло пересесть на корабль. В салоне заметил несколько пачек советских газет, и в каждой

на первой полосе – моё фото. Самый результативный ас антигитлеровской коалиции – это меня газетчики так прозвали. М-да, никогда не хотел быть публичным человеком, а вот пришлось.

Переход морем из Архангельска в Эдинбург лишний раз убедил меня в том, что быть моряком я категорически не хочу. Нет, морская болезнь меня, в отличие от почти всей остальной делегации, не мучила, но один лишь взгляд на серые, ледяные даже на вид волны напрочь отбивал романтику морских странствий. Я уж лучше по небушку, там мне комфортнее и уютнее.

Англия встретила нас, вопреки бытующему мнению, ясной погодой. В отличие от того же Архангельска, где вовсю хозяйничала зима с морозами и метелями, здесь было хоть и сыро, но всё же потеплее. Во всяком случае, для нас.

В Эдинбурге нас встретил представитель посольства и сразу повёз на железнодорожный вокзал. До Лондона почти сутки предстояло трястись в поезде. Зато с пользой провёл время, беседуя с Павлом Савельевым, молодым дипломатом, с начала войны работавшим в нашем посольстве в Лондоне. Вся остальная делегация отсыпалась после морской болезни. Павел и поведал мне о планах на ближайшие дни. Вот уж удивил так удивил. Был запланирован торжественный приём в посольстве в мою честь, встреча с английскими и американскими журналистами.

Начало приёма мне, если честно, не понравилось. Пришлось при полном параде долго стоять на входе вместе с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Великобритании Майским[43] и встречать приглашённых гостей. И при этом со всеми раскланиваться, подражая ему. В той своей жизни не сподобился на такое и уж точно не ожидал ничего подобного в этой.

Наконец все гости прибыли, и мы прошли в зал, где вдоль стен были расставлены столы с традиционной красной и чёрной икрой, копчёной осетриной и прочими разнообразными закусками, а также, естественно, русской водкой и другими горячительными напитками. Вот что-что, а пускать пыль в глаза мы всегда умели.

Майский ещё раз представил меня гостям и быстренько отвалил в сторону, завязав беседу с какими-то джентльменами. Вообще, реакция посла на моё появление меня несколько удивила: она была откровенно

пофигистичной. Нет, я понимаю, что не являюсь птицей высокого полёта, но так демонстративно игнорировать тоже не дело.

Вообще, в нашем посольстве в Лондоне мне многое показалось довольно странным. Я, конечно, далёк от дипломатической работы и многое не понимаю, но то, что у посла, владеющего достаточным количеством государственных секретов, личный секретарь – англичанка, вызывает ряд вопросов. Плюс личный водитель также англичанин. Да и других сотрудников-англичан тоже более чем предостаточно[44]. Думаю, что директивы и указания из Москвы становятся известны англичанам едва ли не раньше, чем их прочитает посол.

Ну да бог с ним, с Майским. Пусть об этом голова болит у соответствующих ведомств. Хотя вот так стоять в одиночестве, как три тополя на Плющихе, тоже не стоит. Пойти, что ли, пройтись вдоль столов и полакомиться яствами, которые нам на фронте и не снились?

Тут моё внимание привлёк высокий военный в форме Королевских ВВС. Лощёное лицо с усами щёточкой и жёсткой верхней губой[45], надменный взгляд истинного аристократа, по какому-то недоразумению оказавшегося среди плебеев, которого удерживает здесь лишь долг службы.

– Сэр Траффорд Ли-Мэллори, айр-маршал[46], – подсказал неслышно подошедший сзади Павел Савельев, которого закрепили за мной (во всяком случае официально) в качестве гида и помощника, раз уж переводчик мне не требовался. – Командующий истребительной авиагруппой. Отличился в прошлом году при отражении немецких авианалётов.

Ли-Мэллори… Ли-Мэллори. А ведь я про него в той своей прошлой-будущей жизни читал. «Битва за Британию». Он погибнет в сорок четвёртом году в авиакатастрофе в Альпах под Греноблем. А ещё у него есть, вернее, был, старший брат Джордж, который считается первым человеком, предпринявшим попытку покорить высочайшую вершину мира Эверест в 1924 году, и пропавший там без вести. Его останки найдут лишь в 1999 году в трёхстах метрах ниже северо-восточного гребня. Это дало очередной серьёзный повод для дискуссии по вопросу первенства в покорении высочайшей точки планеты. Чем не повод для знакомства?

Я подошёл к англичанину.

– Сэр, позвольте ещё раз приветствовать вас в советском посольстве. Разрешите представиться: майор Копьёв.

Я слегка прищёлкнул каблуками и чуть заметно кивнул, выказывая уважение к старшему по званию.

– Айр-маршал Ли-Мэллори. – Ответный чуть заметный кивок. – Я рад приветствовать на британской земле самого результативного аса союзных наций. Это правда, что вы сбили больше пятидесяти немецких самолётов?

– Шестьдесят шесть, если быть точным, господин маршал, – улыбнулся я. – К сожалению, не успел довести счёт до ровного, когда меня отправили в поездку в Великобританию. Но как только вернусь на Родину, сразу займусь дальнейшим увеличением личного счёта. Скажите, сэр, ведь это ваш брат первым покорил Эверест в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году?

– Я удивлён, что в Советской России знают об этом. – Ли-Мэллори действительно удивился. – К сожалению, мой несчастный брат пропал без вести во время этого восхождения, и никто доподлинно не знает, удалось ли ему покорить вершину.

– Господин маршал, примите мои самые искренние соболезнования и в то же время глубочайшее уважение к подвигу вашего брата. Я убеждён, что он там был и со временем это подтвердится. – Я старался быть как можно более искренним. – И у вас, сэр, очень предвзятое отношение к Советскому Союзу. У нас можно взять в библиотеке любую необходимую литературу, подшивки газет со всего мира, даже вашу «Британнику»[47], и прочитать интересующий материал. Перед поездкой я натолкнулся на статью об экспедиции вашего брата, и она поразила меня до глубины души.

Ну не рассказывать же ему, что далеко не в каждой библиотеке есть такое, а там, где есть, надо получить особое разрешение на чтение подобной литературы.

– И всё же я поражён. – Едва заметная улыбка проскользнула в глазах Ли-Мэллори. – Мои представления о Советах только что в корне изменились. Вы точно военный лётчик? Или, может быть, агент вашего ГПУ? Вы говорите на английском так, словно родились и выросли в Лондоне. Признайтесь, майор, вас специально готовили?

– Уверяю вас, я действительно лётчик-истребитель. – Я жестом пригласил маршала к столу: – Позвольте угостить вас, господин

маршал, настоящим советским коньяком. – Кивнул стоящему здесь официанту на бутылку коньяка «Армения», который пробовал в Москве. – Предлагаю тост за боевое братство.

Я поднял бокал с янтарным напитком. Ли-Мэллори поднял бокал в ответ и слегка пригубил напиток. Его бровь удивлённо взметнулась вверх, и он с удовольствием выпил до дна.

– Вы снова смогли меня удивить, господин майор. Чудесный напиток. Не знал, что у вас в России делают такой прекрасный коньяк. Ну а после столь чудесной дегустации позвольте мне выполнить то, ради чего я здесь.

Он подал знак рукой, и рядом с ним тут же материализовался молодой офицер с кожаной папкой в руках, украшенной золотым английским гербом. А рядом со мной уже стоял невесть как почувствовавший важность момента посол Майский. И как только смог углядеть? Я был уверен, что он даже не смотрит в мою сторону.

– Господин Копьёв! – начал Ли-Мэллори торжественно. – По поручению его королевского величества короля Великобритании и Северной Ирландии Георга VI имею честь вручить вам приглашение на аудиенцию у его величества, которая состоится завтра в два часа пополудни в Букингемском дворце.

С этими словами он раскрыл папку, в которой лежал конверт с таким же оттиском английского герба, и с лёгким поклоном протянул его мне.

– Я благодарю его королевское величество за оказанную мне честь.

Я с таким же лёгким поклоном взял в руки конверт с приглашением, лишь на какое-то мгновение опередив потянувшегося за ним Майского. А нечего свои грабалки тянуть к тому, что не тебе адресовано.

Букингемский дворец впечатлил своим убранством. В своей прошлой жизни мне так и не довелось побывать в Англии, так что сравнивать, что за будущие годы изменится, мне было не с чем. Думаю, что консерватизм британцев вообще не позволяет им менять что-либо.

Вчера меня весь вечер буквально задолбали инструктажами по правилам поведения во дворце. В конце концов, я просто перестал обращать на это внимание. Зато теперь посол Майский стал моим

«лепшим другом». Особенно после того, как он позвонил в Форин-офис[48] для уточнения вопроса, следует ли ему сопровождать некоего майора Копьёва на аудиенции у короля, на что ему ответили, что его величество пригласил лишь одного вышеупомянутого майора, и, возможно, произошло недоразумение, но поправлять волю монарха они не могут и ещё раз выражают сожаление. Похоже, это маленькая «мстя» Майскому за события 1926 года в Стратфорде[49].

В зале, куда меня в сопровождении Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Великобритании Майского, которому в самый последний момент всё же прислали приглашение во дворец, проводил одетый в расшитую золотом ливрею лакей, помимо самого короля было ещё человек двадцать. Трое из них, судя по фотокамерам, были репортёрами.

А вот Черчилля, премьер-министра, я не увидел. Ну, оно и понятно. Не такая я и важная птица для него, особенно учитывая его русофобию, чтобы встречаться со мной, даже если это аудиенция у монарха. Зато здесь присутствовал айр-маршал Ли-Мэллори, стоящий вместе с несколькими военными отдельной группой. Он приветливо и даже как-то одобрительно кивнул мне.

Сам король Георг VI был в форме Королевских военно-воздушных сил, чем меня даже несколько разочаровал. Я-то надеялся увидеть монаршую особу в мантии, с короной на голове и на троне, а увидел стоящего на своих двоих офицера.

Ещё один дворцовый служитель (вот не знаю, как называется его должность) дважды громко стукнул своим довольно массивным, украшенным золотом посохом об пол и провозгласил:

– Гвардии майор военно-воздушных сил Красной армии господин Копьёв и Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза господин Майский.

Майский лишь чуть слышно хмыкнул на такое пренебрежение к его персоне. Видимо, привык уже. В данном случае его упомянули после меня, хотя по протоколу должно было быть наоборот: здесь он представитель страны, а не я.

Сказать, что произошедшее затем меня удивило, – это ничего не сказать. После взаимных приветствий, где первую скрипку играл Майский, как знающий дворцовый этикет, Георг VI вдруг громко произнёс:

– Господа, сегодня мы рады приветствовать самого результативного аса не только ВВС Красной армии, но и всех стран-союзников по борьбе с гитлеровской Германией. Гвардии майор Копьёв сбил шестьдесят шесть самолётов противника, в том числе в одиночку уничтожил в воздухе группу оберста Зигфрида фон Рауха, на чьём счету жизни не одного десятка наших лётчиков. Мы сражаемся вместе плечом к плечу с врагом всего человечества, гитлеризмом, и такие люди, как гвардии майор Копьёв, своим мужеством и героизмом приближают нашу общую победу.

Сегодня за выдающееся лётное мастерство и беспримерную отвагу я с большим удовольствием награждаю гвардии майора военно-воздушных сил Красной армии Копьёва крестом «За выдающиеся лётные заслуги»[50]. Пусть эта награда способствует ещё большему сближению наших народов в борьбе с гитлеровской Германией.

С этими словами король прикрепил мне на грудь, чуть ниже моих орденов Ленина, серебряный крест на ленте с наклонными полосами пурпурного и белого цветов.

Я на миг растерялся, не зная, как положено отвечать в таких случаях, но потом мысленно плюнул и, встав по стойке смирно, громко и чётко на русском языке произнёс:

– Служу Советскому Союзу!

Следующие две недели слились для меня в один сплошной калейдоскоп. Мне пришлось выступать на встречах с журналистами, рабочими, студентами. Отвечать на их подчас совсем наивные вопросы. Впрочем, не особо и удивили. Ещё по той своей жизни я прекрасно помнил, как именно представляют жизнь в России за границей. Тут тоже недалеко ушли. Были и вопросы личного характера: есть ли у меня семья, женат ли я, есть ли у меня девушка, какие девушки мне нравятся, каково моё мнение об английских девушках – это в основном от женской части.

Пришлось отвечать, что я сирота, и всем, чего я достиг, я обязан неустанной заботе о таких, как я, со стороны нашего правительства и товарища Сталина (а куда денешься, время такое); что я не женат и девушки у меня нет, так как идёт кровопролитная война и пока просто не до этого; что английские девушки, безусловно, красавицы, но самые красивые девушки живут у нас, в Советском Союзе. Мужчины

спрашивали больше о войне, о положении на фронте, о моём видении дальнейшего хода войны.

Кроме этих встреч меня плотно привлекли к работе с нашими техническими специалистами по вопросам поставки по ленд-лизу авиационной техники. Для этого я несколько раз выезжал на английские авиабазы, где, как говорится, пробовал в воздухе различные типы самолётов-истребителей.

Особенно меня интересовал Р-39 «Аэрокобра». Учитывая, что в своём прошлом я имел опыт полётов на подобной машине, я надеялся провести полноценные лётные испытания. И… надежды не оправдались. Самолёт, в отличие от того, из будущего, был каким-то… дубовым, что ли. Возможно, всё дело в том, что тот, на котором я летал в Штатах, был репликой, изготовленной из современных материалов, и двигатель был явно доработан и имел большую мощность. Да и репликой он был последних серий этих истребителей.

Но всё же в воздух я поднялся и крайне аккуратно выполнил несколько фигур высшего пилотажа. Надо же мне потом в отчёте что-то писать. Про недостатки я и так помню. Главная – это задняя центровка, из-за которой «аэрокобра» была склонна к сваливанию в плоский штопор. Нет, тот же «ишачок» тоже имел заднюю центровку, и сделано это было специально, чтобы повысить манёвренность истребителя. Про И-16 говорили, что он может летать вокруг телеграфного столба. Но на «кобре» центровка менялась в зависимости от расходования боеприпасов и топлива, и это в конечном итоге привело к многочисленным авариям и катастрофам, в которых погибли наши лётчики.

Сейчас же я набрал высоту и умышленно ввёл самолёт в плоский штопор, из которого достаточно свободно вышел.

Затем выполнил несколько фигур высшего пилотажа, но уже с нагрузкой. В конце концов почувствовал, что самолёт откликается на управление несколько по-другому, чем должен. Всё, хватит. Иду на посадку.

При осмотре выяснилось, что деформировалось хвостовое оперение, обшивка фюзеляжа, некоторые технологические лючки невозможно было открыть. Англичане были в шоке. Они, мягко говоря, недолюбливали этот самолёт, поэтому и отказались от него. Надежды американской фирмы «Белл» поправить своё положение за

счёт поставок союзникам этой машины повисли на волоске, и лишь поставки его по ленд-лизу в СССР спасли фирму от разорения. Сложным в пилотировании показался он островитянам. А тут какой-то русский спокойно выводит машину из смертельного штопора и после этого выполняет каскад фигур высшего пилотажа.

Я на несколько дней засел за написание отчёта, в котором указал на все достоинства и недостатки «аэрокобры», возможные пути доработки машины, предложил привлечь к этой работе специалистов фирмы-изготовителя. Также высказался по поводу малого боекомплекта для 37-миллиметровой авиапушки (тридцать снарядов – это ни о чём) и её низкой скорострельности. Возможно, есть смысл заменить её на нашу 23-миллиметровую авиапушку ВЯ. Ну и в конце рекомендовал сажать на этот самолёт только опытных лётчиков. Кроме этого, отдельно написал инструкцию по пилотированию «аэрокобры» с целью избежать сваливания в плоский штопор и методику вывода из него самолёта.

Двадцать четвёртого декабря, накануне католического Рождества, я выехал на авиабазу в Эшфорд, где, к неудовольствию англичан, уже предвкушавших праздник, предстояло попробовать в воздухе Supermarine Spitfire Mk.VB.

Оделся в английский зимний лётный комбинезон с подогревом и взлетел, набрав высоту тридцать две тысячи футов, или, в переводе в метрическую систему, почти десять тысяч метров. Самолёт мне понравился. Довольно легко управляемый, удобная кабина, хорошее кислородное оборудование, есть даже система обогрева вооружения, чтобы оружие не отказало на большой высоте.

На данной модификации стояли две 20-миллиметро-вые авиапушки «Испано» с боекомплектом по шестьдесят патронов на каждую, что, конечно же, маловато, и аж четыре пулемёта «Браунинг» калибра 7,69 миллиметров с боекомплектом по триста пятьдесят патронов на каждый. Имелась возможность подвески бомб до двухсот двадцати семи килограммов весом. Боекомплект, конечно, даже по сравнению с Як-1 маленький. На наших машинах 20-миллиметровых снарядов двести двадцать штук и полторы тысячи патронов для двух пулемётов. Само собой, сейчас бомб у меня не было, зато остальной БК наличествовал.

– Красный, – англичане особо не заморачивались с моим позывным, – возвращайтесь! От Пролива в нашу сторону идут самолёты противника. Повторяю: возвращайтесь!

Кручу головой и замечаю вдали на фоне редких облаков тёмные чёрточки. Навскидку больше двадцати штук. Ага, счаз-з! Буду я возвращаться, когда есть великолепная возможность проверить машину в реальном бою.

– База, поднимайте парней. Я задержу джерри[51].

Не слушая больше нервного диспетчера с базы, направляю «спит» в лоб идущим плотным строем бомбардировщикам. Ну-с, посмотрим, на что годится продукция британского авиапрома.

С дальней дистанции бью короткой очередью по ведущему Ю-86. Хм, неужто промазал? А, нет, попал. «Юнкерс» валится на крыло и почти отвесно уходит к земле. Подныриваю под строй бомбардировщиков и на выходе расстреливаю замыкающего. Ох ты ж! Похоже, попал в бомбоотсек. Немец красиво взорвался в воздухе, даже меня изрядно тряхнуло. Закладываю вираж с набором высоты и не верю своим глазам: ещё один бомбардировщик, беспорядочно крутясь, словно кленовое семечко, ушёл на встречу с земной твердью. Удача любит смелых! Похоже, его взрывом сбитого мной бомбера зацепило.

Немцы задёргались. Они явно не ожидали такой прыти от одиночного истребителя. Англичане обычно атакуют толпой в строю, чтобы повысить шансы попасть во вражеский самолёт. Интересно, как бы они задёргались, если бы узнали, что в кабине истребителя находится советский лётчик-ас.

Захожу сзади и чуть сбоку и ловлю в прицел следующий бомбардировщик. Стрелки лупят в мою сторону, как говорится, на расплав ствола, но всё мимо. Вообще, странно, что немцы не использовали для защиты нижние выдвижные пулемётные башенки. Видимо, пошли на задание без стрелков в них, чтобы облегчить машину. Да и, выдвинув их, самолёт сильно теряет в скорости вследствие ухудшения аэродинамики и возросшего сопротивления. Поправка – и всаживаю в двигатель очередь. Пушки, выплюнув по несколько снарядов, смолкают. Всё, кина не будет. Остались пулемёты, но и там негусто. Двигатель у немца вспыхнул, и он, оставляя за собой чёрный пушистый дымный след, резко пошёл вниз.

Чуть в стороне вижу приближающиеся английские истребители. Сейчас фрицам станет совсем кисло. А я тем временем захожу в хвост следующего «юнкерса» и жму на гашетку. Раздалось несколько выстрелов, и… тишина. Вот теперь действительно всё. Скупердёжные лимонники не могли пораскинуть мозгами и придумать, как увеличить боекомплект, а я теперь страдай. А вражеский бомбардировщик всё ближе и ближе.

Решение приходит само, спонтанно. Быстро сближаюсь и снизу бью винтом по фюзеляжу в районе хвостового оперения, оно у данной модели двухкилевое, разнесённое. Тряхнуло меня так, что аж зубы едва не раскрошились. В стороны полетели куски дюралевой обшивки. Хорошо, что у меня на «спите» металлический винт, а то и он бы разлетелся на куски. Зато им, как оказалось, весьма удобно вспарывать брюхо врагу.

Немец закономерно посыпался вниз, и от него начали отделяться фигурки экипажа, а меня продолжало трясти дикой вибрацией. Похоже, винт изрядно покорёжило. Двигатель не выдержал таких издевательств и, взвизгнув напоследок, остановился, а я задумался о дальнейших действиях.

Фрицами плотно занялись подоспевшие англичане, а я выбирал из двух вариантов: либо прыгать, либо пытаться посадить самолёт с неработающим двигателем. Первый вариант, в принципе, логичен, но есть одно маленькое, однако существенное но. Неуправляемый самолёт может рухнуть на жилые дома, и пострадают мирные люди. А кто сидел за штурвалом? Правильно, лётчик из большевистской России. И он, струсив, покинул вполне исправный самолёт. И фиг ты докажешь, что истребитель был повреждён. Будет международный скандал, да ещё и удар по репутации Советского Союза.

Так что выбора-то особо и нет, буду пытаться сажать, благо планирует «спит» очень даже неплохо. А у меня, получается, уже второй таран с начала войны. Тенденция, однако.

Сел на брюхо в поле возле какого-то городка, шасси выпускать не рискнул. Тут же появился местный констебль на автомобиле, в сопровождении двоих в полувоенной форме. Самолёт взяли под охрану, а меня на том же авто доставили в Эшфорд. Там-то я и узнал, что немцы вначале нанесли удары по радарным станциям, выведя несколько из них из строя, что позволило группе бомбардировщиков

почти незамеченными прорваться в глубь острова. И если бы не один попаданец, то англичан ждал бы кровавый сочельник.

Я и не знал, что наш посол Майский умеет так ругаться. О моих художествах ему доложили раньше, чем я вернулся в посольство. И чего ругаться? Ведь всё закончилось очень даже благополучно. Англичане мне все плечи отбили, выражая восхищение. А ещё говорят, что островитяне скупы на эмоции. Теперь репутация советских ВВС среди RAF[52] очень высока.

Через день в посольстве появился человек в церемониальном дворцовом облачении, в сопровождении нескольких репортёров.

– Господин Копьёв! Я имею честь вручить вам приглашение в резиденцию его королевского величества, короля Великобритании и Северной Ирландии Георга VI на церемонию награждения вас орденом Британской империи[53] за ваш подвиг и возведения вас в рыцарское достоинство в ранге рыцаря-командора[54].

С этими словами он с поклоном передал мне украшенный британским гербом и золотым королевским вензелем конверт.

– Я благодарен его величеству за столь высокую оценку моего ратного труда, но вынужден отказаться от столь высокой чести.

Я буквально услышал, как челюсть Майского упала на паркет. Он и без того стоял рядом, выпучив глаза от удивления, а после моего отказа вообще выпал в осадок. А вот оно мне надо? Меня же по возвращении сразу под белы рученьки возьмут как «британского шпиёна и агента мирового империализьма».

– Могу я узнать причину вашего отказа?

Было видно, что королевский посланник тоже немало удивлён, но старается не показывать виду. Зато репортёры застрочили в своих блокнотах.

– Разумеется. Насколько я знаю, во время церемонии производства в рыцари претендент должен опуститься на колени перед монархом. Я не ошибаюсь?

– Да, господин Копьёв, всё верно. Таков ритуал на протяжении уже многих веков.

– При всём моём глубочайшем уважении к его величеству и всему английскому народу, это невозможно. Я – русский! А мы, русские, преклоняем колени лишь в двух случаях: перед матерью и когда

целуем боевое знамя нашей Родины. И исключений из этого правила нет и быть не может. Поэтому прошу передать его величеству мои самые искренние извинения и уверения в глубочайшем к нему почтении.

Королевский посланник лишь молча поклонился и удалился, сопровождаемый репортёрами. Вот им сенсация. Майский тоже быстренько куда-то исчез. Видимо, побежал связываться с Москвой и получать оттуда инструкции.

Через пару часов из дворца позвонили и вежливо поинтересовались, является ли необходимость преклонить колени единственным препятствием для господина Копьёва для производства его в рыцари. Я ответил, что да, это единственная причина. Из Москвы пришла телеграмма за подписью Сталина, в которой говорилось, что если англичане повторно сделают предложение, то я должен согласиться, это послужит дополнительным укреплением связей между нашими странами. Я потребовал сделать мне копию этой телеграммы, заверенную послом: будет чем прикрыться в случае чего.

Ещё через пару часов из Букингемского дворца вновь позвонили и сообщили, что его величество Георг VI принял решение изменить регламент церемонии для господина Копьёва: мне позволено стоять при этом.

На следующий день все английские газеты вышли с огромными заголовками на первых полосах: «Русские не встают на колени», «Русский ас отказался от рыцарского титула из-за необходимости преклонить колени перед монархом», «Его величество изменил процедуру производства в рыцари специально для русского лётчика», «Русский ас, сбивший в одном бою в небе над Эшфордом четыре немецких бомбардировщика и таранивший пятого сказал, что встанет на колени лишь перед матерью и перед своим красным флагом».

Сама церемония была обставлена очень пышно. Я впервые увидел короля в мантии и в короне. Я стоял по стойке смирно, а Георг VI коснулся церемониальным мечом моих плеч и провозгласил:

– Несите своё звание с честью, сэр рыцарь Копьёв.

На шею мне повесили покрытый голубой эмалью крест знака ордена на шейной ленте, а слева, на грудь, чуть ниже советских наград, звезду рыцаря-командора. Я непроизвольно улыбнулся.

– Вас что-то рассмешило, сэр Копьёв? – спросил король, передав меч стоящему рядом слуге.

– О, ничего такого, ваше величество. Просто моя фамилия в некоторых случаях переводится на английский как Lance. Вот я и подумал, что Ланс и Ланселот – слова, очень похожие по звучанию. К тому же он был рыцарем, а теперь и я тоже.

Георг VI рассмеялся:

– Леди и джентльмены! Теперь у нас есть самый настоящий рыцарь сэр Ланселот. И так же, как и в стародавние времена, наш новый сэр Ланселот грудью встретил врага и смёл его своим могучим ударом. Кстати, не поясните ли нам, сэр рыцарь, почему, таранив вражеский самолёт, вы не выпрыгнули из своего повреждённого «спитфайра» с парашютом? Ведь вы сильно рисковали, сажая истребитель с неработающим двигателем.

– Подо мной был населённый пункт, и неуправляемый самолёт мог упасть на жилые дома, что могло бы привести к жертвам среди мирного населения. Поэтому я принял решение увести повреждённую машину в сторону. А потом прыгать было уже поздно.

– Я рад, что не ошибся, произведя вас в рыцари, – сказал король после небольшой паузы. – Вы истинный рыцарь, и ваше благородство лишь подтверждает это.

Вечерние газеты вышли с заголовками: «Русский лётчик оказался потомком легендарного сэра Ланселота», «Русский ас после тарана вражеского самолёта не выбросился с парашютом, так как уводил повреждённый истребитель в сторону от жилых домов», «Большевик проявил неслыханное благородство и, рискуя своей жизнью, увёл повреждённый истребитель в сторону от населённых пунктов».

Глава 8
Возвращение домой

Накануне нового, 1942 года из Москвы пришло распоряжение возвращаться на Родину. Мою миссию по созданию благоприятного имиджа СССР в Англии посчитали выполненной и от греха подальше (не дай бог, я ещё и дворянство здесь получу за свои похождения или замок какой себе отхомячу) решили вернуть меня в прежнюю, так сказать, среду обитания.

В последний момент англичане решили отправить в СССР дополнительный корабль с военным грузом, который рано утром четвёртого января вышел из порта Ливерпуль. Вот на этом корабле мне и предстояло вернуться.

Причина отправки этого корабля была в том, что его величество подарил мне двадцать истребителей Белл Р-39 «Аэрокобра» – новенькие, в ящиках. Англичанам настолько не понравился этот самолёт, что они, получив их из США, даже не распаковывали. Да и хранились они на складе в порту Ливерпуля, так что погрузить их на корабль было делом недолгим. Более того, в декабре британское министерство авиации приняло решение снять «Аэрокобры» с вооружения, так что делать такие подарки королю было совсем не обременительно. Как говорится, на тебе, боже, что нам негоже. А нам гоже, да ещё как.

Восьмого января мы вблизи Исландии встретили идущий в Мурманск конвой PQ-8 и вошли в его состав. Ещё раз зарёкся служить на флоте. Ну его на фиг. Уже на подходе к Мурманску конвой подвергся атаке немецких подводных лодок. Был торпедирован и потоплен наш траулер «Енисей», затем вечером того же дня словил торпеду британский сухогруз «Harmatis», который был взят на буксир, и через несколько часов торпеда угодила в корму британского эсминца сопровождения «Matabele», отчего он через пару минут затонул[55]. Больше нападений не было, и мы благополучно достигли порта назначения.

Родная мать-земля встретила меня зубодробительным морозом, метелью и сержантом госбезопасности. Стоило мне сойти с трапа на пирс, как ко мне подошёл человек в белом полушубке и белой шапке-ушанке с завязанными под подбородком ушами. В таком климате не до форсу и понтов, тут можно уши отморозить запросто.

– Товарищ Копьёв? Я сержант госбезопасности Чернаткин, – перекрикивая завывания метели, прокричал он, наклонившись ко мне. – Мне поручено встретить вас и помочь с размещением. Метель, по прогнозам, завтра-послезавтра стихнет, и, как только расчистят полосу аэродрома, первым же самолётом отправим вас в Москву.

Разместили меня в гостинице с неожиданным названием «Арктика». Чернаткин выдал мне талоны на питание и попросил никуда из гостиницы не отлучаться. Я так и не понял, пошутил он или всерьёз это сказал. Тут не то что отлучаться, тут в окно смотреть страшно.

Забросив в выделенный мне номер чемодан и вещмешок, я решил спуститься в имеющийся здесь, к моему удивлению, ресторан.

Остановившись в дверях, окинул взглядом зал. Удивительно, но народу было довольно много, и всё больше иностранцы. Хотя вот отдельно сидит группа наших командиров во флотской форме. Неподалёку расположились шумной компанией американцы, тоже в основном в морской форме, хотя некоторые и в гражданке. Были и англичане, тоже в основном офицеры-моряки, а также несколько представителей Королевских ВВС. Странно, насколько мне помнится из истории, 151-е крыло Королевских ВВС[56], довольно успешно воевавшее здесь почти с самого начала войны и базировавшееся в Ваенге, уже должны были вернуть в Англию. Хотя, может, это из военной миссии или лётчики-инструкторы, обучающие наших пилотов на английских самолётах.

Поначалу на меня никто внимания не обратил. Лишь девушка-официантка в белом передничке и смешной узорчатой шапочке на голове подскочила ко мне.

– Товарищ май… Ой! – Она упёрлась взглядом в мою грудь. Ну да, иконостас впечатляет: две Золотые Звезды Героя, советские ордена да плюс к ним ещё и английские награды. – Это вы?! А я про вас в газете английской читала и фото ваше видела, только сразу не узнала.

Да вы проходите, товарищ майор, вон там есть свободный столик, а я к вам сейчас подойду.

Вот уж не думал, что стану настолько известной личностью, что официантки в ресторанах узнавать будут. Тому, что девушка могла прочитать обо мне в английской газете, которые регулярно с кораблями конвоев доставлялись в Мурманск и Архангельск, я не удивился. Наверняка достаточно хорошо владеет английским языком, раз работает в ресторане, обслуживающем в основном иностранцев. Да и наши газеты наверняка не упустили такую тему.

Я направился через зал к указанному столику, краем глаза заметив, как переглянулись и что-то начали оживлённо обсуждать между собой англичане. Стоило лишь мне сделать шаг в их сторону, как они все разом вскочили, встав по стойке смирно. Следом за ними, также в полных непонятках, начали вставать американцы. Наши сидели, абсолютно обалдев от всего происходящего. Ну подумаешь, зашёл советский лётчик-майор. Ну да, на груди у него две Звезды Героя, куча орденов и ещё какие-то висюльки иностранные. С чего вдруг такая реакция на него?

Один из англичан, когда я проходил мимо их столика, прищёлкнул каблуками и кивком головы изобразил поклон:

– Сэр!

– Джентльмены! – с невозмутимым видом чуть заметно кивнул я в ответ.

А что, обычное дело. Можно сказать, привычное: меня же постоянно так приветствуют. А англы с амерами пусть привыкают к тому, как надо себя вести, когда мимо проходит *русский офицер*.

Более-менее в себя я пришёл уже на подлёте к Москве. В голове изрядно шумело, а во рту было ощущение, что там поселилась пара котов.

Началось всё в том ресторане. Сначала, вежливо попросив разрешения, подсели англичане. Выпили с ними за его величество короля Георга VI, за товарища Сталина, за Победу, за ВВС РККА и за Королевские ВВС. Потом, предварительно разузнав всё у англичан, подсели американцы. Пили с ними за президента Рузвельта, за товарища Сталина и снова за Победу.

Наши тоже не остались в стороне, и вскоре в зале ресторана уже не было отдельных, разделённых по национальному признаку групп,

все перемешались друг с другом. Опять пили за товарища Сталина, за Победу и за то, чтобы Гитлеру икнулось. С нашими подводниками, вернувшимися из удачного боевого похода, пили за то, чтобы число погружений равнялось числу всплытий, и за то, чтобы количество взлётов соответствовало количеству посадок. И если поначалу я был ещё и в качестве переводчика, то вскоре все друг друга вполне понимали, хотя и говорили на разных языках.

Потом пришёл поручик Ржевский и всё опошлил. В том смысле, что пришёл сержант госбезопасности Чернаткин и сообщил, что через два часа вылет. Это сколько же времени мы тут гулеванили?

«О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» Именно такое впечатление было от зала ресторана, который я, выходя, окинул взглядом. Слабоваты оказались союзники. Англичане с американцами лежали вповалку кто где придётся. К чести советских вооружённых сил, наших среди этих тел не было. Покрепче мы всё же будем.

– Товарищ гвардии майор! Вот, попейте. Вмиг полегчает. – Бортмеханик ПС-84, на котором я сейчас возвращался в Москву, протянул мне кружку с дымящимся кофе. В другой руке он держал термос. – Я туда коньячку немного добавил.

От выпитого крепкого кофе с коньяком в голове окончательно прочистилось, и из самолёта на Центральном аэродроме я выходил уже в полном порядке.

– Откройте, товарищ Копьёв.

Сталин кивнул на лежащую на столе небольшую коробочку. В ней оказались похожие на стеклянные камушки размером примерно с ноготь.

До меня даже не сразу дошло, что именно это такое. А когда дошло, то я лишь спросил:

– Нашли всё же?

– Нашли, товарищ Копьёв. Под Архангельском. Так что слова вашего попутчика полностью подтвердились. Жаль, что его так и не смогли найти, хотя люди товарища Берии очень тщательно искали. Уже есть предположение, кто именно это мог быть.

Я лишь подумал, какой ценой удалось найти эти алмазы зимой, в лютый мороз.

А Сталин продолжил:

– Вы хорошо поработали в Англии, товарищ Копьёв. Смогли не только провести испытания авиационной техники, но и значительно повысили авторитет нашей страны. Надеюсь, высокие рыцарские титулы не вскружили вам голову, товарищ гвардии майор? – с чуть заметной усмешкой посмотрел на меня Сталин. – Мы, конечно, не англичане и рыцарей у нас не было и нет, но ваши труды оцениваем очень высоко. Есть мнение наградить вас, гвардии майор Копьёв, орденом Ленина.

А для вашей эскадрильи есть новое задание. Вам предстоит отправиться в Ленинград и помочь в обороне города и прикрытии с воздуха ледовой переправы через Ладожское озеро. Обстановка там сложилась крайне тяжёлая. В городе острая нехватка продовольствия и медикаментов. Немцы постоянно обстреливают и бомбят единственную транспортную артерию, связывающую город с Большой землёй. Я возлагаю на вашу эскадрилью большую надежду. Сделайте всё возможное и невозможное для обеспечения бесперебойного движения по ледовой переправе. Что вам для этого нужно?

– Товарищ Сталин! Мне нужна будет одна радиолокационная станция РУС-2, с которой будем поддерживать постоянную связь.

– Насколько я знаю, англичане широко используют такие станции для предупреждения о воздушном нападении. У нас тоже есть такой опыт, и опыт успешный. Вы получите одну такую станцию. В случае успешного выполнения поставленной задачи вы получите подаренные вам англичанами самолёты. Сейчас специалисты изучают ваши предложения по модернизации и улучшению этих истребителей. Думаю, что ваша эскадрилья получит уже улучшенные «аэрокобры».

Сталин не спеша закурил папиросу.

– Я очень внимательно слежу за работой вашего подразделения, товарищ Копьёв. И я впечатлён результатами этой работы. Мы сформировали на разных фронтах ещё несколько подобных эскадрилий, но у них получается не так хорошо, как у вас. Может, вы поделитесь своими секретами?

– Секретов у нас, товарищ Сталин, нет. Вся методика подготовки, все тактические схемы подробно расписаны в методичке. Личный состав, как вы знаете, у нас собран из строевых лётчиков. Может, всё дело в самой атмосфере, которая сложилась у нас в подразделении. Мы

все, не побоюсь этого слова, стали одной семьёй. Кроме того, мы летаем, нарушая все наставления и инструкции.

– Вы, товарищ Копьёв, не боитесь в этом признаваться? – хитро прищурился Сталин.

– Нет, не боюсь, – твёрдо ответил я. – Все эти наставления и инструкции хороши для мирного времени. Именно тогда и требуется неукоснительно их соблюдать. А на войне обстановка меняется ежесекундно, и надо реагировать на неё молниеносно, нужно импровизировать, доверять своей интуиции. Начнёшь в бою вспоминать пункты наставления – и тебя сожгут.

– Ну что же, я вас услышал. – Сталин на секунду задумался. – В ваших словах есть логика. Нужно будет передать их ответственным товарищам, чтобы они учли их в своей работе. А теперь идите, товарищ гвардии майор, и готовьтесь к вылету в Ленинград. На подготовку людей и техники вам даётся трое суток.

Эскадрилья находилась на том же аэродроме в Кубинке. До места меня подкинули на посыльном У-2, который пилотировала симпатичная смешливая девчонка, на вид лет восемнадцати-девятнадцати. Честно говоря, лететь на этом тряпично-фанерном самолётике было очень даже неуютно, ледяной ветер, свободно гуляющий в открытой кабине, так и норовил пробраться под зимний лётный комбинезон. В той своей жизни я как-то раз летал на По-2, но дело было летом, и впечатления были совсем другими.

На аэродроме меня встречали так, словно я вернулся из космоса. Весь личный состав, включая и лётчиков, и техников с оружейниками, был построен на лётном поле. Стоило лишь мне спрыгнуть с крыла на землю, как от правого фланга отделился капитан Шилов и, печатая шаг, как на параде, двинулся мне навстречу.

– Товарищ гвардии майор! – Шилов остановился напротив меня, вскинув ладонь в воинском приветствии. – Личный состав тринадцатой отдельной гвардейской истребительной эскадрильи специального назначения построен для встречи своего командира. Докладывал заместитель командира эскадрильи гвардии капитан Шилов.

– Здравствуйте, товарищи! – громко поприветствовал я строй.

От ответа, казалось, даже земля вздрогнула.

– Здравия! Желаем! Товарищ! Гвардии! Майор!

– Вольно! – скомандовал я.

– Вольно! – продублировал команду Шилов и тут же завопил: – Качай его, ребята!

Меня словно волна захлестнула. Каждый норовил обнять или похлопать по плечу. А потом меня подхватили, и началась старинная русская забава под названием «вручную запускаем командира на орбиту». Затем меня потащили в столовую, где все с интересом рассматривали английские награды. А у меня было такое чувство, будто я вернулся домой. Видимо, я сильно сроднился с этим временем, с этими простыми и искренними людьми, на долю которых выпала нелёгкая судьба.

После столовой я собрал в своей землянке комиссара эскадрильи Гайдара, своего заместителя Шилова, особиста Данилина и Кузьмича, как старшего технической службы.

– Значит, так, други мои, – начал я. – Нам поставлена задача вылететь в Ленинград и обеспечить прикрытие с воздуха ледовой переправы через Ладожское озеро. В городе голод, и эта дорога – единственная, по которой в Ленинград поступает продовольствие и вывозятся раненые и дети из осаждённого города. У нас есть три дня на подготовку. Технической службе провести все регламентные работы.

Кузьмич молча кивнул.

– Ещё такой вопрос к тебе, Кузьмич: сколько по минимуму технического персонала тебе нужно, чтобы обеспечить обслуживание машин?

– Илья, ну ты же сам знаешь, что у нас и так всё по минимуму, – удивился моему вопросу Федянин. – Мы постоянно привлекаем местные технические службы для ремонта и обслуживания техники, так что все, кто есть, все нужны.

– Старшина Федянин, вы не поняли, – слегка раздражённо продолжил я. – Повторюсь: мы летим в Ленинград. Город находится в блокаде. Там голод. Поэтому нужно взять с собой как можно меньше народа, в идеале половину, а остальное загрузить продовольствием. Оставшихся здесь постараемся переправить позднее. Кузьмич, думай. Надо как-то выкрутиться.

– Ну, раз такое дело, то, значит, возьмём половину тех-состава. Сегодня же добровольцев кликну.

– Вот и добре! – удовлетворённо кивнул я. – Ещё такой вопрос: нужно бросить клич среди пилотов и скинуться, кто сколько может. На эти деньги приобретём продукты. Тут надежда на вас двоих, – посмотрел я на Гайдара и Данилина. – Нужно в лепёшку расшибиться, но раздобыть продовольствие. Желательно консервы, муку, крупы. Загрузим транспортник и по возможности фюзеляжи «яков».

Деньгами скинулись все. Каждый выгреб из своих карманов буквально всё до последней копейки. Учитывая, сколько лётчики насбивали фрицев, сумма вышла приличная. Технарям с оружейниками тоже шли неплохие выплаты, мы всё же гвардия, да плюс ко всему премии за качественный ремонт (да, платили на войне и за это). Вообще, буквально всё было тщательно подсчитано – кому и за что[57]. На фронте деньги всё равно тратить особо некуда, разве что иногда приезжает автолавка «Военторга».

Вот интересно, я ведь хорошо помню из той своей жизни, как в девяностые работягам задерживали зарплату. У меня сосед работал на заводе, так им к восьмому марта выдали половину зарплаты за март месяц – правда, прошлого года. И живи как знаешь. Правда, по безналу, в счёт зарплаты, периодически давали замороженную селёдку. Работяги брали сразу по два-три брикета по одиннадцать кило каждый. Так и жил сосед, питаясь всей семьёй этой самой селёдкой во всех видах[58].

А здесь, на фронте, когда идёт война, когда враг не даёт ни дня передышки, деньги выплачиваются строго день в день, без задержек. И не только нам, лётчикам, но и на передовой. Вот и задумаешься: где на самом деле война? Там или тут?

Гайдар с Данилиным, выпросив у местных ЗиС-6, в срочном порядке укатили в Москву. Пока их не было, наша часть аэродрома представляла собой разворошённый муравейник. Никто не ходил шагом, все бегали как угорелые, стараясь как можно быстрее и качественнее подготовить истребители к перелёту и будущим боям. Тем более что из техсостава полетят не все, хотя я и пообещал при первой же возможности забрать остальных.

Запах краски витал в воздухе над стоянкой самолётов, несмотря на морозец. Технари соорудили для каждой машины здоровенный

ангар по типу палатки из брезента, ставили туда печку и в тепле занимались обслуживанием и покраской. Кузьмичу где-то удалось раздобыть настоящую белую краску. Всё лучше, чем наши соседи с окрашенными разведённой известью самолётами. Хотя в нашем случае это так себе маскировка: оконечности крыльев так и остались красными, да и здоровенные красные звёзды на крыльях и фюзеляжах явно не способствовали скрытности. Но приказ есть приказ, да и получилось очень эффектно.

Наш отряд продразвёрстки, как я их назвал, вернулся после полутора суток аж на двух машинах, загруженных так, что рессоры едва не ломались. Где и кого они ограбили, было неизвестно, а эти два деятеля лишь загадочно улыбались. Данилин проговорился, что это заслуга Гайдара, который в Москве поднял буквально на уши всех своих друзей и знакомых и с их помощью раздобыл всё это. Плюс кое-что смогли купить в коммерческих магазинах (я и не знал, что такие в это время есть). Дважды их останавливал военный патруль, и один раз едва не арестовали милиционеры, приняв за спекулянтов. Тут уже Данилину пришлось задействовать свои связи.

Привезли Гайдар с Данилиным ленд-лизовские и отечественные сухие суповые концентраты, яичный порошок (прозванный «яйца Рузвельта»), тушёнку, консервированный животный жир, вытопленный из сала, консервированный колбасный фарш (который солдаты почему-то не особо любили), концентрированное молоко, сухое молоко, какао-порошок, муку в мешках по сто английских фунтов[59], сахар, рис, манную крупу, четыре бочки подсолнечного масла и несколько мешков с сухофруктами.

Кроме того, добыли большое количество так называемого «рациона Д» (Ration D), представлявшего собой плитку весом около ста граммов, состоящую из смеси шоколада, сахара, овсяной муки и сухого молока. На вкус, так скажем, сильно на любителя, зато пищевая ценность трёх таких плиток составляла тысячу восемьсот килокалорий и равнялась суточному минимуму питания. Самое то в блокадном городе.

Взлетали тяжело. Перегруженный «дуглас» с трудом оторвался от полосы и медленно начал набирать высоту. Командир экипажа, капитан Ермолаев, хотел было оставить второго пилота и бортмеханика, чтобы взять побольше груза, но я категорически

запретил. И так с самолёта сняли всё, что можно, чтобы максимально облегчить его.

Так же тяжело взлетали истребители первого и второго звена: их тоже загрузили до предела. Старшина Федянин лично контролировал, как в фюзеляжи запихивали мешки и ящики. Только что на коленях у лётчиков не было груза. Третье звено и я со своим бессменным ведомым, уже лейтенантом Санчесом, шли пустые, на случай если придётся принять бой. Прямо сердце кровью обливалось, когда видел оставшийся на аэродроме груз. Хотелось плюнуть на всё и дать команду грузить и в наши истребители, но здравый смысл всё же возобладал. Не дай бог, нарвёмся на фрицев, и не поможет никакое лётное мастерство. Перегруженные истребители в полёте были похожи на утюги: манёвренность точно такая же.

Глава 9
Ленинград Суровый февраль сорок второго

Местом нашего базирования нам определили недавно построенный аэродром в Сосновке. Благо тут была возможность сесть и нашему транспортнику. Кроме нас здесь уже базировались 159-й истребительный на истребителях P-40 Tomahawk, 26-й истребительный на МиГ-3, И-16 и И-153, 13-й разведывательный и 44-й бомбардировочный на СБ авиаполки, а также 38-й батальон аэродромного обслуживания. Последнее для нас было особенно актуально. В общем, то ещё столпотворение.

Долетели без приключений с посадкой на дозаправку на аэродроме в Череповце. Маршрут наш был довольно длинным и изломанным. Вначале от Кубинки до Череповца с посадкой, затем от Череповца предстояло пройти между Волховом и Лодейным полем и уже там повернуть над Ладожским озером на Питер. Над Ладогой нас должны встретить истребители ЛаГГ-3 44-го истребительного полка.

Наш прилёт, что вполне естественно, не остался незамеченным. Как и везде, где мы появлялись, к нам началось паломничество любопытствующих. Ну так ещё бы, ставшая уже легендарной целая эскадрилья Героев Советского Союза. А сколько восхищения и надежды было в глазах обслуживающего аэродром гражданского персонала!

Техники тут же принялись разгружать истребители от их груза и устанавливать палатки-ангары, а мне предстояло найти местное начальство и доложить о прибытии. Но сначала нужно было пристроить наш груз. Думаю, с этим нам поможет местное руководство.

– Товарищ майор! – окликнул меня Гайдар. Рядом с ним шёл невысокий человек в военном полушубке и белой командирской шапке-ушанке. – Вот, знакомьтесь. Интендант третьего ранга[60] Кучумов, начальник склада материально-технического обеспечения.

– Здравия желаю, товарищ майор! – молодцевато козырнул интендант. – Я вижу, вы продовольствие доставили, спрашиваю сопроводительные документы, а товарищ политрук говорит, что документов у вас нет. Как так? Мне же надо вначале принять продукты на склад, а потом уже отгружать. А как я возьму их на учёт без накладных?

– Видите ли, товарищ интендант третьего ранга, – начал я, – все продукты доставлены сюда по нашей личной инициативе. И, понятное дело, документов на них нет. Нам бы пристроить весь груз в детские сады, детские больницы и детдома. В общем, детям. Может, подскажете, как это лучше сделать?

– У вас тут чуть ли не контрабанда, – хмыкнул Кучумов. – Ладно, что-нибудь придумаем. Лизавета! – громко крикнул он. – Подь сюда!

К нам быстро подбежала закутанная в пушистый платок женщина.

– Что, Вить?

– Вот, – Кучумов чуть приобнял женщину, – моя супруга Елизавета. Работает у меня кладовщиком-учётчиком. Умница и аккуратная, всё у неё под строгим учётом и контролем.

От похвалы женщина чуть засмущалась. Красавицей её, конечно, не назовёшь (особенно портило вид родимое пятно размером с пятикопеечную монету над левой бровью), но и не дурнушка.

– Давай-ка займись делом. Нужно принять весь груз у товарища майора и выписать ему все положенные накладные. Груз принимай по факту, так как документов на него у них нет. Они всё это привезли по собственной инициативе. А как примешь на склад, я скажу, куда распределять. Вы не волнуйтесь, товарищ майор, – это уже мне, – всё сделаем, как вы и сказали, и распределим в самое ближайшее время. И спасибо вам огромное.

– Да не за что, – я даже сам слегка смутился, – понимаем, какая здесь ситуация.

Так, одно дело вроде сделал. Теперь найти бы начальство. Вон и с транспортника уже начали перегружать мешки и коробки в подъехавшую вплотную полуторку. Гайдар там всем руководит, так что можно быть спокойным.

Начальство нашло меня само. Известие о нашем прибытии докатилось и до них, и командование решило лично посмотреть на

таких молодцов. Едва успела уехать последняя полуторка с продуктами, как к нашей стоянке подъехали две «эмки».

Среди приехавших командиров одного я знал по фотографиям. Генерал-лейтенант авиации Новиков Александр Александрович. В настоящее время командующий авиацией Ленинградского фронта, но уже в конце февраля его переведут в Москву на должность первого заместителя командующего ВВС Красной армии, а с апреля он станет командующим и заместителем народного комиссара обороны СССР по авиации. Его биографию мы изучали в военном училище по предмету «Военная история».

– Товарищ генерал-лейтенант! Командир тринадцатой отдельной гвардейской истребительной эскадрильи специального назначения гвардии майор Копьёв! – представился я по всей форме, вытянувшись по стойке смирно и вскинув ладонь к зимнему шлемофону.

– Ну, здравствуй, герой! – Рукопожатие у Новикова было крепким. – Вот, товарищи, познакомьтесь. Гвардии майор Копьёв, дважды Герой Советского Союза, рыцарь Британской империи и самый результативный ас наших, да и союзных ВВС.

Когда я перездоровался со всей его свитой, Новиков продолжил:

– Из Москвы о вашем прилёте предупредили. Основная ваша задача – это прикрытие ледовой переправы. В ближайшее время по льду переправят радиоуловитель самолётов. Где его разместить, решай сам. Меня оттуда, – он глазами показал наверх, – предупредили, что ты сам будешь принимать решения, как лучше использовать вверенную тебе технику. И вот ещё что… – Новиков чуть замялся. – У тебя тут свой транспортный самолёт есть, а нам надо на Большую землю раненых лётчиков из госпиталя переправить. Выручишь, гвардеец?

– Не вопрос, товарищ генерал-лейтенант. – (А ведь это шанс вывезти наших техников и оставшийся груз.) – Есть только просьба.

– Излагай.

– У нас там люди остались в Кубинке, и нужен ваш приказ, чтобы перелететь туда и забрать их.

– Будет тебе такой приказ, так что не волнуйся. – Новиков от души хлопнул меня по плечу. Видно было, что вопрос с эвакуацией раненых лётчиков стоял остро. – И спасибо тебе. Меня предупредили, чтобы без твоего согласия на транспортник даже не смотрел. Ну а раз мы договорились, то готовьте «дуглас» к вылету завтра в Москву. Пойдут

несколько самолётов с прикрытием. Да и вы поучаствуйте, заодно и с обстановкой ознакомитесь.

Наконец-то весь личный состав эскадрильи был в сборе. Ермолаев выполнил поставленную задачу и доставил в Москву раненых из Ленинграда. Затем, в соответствии с полученным приказом командующего авиацией Ленинградского фронта, отправился в Кубинку, забрал оттуда оставшийся техсостав, продовольствие и вернулся в город на Неве.

За время его отсутствия мы успели сделать несколько боевых вылетов над Ладогой и сбили парочку «Фоккер D-21» с голубыми свастиками финских ВВС. Интересно, что будет, если сейчас ленинградцам рассказать, что через семьдесят четыре года в городе, пережившем блокаду, повесят мемориальную доску Карлу Маннергейму? Думаю, что для сказавшего такое расстрел будет чем-то вроде помилования. Повезёт, если сразу не разорвут на части.

А парни натуральным образом озверели. Насмотрелись на измождённых от голода гражданских и начали терять над собой контроль. Тех двух несчастных финнов буквально разорвали на части и остервенело долбили по ним до тех пор, пока то, что осталось от «фоккеров», не врезалось в лёд озера. Выбросившихся с парашютом пилотов безжалостно расстреляли в воздухе.

В столовой случайно заметил, что эти гаврики едят одну порцию на двоих. Это они решили так экономить продукты, чтобы гражданским больше досталось. Пришлось устроить им разнос и пригрозить, что буду лично контролировать, чтобы каждый съедал свою порцию полностью. Кто будет мухлевать, тех от полётов отстраню и вообще отчислю из эскадрильи и отправлю к перегонщикам. Зная мой характер, в угрозы поверили, и хоть и смотрели на меня как Ленин на буржуазию, но съедали всё без остатка и демонстративно вытирали кусочком хлеба тарелки.

Пришлось провести ещё одну воспитательную беседу.

– Да поймите же вы, дурьи вы головы, что от того, как вы сможете воевать, зависят сотни и тысячи жизней. Не хватит у вас сил на бой, и вас сожгут. И хрен бы с вами, тут вы сами себе злобные буратины, но фриц сможет расстрелять грузовик с хлебом. Кому от этого лучше

будет?! И чем обернётся эта ваша мнимая экономия?! Десятком-другим умерших от голода, потому что этот хлеб мог их спасти?!

Так что либо вы будете питаться как положено, либо идите на хрен!!! – уже натурально орал я. – Люди голодают, последний кусок от себя отрывают, чтобы дать его вам, своим защитникам, а вы здесь цирк петросяните! И ты, комиссар, куда смотришь?! Почему я должен объяснять людям прописные истины, а не ты? Считаю твою работу в этом плане неудовлетворительной. Это ты им должен мозги прочищать и разъяснять окружающую обстановку, а не я! Короче, я всё уже сказал. Кто будет заниматься саботажем…

Народ зароптал, и я грохнул кулаком по столу, рядом с которым стоял:

– Тихо!!! Именно саботажем! По-другому я это назвать не могу. Так вот, кто будет заниматься саботажем, тех отправлю подальше в тыл. А теперь заканчиваем прения, и все за работу.

Через четыре дня после нашего прилёта меня с Гайдаром вызвали в Смольный. Городское руководство решило познакомиться с командиром такого геройского подразделения. Метеорологи давали на ближайшие три-четыре дня метель и нелётную погоду, так что можно было и съездить, благо недалеко: по прямой и десятка километров не будет.

Привели себя в порядок и на присланной за нами «эмке» отправились на встречу. Перед тем как сесть в машину, Гайдар забросил на сиденье вещмешок. На мой немой вопрос он виновато пожал плечами и сказал:

– Ты же видишь, что тут происходит. Сколько мы там пробудем, неизвестно, и получится ли поесть – тоже большой вопрос. Да и объедать их как-то… ну, сам понимаешь. Вот и взял перекусить в случае чего.

Жданов был совершенно не похож на того лощёного чиновника, каким его показывали в фильмах, особенно вышедших после распада СССР. Да, он был довольно полным человеком, но, как шепнул мне на ухо Гайдар, который видел Жданова до войны, довольно сильно похудел. Так что, хоть он и питался получше других, и на нём блокада отразилась довольно сильно. Будучи членом Военного совета

Ленинградского фронта, он всё время блокады находился в Ленинграде, хотя и была у него возможность перебраться в Москву.

Интерес Жданова к нам был в первую очередь вызван ходившими слухами о том, что мы любимчики Сталина. Захотел, так сказать, быть в тренде. Очень удивлялся тому, что Гайдар, известный детский писатель, служит у нас комиссаром. Заодно попросил нас выступить по ленинградскому радио. Естественно, мы согласились. Жданов позвонил в Дом радио и договорился об эфире.

Нас встретили на входе в Дом радио.

– Здравствуйте, товарищи. Я редактор литературного отдела Ленинградского радиокомитета Макогоненко Георгий Пантелеймонович. Нам позвонили из Смольного и просили организовать эфир. У нас всё готово.

В студии было холодно. Нет, не так. В студии было дико холодно. Одинокая буржуйка никак не могла обогреть большое помещение с высокими потолками. Сотрудники радио, исхудавшие от голода, ходили внутри в верхней одежде и в перчатках. Многие не имели сил дойти до дома и жили здесь же.

И всё же радио жило, непрерывно велось вещание. Как я узнал, даже работала выездная студия, которая вела радиопередачи с линии фронта. В эфире работал театр, передавались выпуски «Последних известий», были детские радиопрограммы и молодежная газета «Смена», которую из-за недостатка бумаги перестали печатать и которая теперь выходила в радиоформате, регулярно велась передача «Письма на фронт и с фронта».

Для жителей блокадного города радио было той отдушиной, которая позволяла не задохнуться от отчаяния. И слова «Говорит Ленинград. Говорит город Ленина» стали для многих символом надежды и борьбы, символом будущей неизбежной Победы.

В коридоре нам навстречу быстрым шагом шла закутанная в шаль женщина с пронзительными глазами.

– Вот, познакомьтесь, товарищи, это, можно так сказать, муза нашего радио, поэтесса и диктор Ольга Берггольц, – представил нам женщину Макогоненко.

– Покажите, – решительно кивнула она на мою грудь.

Пришлось распахнуть полушубок и явить на свет свои награды. С каким-то трепетом Берггольц потрогала пальцами Звёзды Героя и, чуть

касаясь, погладила ладошкой остальные награды.

– Спасибо вам, – чуть слышно сказала она. – За всё спасибо.

Первым к микрофону пригласили Гайдара. Он примерно двадцать минут рассказывал о мужестве советских лётчиков, о том, как от них бежали, не принимая бой, хвалёные немецкие асы, о молодом авиатехнике, впервые севшем в кабину истребителя и сбившем в первом же своём бою семь немецких самолётов.

– Сразу после меня, – продолжал Гайдар, – вы услышите этого самого в прошлом авиатехника, а ныне дважды Героя Советского Союза, награждённого, помимо советских наград, ещё и британским крестом «За выдающиеся лётные заслуги» и орденом Британской империи, возведённого английским королём Георгом VI в рыцарское достоинство. Сейчас этот бывший авиатехник, воспитанный нашей партией и народом под руководством товарища Сталина, имеет на своём счету больше всех сбитых самолётов противника среди всех асов не только Советского Союза, но и союзников по общей борьбе с гитлеровцами. На его счету больше семидесяти уничтоженных самолётов врага.

Я сел к микрофону. На столике передо мной горела самодельная свеча. Точно такая же горела перед сидящей рядом Берггольц, слабо освещая лежащие на столе листки с текстом, написанным карандашом. Электроэнергии на освещение уже не хватало. Я аккуратно задул свою свечу: пригодится ещё.

Я молчал. Я реально не знал, что сказать. Пафосные речи здесь явно неуместны, как неуместна и какая-нибудь канцелярская банальщина. Фальшь люди почувствуют сразу.

Прикрыв глаза, я склонился к микрофону.

– Ленинградцы! Ещё несколько дней назад я был уверен, что нет на свете ничего прочнее стали. И только оказавшись здесь, в городе колыбели нашей Революции, я понял, что ошибался. Есть на свете то, что прочнее любой стали, что крепче любой брони. Это вы, ленинградцы. Это ваша воля и сила духа. Это ваша несгибаемая вера в Победу. Весь мир, затаив дыхание, с восхищением следит за вашей борьбой. История цивилизации ещё не знала подвига, подобного вашему.

Меня называют героем, но настоящие герои – это вы, каждый из вас. Встав несокрушимой твердыней на пути врага, вы уже победили.

Вы сломали завоевателям все их планы и вселили в них страх. Страх перед вами, стариками и женщинами, страх перед детьми Ленинграда. Сегодня я горд тем, что стою плечом к плечу с вами, ленинградцами, на защите нашего священного города.

Никогда нога вражеского солдата не ступит на улицы Ленинграда, и пройтись по ним они смогут лишь в колонне военнопленных. Они пришли на нашу землю, чтобы убивать, грабить, разрушать и обращать в рабство, но найдут здесь лишь свою могилу и как награду – берёзовый крест на ней. И я от лица своих товарищей обещаю вам, что мы сделаем всё, чтобы таких наград враг получил как можно больше. Знайте и верьте: враг будет разбит, Победа будет за нами!

Из Дома радио возвращались на той же «эмке». Вначале заехали в Смольный, где водитель получил задание отвезти нас на аэродром, и потом уже направились к себе.

Едва переехав через Большеохтинский мост, почти прямо напротив Смольного, машина задёргалась, и двигатель заглох. Водитель залез под капот и через пару минут виновато развёл руками.

– Это надолго, товарищи. Вы уж извините.

– Ничего, дойдём. – Аркадий закинул за плечи вещмешок, который мы так и не открывали. – Тут не так уж и далеко, и я знаю короткую дорогу.

Город был мрачен. Как же сильно он отличался от того города, каким я его, хоть и мельком, знал. Сюда бы того Колю из Уренгоя, который в 2017 году лил крокодиловы слёзы с трибуны Бундестага по «невинно погибшим людям», как он назвал немецких зольдат, чтобы он всем своим гнилым ливером прочувствовал всю их «безвинность».

Разыгравшаяся метель только добавляла в окружающий пейзаж мрачных тонов. Редкие прохожие (а в такую погоду мало кто рискнёт выйти из дома) едва передвигали ноги. Несколько раз нам встречались люди, везущие куда-то саночки с замотанными в простыни телами умерших. На стенах многих домов были крупные надписи «Бомбоубежище» со стрелкой-указателем и «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!».

– Ты не комиссар, а Иван Сусанин, – бурчал я на Аркадия, перебираясь через очередной сугроб.

Гайдар на это лишь махал рукой и продолжал идти какими-то одному ему ведомыми дворами и проулками. Хорошо хоть пропуска на

право прохода во время комендантского часа нам выдали. Начало смеркаться. Отсутствие какого-либо освещения на улицах и тёмные окна делали окружающую действительность похожей на сюжет апокалипсиса. А что, если не апокалипсис, творится вокруг? И наши люди смогли его пережить и победить.

Обойдя очередную кучу снега следом за Гайдаром, я едва не налетел на его спину: Аркадий резко остановился. Я обошёл его и увидел сидящую прямо на снегу женщину, одетую в лёгонькое пальтишко и с головой, замотанной в видавший виды шерстяной платок. А на улице, между прочим, довольно крепкий морозец, и даже просто смотреть на эту женщину было откровенно холодно. Её плечи слегка вздрагивали в беззвучном плаче.

Рядом с женщиной стоял маленький ребёнок, больше похожий на медвежонка. Такое впечатление создавалось из-за намотанного на него крест-накрест через плечи толстого платка и большой зимней шапки, завязанной на подбородке. Ребёнок чуть заметно гладил плечо женщины своей варежкой. Перед ними лежали перевёрнутые сани и рассыпанные на снегу дрова, довольно внушительная охапка. А дрова в Ленинграде сейчас тоже немалая ценность.

– Гражданочка, что с вами? – первым среагировал Гайдар.

Женщина вздрогнула от неожиданности и подняла на нас глаза. По её щекам текли слёзы.

– Я встать не могу, – чуть слышно прошептала она, и такая горечь была в её словах, что сердце сжалось.

Гайдар опять опередил меня и помог женщине встать.

– Катенька.

Она подалась к ребёнку, но я уже подхватил, как оказалось, девочку на руки. М-да, веса в ней чуть больше, чем в котёнке, да и то скорее из-за одежды.

Девочка внимательно посмотрела мне в лицо и вдруг крепко обхватила мою шею.

– Папка… Папочка…

Хотя девочка произнесла это очень тихо, но все её услышали. Женщина резко закрыла лицо руками и от этого едва опять не упала. Пришлось мне свободной рукой приобнять её и прижать к себе: иначе удержать её я не мог.

– Так, гражданочка, – сказал Гайдар, – давайте-ка мы вас до вашего дома проводим, а то вы так не дойдёте. – И принялся собирать на санки лежащие на снегу дрова.

Идти оказалось недалеко. Женщина уже пришла в себя и всё порывалась забрать у меня с рук девочку. Куда там! Малышка словно стальными тисками обхватила мою шею – так, что не оторвёшь. Аркадий, пыхтя сзади, тащил сани с дровами. Удивительно, как эта хрупкая женщина допёрла такую вязанку.

В квартиру на третьем этаже сани с дровами Гайдар едва затащил. Во всяком случае, в промёрзшем подъезде пар от него валил, как от паровоза. Я, по понятным причинам, помочь ему просто физически не мог: в одной руке у меня была девочка, а другой я поддерживал женщину. Интересно, как она собиралась таскать дрова в квартиру? Она и без них-то идёт так, что того и гляди упадёт.

И вот как их оставить одних? Они же пропадут.

– Ой, спасибо вам, товарищи. – Женщина прижала сжатые кулачки к груди. – Я же думала, что всё, так мы с Катенькой там и останемся, а утром нас найдут замёрзших. Мне дрова выделили, и мы за ними ходили, а у меня голова вдруг закружилась, и я упала. Думала, посижу, всё пройдёт, встану, и мы до дома дойдём, а встать не смогла. Если бы не вы… – Она всхлипнула. – А давайте я вас кипятком угощу. Правда, к нему у нас больше ничего нет, но ведь и просто кипятком можно согреться. Только печку надо затопить.

– Кипяток – это очень даже хорошо. – Гайдар вытер пот со лба, хотя в квартире было ненамного теплее, чем на улице. – А печку мы сейчас затопим. Показывайте, где она у вас.

– Катенька, отпусти товарища и покажи, где у нас печка.

Женщина опять попыталась снять у меня с рук девочку.

– Это не тавались, а папа. – Девчушка, картавя, повернулась к матери. – Он плисол ко мне. Это мой папа.

– Катенька, это не папа, – едва не плача, произнесла женщина и погладила дочь. – Слезай, это некрасиво. Ты уже большая, чтобы на руках сидеть.

– Идём, Катя-котёнок, покажешь вашу квартиру, а потом затопим печку, согреемся и будем пить кипяток.

Я через силу улыбнулся девочке. А мне не улыбаться, мне по-волчьи завыть захотелось от тяжести, сжавшей сердце. Сколько же

страданий обрушилось на этого маленького, только что начавшего жить человечка. Хотелось взять её и, как котёнка, засунуть к себе за пазуху, нежно прижав и укутав во что-нибудь мягонькое.

Девчушка сдалась и нехотя слезла с моих рук.

– Папа, а как тебя зовут?

Детская непосредственность на мгновение вогнала меня в ступор.

– Меня зовут Илья, а вот этого дядю – Аркадий.

– Ой, а я Светлана.

Женщина протянула мне свою худенькую ладонь, которую я с величайшей осторожностью пожал.

– А я Катя.

Девочка с трудом освободилась от варежки и, подражая матери, тоже протянула мне ручонку.

– Мне очень приятно с тобой познакомиться, Катя. – Я не менее аккуратно пожал детскую ладошку. Пальчики девочки были в мозолях. – А что у тебя с пальчиками, котёнок? – удивился я.

Катюшка быстро спрятала ладошки за спину и отвернулась.

– Это она в талончики на хлеб играет, бумагу рвёт на меленькие кусочки, чтобы побольше получилось, – вздохнув, произнесла Светлана. – Всю бумагу уже изорвала.

ХРЯСЬ!!! Мой кулак со всей силы впечатался в стену. Боли я не почувствовал, почувствовал лишь необузданную ярость. СУ-У-УКИ-И!!! Я же этих тварей теперь на такие же меленькие клочки рвать буду! Я же, даже если останусь без рук и ног, одними зубами их убивать буду! Маленькая девочка не о кукле новой мечтает, а о кусочке хлебушка! Глаза на миг заволокло кровавой пеленой, словно во время выполнения фигур высшего пилотажа в воздушном бою.

– Папа, тебе бойно?

Участливый голосок вернул меня в реальность. На меня смотрели две пары глаз: одни детские – жалея, а другие, взрослые – с тревогой и испугом.

– Всё хорошо, котёнок. – Я обнял девочку и поцеловал в щёчку. – Всё хорошо, и так и будет дальше.

– Что за шум, а драки нет? – Из комнаты вышел Аркадий, неся с собой сильный запах дыма. – Светлана, может, я что-то неправильно делаю, но ваша буржуйка очень сильно дымит.

– Да вы не обращайте внимания, – смущённо и виновато улыбнулась хозяйка, – она у нас всё время дымит. Я пыталась что-то сделать, но у меня ничего не получилось. Мы уже привыкли. Протапливаем, а потом я быстро проветриваю комнату и становится терпимо, правда, уже не так тепло.

На отчаянно дымящую буржуйку был водружён закопчённый чайник, и вскоре в нём закипела вода. Гайдар достал из своего вещмешка, который так и носил с собой, все наши немудрёные припасы и выложил на стол. Светлана, как заворожённая, смотрела на продукты. Господи, сколько же они уже нормально не ели?

В комнате тем временем стало вполне тепло, хотя и довольно дымно, и хозяйка размотала с головы свой невообразимый платок и расстегнула пальто, а также сняла верхнюю одежду и с дочки. Без платка Светлана оказалась молоденькой девчонкой лет двадцати пяти, с густыми светло-русыми волосами, в которых, однако, уже было достаточно седины. Нет, она не была красавицей модельной внешности (хотя и дурнушкой её не назовёшь), да и условия, в которых она с дочерью жила последние месяцы, курортными не были, но чувствовалась в ней какая-то особая притягательность, какая-то внутренняя красота, которая пленяет сразу и навсегда. Заметив мой взгляд, она слегка смутилась.

Сняли свои полушубки и мы с Аркадием. Глаза у Светланы сделались размером с блюдце, и она безмолвно села на табурет, глядя на меня немигающим взглядом. Тут уже настала моя очередь смущаться, хотя вроде уже привык к подобной реакции многих.

Светлана тем временем перевела взгляд на Аркадия и почти шёпотом произнесла:

– А я вас узнала. Вы писатель Аркадий Гайдар. Вы «Тимур и его команда написали». Я видела ваше фото в газете, вы со школьниками встречались. Я вас сразу узнала, но подумала, что это мне от голода мерещится.

Аркадий смущённо только что ножкой не шаркнул.

– Папка, а ты гелой?

Маленькое чудо, ничуть не смущаясь, подошло ко мне и потянулось ручонками. Я с удовольствием взял её на руки.

– Ну-у… да, – кивнул я.

– А это сто? – дотронулась Катюшка ладошкой до висящего на шее голубого креста знака ордена Британской империи.

– А это меня английский король наградил.

– Взаплавдышный?

– Самый настоящий, – подтвердил я.

– Илья у нас ещё и самый настоящий рыцарь, – похвастался Гайдар. – Его английский король в рыцари произвёл.

– Ула-а-а!! – завопила маленькая непоседа. – Мой папа гелой и лыцаль. Он всех фасыстов убьёт и ко мне велнётся. И бойсе никуда не подевается. Обесяесъ?

– Обещаю, – ответил я, глядя на утирающую слёзы Светлану.

– Её отец погиб? – тихонько спросил у неё Гайдар.

– Погиб. Давно. В конце тридцать седьмого. На заводе, где он работал, была авария, и он спасал людей. Всех вытащил, а сам уже не смог. Катенька его никогда не видела, она родилась через три месяца после этого.

В кастрюльке была сварена похлёбка из тушёнки и нашедшейся у Светланы щепотки пшённой крупы. Хозяйка выложила на стол что-то завёрнутое в чистую тряпицу и развернула её. Там были несколько кусочков хлеба. Как я знал, сейчас с продовольствием хоть и было трудно, но уже не так, как ещё месяц-полтора назад. Светлана, как служащая, на сегодняшний день получала триста граммов хлеба на себя и двести пятьдесят – на Катюшку. Из хлеба почти исчезли примеси, которые широко использовали до этого. И хотя это не сто двадцать пять граммов в сутки, но всё равно мизер.

Также Светлана достала четыре тарелки и хотела было разлить всем похлёбку.

– Благодарствуем, Светлана, но мы уже пообедали. – Похоже, Аркадию, как и мне, кусок в горло не идёт, хотя мы сегодня успели лишь позавтракать. – Мы с Ильёй кипяточку попьём, чтобы согреться. А вы кушайте, не стесняйтесь.

– Но… А как же…

Светлана не находила слов. Гайдар с большим трудом уговорил её поесть самой и не обращать на нас внимания.

Вот кого уговаривать не пришлось, так это Катюшку. Ложка в её руке летала со скоростью пропеллера на моём истребителе. Как бы ни хотелось им есть, но Света смогла сдержаться и налила себе и дочке

понемногу, чтобы не стало плохо с непривычки. Она и сама, хоть и была голодна, старалась есть аккуратно, но нет-нет да и срывалась, начиная быстро работать ложкой. Потом спохватывалась, и в этот момент её щёки заливала краснота.

Наевшаяся Катюшка начала клевать носом за столом, и Светлана повела её укладывать спать, а мы с Аркадием подсели к печке. Дрова уже прогорели, и дыма почти не было. Гайдар достал папиросы и закурил.

– Я вот что думаю, командир. – Он сделал паузу и затянулся. – Оставайся-ка ты здесь до утра. Погоды всё равно не будет, и вылетов тоже, а мы с Данилиным в случае чего тебя прикроем. А я утром с Кузьмичом приеду. Пусть он посмотрит эту конструкцию, – кивнул Аркадий на дымоход. – Заодно кое-что из продуктов привезём.

– В смысле «оставайся»? – опешил я. – Зачем? Я с тобой уйду, а утром, конечно, приеду и помогу. Ты вообще это к чему сейчас предложил?

Мы разговаривали вполголоса.

– Ты успокойся. Я тебя здесь прошу остаться не для чего-то худого, а чтобы за ними, – Гайдар кивнул в сторону Светланы, – присмотрел. Сам видишь, в каком они состоянии. И ты что, думаешь, я не заметил, какими глазами ты на Свету и Катюшку смотришь? И сразу скажу тебе, что полностью тебя одобряю. Так что…

Он хлопнул меня по плечу.

– У меня к вам просьба будет, – обратился Аркадий к Светлане, когда она, уложив дочку спать, подсела к нам. – Не могли бы вы приютить до утра товарища майора? А утром я за ним приеду.

– Да, конечно, оставайтесь, – Света смотрела на меня, – вы нас нисколько не стесните. И вы тоже оставайтесь, – повернулась она к Гайдару. – Тем более что Катюша мне не простит, если вы уйдёте, а я не разбужу её, чтобы вас проводить.

– Я бы рад, но у меня служба, – лучезарно улыбнулся Аркадий. – Так, значит, мы с вами договорились, и я заеду за Ильёй утром.

Глава 10
Блокада. Жизнь сильнее смерти

Дверь за Аркадием закрылась, и я остался наедине со Светланой. Вот ведь ситуация, я совершенно не знаю, как себя вести. Я-Силаев всю свою жизнь был однолюбом, и, кроме жены, других женщин для меня не существовало. А Копьёв вообще был, по сути, ещё пацан, двадцать три года всего.

Воспоминания об оставленной где-то там, в будущем, семье, кольнули в сердце. Я опять сел у открытой дверцы буржуйки и поворошил жаркие угли кочергой. Память вернулась в те далёкие годы, когда я, курсант выпускного курса военного училища познакомился со смешливой девчонкой, заканчивающей педагогический институт. Роман был бурный и молниеносный. Уже через месяц мы подали заявление в загс, и вскоре молодой лётчик-лейтенант уезжал к месту службы с молодой красавицей-женой.

А дальше было всяко. Мотания по гарнизонам, жизнь в бараках, на съёмных квартирах. Безденежье, когда после службы я снимал форму, одевался в гражданское и шёл либо таксовать, либо ещё на какую шабашку. А она ни разу ни словом не упрекнула меня и тянула лямку вместе со мной. Мне завидовали все сослуживцы. От многих из них жёны ушли, не выдержав тягот и лишений воинской службы, а моя всегда была моим самым надёжным тылом.

Когда через полтора года после свадьбы родилась наша старшая дочь Надежда, мы служили на Дальнем Востоке, и я отправил молодую супругу с ребёнком к её маме почти на год: новорожденной в продуваемом всеми ветрами бараке было явно не место. Так они и уехали прямиком из роддома. Это был единственный раз, когда мы расставались. Через год меня перевели на Урал, и мы воссоединились. Жена категорично заявила мне, что больше она меня никогда не покинет, и слово сдержала.

Потом с разницей в три года у нас родились вторая дочь Оксана и сын Виктор. И только благодаря супруге они, все трое, успешно закончили школу, а потом и институты. Сын Витька так вообще, можно сказать, продолжатель династии – военный лётчик, моя

гордость. Правда, выбрал не стремительные истребители, а винтокрылые машины.

Уйдя в свои воспоминания, я не заметил, как Светлана подсела ко мне. Видно было, что её тоже немного напрягала сложившаяся ситуация. Она задумчиво смотрела на переливающиеся огненными всполохами угли, держа обеими руками кружку с кипятком. Вот совершенно не похожа на мою жену, но почему же меня к ней тянет с того самого мгновения, как там, на промёрзшей улице, я увидел её глаза? Хотя ничего удивительного. Я давно уже заметил, что ни Силаева, ни Копьёва больше не существует. Я стал другим, отличным от них обоих.

– Света, выходи за меня замуж, – неожиданно даже для самого себя произнёс я.

– Замуж? – Она удивлённо посмотрела на меня, но в её взгляде не было отторжения, что меня порадовало. – Вот так сразу? Мы же даже толком не знакомы. Ты всегда так быстро принимаешь решения? – Не меньше меня радовало то, что мы как-то сразу стали с ней на «ты».

– Ну, значит, нужно познакомиться. – Я подкинул в печку небольшое полешко. – Я Копьёв Илья Андреевич, тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения. Родился в Саратове. Наверное. Сирота, – уточнил я. – Воспитывался в детском доме там же в Саратове. Потом работал на заводе и учился в ФЗУ, занимался в аэроклубе. Когда призвали в армию, то попал на курсы авиатехников. Воюю с первого дня, стал лётчиком-истребителем. Сейчас в звании майора командую эскадрильей. Ну, сбивал немцев, за что и награждали. Вот, собственно, и всё.

А что касается принятия решений, то да, привык всё решать быстро. У нас, истребителей, на принятие правильного решения в бою есть мгновение, а то и меньше. Замешкаешься – и собьют. И потом, тебе не кажется, что кое-кто уже принял решение за нас?

Я с улыбкой кивнул в сторону спящей на кровати Катюшки. Девочка с головой укрылась одеялом и видно было лишь её личико. Она улыбалась во сне.

– Да уж, Катя меня удивила. – Светлана отхлебнула из кружки. – За мной ведь пытались ухаживать, но она всех принимала буквально в штыки. Такой рёв поднимала, стоило лишь увидеть рядом со мной какого-нибудь мужчину, даже если он просто подходил что-то

спросить. Так всех и распугала, а я уже смирилась. И я очень удивилась, когда она сама пошла к тебе и назвала папой.

Светлана зябко передёрнула плечами, и я накинул ей на плечи свой лежащий рядом полушубок.

– Спасибо. Я ведь тоже сирота. Я родилась в восемнадцатом году, так что старше тебя на год. Мы жили в пригороде Воронежа. Родители умерли, когда мне было пять лет, и меня воспитывала тётка, сестра отца. Я у них была чем-то вроде прислуги. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я сбежала от них в Ленинград. Здесь и познакомилась с будущим мужем. Когда он погиб и родилась Катя, было очень трудно. Хорошо, что заводские, которых он спас, помогли. Выучилась на курсах и устроилась в машинописное бюро на заводе. Перед самой войной перешла в жилуправление. Сейчас так там и числюсь, вместе с тётей Дусей, по очереди через день ходим туда на работу. Дочку с собой беру.

– А почему вас не эвакуировали?

– Я не знаю, – пожала плечами Светлана. – Списки на эвакуацию собирали, и мы там были. Возможно, их потеряли или ещё что. Да и некуда нам ехать. Я, как и ты, сирота, а родители мужа живут на Смоленщине, где сейчас немцы. Предлагали эвакуировать только Катю, но я отказалась: боялась её потерять и потом не найти. А теперь корю себя за это. Так у неё была бы возможность выжить.

– Ты мне так и не ответила.

Я пошевелил горящее полешко кочергой, чтобы горело получше.

– А зачем тебе это? Из жалости? – пристально посмотрела она мне в глаза.

– Жалеют слабых, а ты сильная. Нет, не из жалости. Ты и правда мне сразу понравилась, а Катюшка так вообще чудо. Я теперь просто не представляю себя без неё… и тебя. Я понимаю, что ты ко мне не испытываешь никаких чувств, но прошу тебя подумать. Как жене командира Красной армии и Героя Советского Союза, тем более дважды, тебе будет легче поднимать дочь. У вас будут льготы, вы сможете эвакуироваться. У меня никого из близких нет, и я оставлю тебе свой денежный аттестат. Пожалуйста, не торопись с отказом. Хотя бы ради Катюшки. Она стала мне по-настоящему дорога. А с чувствами давай разберёмся после войны. Если ты решишь, что между

нами что-то есть, то, значит, у нас будет семья, ну а если нет… Я приму любое твоё решение, но только после войны.

– Все так и скажут, что ради пайка, – вздохнула Света.

– Да плевать, кто что скажет, – вскрикнул я, но сразу замолк, так как девочка тревожно завозилась под одеял-ком. – Плевать, кто что скажет, – уже вполголоса продолжил я. – Ты о ребёнке думай, а не о том, что другие говорят. Умные поймут, а на дураков не надо обращать внимания.

– Я подумаю, – произнесла Светлана, глядя на огонь. – Ты только меня не торопи. Дай мне немного времени.

Так мы просидели ещё почти час, рассказывая друг другу о себе. Катюшка вдруг начала плакать. Светлана метнулась к дочери, но я опередил её и взял малышку на руки. Боже, какая же она худенькая и лёгкая как пушинка.

Девочка открыла сонные глазки и, счастливо улыбнувшись, чуть слышно произнесла:

– Папа…

Я нежно прижал её к себе и прошептал ей на ушко:

– Спи, котёнок мой родной, папа рядышком с тобой. Папа всегда будет рядом.

Вот точно так же я любил своих дочек там, в оставленном мной прошлом-будущем. И точно такие же слова шептал им на ушко. А сейчас я испытываю точно такие же чувства к Катюшке.

Уложив девочку спать, просидели со Светланой за разговорами ещё пару часов, пока она не начала откровенно клевать носом. Отправил её спать, а сам ещё долго сидел, время от времени подбрасывая в печку дрова и пытаясь разобраться в своих мыслях. Уже ближе к утру забылся в полудрёме, сидя на табурете и прислонившись плечом к шкафу.

Очнулся оттого, что просто замёрз. Дрова в буржуйке давно прогорели и в промёрзшей комнате вновь похолодало. Что интересно, на меня был накинут мой полушубок – видимо, Света просыпалась и укрыла меня им.

Интерлюдия

Светлана

Была ли она когда-нибудь счастлива вот так, по-настоящему? Пожалуй, что нет. Во всяком случае, Света такого не помнила. Было какое-то ощущение счастья, когда родилась Катенька, но и оно было смазано гибелью Степана, отца девочки.

Своих родителей она помнила очень смутно. Нежную, любящую маму и сильного и доброго отца. Они умерли от тифа, когда Свете только-только исполнилось пять лет. Её взяла к себе двоюродная сестра отца, тётка Глафира. Да и не взяла бы, но тут сработал принцип «а что люди скажут». Муж тётки Глафиры, Николай Тимофеевич, был начальником ОРС, и они очень боялись, что о них могут плохо подумать.

И началась жизнь маленькой девочки в качестве обслуги у богатых родственников. Ей приходилось убираться в большом доме, мыть посуду, стирать, готовить еду. На то, чтобы поиграть или почитать и порисовать, уже не оставалось ни сил, ни времени. Когда муж тётки Глафиры, низенький, с лоснящимися от жира щеками, приходил, как он говорил, со службы, она была обязана снимать с него сапоги, надевать ему на ноги тапочки, подавать газету, а потом бежать и начищать до зеркального блеска его обувь. И попробуй что-то сделать не так – замоченный прут у тётки всегда был наготове, и била она им очень болюче. Правда, делала это так, чтобы со стороны следов не было видно.

Изредка тётка наряжала её и выводила на прогулку. При этом всем встреченным знакомым со слезой в голосе рассказывала, как же ей тяжело воспитывать сиротку. Но не бросишь же родную кровиночку, вот и приходится ей, всей такой несчастной, воспитывать и содержать девочку, раз уж своих детей нет. А «кровиночка» в это время прятала за спиной руку, на которой из-под рукава платья выглядывал свежий багровый след от прута.

В школу Света пошла с огромной радостью, ведь это был отдых от постоянной работы по дому, от тёткиных тычков и затрещин. Ох как

не хотела тётка Глафира отпускать её учиться, но, опять-таки, разговоры пошли, почему это их племянница в школу не ходит.

– Ой, да она же совсем глупая, – всплеснув руками, говорила тётка. – Вся в родителей своих непутёвых. Ничего не может запомнить, так чего уж позориться-то.

Но всё же пришлось отправлять девочку в школу, перед этим строго-настрого предупредив её, чтобы не болтала лишнего, иначе мигом окажется в детском доме. Детского дома Света боялась и поэтому помалкивала. Учиться ей нравилось. Она впитывала знания как губка, стараясь при любом удобном случае задержаться в школе подольше. Здесь у неё наконец-то появились подруги, учителя нахваливали её. Но рано или поздно приходилось возвращаться в дом к тётке, где её ждала работа. Уроки она учила поздно ночью, спала пару часов, рано утром вскакивала, готовила завтрак, накрывала на стол и бежала на учёбу.

Когда Света немного повзрослела и начала округляться в нужных местах, Николай Тимофеевич начал посматривать на неё каким-то новым взглядом, при этом его поросячьи глазки становились масляными. А вскоре он начал откровенно приставать к ней, время от времени зажимая в тёмном чулане. Она лишь крепко зажмуривала глаза и до крови прикусывала губу, пока муж тётки елозил своими потными ладонями у неё под кофточкой, при этом пыхтя как паровоз. Потом он вздрагивал, резко выдыхал и весь как-то даже сдувался. Вытирая пот со своей лысины и с шеи, он в очередной раз предупреждал Свету, чтобы помалкивала, и уходил по своим делам, а она беззвучно плакала, уткнувшись лицом в тоненькую подушку в своём чуланчике, в котором жила.

Едва ей исполнилось шестнадцать лет, она тайком забрала из тёткиного комода справку от школы об окончании семи классов, метрику о рождении, вытащила из своего тайничка с большим трудом скопленные шестьдесят рублей и, пока никого не было дома, бегом побежала на вокзал, чтобы сесть в первый же попавшийся поезд. Оставаться было уже просто невмоготу: приставания тёткиного мужа становились всё более настойчивыми и откровенными.

Первым оказался поезд на Ленинград. Здесь, в городе на Неве, ей сразу повезло: она смогла устроиться на завод ученицей штамповщика

и получить койку в общежитии. Работа была тяжёлая, но ей она была в радость.

Через год она познакомилась со Степаном, а ещё через полгода они поженились. Любила ли она его? На это Света так сразу и не ответила бы. В то время она больше руководствовалась поговоркой «Стерпится – слюбится». От завода им, как передовикам производства, выделили квартиру, и жизнь потихоньку начала налаживаться.

Вскоре Света узнала, что беременна. Было и страшно, и радостно одновременно. Молодые с нетерпением ждали появления своего первенца, когда случилась авария. Степан, спасая людей, погиб. Света вновь начала скатываться в отчаяние, но помогли добрые люди, не дали пропасть. Квартиру оставили за ней, помогли устроиться на курсы машинисток и перевели на работу в машинописное бюро.

Родившаяся дочка стала той маленькой искоркой счастья, которая поддерживала её. Чтобы побольше быть с дочкой, Светлана перешла на работу в жилуправление рядом с домом. И, казалось бы, жизнь опять начала налаживаться, когда грянула проклятая война.

Немцы быстро подошли к Ленинграду и окружили город. Бомбёжки, обстрелы, пожары и разрушенные дома. Но не это было самым страшным. Страшнее оказался голод, который разразился в городе. В сентябре немцам удалось разбомбить Бадаевские склады, густой столб дыма от пожара было видно из всех концов города. Вскоре на рынке начали продавать землю, пропитанную расплавившимся сахаром. Верхний, наиболее «просахаренный» слой считался лакомством и стоил дорого. Но многим эта земля спасла жизнь.

Тяжелее всего стало в ноябре – декабре. Нормы выдачи продуктов урезали. Люди от голода падали замертво прямо на улице. Просто чудо, что им с Катенькой удалось выжить. Однажды в декабре соседи угостили их с дочкой парой крошечных котлет. Кате котлетка очень понравилась, и Света отдала ей половину своей. Может быть, когда-нибудь она расскажет дочери, что эти самые вкуснющие котлеты были приготовлены соседями из их красавца кота, доброго пушистого рыжего мурлыки, от которого девочка была в полном восторге. Соседи умерли один за другим сразу после Нового года.

А вчера ей на работе выделили дрова, и это было как нельзя кстати: они с Катей уже начали топить свою страшно дымящую

буржуйку разбитыми табуретками. Вязанка дров получилась большая, и Света с трудом тащила её за собой. Катюшка молча шла рядом, держась рукой за верёвочку. Почти у самого дома голова сильно закружилась, и Света не удержалась на ногах. Встать она уже не смогла, сидела и беззвучно плакала, жалея себя и дочку.

Смерть уже стояла у них за плечами, когда из-за сугроба, переговариваясь, вышли двое военных. Они помогли ей подняться, и тут Катюшка вдруг обхватила одного из них за шею и громко произнесла: «Папка… Папочка…» И это та самая Катюшка, которая не подпускала к матери никого из мужчин.

Военные помогли им добраться до квартиры, затащили в комнату дрова, и только тут Света узнала одного из них. Это был известный писатель Аркадий Гайдар. А вот второй…

Ещё там, на улице, взглянув в его глаза, она поняла, что пропала. Сердце буквально замирало всякий раз, когда он смотрел на неё. А потом, когда комната немного прогрелась и военные сняли свои полушубки, Света просто обомлела. На груди у того, второго, которого звали Ильёй и который оказался майором-лётчиком, ярко горели две Звезды Героя и другие награды, две из которых оказались английскими. Катюшка не отходила от него, всё время называя папой, а Свете хотелось выть от отчаяния. Ну разве нужна она такому герою? Он вон какой, а она…

А потом был настоящий пир. У Ильи с Аркадием с собой были продукты, и они выложили их на стол. Свете было безумно стыдно, но голод взял верх. Они с Катей впервые за долгое время смогли нормально поесть. А вот гости кушать вежливо отказались и лишь с видимым удовольствием пили пустой кипяток, хотя несколько кусков сахара, принесённых ими же, лежали на столе. И только видно было, как желваки ходили на щеках у Ильи, когда он думал, что она на него не смотрит.

Аркадий вскоре ушёл, сославшись на службу, и попросил приютить до утра Илью. «Да хоть навсегда», – чуть не вырвалось у Светланы, но она с видимым усилием сдержалась. И тем неожиданнее стали для неё слова Ильи: «Света, выходи за меня замуж».

Почему она сразу не ответила согласием, Светлана и сама не понимала. Хотя, с другой стороны, она действительно не хотела, чтобы это предложение было сделано из жалости к её положению. Она

попросила время подумать, но как же ей хотелось быть всегда рядом с этим удивительным парнем, который, как оказалось, даже на год младше её самой. Они ещё долго сидели, разговаривали и не могли наговориться, пока сон окончательно не сморил её.

Гайдар постучал в дверь, когда на востоке едва-едва начало сереть. За его спиной, нагруженный битком набитым вещмешком, стоял и улыбался старшина Федянин.

– Утро доброе, хозяюшка! – поздоровался Аркадий со Светланой. – А мы вот за командиром приехали да вам гостинцы привезли.

– Здласти, – выглянула из-за спины Светланы закутанная в одеяло Катюшка. – Плоходите, пожалуста.

– Это что тут за девочка такая? – Кузьмич отодвинул плечом Гайдара и протиснулся в коридор. – Здравствуй, красавица. Давай знакомиться. Меня дядя Толя зовут. А тебя как?

– А меня Катя. И я не класавица, а плосто девочка.

– Ну нет, – делано удивился Кузьмич, – ты не просто девочка, а очень красивая девочка. На-ко вот гостинец тебе.

С этими словами он протянул Катюшке… Чупа-чупс?! У меня челюсть едва на пол не упала.

Заметив моё удивление, Кузьмич сказал:

– С утречка сахарок растопил на печи да вот петушка на гостинец сделал.

– Спасибо, дядя Толя.

Катюшка тут же засунула лакомство за щёку и зажмурилась от удовольствия.

– Товарищ комиссар сказал, что у вас печка дымит сильно, – обратился Кузьмич к Светлане. – Так давайте я посмотрю, может, и исправлю что.

С Кузьмичом выгребли из буржуйки угли, разобрали дымоход и переставили печку в другое место. Затем старшина занялся дымоходом, а я присоединился к Аркадию, который убеждал Светлану принять привезённые продукты. А привезли они целых два вещмешка, под завязку набитых тушёнкой, крупой, яичным порошком, сухим молоком, суповыми концентратами, пару банок консервированного жира и с десяток плиток так нелюбимого лётчиками «рациона Д».

Плюс ко всему полмешка муки и пару килограммов сахара. Как оказалось, они ещё и дров привезли. Когда только успели всё собрать.

– Я не могу это взять, – решительно говорила Света, но при этом не могла отвести взгляда от продуктов. – Вам самим надо, вы наши защитники.

– Светлана Геннадьевна, – во, Гайдар уже и по отчеству знает, как величать хозяйку, а я и не спросил ни отчества, ни фамилии, – я, как комиссар нашей гвардейской эскадрильи, ответственно вам заявляю, что мы обеспечены всем, что нам необходимо. А это вам в качестве помощи от нас и благодарность за то, что приютили нашего командира. Считайте, что наша эскадрилья взяла над вами шефство. Я очень вас прошу, примите, не обижайте отказом. Как я потом лётчикам и техникам буду объяснять, что вы отказались принять гостинцы, которые они от всего сердца вам собирали?

– Но тут же очень много всего, – почти сдалась Светлана.

– А ты поделись с той же тётей Дусей, – предложил я, – и с соседями.

– Ой, и правда. Можно, я тогда отнесу немного продуктов Константину Эдуардовичу? Он живёт этажом выше и сейчас должен быть дома. Он работает в Институте растениеводства и дома бывает редко. У них там какая-то важная работа, и он часто так на работе и живёт по нескольку дней.

– Конечно отнеси, – обрадовался я, видя, как оживилась Света.

И тут меня словно током ударило. Институт растениеводства. Я читал о них, и прочитанное поразило меня до глубины души. Сотрудники института во время блокады всеми способами сберегали огромную коллекцию зерновых семян и картофеля. Это пример высочайшего мужества и служения науке и будущему. Люди падали и умирали от голода, а рядом, только руку протяни, сотни килограммов семян и картофель, которые можно просто съесть и тем самым спасти свою жизнь. За всё время блокады не было утеряно ни одного зёрнышка, ни одного клубня. Сотрудники института, шатаясь от голода и слабости, разыскивали дрова и всё то, что может гореть, чтобы поддерживать в хранилище определённую температуру и влажность[61].

К Константину Эдуардовичу Ворончихину я пошёл вместе со Светланой. Она сложила в наволочку пару банок тушёнки, банку

топлёного жира, несколько пачек суповых концентратов, пачку яичного порошка и несколько плиток «рациона Д». В отдельный кулёк отсыпала сахара и в ещё один – муки. Я же напросился якобы проводить и помочь. Появилась у меня мысль хоть как-то помочь сотрудникам института, а для этого надо залегендировать свои знания о положении дел в их учреждении.

Нашему визиту Константин Эдуардович очень обрадовался. Именно тому, что к нему пришли гости, а не тому, что они с собой принесли.

– Света, милочка, проходите. – Несмотря на очень худое лицо, улыбка была вполне радушной. – Что же вы совсем забыли старика? Как ваша дочка? Надеюсь, с ней всё хорошо? И вы, молодой человек, – это уже ко мне, – проходите. Прошу прощения за свой внешний вид, но в силу сложившихся обстоятельств приходится так спасаться от холода.

Принесённым продуктам он обрадовался, хотя так же, как и Светлана, поначалу отказывался.

– С вашего позволения, молодые люди, я угощу Рудольфа Яновича[62].

Константин Эдуардович с интересом изучал написанное на обёртке «рациона». Написанное, кстати, на английском.

– Кхм, интересно, – покачал он головой, – В трёх маленьких плитках – суточная норма калорий.

– Знаете английский? – спросил я на языке Шекспира.

Ворончихин, чуть прищурившись, посмотрел на меня.

– Всё, вспомнил, где я мог вас, молодой человек, видеть. Ведь вы тот самый лётчик, который сбил больше всех немецких самолётов и которого английский король произвёл в рыцари. Ваша фамилия, если мне не изменяет память, Копьёв, и ваше фото было напечатано в газете.

– Вы очень наблюдательны, Константин Эдуардович, – польстил я. – Я действительно тот самый Копьёв, и зовут меня Илья.

– О, молодой человек, наблюдательность – это у меня профессиональное. Я учёный-селекционер. Попробуйте уследить за крохотными изменениями в растениях, не имея такого навыка. А по отчеству, прошу прощения, вас как?

– Ну что вы, Константин Эдуардович, я ещё достаточно молод для отчества. Так что называйте просто по имени.

– Эх, батенька, в наше время возраст давно уже не имеет значения. Реальные заслуги человека – вот что важно. Так что не обессудьте, но я всё же хотел бы называть вас по отчеству в знак моего к вам уважения.

– Ну, если для вас это так важно, то Андреевич.

Мы беседовали ещё минут двадцать, когда Светлана заторопилась домой: Катюшка там осталась одна с незнакомыми людьми. Хотя уверен, скучать ей там без мамы точно не дают.

И точно, не дали. Когда мы вернулись, то в печке уже весело потрескивали дрова, а Катюшка сидела на коленях у Гайдара и слушала какую-то историю.

– Вот, Светлана Геннадьевна, принимайте работу, – довольно улыбался Кузьмич. – Теперь и греть будет лучше, и дымить больше не будет.

– Ой, спасибо вам огромное. – Светлана подскочила к Кузьмичу и поцеловала его в щёку, отчего мой механик засмущался. – Мы так с этой печкой намучились. Сейчас поставлю чайник, и будем пить кипяточек.

– Мы будем пить какао, – торжественно произнёс Аркадий, жестом фокусника доставая из вещмешка жестяную банку с ленд-лизовским какао.

– И правда, какао, – почти шёпотом произнесла Светлана, открыв крышку и вдохнув аромат, растекающийся из банки. – Я, наверное, сплю, и мне всё это снится.

Больше всего какао пришлось по вкусу, конечно, Катюшке. Вот кто пил бы его не отрываясь.

Отдав должное напитку, мы засобирались. Пора и честь знать. Война ещё не закончилась.

Уже на выходе Катюшка бросилась мне на шею.

– Папа, а ты ещё плидёс? Плиходи, не блосай меня.

Малышка всхлипывала, но сдерживала плач.

– Конечно приду, мой котёнок. – Я поцеловал девочку в щёчку. – Если мама твоя не будет против.

Я посмотрел на Светлану, которая стояла в дверях комнаты, прикусив нижнюю губу, и теребила руками край накинутой на плечи

шали. На глазах у неё были слёзы. На мой вопросительный взгляд она лишь чуть заметно кивнула и улыбнулась одними глазами.

– Она не будет плотив. Я договолюсь, – с надеждой смотрела на меня малышка.

– Значит, приду. А ты слушайся маму и помогай ей. Договорились?

Полуторка везла нас по заснеженным улицам города. Мы втроём сидели в кузове, и каждый думал о своём, глядя на мрачные дома.

– Кузьмич, как у нас с продуктами и дровами? – Я помнил об Ворончихине и его товарищах.

– Кое-что из продуктов есть, командир. Мы со второго рейса не всё успели отдать. С дровами тяжелее, но если надо, то найдём.

– Надо будет в ближайшие день-два собрать, что сможем, и отвезти в Институт растениеводства. Это очень важно.

– Сделаем, – уверенно кивнул старшина.

Глава 11
Первые потери

По приезде Кузьмич с Гайдаром, а также с неожиданно примкнувшим к ним Данилиным, развили бурную деятельность. Они вытрясли все свои загашники (правда, зная Кузьмича, не уверен, что вот прям все), раздобыли дрова, договорились с машиной, и уже вскоре нагруженная полуторка уехала на Исаакиевскую площадь в Институт растениеводства. С полуторкой отправился Гайдар.

Как бы мне ни хотелось поехать вместо него, но мой маршрут лежал в другом направлении. Из штаба ВВС Ленинградского фронта сообщили, что сегодня по ледовой дороге прибывает обещанная мне Сталиным радиолокационная станция. Где её размещать, я уже прикинул и согласовал, оставалось только определиться на месте, а именно в районе Осиновецкого маяка, под прикрытием зенитной батареи.

Метель постепенно стихала, и все, кто мог держать в руках лопату и скребок, вышли на расчистку ВПП. А это значит, что, возможно, уже завтра начнётся наша работа, и хотелось бы, чтобы у нас были свои «глаза». Вообще, здесь, внутри блокадного кольца, работают несколько РЛС, в том числе в Ладожском дивизионном районе ПВО, но и ещё одна станция будет точно нелишней. Тем более работать она будет в тесном взаимодействии с нашей эскадрильей. Кстати, это мысль. Надо будет по итогам работы здесь отжать эту РЛС себе. А ещё лучше сделать что-то похожее на АВАКС, только на базе того же Пе-8, он же ТБ-7. Надо будет обдумать эту идею.

На месте меня уже ожидала маленькая колонна из двух автомашин – ЗиС-6 и ГАЗ-ААА. Рядом с ними пританцовывал на морозце, по-видимому, командир расчёта.

– Расчёт! Становись! – подал он команду, стоило лишь мне выбраться из кабины потрёпанного жизнью, но ещё вполне бодрого пикапчика ГАЗ-4. Мне вот интересно: а много ли сейчас в СССР тех, кто не знает меня в лицо?

Потому что командир расчёта, старший лейтенант Самсонов, как он представился, меня точно знал.

Прошёлся вдоль короткого, всего десять человек, строя и со всеми поздоровался за руку. Как я понял, здесь были две смены по четыре человека и два водителя, по совместительству выполняющих обязанности механиков силовой установки, плюс командир.

– Слушай, старлей, тебя как зовут? – спросил я, когда строй распустили.

– Олег, товарищ гвардии майор.

Самсонов, по виду мой ровесник, был немного удивлён.

– Ну а меня Илья, позывной Тринадцатый. Кстати, это и позывной нашей эскадрильи. И давай без этого вот официоза. Званиями будем мериться, если не сработаемся. Расскажи лучше о своей чудо-машине. На что она способна?

Судя по тому, как загорелись глаза Олега Самсонова, он был настоящим фанатом радиолокации, что меня порадовало. Нам, по его словам, здорово повезло: нам выделили станцию РУС-2с. Одноантенная, с дальностью обнаружения целей до ста пятидесяти километров, правда, как пояснил Самсонов, это в идеальных условиях, а так в среднем километров сто. И чем ниже шла цель, тем больше уменьшалась дальность обнаружения. Например, идущий на высоте пятисот метров самолёт засекали за тридцать – тридцать пять километров.

Существенным недостатком было то, что РУС нельзя было использовать непрерывно свыше двух часов, затем следовало сделать получасовой перерыв на охлаждение установки, правда, зимой на это требовалось минут пятнадцать. Ну да нам, как говорится, на безрыбье и рак – рыба. А ещё он обрадовал меня тем, что, как оказалось, должна подойти ещё одна машина с мощной радиостанцией, которая будет размещена у нас в месте базирования для устойчивой связи с РЛС. Просто ещё на том берегу случилась поломка, и техника отстала.

Я поразился тому, насколько глубоко Сталин вникает в вопросы. Когда-то, ещё *там*, я читал какого-то либераста, который с подвизгиванием, захлёбываясь в собственных слюнях, писал о том, что Сталин, цитирую, «воевал по глобусу», и все вопросы за него решали на местах. А так как за просчёты можно было и головы лишиться, то никто, мол, не лез с дельными советами, и вообще все старались лишний раз инициативу не проявлять. А войну выиграли лишь за счёт того, что немцев завалили трупами.

И ведь были те, кто этой мутотени верил, хотя нет ничего проще, как залезть в интернет, найти воспоминания тех, кто непосредственно со Сталиным контачил, а заодно посмотреть соотношение потерь РККА и вермахта. И получится, что соотношение это 1,3:1. У нас безвозвратные боевые потери почти двенадцать миллионов человек, у немцев – более семи миллионов, плюс у их союзников почти полтора миллиона. А ведь в безвозвратные потери включаются и умершие в плену, и если учесть, что наших солдат, попавших в плен, немцы целенаправленно уничтожали (почти два миллиона военнопленных), то получается, соотношение ещё меньшее. В общем, было бы желание, а истину найти можно.

Вот и сейчас Сталин меня поразил. Ведь при разговоре с ним я как-то позабыл упомянуть о связи с РЛС, а вот он, как оказалось, этот вопрос изучил и исправил мой недочёт.

С местом размещения РЛС определились быстро. Расчёт перегнал машины и начал разворачивать станцию. На это потребуется несколько часов. Обговорили вопросы связи и взаимодействия. Связь будут держать с нами и со штабом ПВО. Заодно посмотрел, что вообще представляет собой эта техника. М-да, конечно, не те, которые я видел во время своей службы, но на сегодняшний день тоже довольно неплохо.

К себе возвращался вполне довольным. Если ещё и машина с радиостанцией подойдёт, то вообще будет всё замечательно.

Гайдар также вернулся, выполнив поставленную задачу. Был он мрачен.

– Нет, ты представляешь, – горячился он, – они там дровам больше обрадовались, чем продуктам. Сами исхудавшие, качает их от недоедания, а они дровам радуются как дети. Очень за них благодарили, а потом уже за продукты. Это не люди, это скала, гранит нерушимый. Сами едва ноги передвигают, а в первую очередь о сохранности коллекции заботятся. Я обязательно должен о них написать. Да я просто обязан это сделать! Ах, да, тут тебе записка.

Он протянул мне аккуратно сложенный листок.

Уважаемый товарищ Копьёв! От лица моих коллег по Всесоюзному институту растениеводства и от себя лично искренне благодарю Вас за дрова и продукты. Вы даже

представить себе не можете, какую неоценимую услугу оказали всей советской науке. Ещё раз выражаю Вам слова благодарности и настоятельно прошу впредь воздержаться от отправок к нам такого количества продуктов. Вам, нашим защитникам, они нужнее. От дров отказываться не будем. Очень прошу Вас, Илья Андреевич, при первой же возможности посетить нас.

С уважением,

ст. научный сотрудник отдела плодово-ягодных культур Кордон Р. Я.

Как там у поэта? Гвозди бы делать из этих людей? Нет, не гвозди. Это броня. Несокрушимая броня. Это ежедневный, ежечасный, ежеминутный подвиг. И таких примеров в блокадном Ленинграде много.

Взять, например, Даниила Кютинена. Когда я читал про него, у меня мурашки бегали по всему телу. Смог бы я поступить так, как он? Честно, не знаю. Не уверен. Он, пекарь, умер на своём рабочем месте, как было написано в свидетельстве о смерти, от дистрофии. Это же просто уму непостижимо! Пекарь (!) не съел ни крошки (!) хлеба, который выпекал. Хлеба, который мог бы спасти его жизнь. Вот кого надо канонизировать как святого, вот кому устанавливать огромную мемориальную доску в Питере, ему, а не соучастнику убийства сотен тысяч ленинградцев Маннергейму. Да не простую, а из чистого золота.

За день и ночь метель окончательно стихла, и небо расчистилось. Утром с Санчесом вылетели в патрулирование вместе с третьим звеном: нужно было ознакомиться с районом в воздухе. На аэродроме в состоянии «готовность № 2» осталось первое звено.

Едва набрали высоту, как на связь вышел Самсонов.

– Тринадцатые! Наблюдаю с юга групповую цель. Дистанция – шестьдесят. Высота предположительно две тысячи.

Сразу взяли курс на перехват. Похоже, немцы решили нанести удар по военно-автомобильной дороге № 101, она же Ледовая дорога жизни. Понятно, что не мы одни занимаемся прикрытием дороги и сообщение с нашей РЛС уже ушло в штаб Ладожского района ПВО, в оперативном подчинении у которого имеются целых четыре

истребительных авиаполка, но вот время реагирования всё же слишком большое. Да и на вооружении тех авиаполков в основном уже устаревшие И-16, И-153 да порядком изношенные МиГ-3.

Но мы уже в воздухе и явно успеем перехватить немцев, правда, почти над ледовой переправой.

Успели. Чуть впереди и слева хорошо было видно идущих плотным строем шесть Ю-88, немного выше и в стороне – ещё шесть Ме-109. Причём у «мессеров» видны были под брюхом по две авиабомбы-сотки.

– Князь, ваши «юнкерсы». Мы с Кортесом займёмся «худыми». Работаем.

Мы разошлись со звеном Юсупова в разные стороны, плавно набирая высоту. Немцы нас тоже заметили, и «мессеры» поспешили избавиться от своего груза. Они также разделились, и четверо из них метнулись на перехват звена Князя, а двое попёрли на нас с Санчесом. Похоже, немчура здесь ещё непуганая и о нас не слышала. Под Москвой мы приучили немцев не связываться с нами, а здесь прям праздник какой-то: не надо за ними гоняться, они сами к нам идут. Но это, скорее всего, пока.

Фигурять и выяснять с немцами, чьё кунг-фу лучше, мы не стали. Ведущего я срезал ещё на дальней дистанции, чего он ну никак не ожидал. Его ведомый тоже этого не ожидал и поэтому замешкался, что стало для него роковой ошибкой: Санчес добавил к своему счёту ещё один. Немного в стороне на ладожский лёд валился, распустив хвост жирного чёрного дыма, ещё один «мессер». Пара «юнкерсов», дымя моторами, с заметным снижением уходила в сторону южного берега Ладоги. Судя по скорости снижения, явно не дотянут.

Оставшиеся три Ме-109 беспорядочно заметались: видимо, дошло, что тут явно что-то не так, да и русские самолёты окрашены как-то необычно. Они дружно свалились на крыло и попытались в своей излюбленной манере оторваться в пике. Но Учитель (капитан Гоч) и Пихта (старший лейтенант Смолин) явно не были настроены на миролюбивый лад и поэтому рванули следом. Хоть немцы уже набрали скорость и были полностью уверены в своей удаче, но увы, злая тётка Фортуна была явно не на их стороне. Две длинные очереди, казалось бы, со слишком большой дистанции – и вот уже два огненных комка врезаются в лёд.

– Учитель! Отпусти третьего! Пусть, убогий, панику разводит, – даю команду атакующей паре.

Князь (капитан Юсупов) особо разгуляться нам не дал. Я только и успел расстрелять один «юнкерс», как всё, противник закончился. Как раз под нами находилась трасса, и было хорошо видно, как водители выскакивали из кабин полуторок и на радостях бросали в воздух шапки. Ну а мы, покачивая крыльями и приветствуя их, прошли чётким строем на малой высоте над колонной машин, идущих в осаждённый город и везущих в него жизнь.

А дальше началась ежедневная работа. Летали парни много, в отличие от меня. Мне всё больше и больше приходилось сидеть на земле и координировать работу РЛС и истребителей эскадрильи. Хорошо, если удавалось сделать один вылет в день, в то время как остальные делали два-три.

Наш транспортный «дуглас» тоже не застаивался на земле. По просьбе командующего авиацией Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Новикова я передал его для вывоза раненых. Заодно на обратном пути и нам доставлялись боеприпасы, запасные части и продовольствие.

Несколько раз вылетали на сопровождение транспортных самолётов совместно с истребителями 127-го полка, которым командовал майор Пузейкин. Поначалу немцы пытались атаковать транспортники, но, увидев краснозвёздные истребители с характерно окрашенными в красный цвет оконечностями крыльев, начали отворачивать в сторону. И так случалось несколько раз, когда мы летали на сопровождение транспортников.

Такое поведение немцев не осталось незамеченным нашим командованием, и нас чаще стали привлекать на прикрытие и сопровождение транспортников и колонн с ценными грузами. Эвакуируемые гражданские тоже откуда-то знали, что если их с воздуха прикрывают белые краснозвёздные истребители с красными оконечностями крыльев, то бояться налёта немецкой авиации не надо.

Далеко не всегда немцы отворачивали, увидев нас, и тогда приходилось вступать в бой. Воздушные бои над Ладогой были по-настоящему жаркими. Порой казалось, что сам лёд горит от упавших на него самолётов. К сожалению, не только вражеских. Полки, прикрывавшие Дорогу жизни, несли потери. Мы тоже часто привозили

пробоины в крыльях и фюзеляжах. Пару раз бывало, что парни едва дотягивали до аэродрома. Однако день-два – и истребители, отремонтированные руками наших техников, вновь уходили в небо.

Палатки-ангары для самолётов, ещё под Москвой изготовленные нами из брезента по моим эскизам, явно заинтересовали наших коллег. Удобная штука получилась. Несколько жердей-опор, примерно минут сорок работы, и вот самолёт уже укрыт от непогоды. Ставь внутри печку-буржуйку, и можно зимой вполне комфортно заниматься ремонтом и обслуживанием. Новиков выцыганил у меня одну, правда, обещал, что вернёт, и вскоре такие же импровизированные ангары начали появляться и в других полках. Не знаю, кто сболтнул, но называли их не иначе как палатки-копьёвки, или сокращённо – ПК.

Очень досаждали финны. Основные силы их авиации действовали над Финским заливом, но и над Ладогой они тоже отметились. Несколько раз мы вступали с ними в бой, и надо сказать, что это был очень серьёзный противник, особенно если учесть стремление финнов посчитаться с нами за Зимнюю войну[63]. Они и эту войну называли не иначе как «война-продолжение», так что в воздухе дрались жёстко и умело и крови у нас попили изрядно.

Всё чаще с постов, расположенных вдоль ледовой переправы, стали приходить тревожные сообщения о паре финских истребителей «Брюстер»[64], совершавших налёты на колонны, перевозившие грузы и людей. Всегда одна и та же пара самолётов. Они всегда заходили на цель на предельно малой высоте, расстреливали один-два грузовика и уходили к себе также на бреющем полёте. Самсонов только руками разводил. Его РЛС цели, идущие на предельно малой высоте, просто не видела.

Мы попытались организовать постоянное барражирование наших самолётов над трассой, но всё было бесполезно. Финны словно чуяли нас и в такие дни старались не высовываться. Но всё же рано или поздно встреча должна была состояться. И она состоялась.

В один из дней, когда я сидел возле радиостанции в присланной нам КШМ[65] на базе ЗиС-5, в эфире раздался немного встревоженный голос:

– Здесь Фил! Атакован парой «брюстеров»! Корнет подбит! Принял бой!

На этом связь оборвалась.

– Дункан! – ору в микрофон. – Мухой к Филу!

К этому времени мы летали на патрулирование в составе звена, при этом одна пара барражировала над дорогой от западного берега Ладоги примерно до середины, а другая, соответственно, от восточного до середины. Пару Фила подловили ближе к Ленинградской стороне.

– Камандир! – В голосе Гуладзе явно слышалась паника, поэтому и акцент прорезался. – Нас зажали восемь «худых»! Не можем оторваться!

– Твою ж!.. – скрипнул я зубами.

Похоже, на нас открыли охоту и решили бить поодиночке. Но вот хрен вам. Мы тоже не пальцем деланные.

– Князь, на вылет! Шило, готовность номер один, прикроешь на возврате! Кортес, готовность номер один!

Ох как хотелось мне самому броситься туда, в небо над Ладогой. Но что-то мне подсказывало, что немцы могут подловить нас при возвращении и заходе на посадку. Мы для них словно бельмо в глазу.

Третье звено ушло к Ладоге на подмогу, а спустя некоторое время вдалеке показался истребитель с тянущимся за ним чёрным хвостом дыма. Летел он как-то почти полубоком. Вот вышли шасси, и тут «як» резко клюнул носом. Буквально в паре метров от земли выровнялся, но не до конца. Стойки шасси подломились, и, подняв в воздух тучу снега, истребитель зарылся в сугроб на краю ВПП. Из кабины никто не выбрался.

Я запрыгнул за руль стоящего рядом с нашей радиомашиной пикапчика ГАЗ-4 и рванул в конец полосы, где лежал подбитый «як» с красными оконечностями крыльев, попутно забрав бегущих в ту же сторону старшину Федянина и техника самолёта Корнета.

Подъехал я одновременно с санитарной машиной. Весь фюзеляж и крылья «яка» были в рваных пробоинах. Фонарь был разбит, и через дыры в нём был виден обвисший на ремнях пилот, бессильно опустивший голову на грудь. Меня изнутри будто холодным душем окатило, а Кузьмич с техником фомкой уже открывали фонарь.

– Так, все в сторону!

Женщина-врач, едва открыли заклинивший фонарь, растолкала всех и склонилась к Суворову.

– Жив! Аккуратно достаём.

На Корнета было страшно смотреть. Зимний комбинезон весь был пропитан кровью. Когда пилота вытащили из кабины и положили на плоскость, то она под ним сразу окрасилась в красный цвет. Видно было, что комбез разорван на груди и на правой ноге. Из-под шлемофона тоже текла кровь. Удивительно, как он смог дотянуть до аэродрома с такими ранениями.

Суворова увезли на санитарке, а я всё стоял у разбитого истребителя, и в моих ушах ещё звучали слова доктора: «Ранения очень тяжёлые, и шансов мало. Будем надеяться на то, что организм молодой и справится».

Вытирая руки ветошью, подошёл Кузьмич.

– Нормально всё будет, командир. Он парень молодой, выдюжит.

– Что с машиной? – кивнул я на «як».

– Сложно, но сделаем. Дня четыре точно провозимся.

Я кивнул в ответ и пошёл к автомобилю.

– Кузьмич, тебя подвезти?

– Можно. Я тогда сейчас за краном. Отбуксируем «яшку» к себе и займёмся им.

Я вернулся на свой КП. На взлёт пошло звено Шилова, а значит, наши возвращаются. Быстро накинул комбинезон и пошёл на стоянку своего истребителя. Санчес уже прогрел двигатели, и винты крутились на холостых оборотах. Он помог мне надеть парашют.

– Как там? – кивнул Санчес в сторону ВПП.

– Хреново, Мигель. Сильно Витьку попятнало.

Едва занял место в кабине, как в стороне КП в небо взлетела красная ракета, а в наушниках раздался голос командира истребительного полка:

– Первая, вторая эскадрильи – на взлёт. С севера большая группа бомбардировщиков.

– Здесь Тринадцатый! Мы парой в деле!

Вот, похоже, и гости по нашу душу пожаловали. Уж что-что, а разведка у немцев работает хорошо, и место нашей дислокации им известно.

Мимо, поднимая за собой клубы снежной пыли, пошли на взлёт И-16. Ну а следом и мы с Санчесом.

Немцев встретили на подступах к Ленинграду, ВНОС сработали своевременно. Три девятки Ю-88 в сопровождении двенадцати

«мессеров» шли ровным строем курсом на наш аэродром. «Ишачки» пошли в лоб на «юнкерсы», а мы с Санчесом ринулись наперерез «мессерам». Краем глаза заметил, как со стороны Ленинграда приближается ещё группа самолётов – И-153 «Чайка» в количестве пяти единиц набирали высоту.

Драка получилась жаркая. Увидев истребители в ненавистной им окраске, немцы словно с ума сошли. Полностью игнорируя другие краснозвёздные самолёты, бросив на растерзание свои бомбардировщики, они всей стаей набросились на нас. Двоих мы с Санчесом срезали сразу, а потом закрутилась «собачья свалка». Казалось, всё небо в паучьих свастиках и крестах. «Мессеры» мелькали, словно осы, на доли секунды попадая в перекрестие прицела, но часто нам хватало этих мгновений, чтобы всадить несколько снарядов и пуль в брюхо или крыло продукции немецкого авиапрома. По пятерым я точно попал.

И вдруг немцы как-то неожиданно закончились.

Заложив вираж, я осмотрелся. В северном направлении на всех парах, едва не махая крыльями для ускорения, удирали двенадцать «юнкерсов», несколько из них – с чёрными дымными хвостами. «Мессеров» видно не было: или всех посбивали, или кто-то успел удрать, что было наиболее вероятно.

– Mierda de perro![66] – выругался Санчес по-испански.

– Кортес, ты чего матюками матюкаешься?

– Крыло зацепили, суки! – Испанец-то он испанец, но по-русски говорит прям с рязанским акцентом, особенно когда ругается. – Спасибо амигос на «москас»[67], что сняли у меня с хвоста фрица.

На аэродроме царило похоронное настроение. Привыкли уже все в эскадрилье, что воюем без потерь, и морально оказались совершенно не готовы принять тот факт, что и сами можем попасть под раздачу. В столовой, где все собрались после возвращения, царила непривычная тишина. Кто-то задумчиво ковырялся ложкой в тарелке, кто-то, как Кравченко, потерявший ведомого, смотрел прямо перед собой в одну точку. Гуладзе, до этого бездумно перемешивавший содержимое в тарелке с супом, вдруг швырнул ложку и вскочил, собираясь, видимо, уйти.

Мы с Санчесом только что вошли в помещение.

– Сидеть! – рявкнул я.

Гуладзе рухнул обратно на табурет.

– Что раскисли, как красны девицы?! Это война, если кто ещё не понял! И тут, бывает, стреляют, знаете ли! И бывает, что и попадают! И бывает, что и по нам! А вы, дорогие мои, возомнили себя небесными полубогами и расслабились! А немцы – это вам не деревянные болванчики, которых можно бить безнаказанно. Это опытный и умелый враг, за плечами которого большой боевой опыт. Бить их можно и нужно, но расслабляться категорически нельзя. И нельзя терять бдительность ни на секунду – ни в воздухе, ни на земле. Вбейте это себе в мозг! А теперь приступить к приёму пищи! После обеда – все на разбор полётов. Будем думу думать.

Когда все собрались, в том числе и старший лейтенант Самсонов, за которым я отправлял машину на РЛС, начала вырисовываться картина произошедшего. Немцы прекрасно скоординировали свои действия с финнами. И те и другие подошли на минимальной высоте, едва не задевая крыльями лёд, и ударили в тот момент, когда звено разделилось и разошлось в разные стороны.

Пару Кравченко – Суворов атаковали два «брюстера», а на Гуладзе с Шишовым насели шесть «мессеров». Финны, пользуясь неожиданностью, сразу срезали истребитель Суворова. Добить его им не дал Кравченко, связав противника боем. У немцев внезапно атаковать не получилось, их в последний момент заметил Шишов. Зато они смогли отвлечь нашу пару и не дать прийти на помощь.

Одновременно с нападением на истребители нашей эскадрильи немцы произвели массированный налёт на ледовую трассу, и все истребители прикрытия бросились на перехват. По словам Самсонова, налёт носил демонстративный характер и был призван не столько нанести ущерб дороге, сколько отвлечь силы. Немцы шли на высоте четыре тысячи метров, строем, показывая себя во всей своей красе. Ну и кульминацией явилась попытка нанесения удара по нашему аэродрому базирования, который мы успешно отразили.

По итогам боёв немцы потеряли в общей сложности четырнадцать «мессеров» (по семь над Ладогой и у нас на северном направлении) и два десятка бомбардировщиков, из которых пятнадцать – у нас. Мне засчитали три сбитых лично и два в группе, а Санчесу – одного лично и два в группе. Групповые мы сразу «подарили» балтийцам: у нас в эскадрилье было заведено неписаное правило – групповые не

учитывать. Потери авиации Ленинградского фронта составили одиннадцать самолётов, включая Суворова.

Самсонов с виноватым видом докладывал, что первую атаку с бреющего полёта они не увидели. Вернее, был едва заметный всплеск на экране, но его приняли за обычные помехи. Решили попросить местных немного полетать на И-16 на бреющем над Ладогой, чтобы операторы могли найти различие между сигналом от низколетящих истребителей (а «брюстер» и «ишачок» были довольно похожи) и от отражения от поверхности. Будем надеяться, что в будущем сможем распознавать низколетящие цели.

Сразу после разбора полётов подвёз Самсонова к его станции, а сам, предварительно захватив гостинцы, поехал в госпиталь, куда увезли Суворова. Заодно и к Свете с Катюшкой заеду по пути.

В госпитале к раненому меня не пустили. Сказали только, что его прооперировали, что он сейчас без сознания, ранение тяжёлое, но есть все шансы, что жить будет. Стало хоть немного спокойнее за нашего Корнета.

Светы дома не оказалось, и я поехал к ней на работу в жилуправление, благо это было совсем рядом.

– Ула-а-а! Папка плиехал!

Катюшка тут же бросилась ко мне на руки, едва я зашёл в комнату, заставленную стеллажами с папками. Света сидела за столом и что-то писала. Увидев меня, она радостно улыбнулась, и от этой улыбки у меня словно крылья за спиной выросли.

– Ну-ка, что это за папка такой?

Из-за стеллажей вышла женщина средних лет, одетая в телогрейку, перепоясанную солдатским ремнём, и с противогазной сумкой через плечо.

– Здравствуйте, Илья. – Она протянула мне по-мужски крепкую ладонь. – Не удивляйтесь, эти две молодые особы мне про вас все уши прожужжали, так что я с вами заочно знакома. Огромное спасибо за продукты. Меня зовут Евдокия Александровна. Оставляю вас, а мне надо идти на дежурство, я старшая в противопожарной команде.

К сожалению моему и, как я заметил, Светланы, пообщаться нам толком не удалось. Нужно было возвращаться в эскадрилью. Передал гостинцы, с удовольствием послушал картавый лепет Катюшки и собрался уходить.

В дверях меня окликнула Света:

– Подожди…

Если честно, то в душе я надеялся, что сейчас она ответит на моё предложение, но она лишь подошла ко мне и, поцеловав в щёку, прошептала:

– Спасибо тебе за всё…

Глава 12
Огненный лёд Ладоги

Под крылом истребителя проносилась белая ледяная равнина. Вот уже пять дней мы пытаемся устроить засаду на финнов. Понеся большие потери, немцы снизили активность своей авиации. Вместе с ними притихли и их вассалы финны.

Это сразу же сказалось на интенсивности грузоперевозок по Ладоге. Колонны в обеих направлениях шли одна за другой, впрочем, строго соблюдая интервалы как между колоннами, так и между отдельными машинами в колонне. Всё было досконально просчитано, чтобы избежать такого явления, как резонанс. Однажды я даже видел, как по льду перегоняли несколько танков. Правда, вначале не понял, что это такое они тащат за собой, да и сам вид танков сперва показался странным. Приглядевшись, понял, что они едут без башен, а сами башни перевозят на прицепленных к танкам санях. Тогда-то мне и объяснили, что это сделано по рекомендации учёных, чтобы избежать резонанса льда.

Сегодня на патрулирование я вылетел совместно с парой Гуладзе – Шишов. Кравченко пока был безлошадным. В том бою, где подбили его ведомого, лейтенанта Суворова, его истребитель получил серьёзные повреждения, и его ещё не ввели в строй.

Традиционно прошли с ведомым на малой высоте над колонной с эвакуируемыми из города, покачали крыльями и пошли в набор высоты.

И тут Санчес вдруг заорал по радио:

– Сзади три «брюстера»! Атакуют колонну!

Резко сваливаю истребитель на крыло и ухожу в крутой вираж, ложась на обратный курс. Внизу уже горит санитарный автобус с огромным красным крестом в белом круге на крыше. Ещё одна полуторка, с таким же красным крестом на крыше водительской кабины, съехала с трассы и замерла, уткнувшись в сугроб. Странно, но из её кузова никто не выпрыгнул, хотя пустой она точно не должна быть. Либо у сидящих в ней людей просто сил нет, либо… О втором думать не хотелось.

– Внимание! – передаю в эфир, не сводя глаз с противника. – Здесь Тринадцатый! Принял бой с тремя «брюстерами»! Дункан, не спи! Шило, в воздух, закройте с севера!

Три бандита, сумевших обхитрить нас и расстрелявших беззащитных людей, тоже пошли в набор высоты. Запоздало потянулись в сторону финских истребителей трассеры зенитного пулемёта, чья позиция была чуть в стороне. Впрочем, горячие финские парни никак на это не отреагировали и продолжали манёвр, пытаясь занять удобную позицию для атаки.

«Брюстер» – противник серьёзный сам по себе, а в умелых руках и вовсе смертельный. Четыре крупнокалиберных пулемёта, большая дальность полёта и приличная манёвренность – вполне весомый аргумент, даже учитывая меньшую, чем у «яка», скорость.

Так мы и кружили с ними, что называется, принюхиваясь и пытаясь уловить тот самый благоприятный момент для атаки. Наконец финны не выдержали и, синхронно развернувшись, попёрли на нас. Стрелять они начали издалека, сразу втроём, длинными очередями, и всё небо вокруг нас с Санчесом пронизали дымные росчерки смертельной паутины.

Вот только финнам встретилась не беспомощная мошкара, а два злых шершня.

Скольжением уклонившись от вражеских трассеров, сами открыли огонь. Расстояние на встречных курсах стремительно сокращалось. Левый ведомый противника, по которому стрелял Санчес, резко перевернулся и отвесно пошёл вниз – один готов. А вот ведущий, по которому бил я, смог увернуться.

На огромной скорости проносимся мимо, и краем глаза успеваю заметить рисунок рыси на капоте врага, номер BW-364 сразу за голубой финской свастикой и красную четвёрку на хвостовом оперении. Всё это, как в замедленной съёмке, отпечаталось в подсознании. Где-то я это уже видел, но вот где, так сразу и не вспомню. Возможно, в той своей, прошлой жизни.

Финны, разминувшись с нами, тут же заложили крутой вираж. Удрать от нас у них не получится, у нас преимущество в скорости, так что хочешь не хочешь, а им придётся принять бой.

«Брюстеры» резко разошлись в разные стороны. Очевидно, таким манёвром они хотели заставить нас пойти парой за кем-то одним из

них, давая второму шанс либо атаковать нас, либо банально удрать. Вот только мы на эту уловку не повелись. Всё давно уже было отработано. Мы тоже разделились, и каждый пошёл за своим оппонентом.

Санчес разобрался с противником быстро. Несколько очередей – и вот уже финский лётчик качается на стропах под куполом парашюта. Правда, недолго он наслаждался видами зимней Ладоги с высоты птичьего полёта. Взбешённый Санчес очередью поджёг купол парашюта, и финн, размахивая руками, словно пытаясь уподобиться птице и таким образом удержаться в воздухе, полетел вниз. Лёд тебе асфальтом, сволочь!

А вот мой оказался далеко не промах. Его «брюстер» крутился как уж на сковороде, не давая загнать себя в перекрестие прицела даже на крохотное мгновение. Чутьё у финского лётчика было просто звериное, и все мои трассеры проходили хоть и впритирку, но всё же мимо. Он и сам пытался атаковать, но мы тоже не лыком шиты.

Упускать именно этого финна я не собирался. Вспомнил я кое-что, когда-то в прошлой жизни прочитанное. Если я не ошибаюсь, то передо мной не кто иной, как Эйно Ил-мари «Иллу» Юутилайнен, лучший финский ас, сбивший за годы Второй мировой войны девяносто четыре самолёта, написавший книгу «Я бил „сталинских соколов“» и умерший в 1999 году, в свой восемьдесят пятый день рождения.

Очередь прошила крыло «брюстера», вырвав из него клочья обшивки. Финн занервничал и заметался. Это тебе не «чаечек» и санитарные колонны расстреливать. Краем глаза замечаю, как в стороне появились ещё два самолёта.

– Тринадцатый! Здесь Дункан! Идём на помощь!

– Справлюсь. Возвращайтесь в район патрулирования.

– Принял! Ухожу в район.

Пара «яков» плавно ушла в вираж, ложась на обратный курс.

– Командир, я сверху прикрою.

Истребитель Санчеса пошёл в набор высоты. Молодец, не лезет на добычу вожака.

На вираже я всё же смог подловить вёрткого финна и всадил очередь прямо в двигатель. «Брюстер» чадно задымил и полез в резкий набор высоты. В верхней точке он свалился на крыло, и от него

отделилась фигурка человека. Пара секунд – и в небе расцвёл цветок купола парашюта. Руки чесались страшно, так хотелось расстрелять этого гада в воздухе, но решил этого не делать. Финна сносило прямо на позиции зенитчиков, и там его примут в «ласковые» руки. Лишь бы до смерти не забили.

Только сейчас я почувствовал, что весь насквозь мокрый. Бой занял считаные минуты, а казалось, что пару часов.

– Командир, чисто, – бдит наверху Санчес.

– Возвращаемся, – устало откинулся я на бронеспинку.

Опять прошли на малой высоте над Дорогой жизни, покачиванием крыльев приветствуя колонны, везущие в Ленинград жизнь.

ХРЯСЬ! Мой кулак впечатался в столешницу, заставив стоящие на ней чернильницу и пару стаканов с чаем подпрыгнуть. Я был в бешенстве. Точно так же, как совсем недавно дома у Светланы. Передо мной лежали фотографии, на которых были запечатлены растерзанные пулями маленькие дети. Крошечные тела, залитые кровью, с оторванными ручками и ножками, разорванные пополам. Пули калибра 12,7 миллиметров и взрослого могут разобрать на части, что уж говорить о детях.

В колонне с детьми, расстрелянной финскими асами, возвращался из командировки в Ленинград фотокорреспондент одной из газет. Вот он и зафиксировал на камеру сам момент и результат атаки на санитарный автобус и грузовик. Другие машины в колонне не пострадали. Нашему особисту Данилину через знакомого в особом отделе Ленинградского фронта удалось раздобыть эти фотографии.

– Я хочу увидеть эту тварь!

Я не говорил, а рычал. Ненависть просто захлёстывала меня.

– Илья, успокойся, давай без глупостей, – положил мне ладонь на плечо стоящий рядом Гайдар с белым как снег лицом, который тоже видел эти фото.

– Глупости?! Это, по-твоему, глупости?! – Я схватил фотографии и потряс ими перед лицом Гайдара. – Да я эту суку голыми руками на куски порву!

– А ну тихо! – громко хлопнул ладонью по столу Данилин. – Успокойся, Илья! Ты боевой лётчик, дважды Герой Советского Союза,

так что держи себя в руках! Вот, выпей, – протянул он мне наполовину наполненный стакан.

Как оказалось, там был чистый спирт, но я влил его в себя одним глотком, не замечая вкуса. Дыхалку перехватило.

– Кто он? – отдышавшись, уже спокойно спросил я.

– Прапорщик Эйно Юутилайнен. На сегодняшний день имеет на своём счету семнадцать сбитых. Матёрый, сволочь, ещё в Зимнюю отметился.

– Я должен его увидеть.

– А вот теперь я уже и не знаю, стоит ли. Ты его там прибьёшь, а он ещё должен дать нужные сведения. Хотя он сам просил о встрече с лётчиком, который его сбил.

– Всё, я успокоился. – Я перевёл дыхание, действительно успокаиваясь, хотя где-то внутри всё ещё клокотала ненависть. – Обещаю, что глупостей делать не буду.

В комнате, куда меня провели, предварительно забрав пистолет, за столом сидел крепкий мужчина в форме с двумя шпалами в петлицах[68] и щитом и мечом на рукаве. Рядом с ним, пристроившись сбоку от стола, на табурете расположился молодой парень в очках с круглыми стёклами, с одиноким кубиком в петлице[69] и без какой-либо аппликации на форме. А перед ними метрах в двух от стола спиной к входу сидел их собеседник.

Услышав, что кто-то вошёл в комнату, сидящий ко мне спиной финн попытался обернуться. Отчасти у него это получилось, и моему взору открылась шикарная картина: вся левая сторона его лица представляла собой один сплошной синяк. Похоже, его хорошо отделали зенитчики, в чьи руки он попал сразу после приземления, а может, и здесь уже обработали, хотя это вряд ли.

– Здравствуйте, товарищ гвардии майор, – первым поздоровался со мной сотрудник особого отдела. – Вот познакомьтесь. Прапорщик Эйно Юутилайнен. Именно его вы сбили. Он очень хотел увидеться с вами, и мы сочли возможным пойти ему навстречу. А это, – он кивнул на сидящего сбоку паренька, который тут же вскочил с места и вытянулся в струнку, – наш переводчик с финского младший лейтенант Чувилин.

– Здравствуйте, товарищи, – поздоровался я в ответ. – Думаю, что переводчик не потребуется. Я прекрасно говорю по-немецки, да и прапорщик его тоже должен знать. Всё же, как-никак, язык его хозяев.

Я прошёл к столу, и старший лейтенант встал и уступил мне своё место, а сам отошёл чуть в сторону. Я положил на стол папку, с которой пришёл, и посмотрел прямо в глаза финну. Он пытался изображать из себя героя, но не выдержал и отвёл взгляд.

– Встать! Aufstehen! – рявкнул я, едва Юутилайнен отвёл взгляд.

От моего рыка вздрогнул даже старший лейтенант, а переводчик аж подпрыгнул на табурете. Юутилайнена словно пружиной подбросило вверх от неожиданности. В том, что он знает немецкий, я не сомневался. Читал я о нём в своё время, и биографию его читал. Интересно мне было. И там было написано, что в небо его потянуло после прочтения книги лучшего немецкого аса Первой мировой войны барона Манфреда фон Рихтгофена. И читал он её на языке оригинала, то есть на немецком.

– Если вы не уважаете старшего по званию, хоть и противника, то и чёрт с вами. Извольте тогда уважать рыцаря Британской империи. – Я говорил на немецком, и финн прекрасно меня понимал. – Вы хотели меня видеть, и вот я здесь. Признаться, я тоже желал этой встречи, но лишь с целью убить вас, Юутилайнен, самым изощрённым способом. Но потом решил, что марать о вас руки – это ниже моего достоинства.

– Большевик говорит о достоинстве? – словно плюнув, произнёс Юутилайнен, пытаясь при этом изобразить героическую позу. Да, на немецком он говорил вполне свободно. – Какое достоинство может быть у варваров?

– Ах да, как я мог позабыть? – Мой голос сочился сарказмом. – Ведь вы мните себя частью так называемого цивилизованного мира. Видимо, в вашем понимании расстрел санитарных машин, на которых только абсолютно слепой не увидит изображение Красного Креста – это и есть образец поведения цивилизованного человека? Знаете, прапорщик, если бы вы расстреляли машины, в которых ехали военнослужащие, то я бы и бровью не повёл. Идёт война, а на войне, случается, солдаты гибнут. Но вы прицельно и избирательно били именно по санитарным машинам, тем самым сознательно нарушая не только нормы международного права, но и элементарные нормы морали. Однако и это ещё не самое страшное, и на это можно было бы

закрыть глаза. Но вы расстреляли машины, в которых из города эвакуировали маленьких детей.

Я не торопясь, стараясь, чтобы от накатившей ярости не тряслись руки, развязал тесёмки на папке, которую принёс с собой, и вытащил оттуда фотографии. Затем встал и вплотную подошёл к финну.

– Вот, полюбуйтесь на деяния рук своих, Юутилайнен. Вот эту девочку звали Маша. Ей было три годика. Ваши пули оторвали ей обе ножки. Самое удивительное, что она была ещё жива и в сознании, когда её достали из полусгоревшего санитарного автобуса. Она умерла на руках у санитаров. СМОТРЕТЬ! – рявкнул я, видя, что Юутилайнен отводит глаза. – Вот это брат с сестричкой. Им было четыре и два с половиной годика соответственно. Их тела разорвало пополам. Они умерли мгновенно. А вот что осталось от этих детей. Опознать, кто есть кто, не смогли. Видите эту кучу кусков человеческих тел? Это дети. Пять или шесть.

Финн снова попытался отвести глаза. Было видно, что он побледнел.

– Смотреть! Вы, Юутилайнен, убили сразу семнадцать детей. Ещё восемь умерли от ран в больнице. А теперь назовите мне хоть одну причину, почему мы не должны вас повесить, после того как вы убили наших детей!

Я говорил размеренно и негромко, но, видимо, было что-то такое в моих глазах, что заставило финна отшатнуться. Он не удержал равновесие и, плюхнувшись задом на табурет, закрыл лицо ладонями. Его плечи затряслись в беззвучных рыданиях.

– Я… Мы… – Он бессильно опустил ладони и поднял лицо с красными глазами. – Мы не знали, что там дети… Поверьте…

– Допустим, не знали. Но вы прекрасно видели Красные Кресты на машинах и целились вы именно по ним. Или это входит в ваши европейские ценности – расстреливать санитарные машины и эшелоны? Есть фото, на которых ясно видно, как вы втроём, один за другим, целенаправленно расстреливаете именно санитарные машины. Вы преступник, Юутилайнен, и вас будут судить как военного преступника. И знаете что? Лётчиков нашей эскадрильи называют любимчиками Сталина. Отчасти они правы, и я лично обращусь к товарищу Сталину, чтобы вас приговорили к смертной казни и повесили, а не расстреляли.

Нет, лучше я сделаю по-другому. Я распространю эти фото в Ленинграде, а потом отдам вас в руки людей, и пусть они порвут вас в клочья. Но и это ещё не всё. Вы назвали нас варварами – ну что же, будь по-вашему. У варваров был чудесный обычай кровной мести. Когда закончится война, каждый лётчик нашей эскадрильи, каждый механик, повар и официантка из столовой начнут охоту за вашими родными и близкими. Мы жестоко уничтожим весь ваш род до седьмого колена. Настолько жестоко, что могильщики на кладбищах будут до конца дней своих просыпаться по ночам от кошмаров, вспоминая, в каком виде они хоронили ваших близких.

– Вы… Вы… Вы не сделаете этого…

Губы Юутилайнена тряслись, а в глазах стоял ужас.

– Сделаю, прапорщик. Ещё как сделаю. С наслаждением. Жаль, вы этого уже не увидите. Хотя можно попросить отсрочить приведение приговора в исполнение и после каждой акции показывать вам фото того, что останется от тех, кто был вам близок и дорог.

У вас есть крохотный шанс, что я передумаю. Отвечайте правдиво на все вопросы, и тогда, возможно, вас не повесят, а расстреляют, и я не трону вашу семью. Думайте, Юутилайнен, думайте. Только не затягивайте с этим.

Я не стал ни с кем прощаться и поспешил выйти. Ещё минута – и я своими руками свернул бы шею этой мрази. Как сдержался, было совершенно непонятно.

– Спирт есть? – спросил я у сидящего за своим столом, наверное, секретаря с петлицами сержанта госбезопасности.

– Н-н-нет… – Вопрос его явно ошарашил. – Есть водка.

– Сойдёт. Давай сюда.

Сержант в полном недоумении достал из стола фляжку и протянул мне.

– Открывай, – кивнул я на фляжку.

Сержант, как сомнамбула, открутил крышку.

– А теперь лей, – подставил я ладони под фляжку. – Ну, лей, чего застыл?!

Водка ручейком потекла из горлышка прямо в ладони. Я с огромным удовольствием, под вытаращенными глазами сержанта, вымыл ею руки, словно дезинфицируя их после общения с заразным. Хотя, наверное, так оно и было.

Мы совершали каждый день по два, три, а то и четыре вылета, и редко какой из них обходился без воздушного боя. Немцы словно с цепи сорвались и пытались прорваться к ледовой трассе, постоянно меняя тактику. Это мог быть одиночный бомбардировщик с одной тысячекилограммовой бомбой или большая, до восьмидесяти – ста тридцати единиц, группа самолётов противника. На разных высотах, разными типами самолётов. И всё с одной-единственной целью – прервать сообщение Ленинграда с Большой землёй по льду Ладожского озера.

По сведениям, полученным от пленных, мы знали, что Гитлер был в бешенстве и пообещал вызванному в Берлин командующему 1-м воздушным флотом генерал-полковнику Альфреду Келлеру, что разжалует его в рядовые и пошлёт в окопы на Восточный фронт, если тот не уничтожит ледовую трассу.

Перехватить все самолёты противника, даже имея такое большое подспорье, как радиолокационная станция, мы были не в силах, и то тут, то там на Дороге жизни появлялись огромные полыньи от разрывов тяжёлых немецких авиабомб.

Выматывались все: и мы, и лётчики других авиаполков. Несмотря на зимний мороз, нас вытаскивали из самолётов в насквозь мокрых зимних комбинезонах. Самостоятельно мы зачастую вылезти из кабин уже не могли: просто сил не было.

Две недели немецкого авиационного наступления вымотали всех. Потери были просто огромными – как у немцев, так и у защитников неба над Ладожским озером. То тут, то там с ледяной белой глади озера в небо поднимались чёрные чадящие столбы дыма от горящих сбитых самолётов.

Горело вытекшее из баков горючее, и казалось, что сам лёд горит. Огненный лёд Ладоги.

Нас старуха с косой пока обходила стороной, а вот другие полки недосчитались многих опытных пилотов. Да и мы от усталости начали допускать в небе ошибки, несколько раз едва не закончившиеся для нас печально. Во всяком случае, пробоин в плоскостях мы стали привозить из вылетов очень много.

Лётчики ходили злые и раздражённые, срывались друг на друга и на техников. Сам был свидетелем, как старший лейтенант Мищенко

(позывной Вьюн), вернувшись с боевого вылета, набросился на своего техника с претензией, что тот недосмотрел за пулемётом, который заклинил в самый критический момент. Бледный техник (а за такой залёт запросто можно и под трибунал угодить) полез проверять вооружение, и оказалось, что Вьюн просто расстрелял весь боекомплект до железки и не уследил за этим. Пришлось извиняться перед ни в чём не повинным техником.

Налётами на ледовую переправу немцы не ограничивались. С не меньшей активностью они бомбили город и особенно вмёрзшие в лёд корабли Балтийского флота. Мы сбивали их десятками, но казалось, что самолёты у немцев не закончатся никогда.

В штабе авиаполка услышал историю о том, как молоденькая учительница начальных классов, совсем ещё девчонка, заняла место наводчика автоматической 37-милли-метровой зенитной пушки, после того как взорвавшейся неподалёку бомбой убило весь расчёт, и одной очередью сбила сразу два «лаптёжника». Говорили, что за это командование наградило отважного педагога большой банкой варенья.

Как бы там ни было, но немцы выдохлись. Интенсивность налётов снизилась, да и количество участвовавших в них самолётов тоже заметно уменьшилось.

Не знаю, чем бы всё закончилось, но непогода развела противников по разным углам ринга. А я смог выкроить время, чтобы навестить своих (а никак иначе я их уже не воспринимал) девчонок. Отпросившись у нового командующего ВВС Ленинградского фронта генерал-майора Рыбальченко[70], назначенного на должность взамен переведённого с повышением в Москву Новикова, до утра, пока метёт метель, прихватив гостинцы, я отправился к Светлане с Катюшкой.

Я стоял у развалин того, что совсем недавно было домом, где жили дорогие мне люди, и перед глазами у меня всё расплывалось. Возможно, это просто снег, подхваченный ветром, попал в глаза и там растаял. А перед внутренним взором стояли, почему-то в лёгких летних платьях, нежно улыбающаяся Светлана и радостно смеющаяся, счастливая Катюшка.

Подняв лицо в серое небо, по которому резкий балтийский ветер гнал тяжёлые свинцовые тучи, я едва сдерживался, чтобы не завыть по-волчьи. Завыть от тоски, сжавшей сердце, от безнадёги. Господи,

если ты есть, то почему так несправедлив?! Почему допускаешь такие бедствия для людей?! Почему забираешь самых лучших и самых дорогих?!

Рука сама потянулась к голове, чтобы снять шапку, когда вдруг откуда-то сзади раздалось громкое:

– Папка!

– Илья!

Сердце пропустило один удар. Резко обернувшись, я увидел бегущих ко мне напрямую через сугробы Светлану и опередившую её Катюшку. Слава богу, живы! Наверное, только сейчас я понял, что такое настоящее счастье.

Подхватив на руки подбежавшую девочку, я сгрёб в объятия и её маму, целуя обеих в щёки, глаза, губы.

– А я тебе говолила, что папа плидёт и его нужно встлечать, а то он волноваться будет, – сильно картавя, выговаривала малявка матери, обхватив мою шею.

– Да ты же моя умничка. – Я ещё раз поцеловал малышку в щёчку. Ну, и её маму, конечно, чтобы ей не обидно было. – Господи, как же я испугался за вас. Слава богу, вы живы.

– Мы на работе были, когда наш дом разбомбили. – Света прижалась ко мне. – Пришли, а тут одни руины. Я хотела поискать, может, что из вещей или продуктов уцелело, да куда там, всё завалило. Хорошо, тётя Дуся нас приютила и с одеждой помогла. А Катя сегодня вдруг всполошилась и заставила меня сюда прийти. Всё боялась, что ты придёшь, увидишь развалины и совсем уйдёшь. – Она всхлипнула. – Как чувствовала…

Тётя Дуся, или Евдокия Александровна, жила в полуподвале. Несмотря на внешне непрезентабельный вид, квартира у неё была очень уютная и тёплая. А всё благодаря хорошей кирпичной печи, стоящей в простенке между кухней и комнатой.

– Тут дворницкая раньше была, – рассказывала она, после того как мы пришли и я, поздоровавшись, осматривался. – Когда нам с мужем выделили здесь квартиру, то вначале она мне не понравилась: темно и тихо, как в подземелье. А потом привыкла, даже уютно стало. Печку муж перед Финской переложил и на войну ушёл, да так там и сгинул. А память о нём нас здесь согревает. Я эту дурёху давно к себе звала, да она всё никак не хотела из своих хором уходить. А здесь и тепло, и

безопасно. Дом-то крепкий, и даже если бомба попадёт, то до нас не достанет. Да и вместе веселее.

Евдокия Александровна с лёгкой улыбкой смотрела на нас. Катюшка, сняв своё пальтишко, опять забралась ко мне на руки, а Света стояла рядом, смущённо отводя глаза.

– Какие же вы все трое красивые, вот прям как на картинке. Идёмте пить чай. У меня немного заварки осталось и несколько сухарей.

Я едва не хлопнул себя по лбу: у меня же сидор полон гостинцев. Спустив Катю на пол, начал выкладывать всё, что принёс, на стол. Пара буханок хлеба, несколько банок тушёнки, суповые концентраты, сахар, чай, банка какао, круг колбасы, приличный шмат солёного сала, заботливо укутанный Кузьмичом в вощёную бумагу, пара банок яичного порошка и банка с сухим молоком. Женщины смотрели на всё это как заворожённые. Последним достал из сидора две упаковки с «рационом Д», которые тут же ухватила Катюшка, и фляжку со спиртом.

С удовольствием попили чай с вкусностями, после чего Евдокия Александровна начала собираться на дежурство. Вручили ей с собой полбуханки хлеба и отрезали изрядный кусок от шмата сала: пусть угостит там своих, с кем дежурит.

После ухода хозяйки мы ещё какое-то время сидели за столом. Катюшка так и не слезала у меня с колен до тех пор, пока не уснула. Я отнёс девочку на её кроватку за печкой и вернулся к Светлане.

– Илья. – Света подошла ко мне и, глядя мне в глаза, произнесла: – Я подумала. Я согласна.

Я нежно обнял свою теперь уже невесту. Наши губы встретились, и мы слились в долгом поцелуе. Света вся обмякла у меня в руках. Я чувствовал, как она трепещет в моих объятиях.

Оторвавшись друг от друга, мы вновь сели к столу, и я разлил из фляжки по чуть-чуть спирта, разбавив его водой.

– За нас, – произнёс я тост. – За нашу семью. Я вас с Катюшкой очень сильно люблю.

Света сразу захмелела от выпитого. Блин, я же и позабыл совсем, что она, в отличие от меня, не питается полноценно. Я помог ей дойти до кровати и уложил, укрыв одеялом. Попытался уйти, но в меня крепко вцепилась Светина рука.

– Не уходи, – прошептала она. – Или ты брезгуешь мной?

– Не говори так. Я не брезгую. Я обидеть тебя не хочу.

– А может, меня как раз и обижает то, что ты не хочешь быть со мной.

Светлана встала и, стараясь не шуметь, подошла к столу, над которым висела, освещая комнату, керосиновая лампа. Протянув руку, она до конца прикрутила фитиль, и комната погрузилась в кромешную темноту. Я только на слух мог понять, что Света снимает с себя одежду.

Проснулся я задолго до рассвета. Рядом со мной, положив голову мне на плечо, счастливо улыбаясь, спала моя невеста. Ночью нам пришлось очень постараться, чтобы не разбудить Катюшку. Света оказалась очень страстной, нежной и изголодавшейся по мужской ласке.

А потом мы лежали и строили планы на будущее. В загс решили идти сразу, как только она восстановит оставшиеся под руинами дома документы. Впрочем, это не должно было занять много времени. Это вам не времена дикого капитализма в России, когда за каждую бумажку надо низко-низко поклониться, да ещё и походить по инстанциям пару-тройку недель в лучшем случае. И это притом, что в каждом кабинете стоят по нескольку компьютеров, и, казалось бы, чего проще – отправить запрос в любое ведомство и за пару минут получить ответ. Нет, бумажка – она надёжнее будет, особенно с заковыристой подписью нескольких чиновников и кучей печатей на ней.

Катюшку новость о том, что скоро мы с её мамой поженимся, привела в восторг. Вернувшаяся с ночного дежурства Евдокия Александровна тоже порадовалась за нас. Но как бы мне ни хотелось остаться с ними подольше, война ещё не закончилась, и меня ждала каждодневная напряжённая и опасная работа.

На лестнице Света догнала меня и, нежно поцеловав, произнесла:

– Ты только, пожалуйста, береги себя. Не дай им себя убить.

– А хотите в театр, товарищ майор? Всей эскадрильей?

С утра пораньше меня выдернули в штаб ВВС. Гайдар поехал со мной в политотдел по своим делам. Вот там меня и ошарашили таким

предложением, когда я, закончив со своими делами, пошёл искать своего комиссара. Я, конечно, в своё время читал о том, что некоторые театры в Ленинграде работали в годы блокады, но одно дело читать и совсем другое – узнать об этом лично.

– Театр? А они работают?

– Конечно работают, – улыбнулся сотрудник политотдела. – В театре музкомедии на днях состоялось открытие сезона опереттой «Сильва»[71]. Они связались с нами и предложили контрамарки на свои постановки для защитников города.

В эскадрилье известие о том, что вечером мы всем лётным составом едем в театр, вызвало откровенный ступор.

– В театр? На «Сильву»? – Лейтенант Шишов от удивления застыл, не донеся кружку с чаем до рта. – А разве?..

– Да, Потапыч, – с улыбкой ответил я, назвав его по позывному. – Именно в театр, который, кстати, не прекращал работать. Вот так-то. Так что к вечеру всем быть при полном параде. И примите хороший совет: наденьте под низ тёплое бельё, а лучше два комплекта сразу. В театре, мягко говоря, прохладно, а нам, гвардейцам, не пристало выходить в свет в тулупах и полушубках.

– Командир, а кто едет?

Это уже Кравченко. Немного отошёл от потери ведомого.

– Едет весь лётный состав, в том числе и экипаж «дуси», комиссар, начальник особого отдела, старшина Федянин от техслужбы и ещё два человека, с которыми я вас познакомлю отдельно. Сейчас всем привести себя в порядок. Кстати, из госпиталя сообщили, что Корнет пришёл в себя, и его готовят к эвакуации в Москву на лечение. Так что скоро пойдёт на поправку и вернётся в строй. Буду добиваться, чтобы его вернули к нам в эскадрилью. Своих не бросаем.

Попросил Кузьмича съездить к моим девчонкам, предупредить их о мероприятии и передать записку, в которой написал, что вечером заеду за ними, и мы пойдём в театр, что нужно одеться потеплее, так как в зале будет холодно. Заодно объяснил старшине, где они теперь живут.

Кузьмич тут же убежал договариваться с машиной, и уже через двадцать минут я увидел, как он, забросив в кузов полуторки пару вязанок дров, а в кабину – вещмешок, уехал. Вот ведь человечище, я же даже не просил его о дровах, да и вещмешок у него явно не пустой.

А в кармане, заботливо завёрнутый в газетку, наверняка лежит очередной петушок на палочке для его любимицы.

Автобус из штаба ВВС приехал за нами за час до спектакля. С шутками и прибаутками загрузились в него и поехали к дому, где теперь жила Светлана. С собой взяли большую корзину, которую где-то раздобыл Кузьмич, украшенную еловыми ветками, на дно которой уложили несколько банок тушёнки, сгущённого молока, топлёного жира и «рационы».

– Вот, товарищи, познакомьтесь. Это моя невеста Ильина Светлана Геннадьевна.

Света, одетая по случаю в довольно симпатичное длинное приталенное пальто, с зимней шапочкой на голове (всё тётя Дуся одолжила), слегка смутилась от восхищённых мужских взоров. Да, она у меня красавица.

– Здравствуйте, товарищи, – произнесла она.

– А вот эта красавица, – я подхватил на руки Катюшку, одетую в тёплую шубку (тоже тётя Дуся раздобыла), – моя дочка Катя. Прошу любить и жаловать. А вот эта группа военных, сидящих с раскрытыми ртами, – я с улыбкой обвёл свободной рукой салон автобуса, – и есть та самая тринадцатая гвардейская истребительная эскадрилья.

– Здластвуйте, товалищи! – поприветствовала всех сидящая у меня на руках Катюшка, вызвав всеобщие светлые улыбки.

Впрочем, её сразу забрал к себе на колени Кузьмич, заодно сунув ей в руку самодельный петушок. Когда только он успевает их делать?

Светлане уступили место, и автобус покатил по узкому расчищенному проезду через двор.

– Вах, командир! Какая девушка! Просто красавица! И дочка красавица! По-хорошему завидую! – Гуладзе аж прищёлкнул языком. – После войны обязательно приезжайте ко мне в гости в Грузию. Я вам такой стол накрою – никто такого не накроет. Весь район приглашу, чтобы все увидели моего командира и его красавиц. И вы все приезжайте, всем буду рад.

– Э, Дункан, а почему это только к тебе? – наперебой начали шутливый спор все остальные. – А к нам?

Так, шутливо препираясь на тему, кто к кому после войны поедет, доехали до театра. У входа было довольно много народа, то тут, то там мелькали военные в форме. Наш приезд не остался незамеченным:

большая группа военных в командирских белых полушубках явно выделялась среди пришедших на спектакль.

В фойе, куда мы вошли, я огляделся в поисках гардероба. Он был, но явно не работал за ненадобностью. Подойдя к билетёрше, я попросил открыть для нас гардероб.

– Ой, ну что вы, товарищи, – всплеснула руками женщина. – Проходите так, в верхней одежде. В зале довольно холодно, отопления давно уже нет. Да и гардеробщика тоже: помер.

Я извинился и отошёл к своим. Решение пришло мгновенно. Я снял полушубок и перебросил его через руку, сняв также и шапку. Все находящиеся поблизости восхищённо ахнули. Пару секунд спустя все наши повторили за мной. Казалось, что от блеска орденов и Звёзд Героев стало светлее. Публика (уже все, кто был в фойе) опять не смогла скрыть своего восхищения. Тринадцать Героев Советского Союза в одном месте, а один из них так вообще дважды Герой – такое зрелище не оставит равнодушным никого. А если учесть, что все они лётчики, которых в стране все по-настоящему любили, то и подавно.

Какой-то мужчина буквально бросился к нам, но Данилин преградил ему путь и что-то прошептал на ухо. О чём они говорили, слышно не было, да и не особо интересно.

Тем временем раздался звонок, и мы прошли в зал. Нас провели в партер прямо напротив сцены, хотя в контрамарках у нас был указан амфитеатр. Впрочем, так даже лучше, а то я всё беспокоился, что Катюшке будет плохо видно. Да и традиции, однако, надо соблюсти. Гвардия до революции всегда обязана была покупать билеты в театр исключительно в партер.

Зал заполнился, и на сцену вышел конферансье во… фраке. В зале от силы чуть выше нуля градусов, а он вышел с улыбкой на лице, абсолютно не реагируя на холод.

– Дорогие товарищи! Сегодня в нашем зале присутствуют лётчики, защитники ленинградского неба, Герои Советского Союза, и среди них – дважды Герой Советского Союза, самый результативный лётчик среди всех стран, борющихся с гитлеровскими захватчиками, на счету которого девяносто три фашистских стервятника, гвардии майор Копьёв. Поприветствуем, товарищи, отважного сталинского сокола и пожелаем ему и дальше так же успешно бить врага.

Весь зал разразился аплодисментами, и мне пришлось встать и, так сказать, показать себя людям. Заодно украдкой показал кулак сидящему рядом с Гайдаром Данилину. Судя по его хитрой физиономии, это от него в театре узнали информацию обо мне.

Сам спектакль прошёл… феерично. Люди как заворожённые смотрели на сцену, на которой весело пели и лихо отплясывали бароны, графы, князья во фраках и дамы в красивых открытых платьях с большим декольте, при этом ещё и лениво обмахиваясь веерами. И это при температуре чуть выше, чем ноль градусов! Если меня когда-нибудь спросят, что такое героизм и самопожертвование, то я расскажу не о жарких воздушных боях, не об атаках на пулемёты врага, а вот об этих простых артистах, просто выполняющих свою работу и несущих людям радость и надежду.

В своё время я видел телевизионную постановку этой оперетты 1976 года и могу с уверенностью сказать: то, что происходило на сцене театра в окружённом со всех сторон городе, в котором ежедневно и ежечасно умирали от голода и обстрелов люди, было ничуть не хуже и не менее зрелищно.

Света с Катюшкой с восторгом, не отрываясь, смотрели на сцену. Я накинул полушубок на плечи Светланы и взял девочку себе на колени. Вот за этот восторг, за эти чистые эмоции ребёнка, на долю которого выпало такое, что не каждому взрослому по силам, стоило жить и бороться, не жалея ни себя, ни врага.

Но всё рано или поздно заканчивается, вот и постановка тоже закончилась. Зал встал и стоя аплодировал вышедшим на поклон артистам. Мы тоже с удовольствием отбивали ладони, выражая свою благодарность и заодно согреваясь. Всё же продрогли изрядно, но вида не показывали.

Дарить корзину с нашими подарками пошли вместе с Гайдаром. Оказывается, он мельком был знаком с Валентиной Христиановой, исполнявшей роль Сильвы.

– Валентина Николаевна, примите в знак уважения и признательности от лётчиков-гвардейцев.

Я по-гусарски с поклоном прищёлкнул каблуками, чем вызвал очаровательную улыбку на лице актрисы. Она попыталась поднять корзину и не смогла.

– Потом, – прошептал я одними губами, и она меня поняла, вновь благодарно улыбнувшись.

Возвращались все возбуждённые и изрядно замёрзшие. Кузьмич достал откуда-то из своих необъятных карманов фляжку с водкой и пустил её по кругу, стало веселее. Завезли всё ещё находящихся под впечатлением от спектакля Свету с Катюшкой к ним домой и поехали к себе. На завтра обещали хорошую погоду, а значит, у нас будет много работы.

Глава 13
Ранение. Прогрессор

Сознание нехотя выплывало из вязкой трясины небытия. Это что, получается, я живой? Да нет, быть того не может. После такого не выживают. Я ведь точно помню, как падал мой неуправляемый «як», как пламя от горящего мотора жадно лизало мои ноги, обутые в унты, помню, как рука пыталась открыть заклинивший от попадания снаряда немецкой авиапушки фонарь кабины – и всё, дальше темнота.

Постепенно память, словно книга, у которой перелистывают страницы, возвращалась, а вместе с ней возвращалась боль, затаившаяся на время беспамятства.

Утро следующего дня после нашего посещения театра выдалось на редкость ясным. Видимость, как говорится, миллион на миллион. Морозец, конечно, изрядно пощипывал. Из штаба ВВС пришёл приказ сопроводить транспортники на Большую землю.

– На самолётах будут вывозить из города детей, так что смотри, майор, чтобы ни одна сволочь даже близко от них не пролетала, – прохрипело в трубке голосом начальника оперативного отдела.

– Товарищ полковник, у меня одна пара патрулирует над трассой, звено в сопровождении бомбардировщиков и пара дежурная. Ещё четыре машины неисправны и войдут в строй в лучшем случае завтра. Могу лишь сам вылететь со своим ведомым.

– Там в сопровождении будет звено «харрикейнов»[72] из сто двадцать седьмого полка, так что хватит и вас двоих.

С командованием 127-го истребительного авиаполка, который занимался сопровождением транспортных самолётов, обговорил взаимодействие, время вылета и позывные и отдал приказ готовить наши с ведомым машины к вылету.

Вышел из штабной землянки, на ходу застёгивая зимний комбинезон, и едва не налетел на стоящего у входа Санчеса. Испанец стоял, подставив лицо лучам зимнего солнца. Глаза его были закрыты, а на губах играла лёгкая улыбка. Комбинезон, несмотря на морозец,

был расстёгнут до пояса и из-под надетой под комбез разгрузки выглядывала колодка Звезды Героя.

Надо сказать, что на боевые вылеты мы все летали без наград. Да и в других полках многие также оставляли свои ордена и медали на земле, уходя на задание. Были, конечно, любители пофорсить, но большинству не хотелось, чтобы эмаль с наград стиралась и колодки растрёпывались. Вот и Санчес раньше не был замечен в этом, а тут вдруг ни с того ни с сего вырядился. А ведь под разгрузкой награды трутся ещё сильнее.

Разгрузки эти – чисто моя работа. Как-то сшил себе из куска брезента такую, разложил по кармашкам пистолет, пару запасных магазинов к нему, суточный «рацион Д» в качестве НЗ[73], перевязочный пакет и пару гранат в специально отведённые для них места, да и вышел, как говорится, на люди. Люди новшество оценили, правда, долго крутили-вертели меня, как манекен в магазине. В следующие несколько дней, раздобыв где-то самую настоящую швейную машинку, подобными разгрузками обзавелись все лётчики эскадрильи, а техники соорудили себе нечто похожее, только в виде пояса с кармашками и петлями под инструменты.

– Ты чего это, Мигель, сияешь, как новенький пятак, и весь при параде? – кивнул я ему на грудь.

– День-то сегодня какой хороший, командир. – Он, не переставая улыбаться, глубоко вдохнул, будто собирался взлететь в эту бездонную синь, и посмотрел мне в глаза. – Аж жить хочется.

Едва заняли места в кабинах своих машин, двигатели которых уже были прогреты, и винты молотили на холостых оборотах, как со стороны штаба в воздух взлетела зелёная ракета. Всё, нам пора.

Чуть в стороне замечаю плывущие по небу девять транспортных ПС-84. Хотя нет, один из них – это DC-3, наша «дуся». Давненько с её экипажем не виделись. Парни тоже не отдыхают, а мотаются туда-сюда, вывозя из города раненых и продукцию Ленинградских заводов, а обратно идут загруженные сверх всех нормативов продовольствием, медикаментами и всем, что необходимо осаждённому городу. М-да, а самолёты-то все гражданские, без оборонительных верхних огневых точек. Одна надежда у них на сопровождение.

Набираем высоту и догоняем «дусю». Пристраиваюсь рядом и приветствую собратьев покачиванием крыльев. Вижу, как Ермолаев,

командир экипажа, машет рукой в ответ. Летим в режиме полного радиомолчания.

Через минуту к группе транспортников пристраиваются машины 127-го полка – пять «харрикейнов». Идём с Кортесом в набор высоты и начинаем выписывать змейку над транспортниками. Так и скорость сохраним и обзор себе обеспечим.

Пересекли восточный берег Ладоги и взяли курс на Волхов. Здесь в небе медленно и величественно плыли редкие белые облака, своими пышными огромными шапками вздымаясь на невероятную высоту. Красиво.

Вот из-за этой красоты уже на подходе к Волхову на нас и вывалились шесть «мессеров».

– Кречет! – вышел я на связь с ведущим сопровождения. – Прямо по курсу выше шесть «худых»!

– Командир! Справа на четыре часа восемь… десять… двенадцать «мессов»!

Голос у Санчеса слегка дрогнул, и понять его можно. Будь мы одни, имели бы свободу действий, а так мы буквально связаны по рукам и ногам транспортниками.

Твою ж!.. Вечер, как говорится, перестаёт быть томным.

– Кречет! Ещё двенадцать штук «худых» заходят сзади. Бери тех, что по курсу, а мы хвосты резать будем.

Надеюсь, с транспортников уже сообщили об нападении. У них рация всяко помощнее будет, да и руки, что называется, посвободнее.

Транспортники резво пошли вниз, чтобы избежать атаки с нижней полусферы, а мы с Санчесом дали залп с предельной дистанции по атакующим в лоб самолётам противника. Один «мессер» тут же пошёл к земле, а второй, распуская чёрный дымный след, отвалил в сторону – похоже, тоже отлетался. Всё нашим проще будет.

Закладываем крутой вираж и идём на перехват второй группы немцев.

– Командир! Ещё пара наверху.

Вот ведь зрение у моего ведомого! Я с большим трудом смог разглядеть в вышине две едва заметные точки. Похоже, там тот, кто командует всем этим кордебалетом. Ёрш твою медь! И не достать гада!

– Не теряй их из вида! Атакуем!

В своей манере смогли сбить сразу двоих с дальней дистанции, а потом закрутилась круговерть воздушного боя. Немцы бросались на транспортники с разных сторон, словно стая волков, кружащая вокруг стада. Отбиваться становилось всё труднее и труднее. Немцы смогли почти с ходу сбить четыре «харрикейна», держался только их ведущий с позывным Кречет. Ох, что он вытворял! Вот кто настоящий ас. Он успел срезать трёх фрицев, прежде чем его подожгли.

А потом нам стало совсем хреново. Мы просто не успевали отразить все атаки немцев на транспортники, и уже три из них едва держались в воздухе, жирно чадя чёрным дымом от горящих двигателей. Чёрт! Там же дети!

Уворачиваюсь от огненного трассера и на мгновение ловлю в прицел зазевавшегося немца. Эх, красота! Только остекление, окрасившись изнутри красным, брызнуло в разные стороны. Тут же ставлю заслон из трассеров на пути другого «мессера», пытающегося прорваться к «дусе».

Санчес в это время влепил очередь в ещё одного. Продукция немецкого авиапрома такого надругательства не выдержала и взорвалась. Но много, как же их много на нас двоих в данной ситуации.

И в это момент меня подловили. Остекление фонаря брызнуло осколками, а в левую сторону груди что-то сильно ударило, выбивая из лёгких воздух. В глазах на мгновение потемнело. Откуда-то из-под ног отчётливо потянуло гарью, а машина начала заваливаться на левое крыло помимо моей воли. Мимо, прямо над фонарём кабины, пронёсся истребитель Санчеса, отчаянно стреляя по атакующему транспортник немцу.

Из-под педалей выплеснулось пламя и облизало мои ноги. Похоже, отлетался. Истребитель на рули не реагировал. Попытка открыть фонарь не увенчалась успехом: заклинило. Уже сваливаясь в последнее пике, поймал в прицел выходящего из атаки фрица и всадил в него весь оставшийся боекомплект.

«Сотый», – подумал я, и тут же страшной силы удар сзади по голове отправил меня в небытие.

Какая сила выбросила меня из кабины, каким чудом я смог дёрнуть за кольцо парашюта, осталось загадкой. Во всяком случае, я не видел, как Санчес, понимая, что не успевает сманеврировать, чтобы

отогнать немца от транспортного самолёта, прикрыл его своей машиной и принял в себя всю очередь, предназначавшуюся транспортнику с детьми. Самолёт затрясся, теряя куски обшивки, на мгновение замер в воздухе и, перевернувшись через крыло, рухнул на землю. Так геройски погиб отважный сын испанского народа, дважды Герой (посмертно) Советского Союза, лётчик-истребитель Мигель Гарсиа Санчес.

Не видел я и того, как в тот самый момент, когда мой ведомый прикрыл собой транспортник с детьми, на немцев набросились подошедшие нам на помощь шесть «яков» и четвёрка МиГ-3 Волховского фронта.

Интерлюдия

Светлана

С самого утра она буквально не находила себе места. Всё валилось у неё из рук. Думала, на работе сможет отвлечься от морока и успокоиться, но не тут-то было. В какой-то момент всё поплыло у неё перед глазами, и она едва не упала, успев ухватиться рукой за полку с картотекой.

– Светочка, что с тобой?

Евдокия Александровна подскочила к своей молодой коллеге и подруге и помогла сесть на табурет. Она с тревогой смотрела на девушку, не понимая, что происходит. Нет, голодного обморока быть не должно: благодаря жениху Светланы, они питались вполне нормально. Тогда что? Неужели?.. Да нет, в любом случае рано ещё.

– Илья, – чуть слышно прошептала Света, – с Ильёй что-то…

Катюшка тоже что-то чувствовала и, забившись в уголок, сидела тихо-тихо, словно мышонок. После кружки горячего чая, заваренного на хвое и каких-то травах, стало немного полегче. Сердце давило, но уже не так сильно.

На следующий день ближе к обеду к ним домой приехал Аркадий Гайдар. Один. Увидев его на пороге, Света молча без сил опустилась на стул.

– Он жив… – то ли спросила, то ли констатировала она.

– Жив, – выдохнул Гайдар. – Илья смог выброситься с парашютом из горящего самолёта и приземлился в районе Волхова. Он тяжело ранен и сейчас в госпитале. Нам сообщили, что состояние тяжёлое, и его будут отправлять на лечение в Москву. Вы держитесь, Све…

Он едва успел подхватить начавшую заваливаться со стула молодую женщину.

Потом они сидели за столом, и Гайдар рассказывал ей всё, что удалось узнать из сообщения с того берега.

Лежать в госпитале было откровенно скучно. Я и в прошлой своей жизни по больницам валяться был не любитель.

Хватало меня от силы на пару дней, после чего я сбегал домой. Как говорится, дома и стены помогают.

Зацепило меня довольно серьёзно. Пуля пробила лёгкое и застряла в лопатке, а осколок от снаряда немецкой авиапушки застрял в шейном позвонке. Когда меня нашли, я почти не подавал признаков жизни. В госпитале, куда меня привезли, смогли извлечь пулю из груди и заштопать лёгкое. С осколком в позвонке связываться не рискнули и отправили мою бессознательную тушку в Москву, в Центральный госпиталь. Здесь злополучный осколок извлекли и долго ждали, когда я приду в сознание.

Потянулись томительные однообразные дни. Почти месяц пришлось лежать практически не шевелясь, так как любое движение отдавалось сильной болью в голове. Дышать тоже было затруднительно, так как простреленное лёгкое давало о себе знать.

Естественно, едва придя в себя, я попросил медсестру отправить весточку Светлане в Ленинград. Так как сам был не в состоянии удержать карандаш в руках, то и писала с моих слов тоже она.

Чтобы как-то развеять госпитальную скуку, я решил немного попрогрессорствовать, благо времени, чтобы всё обдумать, было более чем предостаточно. Как только появилась такая возможность, я выпросил у медперсонала тетрадь и карандаш и начал рисовать. Уж что-что, а это я умел.

Изобразил тяжёлый четырёхмоторный бомбардировщик Пе-8 с тарелкой-грибом антенны РЛС сверху. Будет самолёт ДРЛО и летающий командный пункт. На рисунке самолёт был лишён всех оборонительных огневых точек. Его главное оружие – это РЛС. Примерно набросал внутреннюю компоновку и принялся за описание тактики его применения. Пришлось многое вспоминать из своей другой жизни.

Одной тетради не хватило и пришлось опять идти на поклон к медсестричкам. Да, именно идти. Я хоть и с трудом, по стеночке, но всё же начал передвигаться самостоятельно. В первое время голова кружилась страшно, и удавалось сделать лишь пару шагов. Но со временем мои заходы стали всё продолжительнее. Соседи по палате смеялись, говоря, что такими темпами я скоро плясать буду. А вот и буду.

Да, я теперь не один. Меня перевели в палату, где уже лежали трое: лётчик-майор Николай Калужный, как раз с такого вот тяжёлого бомбера, капитан-танкист Серёга Свистунов и старлей-артиллерист Алексей Норманов. Все с ранениями позвоночника.

Ох и жаркие споры разыгрывались между танкистом и артиллеристом – прямо противостояние брони и снаряда в госпитальных условиях. Меня тоже расспросили, кто я таков. В шутку, вспомнив Данилу Бодрова из фильма «Брат», сказал, что писарь при штабе. Больше меня никто ни о чём не расспрашивал, лишь изредка косились, наблюдая мою писанину. В лицо меня никто из однопалатников не узнал: всё же опалило меня слегонца, хотя врачи и обещали, что со временем всё заживёт и следов ожогов видно не будет.

В один из дней, когда я, держась одной рукой за спинку кровати, пытался делать приседания, дверь в палату распахнулась, и в неё едва не на цыпочках вошли Гайдар и Данилин. Уж не знаю, что им медики про меня наговорили, но вели они себя так, словно входили к умирающему. Мы с ними столкнулись буквально нос к носу. Забавно было наблюдать смену выражения их лиц с озабоченных на радостные.

– Вот только без рук, – выставил я руку ладонью вперёд, останавливая уже готового облапить меня Аркадия.

Как же я был рад видеть их.

После бурных приветствий, хотя и без, так сказать, рукоприкладства, когда мои сопалатники как-то все разом решили сходить покурить, я начал расспрашивать своих друзей.

– Вы как вообще здесь оказались, черти полосатые?

– Нас из Ленинграда отозвали сюда. Только вчера прибыли. Всю технику оставили там, а здесь будем переучиваться на новые истребители. – Гайдар совсем стал настоящим авиатором: уже себя не отделяет от лётчиков. – Мы, кстати, временно будем базироваться в Раменском. Эскадрильей пока командует Шилов.

– Санчес?

– Погиб. В том бою. – Данилин опустил голову. – Сразу, как только тебя сбили, он закрыл своим «яком» транспорт с детьми. Там было без шансов. Его похоронили в Волхове со всеми почестями.

Эх, какого парня потеряли. А ведь он с самого утра словно чувствовал что-то. И в бой пошёл при полном параде, как настоящий воин. Мы молча встали, отдавая дань памяти своему товарищу.

Из дальнейшего рассказа я узнал, что, по данным наземных наблюдателей, мы с Мигелем сбили по семь немецких стервятников, а всего было двадцать четыре «мессера». Уйти удалось лишь троим.

Стала известна и причина, по которой немцы во что бы то ни стало пытались уничтожить транспортники. Тут наше командование перемудрило само себя с секретностью. Немецкой разведке стало известно, что готовится к отправке на Большую землю какой-то особый груз, и для него выделено аж девять транспортных самолётов. Что это за груз, они так и не выяснили, но в последний момент узнали, что в сопровождении пойдут истребители из эскадрильи Rote Flugel, как они нас называли. Это сняло последние сомнения в том, насколько важный груз вывозят из города.

Во время допроса одного из попавших в плен немецких лётчиков узнали, что немцы были уверены, что из города вывозят музейные ценности. О том, что в самолётах маленькие дети, они даже не задумывались. Дети, кстати, почти не пострадали. Были ушибы и несколько переломов, когда два повреждённых транспортных самолёта не дотянули до аэродрома и сели на брюхо в поле.

– Остальные наши как, все целы? – спросил я.

– А чего им будет, – хмыкнул Гайдар. – После того побоища, что вы с Кортесом устроили немчуре над Волховом, активность их авиации резко снизилась. От наших самолётов они вообще стали шарахаться как чёрт от ладана.

– Про Суворова что-нибудь слышно?

– Слышно, – вступил в разговор Данилин. – Корнет сейчас в санатории ВВС долечивается. Надеется встать в строй, хотя врачи и думают иначе. Что-то там у него неважно со здоровьем, могут и списать.

– Слушай, Олег. – Я едва не хлопнул себя по лбу. Обрадовался встрече и совсем обо всём забыл. – Передай по своему ведомству вот эти две тетради, – достал я из тумбочки обе тетрадки. – Я тут кое-что набросал от нечего делать. Пусть покажут специалистам, может, что-то стоящее получилось.

– Да едрён батон! – (Во, моё словечко уже в народ пошло.) Гайдар аж вскочил на ноги. – Я же о самом главном забыл. Тебе письмо просили передать. – Он достал из командирской сумки конверт и

протянул его мне. – Эх, заставить бы тебя плясать, да плясун из тебя сейчас тот ещё.

– Должен буду, – буркнул я, пытаясь открыть конверт.

Руки почему-то не слушались. Наконец мне удалось извлечь исписанный аккуратным девичьим почерком тетрадный листок.

– Ну, мы это, пойдём. – Гайдар с Данилиным понимающе переглянулись и встали. – Ребята тут тебе, командир, гостинцы собрали. Вот. – Аркадий поднял с пола не замеченный мной вещмешок и положил в ноги на кровать. – Ты давай поправляйся. Ждём тебя. Мы по возможности ещё заглянем к тебе.

Как ушли Гайдар с Данилиным и вернулись в палату «курильщики», я просто не заметил. Я не читал письмо, я буквально пил его строчки и не мог напиться. Вроде ничего особенного в этом письме не было, но тепло от него согревало душу. Света писала, что всё у них хорошо, письмо моё она получила. Ребята обеспечили их с Катюшкой продуктами надолго. Желала мне поскорее поправиться. Передавала приветы от Катюшки и Евдокии Александровны, и в самом конце, внизу письма: «Люблю. Целую. Жду и скучаю. Твоя Светлана». А на обратной стороне письма – рисунок от Катюшки: цветы, красный флажок и самолёт с красными крыльями.

– Слушай, писарь, – подсел ко мне на кровать танкист, – а это кто был?

– Да это наши, штабные, – отшутился я. – По случаю проездом в Москве, вот и навестили. Гостинцы вон передали.

Гостинцы пришлись всем по вкусу. Колбаса, солёное сало, несколько банок тушёнки и несколько плиток шоколада. На самом дне обнаружилась фляжка с приятно булькнувшим содержимым. Фляжку сразу припрятали. Вечерком можно будет пустить её по кругу, благо закуска есть. Не забыли в гостинцы положить и кисет с отличным табачком, и несколько пачек с папиросами – явно работа Кузьмича, чувствуется его хозяйственная рука. Знает, что я не курю, но также знает, что в госпиталях с куревом плоховато, вот и сделал подарок всем болезным.

Плитка шоколада в подарок дежурной медсестре позволила нам спокойно посидеть после отбоя. Во фляжке оказался превосходный коньяк. Говорите, что закусывать коньяк салом и колбасой – это

моветон? Да ничего подобного. Всё пошло как родное. Засыпали все довольные и умиротворённые.

В госпитале я провалялся в общей сложности три месяца. За это время моё инкогнито было раскрыто. Однажды утром на пороге палаты появился Данилин.

– Собирайся, поехали. С тобой хотят поговорить. Врачи разрешили ненадолго отлучиться из госпиталя.

– Вот прям так ехать? – показал я рукой на больничную пижаму.

К тому времени я уже ходил вполне нормально, лёгкое почти не болело, но вот шея упорно не хотела нормально поворачиваться. Хорошо хоть бандаж с неё сняли, а то надоела эта жутко неудобная штуковина просто дико. А вообще мне неимоверно повезло, что осколок всего лишь впился в позвонок, но не разбил его.

– Обижаешь, командир.

Он махнул рукой кому-то за дверью, и в палату занесли новенькую форму со всеми моими наградами. Надо было видеть лица и отпавшие челюсти моих сопалатников, когда я переоделся и повернулся к ним, так сказать, фасадом. Это, что называется, полнейшее охренение.

– Вспомнил! – хлопнул себя по лбу ладонью Калужный. – Писарь, говоришь? И сколько сбитых у этого писаря?

– Ровно сотня, Коль.

– А что ты нам здесь цирк устраивал и штабным назвался?

– Да вначале вроде как шутка была, а потом как-то случая не было, – виновато пожал я плечами. – Вы уж извините меня, мужики.

Отвезли меня в хорошо знакомое любому здание на Лубянке, сейчас это площадь Дзержинского. Пройдя несколько постов, мы остановились у двери приёмной. Данилин молча кивнул мне на дверь, а сам сделал полшага назад. Понятно, дальше идти одному.

Берия на меня особого впечатления не произвёл, хотя взгляд у него да, колючий. А так, если не знать, кто он такой, то его можно было бы принять за обыкновенного чиновника. Хотя, пожалуй, в стране нет такого человека, который не знал бы в лицо или по фото в газетах этого человека.

– Проходите, товарищ майор, присаживайтесь, – кивком показал Берия на стулья, стоящие вдоль большого стола для совещаний. – Мне

доложили, что вы ещё не совсем отошли от ранения. Как вы себя чувствуете?

– Благодарю, товарищ нарком внутренних дел, уже лучше.

– Вот и хорошо. – Лёгкий акцент в его голосе всё же чувствовался. – И давайте без официоза. Обращайтесь ко мне по имени-отчеству, мне так привычнее. К тому же вы не мой подчинённый, так что субординация при этом не пострадает.

Берия придвинул к себе лежащую чуть сбоку папку и открыл её.

– Мне передали ваши предложения по самолёту дальнего радиолокационного обнаружения. Я посоветовался со специалистами, и они в один голос утверждают, что, судя по описанию и тактике применения, такой самолёт уже где-то кем-то построен и применяется в реальных боях. Мы склонны были думать, что вы подсмотрели такой у англичан, когда были в Англии в командировке. Однако разведка не подтвердила наличие такого самолёта в Королевских ВВС. Так откуда это, товарищ Копьёв? – Берия выразительно прихлопнул ладонью по папке.

– Такого самолёта у англичан нет, – начал я свою речь. – Во всяком случае, я ничего подобного не видел. Идея же использовать тяжёлый бомбардировщик в качестве летающего радара пришла мне после беседы с командиром прикомандированного нам на Ленинградском фронте расчёта станции РУС-2с. Он как-то обмолвился, что если его машины поднять в воздух на воздушном шаре, то зона обнаружения существенно увеличилась бы. Вот тогда я и подумал: а что, если использовать не воздушный шар, а подходящий самолёт? Так и родилась идея.

– Почему именно этот самолёт?

– Грузоподъёмность, Лаврентий Павлович, и большой запас топлива, позволяющий находиться в воздухе продолжительное время. Плюс возможность создать нормальные рабочие условия для расчёта РЛС и пункта управления.

– Вы так хорошо знаете характеристики предлагаемого вами бомбардировщика? По моим данным, вы никогда не встречались с такими машинами. – Взгляд наркома стал подобен рентгену.

– В одной палате со мной лежит майор Калужный, командир экипажа Пе-восемь. Вот с ним я и консультировался.

Пусть идут проверят. Я действительно обсуждал с Николаем возможность использования тяжёлого бомбардировщика в качестве летающего командного пункта, правда, без подробностей вроде установки на него радара.

– Ну, допустим. – Берия чуть заметно прищурился за стёклами пенсне. – Но вот здесь есть подробно проработанная тактика применения. Специалисты сказали мне, что разработать такое мог только человек, имеющий как минимум академическое военное образование. Да и предложенные вами схемы подразумевают высшее инженерное образование. Как вы это объясните?

– Никак, Лаврентий Павлович, – пожал я плечами. – Я просто всё хорошо детально обдумал.

– Возможно, вы и впрямь уникум, майор. – Берия снял пенсне и потёр пальцами переносицу. – Думаю, вам надо встретиться со специалистами, которые работают над вашими предложениями. Вас проводят, Илья Андреевич.

Нарком закрыл папку и отложил её на угол стола, давая понять, что разговор окончен.

В кабинете, куда меня проводили, над столом, на котором были разложены какие-то чертежи и схемы, в задумчивости стоял мужчина лет сорока, в круглых очках и с густой шевелюрой, зачёсанной назад.

– Ага! – вскинулся он, едва я с сопровождающим вошёл. – Это, как я понимаю, и есть тот самый возмутитель спокойствия?

Мужчина оказался Иосифом Фомичом Незвалем[74], главным конструктором Казанского авиазавода, который и выпускал бомбардировщики Пе-8. Его вызвали из Казани, чтобы он дал оценку моим предложениям. Моя идея его крайне заинтересовала. Под таким углом вопрос ещё никто не рассматривал.

Почти четыре часа мы с ним беседовали, спорили, черкали прямо по привезённым им с собой чертежам и схемам. Расстались оба довольные. Что-то подсказывало мне, что в скором времени по крайней мере один самолёт ДРЛО у нас в ВВС появится. Незвалю ещё предстоял разговор с Берией и разработчиками РУС-2, а я отправился обратно в госпиталь. Голова от всех сегодняшних похождений что-то разболелась.

Выписали меня из госпиталя в последних числах мая 1942 года. Врачи настаивали на отправке меня в санаторий ВВС для продолжения лечения, но я смог настоять на своём. Правда, клятвенно пообещал, что в ближайшее время буду паинькой и в бой не полезу. Тем более эскадрилья продолжала осваивать новую технику, а именно те самые «аэрокобры», которые я привёз из Англии.

Пока лечился, успел отправить Свете в Ленинград шесть писем и получил в ответ четыре. Я писал, что скучаю по ним, что всё у меня отлично, быстро иду на поправку. Она в ответ тоже старалась меня подбодрить, но я-то прекрасно знал, каково им там, в осаждённом городе. Боже, как же я соскучился.

В штабе ВВС, куда я отправился прямиком из госпиталя, получив соответствующее направление, меня сразу отвели к новому главкому и моему уже старому знакомому генерал-лейтенанту Александру Александровичу Новикову, с которым мы хорошо сработались на Ленинградском фронте и который занял пост главкома ВВС РККА вместо снятого с должности и переведённого на Дальний Восток Жигарева.

– Здравствуй, гвардеец, здравствуй! – Новиков от души пожал мне руку. Было видно, что он рад меня видеть. – Рад, что ты выкарабкался и снова в строю. Твои тебя уже заждались. Кстати, – хитро прищурился он, – а ты, товарищ гвардии майор, почему форму одежды нарушаешь?

– Так вроде в порядке всё, – в полном недоумении осмотрел я себя.

– Ха-ха! – откровенно потешался надо мной главком. – А почему без гвардейского знака? Так что зайди потом в строевой отдел и получи. Указом Президиума Верховного Совета СССР от двадцать первого мая тысяча девятьсот сорок второго года был учреждён нагрудный знак «Гвардия».

– Мои уже получили?

– Хм, это вряд ли: дефицит пока что. Вот ты тогда на всю эскадрилью и получишь, я распоряжусь. Эти куркули штабные точно запаслись, так что с них не убудет. И вот ещё что.

Новиков как-то весь подобрался и, вернувшись к своему столу, достал из ящика две красные коробочки. Я встал по стойке смирно.

– Приказом командующего ВВС Ленинградского фронта за мужество и героизм гвардии майор Копьёв награждается орденом Красной Звезды. Кроме того, за особые заслуги в деле борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, за героизм, проявленный при этом, и за сто сбитых вражеских самолётов гвардии майор Копьёв награждается орденом Ленина. Поздравляю.

– Служу Советскому Союзу! Спасибо, товарищ генерал-лейтенант. – Я не мог не задать следующий вопрос: – А Санчес?

– Мигель Гарсиа Санчес представлен ко второй звезде Героя Советского Союза. Посмертно.

Мы на минуту замолчали, почтив память настоящего героя.

Если честно, то была у меня мысля, что меня могут наградить третьей Звездой Героя. Но, немного поворошив память, я вспомнил, что трижды Героев было всего лишь трое: Будённый, получивший третью Звезду в 1968 году, Покрышкин – в 1944-м и Кожедуб – в 1945-м. Так что рано ещё. Нас и так наградами не обделяют. А учитывая особый статус нашей эскадрильи и центральное подчинение, наградные листы проходят всю бюрократию со скоростью курьерского поезда.

– Ну, с наградами закончили, а теперь о делах. – Новиков сел за стол и побарабанил пальцами по его поверхности. – Личным составом вашу эскадрилью пополнили. Вместо Санчеса и Суворова у тебя будут двое новичков. Они пару дней назад прибыли на место и должны уже освоиться. Лётчики обстрелянные, так что проблем с ними быть не должно. – Он поднял ладонь, останавливая мои возражения: – Знаю, о чём спросить хочешь. С Суворовым дела плохи. Медики хотят его списать. У него серьёзное ранение, и перегрузки ему противопоказаны. Его даже инструктором в лётное училище не пристроишь. Жалко парня, но против медицины не попрёшь.

– Товарищ генерал-лейтенант, а может, его в перегонщики? – закинул я удочку. – Там-то какие перегрузки? Взлёт, посадка – и всех делов. Пропадёт он без неба.

– В перегонщики, говоришь? Ладно, подумаю и попробую что-то сделать. Но, опять-таки, если медицина разрешит. Так, сбил ты меня с мысли, майор. Сразу видно истребителя, всё бы тебе сбивать, – хохотнул главком. – Кроме лётчиков, эскадрилью пополнили техсоставом до полного штата. Машины у вас новые, незнакомые, так

что тем количеством техников их не обслужить, и на фронтовых аэродромах помочь ничем не смогут.

– А ещё один транспортник выделят?

– Не наглей, майор. Скажи спасибо, что тот, что есть, не забрал. И так кучеряво живёшь. Тебе и истребители по спецзаказу, и личный состав, так ещё и дополнительный транспортник подавай.

Пообщались с Новиковым ещё полчаса. Если вкратце, то во второй половине июля мы должны быть готовы к отправке на фронт.

На аэродром в Раменское я уезжал с комфортом: главком от щедрот своих выделил мне свою «эмку». В строевом отделе тоже не пожадничали и вручили мне коробку с гвардейскими знаками по количеству личного состава.

Глава 14
Ленинград. Лето надежды

– Эскадрилья! Смирно!

Ровный строй эскадрильи замер – не шелохнётся. Капитан Шилов, мой заместитель, чётко повернулся ко мне и, вскинув ладонь к фуражке, доложил:

– Товарищ гвардии майор! Тринадцатая гвардейская отдельная истребительная эскадрилья специального назначения для встречи своего командира построена! Докладывал заместитель командира эскадрильи гвардии капитан Шилов!

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы! – через непонятный комок в горле поприветствовал я строй. – Спасибо, мужики! – поблагодарил я после оглушительного ответа. – Вольно!

– Гвардия! Качай командира!

Я даже не успел понять, кто это крикнул, как меня захлестнула восторженная толпа и, подхватив, начала забрасывать поближе к солнцу с молодецкими криками «и, р-р-раз!».

– Отставить швырять командира! – сквозь смех коекак смог крикнуть я. – Опустите на землю, черти полосатые! Я высоты боюсь!

Последняя фраза вызвала всеобщий хохот.

– Да, боюсь, – поправляя сбившийся ремень, сказал я, когда меня наконец-то поставили на твёрдую поверхность. – Это с «мессерами» драться не страшно, а вот когда вы пытаетесь запустить меня в полёт без винта и крыльев – вот это да, страшновато.

Стоящий до этого чуть в стороне Кузьмич как-то вдруг оказался совсем рядом и крепко, по-медвежьи, молча обнял меня. Затем резко отстранился и быстро провёл ладонью по своим ставшим отчего-то красными глазам.

– Спасибо тебе, Кузьмич. – Я слегка похлопал его по плечу. – Ну, давай, не томи, показывай.

Мне не терпелось увидеть свой новый истребитель. Я был абсолютно уверен, что старшина не пустил это дело на самотёк.

Однако сразу отправиться на стоянку самолётов не удалось. Ко мне подвели двух новых лётчиков, которых прислали в качестве

пополнения. Оба лейтенанты. На груди у одного – орден Красной Звезды, а у другого, того, что помоложе, медаль «За боевые заслуги». Лицо того, что с орденом, кого-то мне смутно напоминало, а вот кого, я, хоть убей, вспомнить не мог. Может, это из-за хорошо заметного следа от ожога на правой половине лица.

Видимо, мой взгляд был слишком пристальным. Лейтенант как-то подтянулся и, вскинув ладонь к пилотке, представился:

– Лейтенант Силаев. Прибыл для прохождения службы во вверенную вам эскадрилью.

– Лейтенант Губин, – повторил действия своего товарища второй лейтенант. – Прибыл для прохождения службы во вверенную вам эскадрилью.

А я чувствовал себя абсолютно обалдевшим. Передо мной стоял мой дед, который должен был погибнуть ещё в сорок первом году, а здесь – вот он, живёхонький. В том, что это он, я не сомневался. Слишком уж он похож на меня-Силаева.

Справившись со своим чувствами, я козырнул в ответ:

– Майор Копьёв. Зовут меня Илья Андреевич. Как вас по именам?

– Сергей Александрович.

– Андрей Андреевич.

Ну точно, он. У моего отца было отчество Сергеевич. Это что, я уже изменил ход истории? На всякий случай уточнил:

– У вас семья есть, товарищ Силаев?

– Есть, товарищ майор, – удивился он вопросу. – Жена и сын трёх лет. Они сейчас в Куйбышеве.

– Сына как зовут?

– Сашкой, – ещё больше удивился вопросу мой (теперь уже точно) дед.

– Ну а у вас как с семейным вопросом, товарищ Губин?

– Я ещё не успел, товарищ майор. Теперь только после войны разве что.

Моё возвращение отпраздновали вечером в столовой. Всем «старичкам» я вручил знаки «Гвардия». Новичкам решили вручить их после первого боя. Ну, и первым тостом помянули Санчеса. Я привёз с собой несколько бутылок коньяка, так что было чем.

Свою «кобру» я тоже успел всю облазить. Кузьмич, как всегда, не подвёл. Истребитель просто сверкал новенькой краской. На фюзеляже были нарисованы десять крупных красных звёзд, в каждой из которых в белом круге стояла цифра 10, и две крупные Звезды Героя. Оконечности крыльев были в уже традиционной нашей красной расцветке. Ну и на борту красовался номер 13. Я дал команду на каждый истребитель нанести знак «Гвардия».

С технической точки зрения истребитель был безупречен, насколько это вообще возможно. Спецы из ЦАГИ[75], расположенного здесь рядом, поработали на славу. Похоже, они очень внимательно изучили рекомендации, которые я писал ещё в Англии.

С самолёта сняли кислородный дыхательный баллон, убрали кодовые огни, ракетный пистолет, броню за мотором и защиту редуктора, а также поменяли бронезащиту маслобака и карбюратора на более лёгкую. Сам маслобак заменили на меньший по объёму на четверть, поменяли дюралевые трубки бензосистемы на медные. Так как импортного бензина марки Б-95 могло и не оказаться под рукой и пришлось бы использовать наш, то бензобаки изнутри обработали специальным клеевым раствором, предотвращающим разъедание резины баков.

Несмотря на установленный в носу фюзеляжа небольшой балласт, масса самолёта уменьшилась почти на двести пятьдесят килограммов, что положительно сказалось на скороподъёмности, манёвренности и позволило сократить длину разбега и пробега. Конечно, неплохо было бы усилить хвостовую часть фюзеляжа, но это уже совсем кардинальная переделка. Пока же просто ограничились предписанием воздержаться от сильных и резких перегрузок, а при возникновении вибрации рекомендовали изменить режим полёта.

Вооружение тоже изменилось. 37-миллиметровая пушка М4, стреляющая через вал винта, осталась, а вот два 12,7-миллиметровых синхронных пулемёта «Браунинг» и четыре крыльевых 7,62-миллиметровых пулемёта демонтировали. Вместо них установили два синхронных 12,7-миллиметровых пулемёта Березина УБС и два крыльевых 12,7-миллиметровых пулемёта Березина УБК. При этом и сохранилась ударная мощь истребителя, и снизилась зависимость от иностранных боеприпасов. В целом это был уже не совсем самолёт Bell P-39D «Аэрокобра», а что-то несколько превосходящее его.

К моему возвращению из госпиталя «старички» уже успели облетать своих птичек, пока без элементов высшего пилотажа и без стрельб. Инструкторов как таковых ещё почти не было, и нам их просто не выделили, решив, видимо, что такие профи смогут и сами освоить эти машины. Они и осваивали, предварительно наизусть, как «Отче наш», выучив написанное, опять же мной, наставление по пилотированию.

Вначале, как уже было опробовано ранее, просто садились в кабину и с открытым наставлением на коленях до автоматизма отрабатывали различные ситуации, в том числе и вывод машины из плоского штопора. Потом начали производить рулёжки и подлёты на аэродроме, и только после всего этого поднялись в воздух. Новички пока лишь знакомились с элементами управления, расположением приборов и зубрили теорию.

Пообщался и с новичками. Интересная картина получилась. Силаев действительно едва не погиб в сорок первом. При сопровождении бомбардировщиков его на возврате подбили зенитным огнём, и он на горящем истребителе чудом смог дотянуть до линии фронта и там выбросился с парашютом. Тогда и получил ожоги. Потом госпиталь, новый полк, переформирование – и вот он у нас. На счету шесть сбитых. Губин воюет с сентября сорок первого, на счету три «лаптёжника».

Со следующего утра учебный процесс продолжился с новой силой. Я наконец-то смог подняться в воздух на новеньком самолёте. Сделал несколько кругов над аэродромом и пошёл на посадку. По первым впечатлениям истребитель хоть и не сильно, но отличался от того, что я пилотировал в Англии: он был более чутким в управлении, и это ощущалось, всё же на четверть тонны легче.

После приземления машину, под руководством старшины Федянина, тщательно осмотрели. Да, теперь у нас за каждым истребителем закреплены техник, моторист, оружейник, и на каждую пару самолётов – один электрик-приборист. По поводу оружейников лётчики лишь горестно вздыхали: у нас они были исключительно мужского пола, а вот в двух полках, которые проходили переформирование и переучивались на Як-1 на одном с нами аэродроме, почти половина оружейников были молодыми девчонками.

Наши орлы лишь издали облизывались, но близко не подходили: там и своих не менее орловистых орлов хватало.

Слетал в паре с Силаевым, а затем и с Губиным. Схватывают всё на лету, ведущего при маневрировании не теряют. Ну, посмотрим, как они запоют, когда прогоним их по своей методике обучения, включая учебную стрельбу боевыми над фонарём кабины. Все уже предвкушали это зрелище, как будто позабыв при этом, как сами шарахались в стороны от пролетающих над головой трассеров.

Учёба была интенсивная, досталось и экипажу нашей «дуси». Транспортник изображал «армаду» бомбардировщиков, а мы, соответственно, либо атаковали, либо, наоборот, прикрывали. Кстати, и капитан Ермолаев, и его второй пилот лейтенант Бугаев теперь красовались новенькими орденами Красной звезды. Заслужили.

Ну а мы учились прицельно бомбить, благо была возможность подцепить 227-килограммовую авиабомбу. Нам для этого даже инструктора из лётчиков-штурмовиков прислали. Бомбили учебными цементными бомбами макеты техники, окопы, макеты огневых позиций артиллерии. Не сразу, но кое-что начало получаться.

Самолёты лётчикам очень понравились, несмотря на свой крутой норов. Хороший обзор, мощное вооружение, прекрасная радиосвязь, большая дальность полёта, особенно если использовать подвесной бак.

Огневое крещение новички прошли с честью, а Силаев так вообще удивил всех. Едва подкравшийся к нему на малой высоте Князь (капитан Юсупов) открыл огонь, как он резко ушёл вниз, сделал змейку и оказался точнёхонько за хвостовым оперением оппонента. И что бы Юсупов ни делал, стряхнуть его с хвоста так и не смог.

Пристрастили новичков и к нашей традиционной забаве – стрельбе по тарелочкам. До нас им, конечно, далеко, но прогнозы довольно оптимистичные. Парням такой досуг явно понравился.

Не остался без работы и Гайдар. Нашего комиссара лётчики и техники любили и уважали. Он находил время с каждым отдельно пообщаться в неформальной обстановке и не брезговал засучить рукава, чтобы помочь в ремонте двигателя или чистке пулемётов и пушек. А уж политинформации проводил так, что все сидели, буквально открыв рот, и ловили каждое его слово. Умел человек завладеть вниманием слушателей и донести до них информацию так, что она становилась простой и понятной каждому.

Как-то вечером, когда я сидел за многочисленными бумагами, которые надо было заполнить, он подсел ко мне.

– Илья, а ты в партию вступать думаешь?

Я на минуту даже, что называется, завис слегка от такого вопроса. Вот честно, как-то не задумывался над этим. Да и как объяснить убеждённому коммунисту, что мне это не нужно, что я видел, как партия перерождается, как вчерашние далеко не рядовые партийные работники под прицелом телекамер рвут и жгут свои партбилеты и, разбрызгивая слюни и сопли, вопят, что не было более рьяных борцов с коммунизмом, чем они.

М-да, а отвечать на вопрос надо.

– Знаешь, Аркадий, думал. Если честно, то я боюсь.

– Чего? – удивился комиссар.

– Боюсь подвести других, боюсь, что если где-то допущу ошибку, то это ляжет пятном на всех коммунистов, боюсь, что начнут говорить, что награды мне дали именно потому, что я член партии. Да и не вышел я ещё из комсомольского возраста. Как говорится, не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым.

– Глупости ты говоришь, командир. Кому, как не тебе, быть в партии? Ты дважды Герой, сотня сбитых, умелый, требовательный, но справедливый командир. А то, что кто-то может глупость сказать, так это либо враг, либо дурак. А про комсомол хорошо сказал. Прямо как слова из песни, надо запомнить. Но над моими словами ты хорошо подумай. Рекомендацию тебе дать для любого из коммунистов будет честью.

Как бы там ни было, но ход времени ещё никому остановить не удалось. Вот и наше время, отпущенное на изучение новой техники, подошло к концу.

В середине июля меня вызвали в Москву, в штаб ВВС. Задача, поставленная нам, меня обрадовала. Мы летим обратно в Ленинград. Будем, как и прежде, защищать Ладогу.

С наступлением весны лёд растаял, и все перевозки в город осуществлялись по воде – баржами и катерами. Немцы с финнами устроили на них настоящую охоту и интенсивно бомбили порты. На Ладожском озере действовали немецкие и итальянские торпедные катера, десантные баржи, вооружённые 88-миллиметровыми

орудиями, 37-миллиметро-выми и 20-миллиметровыми зенитными автоматами, плюс к этому финские торпедный катер и канонерская лодка. Не сказать, что наша Ладожская военная флотилия была беззубой, но поддержка с воздуха им была очень нужна.

Кроме этой нам ставилась ещё одна задача – охота на крупнокалиберную артиллерию противника, которая методично обстреливала город.

Уточнил вопросы по обеспечению импортным бензином, моторным маслом и снарядами к 37-миллиметровой пушке. Меня заверили, что в город всё уже отправили и будут обеспечивать по мере необходимости. Ну, будем надеяться, что так и будет. Кроме того, для перебазирования нам выделяют ещё два транспортника ПС-84. Так что за один рейс сможем перебросить весь личный состав и всё необходимое.

Вернувшись из Москвы, сразу отвёл в сторону Гайдара, Данилина и Кузьмича и предложил, как и в прошлый раз, пустить шапку по кругу. Заодно примерно прикинули, сколько сможем взять с собой за один рейс. Тут уже командир нашей «дуси» капитан Ермолаев производил расчёты. Получалось, что почти столько же, сколько и в прошлый раз. Ну, может, чуть поменьше.

Скинуться на благое дело никто не отказался. Комиссар с особистом умчались в набег по только им известным местам. Они ведь так и не признались, где в прошлый раз раздобыли продукты. Ну, часть, понятно, купили на рынке и в коммерческих магазинах, но ведь явно не всё.

– Ты не техник, ты чёрт безрукий! – громко отчитывал кого-то старшина Федянин в палатке, которую мы временно использовали как склад привезённых нашими добытчиками продуктов. – И вообще, какой долбодятел, – во, ещё одно моё словечко, – поставил сюда эту банку с краской? Макарчук! Ты у меня из нарядов до самого конца войны вылезать не будешь! Бери ветошь и оттирай теперь всё! Люди старались, добывали это всё, а вам лишь бы всё изгадить!

– Что за шум, а драки нет?

Я заглянул в палатку, где двое техников под руководством Кузьмича сортировали коробки и мешки с продуктами.

– Вот, полюбуйтесь, товарищ командир, – показал Федянин на коробку с молотым кофе, залитую красной краской.

– Оттереть успеете?

– А куда ж они денутся? Конечно успеют, – кровожадно глянул старшина на своих подчинённых, которые уже приступили к очистке банок от краски.

Перелёт в Ленинград прошёл спокойно. Я шёл чуть выше основной группы с новым ведомым, которым стал, естественно, Силаев. Губин пошёл ведомым к Кравченко. Дали мы молодым и позывные. Ну как дали? Я дал. Силаев стал Дедом, а Губин – Бродягой. На вопрос, почему так, я ответил, что это мой волюнтаризм, и вообще я тиран и право имею. Все посмеялись и единогласно проголосовали за.

Сели на тот же аэродром, на котором базировались ранее. Прямо словно домой вернулись. Встречать нас вышли все, кто был в это время на аэродроме. Видно было, что нам здесь рады. Да и новенькие истребители привлекали внимание.

– Снова к нам, товарищ гвардии майор? – встретил меня у штаба местного авиаполка уже знакомый мне интендант.

– О, Кучумов, ты прямо вовремя, – обрадовался я знакомому интенданту, с которым уже имел дело. – Мы там опять гостинцы привезли. Надо бы их оприходовать, чтобы всё как положено с документами.

– Так это мы мигом, товарищ майор, – оживился Кучумов. – Всё сделаю как положено.

– Тогда у транспортников найди старшину Федянина. Помнишь такого? Вот с ним и порешайте все вопросы.

Договорился с машиной, чтобы съездить в штаб фронта и доложить о прибытии, ну и заодно проведать своих девчонок. Соскучился. Надо только до Кузьмича дойти, попросить каких-нибудь гостинцев.

Впрочем, идти никуда не пришлось. Старшина, улыбаясь, уже шёл ко мне с увесистым даже на вид вещмешком.

– Илья, к своим-то заедешь? Вот, передай от нас. Я там сверху для Катеньки гостинчик в кулёчке положил.

Было интересно смотреть на смущающегося старшину.

– Спасибо тебе, Кузьмич.

Я от души пожал руку ещё более смутившемуся Федянину.

Летний Ленинград производил совсем другое впечатление, чем это было зимой. Город словно ожил. Да, было ещё очень тяжело, но люди начали чаще улыбаться. По городу пустили трамваи, и они, словно вестники Победы, своим перестуком и перезвоном буквально прогоняли мрачные мысли и вселяли надежду. Надежду на то, что вот ещё чуть-чуть, ещё одно усилие – и кольцо блокады будет прорвано, враг будет отброшен, и нормальная жизнь вернётся в город.

Везде, где только можно, были разбиты огороды, на которых работали горожане, выращивая картофель, капусту, свеклу. Насколько я помню из когда-то прочитанного, в пригородных колхозах на полях тоже вовсю шли полевые работы.

В штабе фронта доложился о прибытии и получил первое задание. Нужно было произвести разведку северного побережья Ладоги с целью обнаружения флотилии противника, а затем нанести по ним удар. Не сказать, что корабли и катера противника сильно беспокоили идущие через озеро конвои барж, но не принимать в расчёт исходящую от них угрозу было нельзя.

Вообще, по данным разведки, итальянские катерники при полнейшем попустительстве со стороны финнов, откровенно саботировали приказы немецкого командования. Немецкие же силы, в составе самоходных барж типа «Зибель»[76], были отвратительно подготовлены к действиям на воде. Ни ориентироваться, ни совместно действовать, ни просто управлять своими плавсредствами в условиях даже слабого волнения они были не обучены. Кстати, командовал флотилией паромов-катамаранов типа «Зибель» сам их создатель – подполковник Фридрих Вильгельм Зибель.

На обратном пути попросил водителя завернуть по знакомому адресу. Света с Катюшкой так и жили у Евдокии Александровны. Вот и сейчас я, едва мы свернули во дворы, издали увидел их. Светлана с ещё двумя женщинами возились на вскопанных прямо под окнами дома грядках, на которых росла капуста и были видны кусты картофельной ботвы, а Катюшка крутилась рядом с ними, держа в одной руке маленькую леечку, а в другой – капустный лист, который с удовольствием грызла.

Увидев въехавшую во двор машину, женщины отвлеклись от работы, рассматривая гостей. Первой среагировала Катюшка. Едва я

выбрался из автомобиля, как на меня с радостным визгом налетела маленькая непоседа. Я подхватил девочку и прижал к себе. Тут же мне на шею со слезами бросилась Света. Наш поцелуй, наверное, мог побить все рекорды по продолжительности.

К сожалению, задержаться я не мог. Лишь отдал гостинцы, ещё раз расцеловал своих любимых девчонок и отправился на аэродром. Предстояла серьёзная работа.

На разведку отправил пару Мищенко (позывной Вьюн) – Филонов (позывной Кот). На машину Вьюна установили фотокамеру. Им предстояло обследовать северное побережье Ладоги. Самолётов противника мы не боялись, так как с авиацией здесь у немцев и финнов было негусто. Именно поэтому у нас нахально отжали РЛС, которую перебросили на Волховский фронт, едва эскадрилья убыла на переучивание на новую технику.

То ли нам кто-то наворожил, то ли просто повезло, но немецко-финско-итальянскую флотилию мы обнаружили сразу. Вся эта кодла своей основной базой выбрала посёлок Лахденпохья с удобной бухтой и довольно приличными причалами. Удивительно, но то ли вследствие повального раздолбайства противника, то ли ещё из-за чего, но наших разведчиков даже не обстреляли зенитки. Фотоснимки получились такими, словно фотографировали в полигонных условиях.

Удар запланировали на раннее утро следующего дня. Будем работать совместно с 15-м гвардейским штурмовым авиаполком. Идём всей эскадрильей. Надо обкатать новичков, да и самим размяться на новых машинах в боевой обстановке. Мы атакуем первыми, пользуясь эффектом неожиданности, поэтому каждый берёт по бомбе ФАБ-250. Наша цель – это береговые казармы, в которых расквартированы экипажи «зибелей» и катеров, и расположенные неподалёку от пирса склады.

Со штурмовиками встретились над Ладогой. Девятка «горбатых» шла на высоте пятьсот метров. Все одноместные, без заднего стрелка. Быстро поравнялся с ведущим и приветственно покачал крыльями. В ответ пилот штурмовика ткнул указательным пальцем в мою сторону и выставил вверх большой палец. Увы, пообщаться не получится, так как летим в режиме радиомолчания. Прибавляем газ и уходим вперёд.

Отбомбились мы удачно. Тренировки в Подмосковье не прошли даром, да и цели мы распределили заранее, тщательно изучив все возможные ориентиры. Здания, в которых, по данным с фотоснимков, размещались казармы, от ударов четвертьтонными бомбами превратились в груды щебня. Со складами тоже не ошиблись. Во всяком случае, рвануло там так, что рядом стоящие постройки просто снесло.

Мы пошли в набор высоты, когда на стоящие у пирсов плавсредства зашли «илы». Зрелище срывающихся с направляющих РС никого не может оставить равнодушным. Надеюсь, и немцы со своими союзничками тоже впечатлились.

Откуда-то со стороны посёлка затявкала пара скорострельных зениток. Радиомолчание уже можно не соблюдать, поэтому беру на себя командование.

– Дункан с Потапычем, займитесь зенитками, а то ещё ненароком «горбатых» обидят. Фил с Бродягой на контроле. Учитель с Пихтой, не спите! Что там за любитель морских прогулок выискался? Сделайте из него любителя подводного плавания.

Какой-то катер решил попытать счастья и вырваться из бухты. Впрочем, далеко ему уйти не удалось. Очередь из 37-миллиметровой пушки заставила, видимо, итальянский экипаж пересмотреть свои взгляды на плавание по Ладоге.

А штурмовики всё заходили и заходили на цели, расстреливая их из пушек и пулемётов. Да, правы были те, кто в моё время писал, что потопить эти самые «зибели» было очень непросто. Каждый из них приходилось буквально превращать в дуршлаг. Однако мы справились, и когда уходили, у нас за спиной на поверхности плавали лишь мусор и обломки.

Уже на выходе из Якимварского залива, в котором, собственно, и находился посёлок Лахденпохья, обнаружили удирающий на всех парах в сторону большой воды катер.

– Дед, разберись! – даю команду.

Силаеву хватило одной, правда, довольно длинной очереди, чтобы из-под кормы посудины повалил густой чёрный дым, а сама она начала быстро крениться на борт.

– Молодец, Дед, только в следующий раз снарядов жги поменьше на одну цель. Князь, оттянись со своими назад и прикрой отход

«горбатых», а мы на Валаам прогуляемся.

Эх, не довелось мне в прошлой жизни побывать на этом острове, полюбоваться на суровую природу, монастырь и часовни. Хоть сейчас сверху посмотрю, да заодно находящийся здесь финский гарнизон слегка в тонус приведём[77].

Пошуметь над Валаамом удалось недолго: боекомплект почти весь расстреляли ещё в Лахденпохья, так что больше пугали мечущихся внизу финнов. Однако несколько зениток и артиллерийскую батарею на мысу Чёрный Нос разглядеть успели.

Вернулись на свой аэродром, и я запросил разрешение произвести своими силами штурмовку выявленных целей на Валааме. Нам ещё предстоит охота за артиллерией немцев, а тут, можно сказать, готовый полигон. Ждать ответа пришлось около часа. Дали добро. Оказывается, эта самая батарея уже успела намозолить глаза нашим кораблям на Ладоге, которые хоть и не понесли от неё какого-либо ущерба, но вынуждены были повернуть обратно, опасаясь попасть под огонь артиллерии.

Вновь цепляем бомбы, на этот раз сотки, и идём на взлёт. Недолгий перелёт, и вот мы уже над православной обителью. Немногочисленные зенитки подавили пушечно-пулемётным огнём. Артиллерийским батареям повезло меньше: их прицельно накрыли авиабомбами и принялись расстреливать разбегающихся финских солдат. Стрелять по строениям монастыря я категорически запретил, аргументируя запрет тем, что это историческая архитектурная ценность.

В самый разгар веселья со стороны финского берега появилась четвёрка истребителей противника, но, увидев, сколько нас, в драку не полезли, а отвернули обратно. Мы тоже задерживаться не стали и взяли курс к себе домой.

Теперь нам предстояло заняться немецкой артиллерией, которая вела огонь по городу из районов Петергофа, Стрельны, Урицка, Пушкина (Царское Село), поселка Володарского. Корабли Балтийского флота вступали в артиллерийские дуэли, вследствие которых были разрушены дворцы в Петергофе и Пушкине. Немцы не гнушались прикрываться стенами исторических зданий.

Огонь они вели с немецкой педантичностью, чуть ли не по расписанию. Обычно это происходило утром с восьми до девяти часов,

днём с одиннадцати до двенадцати и вечером с семнадцати до восемнадцати часов. Ну и ночью не давали спокойно спать, беспокоя одиночными выстрелами до самого утра. А потом всё начиналось сначала. Методично. По квадратам. Конечно, больше всего немцев интересовали наши корабли, но и городу прилетало немало. А с севера вовсю старались финны.

Первой целью я выбрал немецкую артиллерию, расположенную в Пушкине. Увы, но точных координат у нас не было. Немцы плотно прикрыли районы своих батарей зенитной артиллерией и авиацией, так что работёнка предстояла сложная и опасная. Пойдём опять всей эскадрильей. Первое звено займётся зенитками, второе – ударное, их цель – дальнобойная артиллерия, а третье прикрывает с воздуха, хотя тоже пойдёт с подвешенными бомбами. Думаю, найдём, куда их пристроить на той стороне фронта.

Ну а я с ведомым буду на подхвате там, где будет нужнее, и общая координация тоже на мне. Лететь тут буквально считаные минуты: от нашего аэродрома каких-то сорок километров.

Вот что-что, а система оповещения у немцев работает просто великолепно. На подходе к Пушкину нас встретил просто шквал зенитного огня. Приходилось постоянно маневрировать как по курсу, так и по высоте, сбивая немецким наводчикам прицел. Но всё-таки это страшно, когда вокруг тебя, в том числе и сверху и снизу, без каких-либо пауз вспухают чёрные облачка разрывов.

А вот и наши клиенты. Немцы даже особо не маскировали свои орудия, да и трудновато замаскировать такие дуры.

– Тринадцатые! Атакуем!

Я бросил свой истребитель в пике. Эх, хотелось бы сказать, что в крутое, но увы, это нам противопоказано, особенно выход из такого манёвра. Я прекрасно помню, как в Англии у меня после таких выкрутасов деформировало фюзеляж в районе хвостового оперения.

Попарно, словно ангелы мщения, сваливаемся на противника. Первое звено нацелилось на лупящую в небесную синь зенитную батарею, а второе и третье идут на вольготно расположившиеся крупнокалиберные орудия. В последний момент замечаю скопление легковых автомобилей неподалёку от уже разрушенного Екатерининского дворца и доворачиваю на них. Ловлю в прицел стоящий здесь же бронетранспортёр, из кузова которого лупит

скорострельная зенитка, и бью из пушки. Зенитка замолкает, и мы с Дедом освобождаемся от бомбового груза.

Уже выводя истребитель из пике, увидел разбегающуюся в разные стороны группу людей в форме цвета фельдграу. Жму на гашетку и с удовлетворением вижу, как дымные трассеры настигают их. На миг показалось, что даже будто бы увидел блеск погон на плечах у некоторых из них.

Внезапно огонь зениток замолкает. Это не к добру. Надо предупредить своих.

– Внимание всем! Осмотреться! Рядом «мессеры»!

А вот и они, голубчики. Похоже, что непуганые: две четвёрки на нашу полную эскадрилью. Совсем страх потеряли. Придётся опять учить уважать нас.

Увы, но поучаствовать в педагогическом процессе мне не удалось: банально не успел. На немцев сверху свалилось третье звено капитана Юсупова. Миг – и трёх «мессеров» как не бывало. Нет, 37-миллиметровыми по истребителю – это убойно. Ещё один фриц выполнил какой-то немыслимый кульбит и дал дёру. Оставшиеся четверо немцев как-то сразу потеряли интерес лезть в драку и резко пошли вниз, набирая скорость на пикировании. Я лишь огорчённо сплюнул.

– Тринадцатые! Уходим! Князь, потом доложишь, кто промахнулся, и я у него, бракодела, за снаряды вычту из зарплаты.

– Не, а что сразу из зарплаты-то? – прорезался в эфире возмущённо-виноватый голос лейтенанта Горбаня. – Я же не специально. Он в последний момент увернулся.

– А теперь Горбатый! Я сказал: Горбатый! – с хрипотцой воскликнул я. Ну не смог удержаться.

– Не, товарищ командир, а что сразу Горбатый? Чуть что, так сразу Горбатый, – обиженно произнёс Горбань.

– Ладно, хорош паясничать. Дома разберёмся, кто, кому и чего должен. Вьюн, ты для потомков запечатлел картинку? – (Я попросил оставить фотокамеру на истребителе старшего лейтенанта Мищенко.)

– Всё в лучшем виде, командир. Как в фотоателье.

Как оказалось, фотоснимки получились просто блеск. На них хорошо было видно, что немецкая артиллерийская батарея качественно перемешана с грязью. На другом снимке оказались накрытые нашими

с ведомым бомбами легковые автомашины. Вернее то, что от них осталось, и лежащие неподалёку тела. Увы, подробнее разглядеть возможности не было.

Доложил по телефону командующему авиацией Ленинградского фронта генерал-майору Рыбальченко о выполнении задания. Снимки тоже отправил к нему с посыльным.

– Молодец, майор! Мы уже долгое время не могли подобраться к ним, уж больно там зенитки лютые. Как только вам это удалось? Ты мне вот ещё что скажи: когда вы летали немцев с финнами в Лахденпохья бомбить, никого на выходе из Якимварского залива не топили?

– Так точно, товарищ генерал-майор, топили. Катер пытался удрать, и лейтенант Силаев его расстрелял.

– Значит, передай своему лейтенанту, чтоб крутил дырку для ордена, а сам напиши на него представление на Красную Звезду.

– А… – не понял я. За что орден-то? Ну потопил и потопил. Может, там важный кто был?

– Твой лейтенант отправил кормить раков командира отряда итальянских катеров капитана второго ранга Бьянчини, представителя кригсмарине Гельмута Лейснера, подполковника люфтваффе Фридриха Зибеля, создателя самоходных барж, и начальника финской Ладожской береговой бригады полковника Эйно Ярвинена. В общем, вы, помимо практически всех катеров и паромов, уничтожили ещё и всё командование флотилией противника.

По голосу было слышно, что Рыбальченко очень доволен.

– А тут ошибки быть не может, товарищ генерал-майор? Всё командование – и в одном месте.

– Ошибки нет, майор. Морячки сходили к северному берегу озера и перехватили посыльный катер. От пленного офицера связи и узнали, что всё командование было с инспекцией в Сортавале, куда планировалось перевести часть сил. Они уже возвращались, когда вы там резвились. Ну и напоролись на вас. Решили дать дёру, да не успели.

– Ясно, товарищ командующий. Представление сегодня же напишу.

Следующую неделю мы совершали по два вылета в день на штурмовку позиций немецкой артиллерии. Заодно сбили ещё девять

истребителей немцев. Дырки в плоскостях и в фюзеляжах, конечно, привозили, но, слава всем богам, никого из своих не потеряли. И вновь немецкие авианаблюдатели, едва замечая нас в воздухе, начинали голосить в эфир: «Achtung! Rote Flugel im Himmel!» Вот что волшебный пендель животворящий делает, сразу воспитанными немцы стали.

А через неделю меня вызвали в штаб ВВС фронта.

– Знаешь, майор, я уже перестал удивляться всему, что касается вашей эскадрильи, – сразу после приветствия начал Рыбальченко. – То вы разносите в пыль объединённую немецко-финско-итальянскую флотилию, а заодно походя отправляете на дно всё её командование, то устраиваете охоту за немецкими батареями и уничтожаете их одну за другой, то теперь вот ещё и это.

Он потряс в руках какой-то лист с напечатанным на нём текстом.

– А что случилось, товарищ генерал-майор?

Я вообще не понимал, о чём идёт речь.

– Пушкин вы штурмовали?

– Так точно, мы.

– По легковым авто кто из вас отбомбился, а потом из пулемётов прошёлся?

– Бомбили я и лейтенант Силаев. А из пулемётов я бил, ведомый, по-моему, не стрелял. А что?

– Да ничего особенного, учитывая, что вы не простая эскадрилья. Просто по донесениям разведки и по информации от пленных, вы с ведомым накрыли половину штаба одиннадцатой армии, а ты расстрелял из пулемётов командующего одиннадцатой армией генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Так что крутите с ведомым дырки для орденов. И вот, сам своему ведомому вручишь. – Рыбальченко достал из ящика стола красную коробочку и передал мне. – Это ему за ладожские похождения.

Я вышел на улицу в полном обалдении. Это же, получается, я довольно серьёзно изменил ход истории. Ведь это именно Манштейн пробивался в Сталинград к окружённой армии Паулюса, это он командовал группой армий «Юг» и наступлением вермахта на Прохоровском участке Курской дуги.

Подставив лицо тёплым солнечным лучам, я глубоко вздохнул. В конце концов, плевать на всех этих Манштейнов. Как говорится, сдох

Никодим – ну и чёрт с ним. Жизнь продолжается. Тем более я попросил один день на устройство личных дел. Пора узаконить, так сказать, наши отношения с гражданкой пока ещё Ильиной Светланой Геннадьевной и оформить полагающиеся документы на удочерение (или правильнее «усыновление»?) Катюшки.

Узнав, в чём дело, командующий от души поздравил меня с предстоящим событием и дал целых два дня. На войне это целая вечность.

Глава 15
Dura lex, sed lex[78]

– Горько! Горько!

Фронтовая свадьба. Ну, пусть и не совсем фронтовая, всё же мы в некотором роде в тылу, но дыхание войны здесь ощущается по полной. Вот с рёвом моторов пошло на взлёт звено истребителей, а люди вокруг сплошь в военной форме.

Но самое удивительное – это сама атмосфера праздника. Мне в своё время довелось побывать на многих свадьбах: и на деревенских, когда пьют и пляшут до упаду, и на вычурно-пафосных – господских, как я их называю, – когда все из себя такие кулюторные, аж до тошноты (особенно зная, как некоторые из них в другой обстановке могут банально нажраться до свинского состояния, когда лёжа качает), но нигде не было столько душевной теплоты, как за этими сколоченными из досок столами, на которых была выставлена скромная закуска, а из спиртного – лишь по сто грамм на каждого. Но люди радовались и тепло поздравляли новобрачных, то есть нас со Светой.

Хотя звездой, так сказать, вечера была Катюшка, одетая по случаю в какое-то невообразимо пышное розовое платье. В нём она была похожа на маленькое солнышко, на которое без тёплой улыбки смотреть было просто невозможно. Сидя в обнимку с огромной красивой куклой, подаренной ей Гайдаром (и где только умудрился отыскать), она громогласно заявила, что теперь будет ждать, когда папа и мама подарят ей братика или сестричку, чем вызвала весёлый смех за столом и заставила нас со Светланой покраснеть от смущения, что опять-таки вызвало новую волну смеха.

Да, смущающийся дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена Британской империи, рыцарь, лётчик-ас, сбивший больше сотни самолётов противника, – это действительно смешно.

Вот что хорошо в это время (хотя понятия «война, блокада» и «хорошо» вроде как и несовместимы), так это то, что в загсе все вопросы можно решить за один день. Теперь Света официально стала

Копьёва, а Катюшка получила отчество Ильинична. Свидетелями были Евдокия Александровна со стороны невесты и лейтенант Силаев с моей стороны: ну не мог я выбрать кого-то другого, кроме как родного деда меня-Силаева. Моему выбору удивились все, в том числе сверкающий новеньким, только что врученным орденом Красной Звезды Силаев. Я объяснил свой выбор тем, что он теперь мой ведомый, прикрывает меня в бою, а значит, близкий мне человек. Вроде такую версию все приняли.

А потом, ближе к вечеру, накрыли столы в нашей лётной столовой. Было по-настоящему весело. Был самый настоящий тамада, роль которого взял на себя, естественно, Зураб Гуладзе, были танцы под патефон и под гармонь, на которой виртуозно играл Кузьмич. Были самые настоящие подарки. Конечно, не такие, как в том, оставленном мной времени, а значительно скромнее, но оттого не менее душевные. Подари-ка в будущем постельное бельё, и тебя просто не поймут, а тут это вполне приличный подарок.

Парни из 15-го штурмового полка, с которыми мы устроили кровавую охоту на немецкие батареи, прислали от себя сияющий начищенными боками самовар, ребята из эскадрильи подарили нам тот самый патефон, под который все так задорно плясали. Только почему-то все больше поздравляли Катюшку. Света даже шутливо шепнула мне, что непонятно, у кого из них двоих свадьба.

Однако всё хорошее рано или поздно заканчивается. Вот и у нас вновь начались военные будни. Мы, как и прежде, терроризировали немецкую дальнобойную артиллерию, вылетали на отражение налётов авиации на город. Эх, хороша 37-миллиметровая авиапушка по вражеским бомбардировщикам, просто загляденье. Нашу работу оценило командование Ленинградского фронта, и от имени командующего фронтом генерал-лейтенанта артиллерии Говорова и члена Военного совета фронта Жданова нашей эскадрилье была вынесена благодарность.

Увы, но командование не воспользовалось временной потерей управления у противника в связи с гибелью Ман-штейна, просто сил не хватило. Попытка форсировать Неву в районе Шлиссельбурга не удалась и привела лишь к большим потерям. Кстати, за Манштейна меня и лейтенанта Силаева наградили орденами Красного Знамени.

В середине сентября вместе с Кузьмичом выбрали время и заехали к моим. Евдокия Александровна попросила по возможности посмотреть печку перед зимними холодами. Ну а кто, как не старшина Федянин, мог сделать это лучше? Вот я и переадресовал просьбу своему технику и другу. Ну а тот и рад повидаться со своей любимицей Катюшкой, для которой у него всегда приготовлен петушок на палочке.

С печкой разобрались быстро, да и делов там было немного: лишь дымоход прочистили да кое-где промазали снаружи глиной. При этом было такое ощущение, что глины на лице у Катюшки как бы не больше, чем на печке, очень уж она нам хорошо помогала. А потом ещё и порядок с мамой наводила.

Ну а потом тётя Дуся решила нас угостить. С торжественным видом она водрузила на стол жестяную банку с американским растворимым кофе.

– Вот, ребята, угощайтесь, – лучезарно улыбалась она. (Кстати, заметил, что Кузьмич нет-нет да и посматривает в её сторону.) – Ты, Илья, говорил, что кофе любишь, вот я и купила у спекулянтов на базаре баночку. И откуда только что берут, бесово семя, – вздохнула она.

Да, я тоже уже слышал там, в будущем, как в годы блокады кое-кто даже из известных людей, приезжавших в город, выменивал у местных жителей буквально за кусок хлеба золото, картины, антиквариат. Хватало и спекулянтов, которые тоже наживались на людском бедствии. И ведь имели же они доступ к запасам продуктов.

– Ну-ка! – Кузьмич взял в руки жестянку. – Командир, а баночка-то знакомая. Вот, глянь.

Он протянул банку мне. Сверху на крышке были явно видны плохо затёртые потёки красной краски.

– Та-а-ак! – начал закипать я. – Евдокия Александровна, а вы помните, у кого вы её купили?

– Конечно помню. Там женщина была, приметная такая, у неё ещё родинка большая над левой бровью. Я ей деньги предлагала, а она увидала мои серёжки золотые и предложила на них поменяться. Ну, я и вот… – Тётя Дуся замялась. – А так, люди говорят, у неё и любые продукты выменять можно на золото. И не боится ведь, спекулянтша. –

Последнее слово она почти выплюнула. – А серёжки я после войны новые куплю, ещё лучше прежних.

Мы переглянулись с Кузьмичом и одновременно произнесли:

– Кучумов, сука!

Быстро попрощавшись с ничего не понимающими хозяйками и прихватив с собой банку кофе в качестве вещественного доказательства, мы рванули на аэродром, благо полуторка, на которой мы приехали, была при нас. Надо побыстрее добраться до Данилина. Пусть он через особый отдел займётся этой сволочью-интендантом.

По иронии судьбы первым, кто встретился мне у штаба авиаполка, был не кто иной, как интендант 3-го ранга Кучумов. Он с довольной улыбкой на лице направлялся в сторону расположенных неподалёку складов.

– Кучумов! Стой! – окрикнул я его.

– Что хотели, товарищ гвардии майор? – всё с той же улыбочкой на лице обернулся он ко мне.

– Что это? – протянул я ему банку с кофе.

– Кофе, товарищ майор, – с недоумением глядя на меня, ответил интендант.

– Я вижу, что кофе. Почему этим самым кофе твоя жена на рынке торгует, обменивая его на золото? Как этот кофе вообще у тебя оказался? Ты же должен был все продукты отправить в детские дома и больницы!

– Тихо, тихо! – Глазки у Кучумова забегали. – Ладно, майор, я всё понял. Надо было с тобой сразу договариваться, но и сейчас не поздно. Давай так: треть тебе. Это много, поверь. А теми продуктами всё равно всех не накормишь.

– Ты чего мелешь?! – начал закипать я. – Какая треть?!

– Да не ори ты так, майор, услышат, – прошипел Кучумов. – Хорошо, тебе половина. И учти, если попытаешься меня сдать, я скажу, что ты специально продукты в город привёз, чтобы здесь их выгодно продать, так что следом за мной пойдёшь.

– Ну ты и мразь!

Я со всей силы впечатал кулак в лощёную рожу интенданта. Кучумова отбросило на стену стоящей рядом сараюшки, по которой он сполз на землю. Нос у него был качественно свёрнут набок. Я

подскочил к нему и, подняв за грудки, начал методично, как из боксёрской груши, выбивать кулаками пыль из его рыхлой тушки.

– Ах ты гад! А ну отпусти!

Сильный удар сзади по спине едва не выбил из меня сознание. Я резко обернулся и увидел стоящую со здоровенным дрыном в руках жену Кучумова, ту самую спекулянтшу. Она вновь замахнулась, но я был быстрее. Уже не отдавая себе отчёта, я перехватил дрын и с силой дёрнул его на себя. Кучумовская жена, не выпуская своё оружие из рук, сделала шаг вперёд, но споткнулась и, с силой приложившись головой о камни, замерла.

Тут на меня налетели толпой, скрутили и оттащили в сторону. Что происходило на месте драки потом, я уже не видел.

В себя я пришёл в тесном, с маленьким зарешеченным окном под самым потолком помещении, похожем на камеру. Хотя почему «похожем»? Камера и есть. Твою ж!.. Вот какого ляда я полез выяснять отношения с этой мразью? Надо было идти прямиком к Данилину, и пусть бы дальше уже он занимался этим делом. Ну да будем надеяться, что во всём разберутся те, кому это по должности положено.

Меня не трогали двое суток. Дважды в день окошко в двери открывалось, и в него подавали тарелку с жиденькой похлёбкой и кружку с чуть тёплым, едва подкрашенным чаем.

Вечером второго дня меня под конвоем провели в какой-то кабинет. За столом с настольной лампой сидел человек в форме с малиновыми петлицами, одной шпалой в них и с эмблемой щита и двух перекрещивающихся мечей.

– Присаживайтесь, гражданин Копьёв, – показал он рукой на стоящий перед столом табурет. – Я военный юрист третьего ранга Агапкин, и я веду ваше дело.

– А меня что, уже воинского звания лишили, что вы обращаетесь ко мне «гражданин»? – спросил я, усаживаясь на табурет.

– Пока не лишили, но, учитывая все известные на сегодняшний день обстоятельства, это произойдёт очень и очень скоро.

Агапкин говорил без каких-либо эмоций. Он просто констатировал факт.

– И в чём же меня обвиняют? В том, что я отметелил эту мразь Кучумова?

– С гражданином Кучумовым как раз всё понятно. Он уже дал признательные показания. Также он сообщил, что был вашим подельником – реализовывал привезённые вами с Большой земли продукты и отдавал вам половину выручки. С этим мы ещё будем разбираться. Также вы обвиняетесь в убийстве гражданки Кучумовой Елизаветы Фоминичны.

Таким образом, вы обвиняетесь по статье сто тридцать шесть, пункт «г» Уголовного кодекса РСФСР – умышленное убийство, совершенное с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление. По ней вам грозит до десяти лет лишения свободы. Также по статье сто сорок два – умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа, неизгладимое обезображение лица, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со значительной потерей трудоспособности, – лишение свободы на срок до восьми лет.

По статье сто девяносто три восемнадцать – противозаконное насилие над гражданским населением, учинённое военнослужащими в военное время или при боевой обстановке, – влечет за собой применение мер социальной защиты в виде лишения свободы со строгой изоляцией не менее трёх лет, а при отягчающих обстоятельствах – высшую меру социальной защиты.

Ну, и за ваши спекуляции продовольствием, согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от десятого ноября тысяча девятьсот тридцать второго года, которые квалифицируются как «скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления», лишение свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества.

Так что, как видите, гражданин Копьёв, дела ваши плохи. Вы признаёте себя виновным в совершении указанных преступлений? Подумайте хорошенько, прежде чем отвечать. Чистосердечное признание зачтётся вам при вынесении приговора.

М-да, картина Репина «Приплыли». Вот влип так влип.

– Товарищ следователь… – начал я, но был сразу же прерван.

– Ко мне вы должны обращаться «гражданин следователь».

– Ну пусть будет так, – согласился я. Права качать в моём нынешнем положении глупо. – Гражданин следователь, в том, что

набил рожу этой гниде Кучумову, я сознаюсь. Там было за что, поверьте. Он продовольствие, которое мы приобрели за свои деньги для того, чтобы доставить в город и передать в детские дома и больницы, через свою жену продавал на рынке за золото. Я случайно увидел у хозяйки квартиры, где живут моя жена с дочерью, купленную у спекулянтов за золотые серёжки банку кофе из тех, что мы в последний раз привезли в Ленинград.

– А как вы определили, что это именно та банка кофе? Может, это из совершенно другой партии?

– Перед погрузкой техник опрокинул на коробку банку с красной краской. Потом, конечно, оттирали, но разводы всё равно остались. Вот по ним я и узнал банку.

Следователь быстро что-то записал в блокнот.

– Хорошо, продолжайте.

– Я забрал банку и поехал на аэродром, чтобы сообщить обо всём в особый отдел, а тут мне навстречу идёт и довольно лыбится эта мразь. Ну, я и не сдержался.

– С этим ещё будем разбираться. – Агапкин сделал ещё одну запись. – А что вы скажете по убийству гражданки Кучумовой?

– Да не убивал я её! – воскликнул я. В ту же секунду у меня за спиной открылась дверь, и следователь сделал кому-то успокаивающий жест. – Когда я этому Кучумову рожу рихтовал, она сзади подбежала и огрела меня по спине дубиной. Хорошо, по голове не попала. Хотела второй раз ударить, но я перехватил дубину и попытался вырвать у неё из рук. Видел только, как она споткнулась и упала. Потом меня скрутили и оттащили в сторону. Что там было дальше, я уже не видел.

– А вот гражданин Кучумов утверждает, что вы втянули его в спекуляцию продовольствием и заставили продавать продукты на рынке за золото, угрожая в случае отказа убить его супругу. Он испугался и пошёл у вас на поводу, втянув в преступный промысел свою жену. В этот раз вы, с его слов, потребовали отдать вам всё золото, которое было выменяно на продукты, но он пригрозил, что сообщит в органы. После этого вы набросились на него, стали жестоко избивать, а когда гражданка Кучумова бросилась на помощь мужу, то вы хладнокровно убили её, ударив тупым твёрдым предметом в висок. Что вы на это скажете?

Допрашивал меня следователь несколько часов. Нет, меня никто не бил, никто не унижал. Агапкин лишь задавал вопросы и пытался поймать на нестыковках. Потом меня отвели в камеру. Была уже глухая ночь.

Всю следующую неделю допросы шли ежедневно. В конце недели Агапкин встретил меня радостный, словно в лотерею выиграл.

– У меня для вас, гражданин Копьёв, хорошие новости. Мы опросили ваших подчинённых, и они подтвердили, что продовольствие было куплено на собранные средства. Также у вашего старшины оказались накладные о приёмке груза, выданные Кучумовым. Правда, в своих ведомостях он это никак не зафиксировал и продукты присвоил себе. Впрочем, бывший интендант Кучумов во всём признался, и уже расстрелян по приговору военного трибунала.

По убийству гражданки Кучумовой статья вам переквалифицирована на сто тридцать девятую – убийство по неосторожности, а равно убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны. По ней вам грозит до трёх лет лишения свободы либо принудительные работы на срок до одного года.

Уже в камере я задумался. Ну, в то, что меня расстреляют, я как-то не верил. Но и прохлаждаться в лагере или тюрьме, когда идёт война, я не собирался. Я не Солженицын, который решил, что в лагере значительно больше шансов уцелеть, чем на фронте в преддверии наступления, и просто таким образом дезертировал. Хотя, с другой стороны, можно отсидеть, а потом кричать на всех углах, что являешься жертвой репрессий кровавого сталинского режима. За бугром так вообще примут с распростёртыми объятиями, особенно если будешь ещё и лить потоки грязи на СССР. Глядишь, Нобелевскую премию дадут. Мира.

Что-то подумал об этом обо всём и аж затошнило. Ну уж нет. Я лучше на фронт, хотя бы и рядовым в пехоту.

На следующий день я попросил у Агапкина лист бумаги и написал, что признаю себя виновным в убийстве по неосторожности гражданки Кучумовой, раскаиваюсь и прошу отправить меня на фронт, чтобы кровью искупить свою вину.

А через день рано утром за мной в камеру пришёл конвой. Если честно, то сердечко слегка ёкнуло в груди. Меня посадили в кузов

тентованной полуторки, двое конвойных расположились там же, и меня куда-то повезли. Как оказалось, на Комендантский аэродром. Там пересадили в транспортный ПС-84 и всё так же под конвоем отправили в Москву.

В Москве доставили в Лефортовскую тюрьму и посадили в одиночную камеру. Сколько я там просидел, сказать сложно. В камере всегда был одинаково тусклый свет, и определить, день сейчас или ночь, было невозможно. Пайку через окошко в двери приносили всегда в разное время.

Один раз меня выводили на допрос, где следователь в грубой форме потребовал, чтобы я признался, что был завербован английской разведкой и вёл подрывную деятельность по их заданию. Мне было уже откровенно наплевать, и я просто и незамысловато послал его в пешее эротическое путешествие в старинный бельгийский городок, находящийся примерно в тридцати километрах юго-западнее Льежа[79]. Следователь меня не понял и только хлопал глазами в недоумении. При чём тут Бельгия и город Льеж? Ну да если захочет, то по карте посмотрит, куда именно я его послал.

Кстати, городок очень даже неплохой. Я, как истинный русский, в своё время не мог упустить возможность побывать в нём, благо соревнования по воздушной акробатике проходили неподалёку. Лично мне там понравилось. Симпатичный городок со множеством достопримечательностей.

Если честно, то я ожидал, что будут бить или оказывать какое-либо физическое воздействие. Однако ничего этого не произошло. Да и допросов больше никаких не было. Складывалось впечатление, что где-то *там* просто не знали, что со мной делать.

Ещё несколько бесконечно тянущихся дней, и состоялось заседание военного трибунала. Всё прошло вполне ожидаемо. Трибунал заседал недолго и вынес приговор: меня признали виновным по статье 139 УК РСФСР (убийство по неосторожности) и приговорили к принудительным работам на один год. Но, учитывая мои воинские заслуги, меня временно лишили воинского звания, изъяли все награды и направили в отдельную штрафную штурмовую эскадрилью Сталинградского фронта.

Странно только, что в штурмовую, а не в истребительную. Но права качать я не стал. Тут, как говорится, раз доктор сказал, в морг,

значит, в морг. Повоюем в штурмовиках. Вот только ни слова не было сказано о том, на какой срок меня туда отправляют. Насколько я знал, в ту же пехоту штрафников отправляли на срок не более трёх месяцев. Ну да на месте разберусь.

Глава 16
Штрафник

– Становись! Смирно! Слушать сюда! Я представитель особого отдела восьмой воздушной армии Сталинградского фронта капитан госбезопасности Голец.

Конец октября в этих местах, конечно, не то что гденибудь на Севере, но тоже не балует особым теплом, особенно если ты стоишь в строю, а очень даже свежий ветер пытается залезть тебе под куцую шинель.

Да уж. Как говорится, сходил за хлебушком. Это вам не двадцать первый век с его адвокатскими конторами в каждой подворотне и судебной тягомотиной, тянущейся по несколько лет. Тут пролетарский суд, суровый, но справедливый, работает быстро, а уж военный трибунал и подавно.

Таких горемык, как я, набралось общим числом пять душ: два лётчика и трое технарей. С нами сопровождающий от НКВД в звании лейтенанта. Ехали мы от Москвы до безымянного полустанка в волжской степи почти четверо суток. М-да, в своё время я от столицы до Волгограда на поезде доезжал в худшем случае за сутки, это если с остановками чуть ли не у каждого столба. Хорошо хоть ехали с некоторым комфортом.

Нашему сопровождающему, судя по всему, дали приказ доставить нас до определённого пункта, и крутись при этом как хочешь. Вот он и крутился. Договорился, пользуясь своими полномочиями, чтобы нас посадили в вагон, в котором на фронт везли тюки с сеном. С одной стороны, хорошо, что относительно мягко, а с другой – нельзя было пользоваться огнём в любом виде: то есть ни покурить, ни воду вскипятить. И если от запрета первого я, как некурящий, не страдал, то вот второе очень огорчило. Питаться всухомятку как-то не очень хотелось.

А ещё я сильно переживал за своих девчонок и мысленно ругал себя за свою несдержанность. Надеюсь, то, что произошло со мной, на них не отразится, да и ребята из эскадрильи не дадут им пропасть. Хуже всего было то, что я так и не успел оформить на Свету свой

денежный аттестат. Правда, не знаю, остался бы он действительным в связи с моей судимостью и отправкой в штрафную эскадрилью.

Похоже, сено на фронте было не самым необходимым грузом, поэтому мы подолгу стояли на станциях и полустанках, пропуская идущие к фронту эшелоны с техникой и личным составом и встречные санитарные поезда. Несколько раз наш вагон перецепляли к другим составам, но на скорости передвижения это никак не отразилось.

Зато появилась возможность разжиться на станциях кипятком, а пару раз и полноценным горячим обедом. Наш сопровождающий не строил из себя крутого начальника, а брал одного из штрафников-техников и с ним отправлялся на поиски «чего бы пожевать». Сам он также питался вместе с нами. Единственное, он просил нас не выходить из вагона. Да и куда мы пойдём, если все наши сопроводительные документы находятся у него в планшете, с которым он ни на секунду не расстаётся? Нам без документов дорога лишь до ближайшего патруля, а после опознания как штрафников – до ближайшей стенки.

Ну а на остановках лейтенант выводил из вагона страждущих, чтобы они могли всласть покурить, а заодно освободить от содержимого дальнего предка биотуалетов будущего, именуемого здесь неблагозвучным словом «параша».

Пока ехали до места назначения, успели перезнакомиться друг с другом. Ха, все как один раздолбай на раздолбае. Один техник, находясь в карауле, решил от скуки развлечься стрельбой по воробьям и пальнул из винтовки по пролетающему мимо птаху. Птичке-то ничего, а вот находящийся далее на линии огня склад авиабомб взлетел на воздух. И хорошо ещё никто не пострадал, да и боеприпасов на складе было немного, но для трибунала этого вполне хватило. От расстрела спасло лишь то, что спец он был, что называется, от бога и мог буквально оживить любой мотор.

Ещё один техник поленился профильтровать моторное масло, и в итоге у бомбардировщика вскоре после взлёта заклинило один из двигателей. Боевое задание было сорвано, а дальше трибунал и наша тёплая компания.

Третьим оказался оружейник, который позабыл заправить снарядную ленту в авиапушку. Я могу только представить, какими словами крыл его лётчик, оказавшийся в самой гуще воздушного боя

на практически безоружном истребителе. Как рассказывал сам виновник, сразу после приземления пилот выскочил из кабины и полчаса гонялся за ним по взлётному полю, паля из пистолета. Повезло, что мимо.

Мой коллега оказался лётчиком-штурмовиком. Капитан Котик. Фамилия у него такая. Отмечали чей-то день рождения, а тут команда на вылет. Ну, он, в дупель пьяный, мало того что на взлёт решил идти поперёк полосы, так ещё и въехал шасси своего «ильюшина» в канаву. В итоге шасси и винт в щепки, штурмовик выбыл из строя, а любителя застолий взяли под белы рученьки и отправили в штрафники.

Представился и я. Услышав мою фамилию, все на мгновение застыли, а Котик, подобрав упавшую челюсть, лишь смог произнести:

– Да ну нах…

Как я уже говорил, благодаря пропаганде, обо мне знали, наверное, все в Советском Союзе и очень многие в Англии и Америке. Рассказал без утайки, за что сюда попал. Проняло, по-моему, даже лейтенанта госбезопасности.

Как бы там ни было, но наша железнодорожно-фуражная эпопея закончилась. Высадились мы на одиноком полустанке и отправились к покосившейся будке в поисках попутного транспорта. Потом ещё больше часа тряслись в кузове полуторки, и вот наконец-то прибыли к месту то ли службы, то ли отбывания наказания.

Сопровождающий лейтенант сдал нас на руки в местный особый отдел, молча кивком попрощался с нами и отправился в обратный путь. По-моему, он нам даже завидовал. Мы будем бить врага, а ему предстояла дорога обратно в тыл. Ну да служба у него такая. Кто знает, может, и на его долю хватит военного лихолетья.

И вот мы стоим в нашем маленьком строю и слушаем, что нам вещает представитель особого отдела 8-й воздушной армии Сталинградского фронта капитан госбезопасности Голец.

– Вы все здесь потому, что совершили либо тяжкий проступок, либо преступление. – (В мой огород камень.) – Но Родина дала вам шанс искупить свою вину и вернуться в строй с честным именем. Для этого от вас требуется беспрекословное подчинение приказам командиров и качественное выполнение поставленных боевых задач. Запомните раз и навсегда: здесь нет такого понятия, как невозможность выполнить задачу. Отказ от выполнения боевого

задания – расстрел! Невыполнение по какой-либо причине боевого задания – расстрел!

Теперь что касается техников. Отказ техники по вашей вине, если он не привёл к каким-либо последствиям, наказывается пятью вылетами в качестве бортстрелка. В среднем стрелок живёт у нас три вылета. Так что думайте. Если отказ техники приведёт к более серьёзным последствиям, то либо расстрел, либо отправка на десять лет в лагерь.

Любые пререкания с командирами из числа постоянного состава[80] наказываются кабиной стрелка на пять вылетов. Это касается всех, включая пилотов. Забудьте, кем вы были раньше. Здесь и сейчас вы рядовые штрафной эскадрильи. Здесь для вас нет товарищей. Обращаться к командирам из постоянного состава либо «гражданин начальник», либо «гражданин» и далее по званию. И помните: я слежу за каждым вашим шагом, за каждым словом.

Затем к нам вышел наш непосредственный командир. А я стоял и, не отводя взгляда, смотрел на него. Командиром штрафной эскадрильи был не кто иной, как капитан Мартынов. Тот самый Сашка, которого я прикрывал в небе в сорок первом году, когда только-только осознал себя в этом времени. Сейчас он слегка прихрамывал на левую ногу.

Он меня тоже узнал и лишь слегка прикрыл глаза, как бы говоря: мол, всё потом.

– Ну, здорово, чертяка! – Мартынов крепко обнял меня. – Жив, бродяга! А я тут гадаю, ты это или не ты. В документах смотрю – твои фамилия и имя. Я же думал, это тёзка твой, а потом вышел и поначалу даже глазам не поверил. Ты как здесь оказался?

От такого напора я вначале даже опешил. Не успел ответить, как Мартынов обернулся к находившемся здесь же в блиндаже командирам:

– Вот, товарищи, знакомьтесь. Майор Копьёв, дважды Герой Советского Союза, больше сотни сбитых.

– Бывший майор, – бросил без всякой эмоции находящийся здесь же особист. Просто констатировал факт.

– Ты это, товарищ капитан, брось, – обернулся Мартынов к особотдельцу. – Илья меня в сорок первом прикрывал, от смерти спас,

один против десяти фрицев вышел и победил. Я просто уверен, это какая-то ошибка, что он оказался здесь.

– Да нет никакой ошибки, гражданин капитан. Осуждён по статье сто тридцать девять УК РСФСР – убийство по неосторожности. Должен был быть отправлен в лагерь на год, но не захотел отсиживаться на нарах, как дезертир какой, и попросился на фронт – искупить свою вину. Трибунал учёл мои заслуги и отправил сюда.

– Так, ты давай вот сюда садись и рассказывай всё подробно, – указал мне Мартынов на скамью. – Кстати, вот познакомься. Это комиссар эскадрильи Борейко Филипп Авдеевич, – кивнул он на сидящего сбоку стола худощавого мужчину с круглыми очками на лице. – Ну а капитана госбезопасности Гольца ты уже знаешь. Зовут его Яков Андреевич. Мужик он хоть строгий и суровый, но справедливый.

Особист едва заметно хмыкнул.

Ну я и рассказал всё как было без утайки.

– Подожди, майор, – подсел ближе Голец. – Получается, что, если верить тебе, та баба тебя первая ударила и хотела ударить второй раз, но ты перехватил дубину, и она от этого упала и ударилась головой, отчего и померла?

– Получается, что так, гражданин капитан. – Я сделал вид, что не заметил его обращения ко мне по моему теперь уже бывшему званию. – Только, кроме меня, этого никто подтвердить не может, свидетелей-то не было. Да я и сам виноват. Надо было в первую очередь в особый отдел идти, но я как эту рожу лоснящуюся и довольную увидел, у меня в голове все предохранители повыбивало. Это же Ленинград. Там иной раз на улице навстречу попадаются люди, истощённые, как скелеты, везущие за собой саночки с маленькими свёртками из простыней, в которые завёрнуты их умершие от голода дети. А эта мразь продукты, что мы привозили, воровал и за золото продавал. Да ещё и мне долю осмелился предложить. Вот я и не выдержал. Ну а раз такой несдержанный, то за это и буду отвечать.

Когда я говорил про истощённых людей в Ленинграде, заметил скептический взгляд комиссара. Подошёл к столу, на котором стояли две кружки с уже остывшим чаем и лежали несколько кусков хлеба. Примерно отломил на глаз сто двадцать пять граммов и отложил в сторону.

– Вот это суточная норма хлеба для детей и иждивенцев.

Положил сверху ещё столько же.

– А это суточная норма рабочего. И часто, кроме хлеба, больше есть нечего. Сейчас, конечно, нормы увеличили, но в городе ещё очень тяжело с продовольствием. А ещё учтите, что в этом хлебе вместе с мукой могут быть намешаны целлюлоза, обойная мучная пыль, отруби, солод, овёс с шелухой. – Я посмотрел на сидящих и заворожённо смотрящих на крохотные кусочки хлеба командиров. – Я когда эту харю сытую увидел, так просто взбесился. Даже про пистолет не вспомнил, а то бы просто шлёпнул гада прямо на месте.

– Знаешь, майор, – внимательно посмотрел мне в глаза особист, – а я тебя понимаю. Я и сам, наверное, не сдержался бы.

– А я вот чего не пойму. – Мартынов покрутил в пальцах карандаш. – Ты же истребитель. Почему тебя к нам, к штурмовикам, отправили, а не в истребительную штрафную эскадрилью? Тебя же переучивать надо. Ты на «илах»-то сможешь?

– Да мне как-то выбора никто не давал. Куда направили, там и буду воевать. А смогу ли… Есть мнение, что советский лётчик может летать на всём, что летает, а в некоторых случаях и на том, что летать в принципе не может. Так что не боись, гражданин начальник, смогу.

В блиндаже раздались сдержанные смешки.

– Ты вот что, Илья, давай, когда без лишних ушей, без этих вот «граждан». По имени-отчеству, если уж на то пошло. Ты как, Яков Андреевич, не будешь возражать?

Особист лишь молча махнул рукой.

Так началась моя служба в штрафной штурмовой эскадрилье. Самолёт мне выделили одноместный. Впрочем, половина машин были такими. На остальных кустарным способом оборудовали место для стрелка – кабину смерти. Брони здесь не было от слова «вообще», и стрелки гибли очень часто. Штурмовик при первом взгляде производил неизгладимое впечатление: весь в заплатках и пятнах от свежей краски.

Забравшись в кабину, я осмотрелся. Разница с тем «ильюшиным», на котором я летал в двадцать первом веке, всё же есть. Да и сама кабина, на мой взгляд, немного потеснее. Или мне это только кажется. Пошевелил педалями, ручкой управления, пробежался глазами по

приборам. Буду надеяться, что ты меня не подведёшь. Я любовно похлопал по верху приборной панели. Не подведи меня, нам с тобой летать долго.

Объяснили мне, почему срок нахождения в штрафной эскадрилье не указан. Отчисление из её состава происходит лишь по представлению командира дивизии, к которой она приписана, на основании количества и качества выполненных боевых вылетов, ну, или вследствие естественной, так сказать, убыли.

Потери среди штурмовиков вообще были большие, что уж говорить о штурмовиках-штрафниках, которых чаще других отправляли на боевые задания без истребительного прикрытия. Из двенадцати машин эскадрильи лишь три остались от прежней матчасти, остальные девять были переданы из других полков взамен выбывших. Понятно, что новые штурмовики шли в строевые части, а нам доставались уже побитые жизнью и противником машины.

Первый вылет на боевое задание состоялся уже на следующее утро. Предстояло нанести удар по зенитным батареям, прикрывающим обнаруженный разведкой склад. Следом за нами идёт строевой штурмовой полк, который и будет уничтожать сам склад, а мы расчищаем для них путь. Ну да, нас командованию не особо и жалко.

Получил карту, изучил маршрут. Я теперь левый ведомый четвёртого звена. Штурмовики здесь летают тройками. Командир звена – бывший старший лейтенант Роман Яковенко. Здесь оказался за трусость. При пересечении линии фронта попал под сильный зенитный огонь и не нашёл ничего лучшего, как вернуться на свой аэродром с неизрасходованным боекомплектом. Как только не побоялся садиться с подвешенными бомбами. От расстрела спас командир полка, походатайствовавший перед трибуналом о направлении в штрафники. Когда вчера меня ему представляли, он вдруг вытянулся по стойке смирно и первым вскинул ладонь к виску. Молча. Как нам уже было сказано, товарищей здесь нет.

Занимаю своё место в кабине и жду команды на взлёт. Двигатель «ила» уже прогрет и мерно молотит на холостых оборотах. Вот со стороны штаба в воздух взлетела зелёная ракета. Прибавляю газ и выруливаю вслед за ведущим на полосу. Мы взлетаем первыми. Это хорошо. Будет несколько лишних минут, чтобы хоть прочувствовать

машину, пока кружимся чуть в стороне от аэродрома, ожидая взлёта остальных штурмовиков.

Ну что сказать, утюг – он и есть утюг, хоть и с крыльями. Особенно для меня, истребителя. Обзор из кабины тоже, как говорится, не айс, особенно назад: там его попросту нет. Радовало вооружение. Две 23-миллиметровые пушки ВЯ, две 20-миллиметровые пушки ШВАК и два 7,62-миллиме-тровых пулемёта, восемь ракет РС-82 или РС-132. Плюс до шестисот килограммов авиабомб. Правда, больше четырёхсот килограммов брали очень редко. Вот и сейчас под брюхом моего штурмовика шесть бомб ФАБ-50. Опыт бомбометания у меня хоть и небольшой, но имеется, так что, надеюсь, справлюсь.

Наше звено заходит на цель первым. Мы должны по максимуму вызвать на себя огонь зениток. Соседний полк пытался нанести удар по этим складам, но понёс большие потери, а задачу так и не выполнил. И вот тогда командование решило бросить туда штрафников, то есть нас. Обещали дать в прикрытие истребители, но это неточно.

Линию фронта пересекли на малой высоте на предельной скорости. Почему-то не удивило, что идём одни, без истребителей. Перед целью набрали тысячу метров – блин, как же долго он взбирается на такую высоту. Навстречу потянулись трассеры немецких скорострельных зениток. И было их просто до одури много.

– Ольха-два, атакуй зенитную батарею, ориентир четыре! Ольха-три, твои зенитки левее ориентира шесть! Я по центру! Работаем! – раздаёт указания ведущий.

Ольха-2 – это я. Высматриваю назначенную мне цель. Вот они, родимые, лупят в белый свет как в копеечку. Хотя почему в белый свет? Лупят они по мне, и довольно активно. Надо эту их активность поубавить. Доворачиваю нос в сторону фрицев и выпускаю два РС. Две дымные стрелы полетели в сторону фрицев. Выпускаю ещё два РС и добавляю из пушек и пулемётов. На выходе сбрасываю парочку ФАБ.

На развороте осмотрелся. На месте атакованной мной зенитной батареи тишь и благодать. Вот тут как раз тот случай, когда низкая кучность РС – это благо. Зацепило всех, да ещё и бомбы попали точно.

Чуть в стороне так же выходил из атаки ведущий. В его сторону тянулись трассеры, но, по счастью, мимо. А вот Ольха-3 внезапно как-

то весь вспух и разлетелся на куски. Прямое попадание, и, скорее всего, ещё и свои бомбы детонировали. Ну, суки, вы сами напросились!

Не обращая внимания на обстрел, захожу на цель. Вот они, пара немецких 88-миллиметровых зениток, бьют в сторону подходящей основной группы штурмовиков. Прицеливаюсь и бью оставшимися РС. Чуть в стороне ведущий так же атакует следующую цель. Повторяю на выходе финт с бомбами, и вот тут мне крупно повезло. Очевидно, одна из бомб угодила в снарядный погреб, потому что тряхнуло меня неслабо.

– Внимание! Атакуем!

Это основная группа заходит на цель. И тут же в наушниках раздаётся:

– Внимание! Истребители противника!

Осматриваюсь по сторонам и вижу вдалеке тёмные точки. Вот и злые фрицы пожаловали на лёгкую, как им кажется, добычу. Ну, это им только кажется. Истребитель я или погулять вышел? Закладываю насколько возможно крутой вираж, сбрасываю оставшиеся две бомбы на подвернувшийся броневик и иду навстречу немцам.

– Внимание, – опять ведущий группы, – все в круг! Ольха-два, вернуться в строй!

Непременно вернусь, но чуть позже. На пределе дальности стрельбы беру на прицел один из «мессеров» и бью короткой очередью из 23-миллиметровых пушек. Не дожидаясь результата, чуть доворачиваю, ловлю в прицел следующего и жму на гашетку. Уже на развороте вижу, как с неба к земле тянутся два чёрных дымных шлейфа. Значит, попал.

– Ну ни хрена себе, – раздаётся в эфире чей-то голос, а я занимаю своё место в оборонительном круге, в который встали штурмовики.

Немцы, обескураженные мгновенной потерей двух своих камрадов, решили не атаковать ненормальных русских и отвернули в сторону, хотя и далеко не ушли.

На одном из витков круга в прицел вновь попадает вражеский самолёт. Ну не буду же я просто так круги нарезать. Опять жму на гашетку. Раздаётся короткая очередь, и пушки ВЯ смолкают. Всё, кина не будет, электричество кончилось, то есть снаряды. Впрочем, и те, что

были, не ушли в молоко. Ещё один фриц, лишившись крыла, закувыркался к земле.

Окончательно деморализованные немцы порскнули в разные стороны, но в основном туда, откуда прилетели. Под это дело и мы потянулись на свой аэродром. А навстречу уже шли к цели штурмовики соседнего полка под прикрытием истребителей. Я чуть подотстал, чтобы в случае чего прикрыть своих, хотя бы отпугнуть наглых немцев.

Ко мне чуть сзади и сбоку пристроился «ил» Яковенко. Так, стоп. Это моё место ведомого, а он должен идти впереди. Поравнялся с самолётом Романа и жестом показал ему, чтобы шёл вперёд. В ответ он лишь покачал головой. Так и шли с ним до самой линии фронта: я ведущим, он ведомым. Немцы нас не преследовали.

Уже на подходе к передовой заметил, как основная группа начала заходить на немецкие позиции, поливая их из всех стволов.

– Со снарядами возвращаться нельзя, – пояснил по рации Яковенко. – Так что ищи цель и добивай то, что у тебя осталось.

Блин, а дальше что, пустым идти? А если «мессеры»? Они же нас пожгут всех как в тире. Но со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Потом поговорю с Мартыновым на эту тему, а пока замечаю чуть в стороне миномётную батарею и расстреливаю по ней все патроны, что остались. Думаю, немцам будет достаточно.

На аэродром садились последними. Зарулил на стоянку и только сейчас обратил внимание, что я весь насквозь мокрый, включая зимний комбинезон. Винт замер неподвижно, а я, устало откинувшись на бронеспинку, сдвинул фонарь назад и снял с головы мокрый шлемофон. Пот тёк с головы в три ручья.

– Товарищ майор, вы как? – заглянул в кабину взволнованный механик.

– Сдурел? Смотри, Голец услышит или узнает, он тебе и «товарища», и «майора» покажет во всю широту своей души.

– Так я же уважительно, – ничуть не обиделся механик. – Вон как вас потрепало, – кивнул он куда-то в сторону.

Я выбрался из кабины и буквально офонарел. Фюзеляж и крылья в нескольких местах обзавелись пробоинами, а я в бою и не почувствовал попаданий.

Не успел я спрыгнуть с крыла на землю, как к самолёту подбежали остальные лётчики. Мне все плечи и спину обхлопали.

– Что здесь происходит?

Из-за хвоста моего штурмовика вышли Мартынов и Голец.

– Гражданин капитан! – вышел вперёд командир первого звена, тоже в прошлом майор, Егоров. – Задание выполнено, склады уничтожены. В ходе выполнения боевого задания погиб лейтенант Григорович.

Мёртвых можно не бояться называть по званию, они уже искупили свою вину кровью.

– Это точно? – вмешался Голец. – Вы лично видели его гибель? Есть ли вероятность, что он выжил?

– Все видели, гражданин капитан госбезопасности, – ответил Егоров. – Шансов на то, что он выжил, нет. Прямое попадание зенитного крупнокалиберного снаряда и детонация своих бомб.

– Ясно. Изложите потом всё письменно в рапорте. А здесь зачем собрались?

В этот момент к Мартынову подскочил старший техник.

– Товарищ капитан, – (ему можно так обращаться, он из постоянного состава), – все самолёты проверены, БК отстрелян полностью.

– Принято, – кивнул Мартынов. – Свободны. Есть ещё что-то? – это уже Егорову.

– Так точно! При выполнении задачи была попытка немецких истребителей атаковать нас. Пилот Копьёв точным огнём сбил вначале два «мессера», а потом, когда мы встали в оборонительный круг, сбил ещё одного. Немцы от атаки отказались.

– Свидетели есть? – опять спросил Голец.

– Только мы. Может, ещё из строевого полка видели. Или если потом собьют кого из немцев, через них подтвердят.

Уже когда расходились, Голец хмыкнул чуть слышно:

– Истребитель.

В этот день мы совершили ещё два боевых вылета на штурмовку позиций немцев. Мне наскоро залатали пробоины, и я поучаствовал в них. Отработали спокойно, а в последний вылет так и вообще под прикрытием звена истребителей.

Вечером выбрал момент и поговорил с Мартыновым по поводу боекомплекта. Попросил разрешения оставлять себе немного, чтобы в случае чего можно было отбиться от немецких охотников. Мартынов, в свою очередь, переговорил с Гольцом, и мне дали добро.

Девятнадцатого ноября 1942 года началось наступление Красной армии. Операция «Уран» шла полным ходом. Мы активно участвовали в ней, нанося удары по немецким позициям, артиллерийским батареям и танкам. Двадцать третьего числа в района Калача замкнули кольцо, отрезав немецкую 6-ю армию от основных сил.

Нам изменили штатное расписание, и теперь мы летали парами. Я стал ведущим, а Роман Яковенко – моим ведомым. Мы ходили буквально по головам немцев, румын и итальянцев, выискивая и уничтожая всё, что было похоже на склады, скопления живой силы и техники противника. Наносили бомбоштурмовые удары по немецким аэродромам внутри кольца окружения.

Выработали свою тактику. Наша пара атаковала первой, и я с дальней дистанции расстреливал зенитки немцев. Выпустив все РС и отбомбившись, мы набирали высоту и сверху прикрывали своих товарищей. Пару раз удалось сбить подвернувшиеся под горячую руку немецкие транспортные Ю-52.

В первый раз, когда штурмовали аэродром в Басаргино и мы, отбомбившись, пошли в набор высоты, нам навстречу из облаков неожиданно вывалились три «юнкерса». Я чисто на рефлексах нажал на гашетки и… ослеп. Транспортник вдруг превратился в ослепительную вспышку: похоже, вёз горючее. Проморгавшись, я развернулся, и мы с Ромкой сожгли и два оставшихся «юнкерса». Второй раз завалили пару только что взлетевших и набирающих высоту фрицев.

Накануне нового, 1943 года возвращались с боевого задания. Мы с Яковенко, как всегда, шли чуть выше и в стороне. Только пересекли линию фронта, как обнаружили километрах в трёх от нас идущую в нашем направлении группу самолётов. Приблизившись, я хорошо их рассмотрел. Немецкие пикировщики Ю-87, восемь штук, почти полный штаффель. Идут как на параде и без истребительного прикрытия. Ну, это уже наглость, и от неё надо лечить. Хирургически.

Даю Ромке команду «Делай как я» и выпускаю шасси. У нас этот приём называется «обуть лапти». Так Ил-2 становится визуально похожим на немецкий «лаптёжник». Сблизились с замыкающими самолётами противника и открыли огонь. По-моему немцы сразу и не поняли, кто их убивает. Два «юнкерса» пошли в своё последнее пике, а мы, убрав шасси, атаковали следующих. Сбили ещё по одному, прежде чем немцы опомнились и, сбросив в чистое поле свой груз, перевернулись через крыло и сорвались вниз, удирая от нас. Преследовать их мы не стали: топлива осталось маловато для этого.

А на следующий день за мной пришли.

Меня вызвали в штабную землянку. Подходя к ней, я увидел, что рядом стоит выкрашенная извёсткой в белый цвет «эмка». Похоже, кого-то принесло к нам.

Войдя в землянку, увидел, помимо находившихся там Мартынова и Гольца, ещё одного гостя с петлицами майора госбезопасности.

– Гражданин капитан, рядовой Копьёв по вашему приказанию прибыл, – при постороннем по всей форме доложился я.

– Вы ведь раньше были майором, рядовой Копьёв?

Гость смотрел на меня так, словно пытался взглядом прожечь дыру.

– Да, был, гражданин майор.

– И летали на истребителях?

– Да.

– Тогда почему вас отправили отбывать наказание сюда, а не в истребительную часть?

– Этого я не знаю, гражданин майор. Куда направили, там и воюю.

– И хорошо воюете?

– Рядовой Копьёв за время нахождения в составе эскадрильи зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны, – вмешался в разговор Мартынов. – Дисциплинирован, в бою действует смело и умело. На штурмовике сбил семь вражеских самолётов, в том числе три истребителя. Командованию направлено ходатайство об освобождении рядового Копьёва как искупившего вину своими действиями.

– Вы вчера сбивали немецкие самолёты, гражданин Копьёв? Расскажите, как это произошло.

– Возвращался с ведомым с боевого задания и обнаружил идущих к нам в тыл немецких пикировщиков. Принял решение атаковать их и заставить сбросить бомбы в поле. В результате сбил два Ю-87, и столько же сбил ведомый.

Остальные немцы сбросили бомбы и повернули назад. Преследовать возможности не было, так как топливо было на исходе.

– Вы знали, что находится под вами?

Взгляд майора стал подобен стальному клинку.

– Нет. Видел только какие-то строения, несколько автомашин и больше ничего.

– Ну что же, можете идти, гражданин Копьёв.

Я развернулся и вышел. И к чему были все эти расспросы? Ёжась от пронизывающего ветра, отправился к себе в землянку. Сегодня завьюжило, и полётов не будет.

Примерно через час меня снова позвали в штаб. Гость уже уехал. За столом сидели лишь Мартынов, комиссар и Голец.

– М-да, заварил ты кашу, майор.

Голец встал, подошёл к висящей на потолке керосиновой лампе, приподнял стеклянную колбу и прикурил.

– А что случилось-то?

Я вообще не понимал, что происходит.

– Сбитый тобой «юнкерс» упал прямиком на блиндаж, в котором в тот момент находился член Военного совета фронта Хрущёв. Все, кто там был, погибли. Так что пока идёт разбирательство, приказано тебя от полётов отстранить и взять под стражу. А так как гауптвахты у нас нет, то будем считать, что под стражей ты будешь находиться в своей землянке. Так что сиди там и не высовывайся.

Я шёл к себе и мысленно офигевал. Нет, я, конечно, понимал, что своим появлением здесь, в этом времени, уже изменил ход истории. Это было заметно во время обороны Москвы, плюс уничтоженный Манштейн. Но тут уже совсем другое дело. Как там было? Бабочка Брэдбери? А тут я не бабочку, тут я целого птеродактиля затоптал. Хотя я и бабочек этих перетоптал уже более чем достаточно. Теперь уже точно можно быть уверенным, что ход истории изменится. И бог весть, куда она теперь вывернет.

Под стражей меня продержали неделю. Всё по-честному, даже часовой у входа в землянку стоял. А через неделю Мартынов сказал,

что хватит мне разлёживаться, пора и честь знать. А значит, вперёд, на вылет.

Вновь начались боевые будни. Следующие две недели слились в каком-то калейдоскопе. Мы летали почти без перерыва, уничтожая немецкие танки, пытающиеся прорваться к окружённой в Сталинградском котле 6-й армии под командованием Паулюса. Не знаю, кто командовал немцами вместо Манштейна, но дрались они отчаянно и пёрли напролом.

А мы несли потери. Из того состава, что был на момент моего прибытия в эскадрилью, остались лишь четыре пилота: я, Котик, Яковенко и бывший лейтенант Мамчур. Последний был просто безбашенный, прилагая все силы, чтобы вернуться обратно в строевую часть. Из тех, кто выбыл, лишь один был отчислен из состава штрафной эскадрильи как искупивший свою вину успешными боевыми вылетами. Остальные семеро погибли. Но свято место пусто не бывает, и вместо них присылали новых залётчиков. Круговорот штрафников в природе, вернее, на фронте.

Двенадцатого января 1943 года пришло радостное сообщение о прорыве накануне блокады Ленинграда[81]. Войска Ленинградского и Волховского фронтов полностью освободили южный берег Ладожского озера и выбили немцев из Шлиссельбурга. У Ленинграда появилась сухопутная связь с остальной страной. И пусть пробитый с таким трудом коридор составляет в ширину лишь восемь-десять километров, но я-то знал, что уже через считаные дни там будет проложена железнодорожная ветка, по которой под постоянным артобстрелом в измученный город пойдут эшелоны с продовольствием.

Эх, как там мой девочки? Соскучился неимоверно. И писем нам, штрафникам, ни писать, ни получать не положено.

Вернувшись из очередного вылета, я кое-как выбрался из кабины и лишь присвистнул, увидев здоровенные рваные пробоины на крыльях и сзади в фюзеляже. Потрепали нас немецкие зенитки, как Тузик грелку.

– Товарищ майор! Вас срочно вызывают в штаб! – молодцевато вскинул ладонь к шапке подбежавший адъютант командира эскадрильи, из постоянного состава.

– Ты какой белены объелся, так меня называя? – лениво спросил я.

Сил не было даже просто думать. Хотелось рухнуть прямо в снег и там затаиться в обмороке. Часа по четыре на каждый глаз.

– Ну, как мне приказали, так я и передал, – расплываясь в улыбке, ответил адъютант в звании младшего лейтенанта.

Какая-то искорка шевельнулась в груди, и я отправился вслед за своим провожатым.

В землянке, неожиданно для меня, находился уже знакомый мне майор госбезопасности. Стоило мне войти, как Мартынов, а вместе с ним и все остальные, встали.

– Товарищ гвардии майор! – Командир эскадрильи надел шапку и приложил ладонь к виску. – Разрешите поздравить вас со снятием судимости и возвращением воинского звания и всех наград.

Комок подкатил к горлу, а в углу глаза что-то предательски защипало. Я медленно поднял раскрытую правую ладонь в ответном воинском приветствии и, кашлянув, чтобы сбить комок в горле, хрипло произнёс:

– Спасибо, товарищи! Служу Советскому Союзу!

Ну а потом, когда Мартынов помог мне закрепить майорские петлицы (награды ждут меня в Москве в штабе ВВС), приехавший майор, представившийся как Гольдберг Ефим Абрамович, рассказал мне интересную историю.

Началось всё с того, что его заинтересовало, почему лётчика-истребителя вдруг отправили в штурмовую штрафную эскадрилью. Гольдберг начал наводить справки, и тут вскрылась очень интересная история.

– Вы, товарищ майор, знакомы с капитаном Тарченко Иваном Яковлевичем?

– Впервые слышу о таком, – удивился я.

– И не помните о нём? Когда он был ещё в звании лейтенанта и служил в штабе авиадивизии, в которой вы начинали службу?

Я напряг память, но так и не смог вспомнить, о чём и сказал.

– А вот он вас запомнил, – усмехнулся майор. – Вы ему знатного леща отвесили в курилке у штаба. Помните этот случай?

И я вспомнил. Лейтенант, который наехал на меня за нарушение формы одежды, когда я с перевязанной головой ждал у штаба Гайдара.

– Ну, вижу, вы тоже вспомнили. Ну так вот, этот лейтенант двигался по служебной лестнице и в конечном счёте стал капитаном и начальником одного из отделов в управлении кадров ВВС РККА. И когда ему на стол попало ваше личное дело с направлением в штрафную эскадрилью, он изменил истребительную на штурмовую. Такая вот мелочная месть с его стороны. За совершённый подлог капитан разжалован в рядовые и отправлен в штрафную роту.

А потом в штабе ВВС решили ходатайствовать о пересмотре моего дела. Это поручили всё тому же Гольдбергу, раз уж он взялся. Майор отправился в Ленинград, чтобы восстановить всю картину. Оказывается, свидетель моей драки с интендантом и его женой всё же был. Им оказалась военфельдшер, которая как раз в тот момент проезжала мимо в санитарном автобусе. Она прекрасно видела, как женщина со всего размаха ударила военного палкой по голове и размахнулась во второй раз, но военный успел перехватить её оружие, отчего она упала и больше не встала.

Сразу она рассказать о случившемся не могла, так как ей пришлось сопровождать раненых на Большую землю, да и видела она, как к месту происшествия сбежались люди. А когда вернулась, то уже и забыла обо всём. Однако, когда майор начал опрашивать свидетелей, она об этом узнала и сама к нему пришла и всё рассказала. Таким образом, получалось, что смерть Кучумовой произошла вследствие несчастного случая, и меня признали невиновным.

А я слушал и поражался. Две! Две недели потребовалось на то, чтобы провести расследование. И это без всяких компьютеров, баз данных, просмотров записей камер видеонаблюдения и прочего. А ведь пришлось мотаться от Сталинграда до Москвы, потом в Ленинград и обратно в Сталинград. Вот вам и технический прогресс двадцать первого века.

Стоило лишь особисту закончить свой рассказ, как затрещал стоящий в углу телефонный аппарат.

– Капитан Мартынов у аппарата. Так точно, товарищ полковник. – Мартынов какое-то время слушал, что ему говорят. – Слушаюсь, товарищ полковник. Приказ понял.

Мартынов положил трубку и повернулся к нам.

– Из штаба армии приказали прекратить нанесение ударов по немецким войскам внутри кольца окружения. Фельдмаршал Паулюс

отдал приказ вверенным ему войскам прекратить огонь и капитулировать и сам сдался в плен.

На следующий день утром я уже собирался ехать в особый отдел Сталинградского фронта, чтобы получить там документы, когда внезапно объявили построение. В эскадрилью приехал представитель командования 8-й воздушной армии, к которой мы относились, в звании полковника. Он зачитал приказ командующего армией, в котором говорилось, что за умелые действия, за мужество и героизм всему переменному личному составу эскадрильи, который находится здесь месяц и больше, объявлена амнистия. Это касается как лётчиков, так и технического персонала.

С этим полковником я и доехал до штаба фронта, где находился особый отдел.

Глава 17
Немного дипломатии

До Москвы я добрался значительно быстрее, чем совсем недавно до Сталинграда. Можно сказать, с комфортом – первым классом. Повезло, что тут скажешь. Пока разыскивал особый отдел, в коридоре буквально столкнулся с уже генерал-полковником Новиковым, осуществляющим общее руководство силами авиации в ходе Сталинградской битвы.

– А, вот ты где! – Видно было, что главком в отличном настроении. – Слышал о тебе. Как же ты так-то?

Я лишь руками молча развёл. А что тут скажешь, если сам дурак?

– Ну, я вижу, всё благополучно закончилось. Давай, улаживай здесь все дела и со мной в Москву полетишь. Работы предстоит много, так что раскачиваться времени нет.

Новиков летел в Москву на доклад о действиях авиации в ходе проведённой операции. Вот так я и оказался в пассажирском Ли-2 вместе с главкомом ВВС. Да не в простом Ли-2, а в варианте штабного самолёта-салона. В передней части салона были установлены мягкие кресла, в которых пассажиры сидели лицом друг к другу, а между ними находился стол. Затем перегородка делила салон на две части, задняя из которых была как у обычного пассажирского самолёта с обычными креслами.

Я устроился в самом хвосте, рядом с гальюном (да, в этом самолёте было предусмотрено даже это), и уже задремал, когда моего плеча коснулся капитан, адъютант командующего.

– Товарищ майор, пройдите к товарищу генерал-полковнику.

Новиков сидел в самом начале салона и что-то изучал в бумагах. Когда я подошёл, он отложил документы на стол.

– Присаживайся, майор, поговорим. Есть у меня к тебе одно предложение, – продолжил он, когда я сел напротив. – Ты как смотришь на то, чтобы пойти на полк? Ты с опытом, и авторитет у тебя в авиации большой. Полк только начали формировать, так что я дам тебе возможность самому отбирать лётчиков. Планируем оснастить его истребителями Ла-5. Ну и в звании, естественно, повысим.

Да, соблазн был велик. Вот только командир полка летает гораздо меньше, чем я сейчас. Да и прикипел я уже к эскадрилье, о чём и сказал командующему.

– Вы извините, товарищ генерал-полковник, но я хотел бы вернуться в эскадрилью, пусть даже простым пилотом. Мы же там как одна семья.

– Вы там не семья, а шайка какая-то, – слегка раздражённо произнёс Новиков. Было видно, что он остался не совсем довольным моим ответом. – Твой заместитель капитан Шилов категорически отказался занять должность командира эскадрильи, согласился только на исполняющего обязанности, пока ты не вернёшься. Хотели со стороны туда человека поставить, так твои архаровцы чуть ли не бунт устроили. Каждый день мне на стол клали рапорты от них с требованием пересмотреть твоё дело. Твой комиссар всё политуправление на уши поставил, требуя разобраться и вернуть тебя в строй. Эх, ладно, будь по-твоему. Вернёшься на свою должность. Но учти, если бы оттуда, – он ткнул пальцем вверх, – не было команды не давить на тебя сильно, то пошёл бы ты у меня командовать полком как миленький.

В Ленинград меня подбросили также на транспортном самолёте, Новиков поспособствовал. Комфорт, конечно, не такой, как в самолёте командующего, но я готов был хоть сидя на крыле лететь в Ленинград, где остались мои любимые девочки и мои боевые товарищи. В штабе ВВС удалось приодеться у вещевиков. Моя форма рядового состава, мягко говоря, не соответствовала званию, да и поистрепалась уже. Заодно и погоны получил, в соответствии с приказом НКО № 25 от 15 февраля 1943 года. Дефицит страшный, но мне, так сказать, из уважения, «по блату», выдали.

По прилёте первым делом отправился в штаб 13-й воздушной армии, где довольно долго пообщался с начальником штаба полковником Алексеевым. Задача нашей эскадрилье была поставлена ещё в Москве – прикрыть с воздуха сухопутный коридор вдоль южного берега Ладожского озера. Немцы остервенело бомбили и обстреливали эту узкую полоску земли, связывающую Ленинград с Большой землёй. С Александром Николаевичем согласовали вопросы взаимодействия, и я, выпросив машину, поехал в расположение эскадрильи. И как бы мне ни хотелось заехать по одному адресу, но дело в первую очередь.

М-да, картина Репина «Не ждали». Нет, ведь действительно не ждали. На аэродроме царила обычная суета. Кто-то взлетал, кто-то садился, где-то ревел на повышенных оборотах авиационный двигатель. Вот, положив на плечо снеговые лопаты, неровным строем прошла группа бойцов из БАО. В общем, обычная работа.

Я выбрался из авто, прихватив лежащий на заднем сиденье вещмешок, в котором соблазнительно позвякивали несколько бутылок отличного коньяка. Ну не с пустыми же руками было ехать. Штабная «эмка», обдав меня напоследок выхлопом, резво стартанула обратно, а я полной грудью вдохнул ставший уже родным питерский воздух.

Проходящий мимо Кузьмич не глядя козырнул и пошёл дальше. Сделав несколько шагов, он начал замедляться, пока совсем не остановился. Ме-е-едленно развернулся в мою сторону. Секунда какой-то растерянности, потом глаза его сощурились, а рот растянулся в счастливой улыбке. Молча он подошёл ко мне и крепко обнял.

– А я ведь знал, что ты вернёшься, – с каким-то всхлипом произнёс Федянин и, отвернувшись, смахнул что-то с глаз.

– Да куда ж я денусь-то? – У меня у самого глаза предательски защипало. – Как вы тут без меня? Не шалили? Моих давно навещали?

– Тут это, Илья… – замялся старшина, – твоих в эвакуацию отправили. Примерно через месяц после того, как тебя… ну, это самое… Аркадий в курсе, где они сейчас.

А потом Кузьмич обернулся и зычным голосом, перекрывая шум аэродрома, прокричал:

– Братва! Командир вернулся!

Встретили меня тепло. Вначале, уже традиционно, пытались запустить командира на орбиту, так сказать, в ручном режиме, потом я принимал дела у своего заместителя, ну а вечером в столовой выпили по сто грамм коньяка за моё возвращение. Тему моего нахождения в штрафной эскадрилье тактично обходили стороной. За время моего отсутствия, слава богу, потерь не было, хотя бывало, что и возвращались на аэродром, изрядно нахватав плюх в виде дырок в фюзеляже и плоскостях.

Чуть позже поговорил с Гайдаром и Данилиным. Им рассказал о том, как воевал в сталинградском небе. Заодно узнал и о Светлане с Катей. Их эвакуировали на Южный Урал, в Башкирию, в город

Белорецк. Света уже устроилась на металлургический завод в машинописное бюро. Аркадий дал ей свой домашний адрес, и на него она и написала, а супруга Гайдара уже переслала письмо сюда.

Я, едва выдалась свободная минута, тут же засел писать письмо своим жене и дочке. Из штрафной эскадрильи, понятное дело, писем отправлять было нельзя. Не сильно вдаваясь в подробности, я написал, что всё разрешилось благополучно, я опять в строю, и, естественно, что соскучился по ним и сильно их люблю.

На следующий день с самого утра я с ведомым совместно с третьим звеном вылетел на прикрытие коридора. Набрали высоту в четыре тысячи метров и прошли вдоль береговой линии. Было хорошо видно, как внизу почти у самой ленты железной дороги встают султаны разрывов артиллерийских снарядов. Ну что же, придётся вплотную заняться и немецкой артиллерией.

Вскоре район над коридором стал для немецкой авиации чёрной дырой, из которой возврата не было. Мы устроили своеобразный конвейер: одно звено постоянно находилось в воздухе. Немецкие наблюдатели уже традиционно орали в эфир «Achtung! Rote Flugel im Himmel!», а наши заметили, что, когда над коридором висят истребители с красными оконечностями крыльев, немецкая авиация предпочитает не показываться вблизи. В нашем присутствии старались прогнать по железнодорожной ветке как можно больше составов.

Оставалась проблема с артиллерией: немцы старались компенсировать отсутствие авиации интенсивными артобстрелами. Мы вновь занялись охотой за артиллерийскими батареями немцев.

Тактика была следующая. Мы находили позиции артиллерии и наносили первый удар. Бомбили и расстреливали в основном зенитки прикрытия. Одновременно сообщали дежурившим на аэродроме в полной готовности штурмовикам координаты цели, и те уже довершали разгром. Всё дело в том, что мы, как свободные охотники, имели возможность самостоятельно выбирать цели, а вот те же штурмовики наносили удары лишь по уже разведанным объектам. Таким образом, мы за две недели совместно уничтожили немецкие дальнобойные батареи у посёлков Михайловский и Келколово. Досталось и полевой артиллерии немцев. Мгу мы обходили стороной: там зениток было как блох на бобике.

Двадцать четвёртого марта скромно отметил свой день рождения. Моему новому телу в этот день исполнилось двадцать четыре года. Вечером посидели в столовой, выпили по сто грамм. От всей эскадрильи мне подарили шикарные наручные часы с поздравительной гравировкой на задней крышке.

В середине апреля пришёл приказ сдать материальную часть в ведение 13-й воздушной армии, а самим прибыть в полном составе в Москву. Для этого нам, помимо нашей «дуси», выделили ещё один транспортник – Ли-2. Как ни жалко было расставаться со своими машинами, верно служившими нам, но приказ есть приказ.

В Москве сели на Центральный аэродром. Не успел самолёт зарулить на стоянку, как к нему подъехала чёрная «эмка». Где-то в глубине души неприятно ёкнуло: неужели за мной? Так вроде косяков за мной нет.

Как оказалось, приехали именно по мою душу. Однако арестовывать меня никто не собирался. Уже знакомый мне капитан, адъютант Новикова, приехал за мной по распоряжению своего начальника.

В кабинете генерал-полковник Новиков придирчиво осмотрел меня и, буркнув что-то типа «сойдёт», приказал следовать за ним. Теперь уже на машине командующего в довольно резвом темпе поехали в сторону Кремля. Я только вздохнул про себя, догадываясь, на встречу с кем меня везут. Вот не знаю, что там в книгах чувствовали все эти попаданцы, а я предпочитал руководствоваться старой солдатской мудростью и быть подальше от начальства и поближе к кухне.

Сталин встретил нас приветливо. Если честно, то я ожидал, что он начнёт выговаривать мне за мой залёт, однако Верховный ни словом об этом не обмолвился. Он расспрашивал о положении в Ленинграде, о настроении людей как в городе, так и в эскадрилье. Подробно расспрашивал о том, как вела себя техника.

– У меня есть для вас, товарищ Копьёв, одно поручение. Среди союзников кто-то распространил слух о том, что вы были арестованы и расстреляны. Посол Великобритании в СССР Арчибальд Кларк Керр в беседе с наркомом иностранных дел товарищем Молотовым интересовался вами. А буквально неделю назад глава британской

военной миссии генерал-лейтенант Мартель спрашивал о вас у меня. Послезавтра, двадцать первого апреля в посольстве Великобритании в Куйбышеве будет торжественный приём в честь дня рождения принцессы Елизаветы[82]. Вам надлежит посетить это мероприятие, тем более что на ваше имя в наркомат иностранных дел пришло приглашение. Так что вылетайте в Куйбышев сегодня же. Я надеюсь на вас, товарищ Копьёв. Кстати, сколько у вас на сегодняшний день сбитых на счету?

– Сто тридцать девять, товарищ Сталин.

– Мне доложили, что в Сталинграде вы воевали на штурмовике Ил-2 и смогли сбить ещё одиннадцать самолётов противника. Вы их тоже посчитали?

– Я воевал в составе штрафной штурмовой эскадрильи, а там сбитые в личный счёт не засчитываются.

– Но с вас же, насколько я знаю, сняли все обвинения. Есть мнение, что вам нужно засчитать эти сбитые вами самолёты. Впишите их в свою лётную книжку. С ними будет ровно сто пятьдесят вражеских самолётов.

М-да, похоже, англичане разнюхали, что меня осудили, и решили поставить Сталина в неудобное положение. Только не на того нарвались. Сталин сам кого хочешь поставит в любую нужную ему позицию. И про мои дела в штрафниках Сталин в курсе. С одной стороны, лестно внимание *таких* людей, а с другой – есть опасность не оправдать доверия.

В Куйбышев меня, как какую-то важную персону, доставили персональным самолётом. Естественно, не одного, а с сопровождающим из наркомата иностранных дел. Хотя, подозреваю, наименование места работы у товарища наверняка другое.

Куйбышев никогда, ни до ни после, не знал такого количества иностранных дипломатов на квадратный метр площади. Посольства всех стран, с кем у СССР были дипломатические отношения, располагались буквально впритык друг к другу. Английское посольство находилось по адресу улица Куйбышева, дом 151, в красивейшем особняке, который до революции принадлежал предводителю самарского дворянства.

Сказать, что приём в честь дня рождения британской принцессы был каким-то особо торжественным, всё же нельзя. Скорее просто

протокольное мероприятие, на котором тем не менее присутствовали дипломаты со всех посольств, находящихся в Куйбышеве. Мой визит очень многих из них изрядно удивил. Вот уж точно, я дипломатом не был. Меня воспринимали скорее как диковинку. Русский варвар, сбивший сколько-то там самолётов. Вон и переводчика к нему приставили, чтобы в словах не запутался.

И тем приятнее было смотреть на их удивлённые физиономии, когда я начал свободно общаться с послом Великобритании Керром на английском языке, а с французскими дипломатами из представительства Комитета национального освобождения Франции – на хорошем французском. Кстати, среди англичан оказалось достаточно много журналистов. Я когда-то там, в другой жизни, читал, что этим самым журналистам довольно сильно ограничили выход в город, и они от безделья начали банально пьянствовать.

– Я рад видеть вас, сэр, на этом приёме, – посол Арчибальд Керр был сама любезность, – до нас дошли слухи, что вас арестовали, и мы очень переживали за вашу судьбу. Ведь вы рыцарь Британской империи.

– Эти слухи всего лишь слухи, господин посол, – с не меньшей любезностью ответил я, тем более что ответ на подобный вопрос был обговорён ещё в Москве. – Я всего лишь выполнял особое задание, и не более того.

А журналюги напряглись. Вон как уши ходят туда-сюда, ловя каждое слово, каждую интонацию.

– Да, вы правы, сэр Копьёв, – вздохнул Керр, – мы все на войне и все выполняем свои миссии. Нам здесь тоже нелегко. Видели бы вы, в каких условиях мы проживаем. Жуткая тёмная квартира, кишащая тараканами и клопами. Это просто дикость какая-то.

– Вы правы, господин посол, – присоединился к нам военный в форме полковника американской армии. – О, позвольте представиться: полковник Файновилл, сотрудник миссии США по военному снабжению. – Американец отсалютовал бокалом, как я понял, с виски. – Я попросил предоставить квартиру хотя бы из шестнадцати-восемнадцати комнат и гараж на три машины, и мне отказали в такой малости. И в таких немыслимых условиях приходится работать. О’кей, идёт война, но ведь мы же не в окопах. А ещё и присутствие джапов

рядом с нами[83]. Почему вы не дадите им пинка под зад, чтобы они летели на свои острова?

– Я думаю, что это дело дипломатов, а не нас, военных. У нас с Японией есть договор, и мы его неукоснительно соблюдаем. Так же, как и с любой другой страной. – Я подхватил с подноса у проходившего мимо официанта бокал с шампанским. – Кстати о клопах. Когда я был в Англии, то в гостинице, где я жил, они меня тоже едва не сожрали. А на первый взгляд эта гостиница показалась вполне приличной. Так что клопы – это явление, можно сказать, международное.

Англичанин с американцем сдержанно посмеялись. Было видно, что тому же Керру неприятно, что, оказывается, у них в благословенной Англии тоже с клопами не всё в порядке.

– А вы всё ещё майор, сэр Копьёв? – едва смог он сдержать ехидство. – Я думал, что такой прославленный лётчик должен быть уже как минимум полковником.

– Я не просто майор, господин посол, я гвардии майор. К тому же дважды награждён высшим званием моей страны. И потом, для меня даже быть простым рядовым в Красной армии гораздо почётнее, чем быть генералом в армии любого другого государства.

Я изобразил как можно более любезную улыбку, но, видимо, было в моих глазах что-то такое, что заставило Керра чуть заметно отшатнуться и быстренько перевести разговор на другую тему.

– Я слышал, что когда вас возводили в рыцарское достоинство, то вы отказались преклонить колени перед нашим королём. Это правда или журналисты всё наврали?

«А то ты не знаешь», – хотелось ответить мне, но я сдержался.

– Нас, русских, ещё никому не удавалось поставить на колени, господин Керр. И не удастся никогда. Об этом я и сказал королю, и он принял мудрое решение немного изменить церемониал.

Краем глаза я увидел, как слегка, одними глазами, улыбнулся мой сопровождающий. Вот тоже интересно: ведь здесь присутствуют и представители НКИД[84], но ни один из них так ко мне и не подошёл. Так, раскланивались с ними на расстоянии, и не более того.

Мне было предложено оставить поздравительную запись в специальной книге, лежащей на отдельном столе. Ну а почему бы и нет? В моём времени на момент моего попаданчества сюда королева

Елизавета II вполне себе бодро сидела на троне, держа в достаточно крепком кулаке многочисленную королевскую семью. Так что пусть моё послание станет ещё одним штришком для налаживания хороших отношений между будущей королевой и Советским Союзом на очень даже долгосрочную перспективу. Ну и немножко романтики добавлю. Всё же пока она всего лишь семнадцатилетняя девчонка.

Керр даже предложил помощь своего секретаря, чтобы красивым почерком написать то, что я продиктую. Это он так намекнул, что я могу понаделать ошибок в тексте. Ну-ну! Бабуля меня-Силаева гоняла в написании диктантов на английском, немецком и французском языках так, что пишу я, пожалуй, получше, чем тот же секретарь Керра. И это касается как грамотности, так и почерка.

Ваше Королевское Высочество! Позвольте от имени

Военно-воздушных сил Красной армии и от себя лично поздравить Вас с Днём рождения! Семнадцать лет – это прекрасный возраст, когда всё вокруг кажется ярким и замечательным. И пусть вокруг грохочет война, но это время надежд, планов и встреч. От всей души желаю Вашему Высочеству встречать на своём пути только порядочных и интересных людей. Желаю Вам как можно больше хороших, настоящих друзей, которые искренне будут поддерживать

Вас на протяжении всей жизни. Желаю, чтобы цветущая юность навсегда осталась с Вами в Вашем сердце, раскрашивая яркими красками каждый миг жизни. Желаю Вам мудрости, ведь когда-нибудь наступит время, когда Вы взойдёте на престол. Желаю Вам Победы, нашей общей с Вами Победы! И всегда помнить о том, как мы бок о бок сражались с общим врагом.

Гвардии майор ВВС РККА,

дважды Герой Советского Союза,

кавалер ордена Британской империи

и Креста лётных заслуг, рыцарь Британской империи

сэр Копьёв Илья Андреевич, Ваш рыцарь сэр Ланселот.

В общем-то на этом мою миссию можно было считать выполненной. Показал, так сказать, себя союзникам, пора и честь знать. Немного пообщался с французами, скорее для языковой практики, и откланялся: служба, однако. У нас тут вроде как война, и нет ни малейшего желания слушать стенания американца о том, что ему не предоставили квартиру в шестнадцать комнат с двумя гаражами.

Интерлюдия

Великобритания. Виндзорский замок

Принцесса Елизавета, или, как её называли в семье, Лилибет, сидела в своей комнате и просматривала поздравительные телеграммы в честь своего дня рождения, пришедшие со всего мира. В основном, конечно, из стран Британского Содружества наций[85]. Все они были официально-приторные, но на некоторые из них нужно было ответить. Вот она и выбирала, на какие следовало написать ответ сразу, а какие могут и подождать.

Однако одна телеграмма её особенно заинтересовала. Это была телеграмма, присланная из посольства Великобритании в Советской России, из города с непроизносимым названием Kuybyshev. Почему-то посол, мистер Керр, решил, что эта телеграмма, вернее, выписка из книги поздравлений, важна. Коротенькое поздравление, но сколько в нём было необъяснимого тепла.

Она остановила свой взгляд на подписи. Русский майор – и вдруг рыцарь, награждённый британскими наградами? Она вспомнила, что читала в газете о том, как один русский лётчик сбил в небе над Британией несколько немецких самолётов, а один из них даже таранил. Неужели это он? Нужно вечером уточнить у отца. Он обещал приехать и поужинать с семьёй.

Вечером, сразу после ужина, она попросила его величество уделить ей немного времени и показала ту самую телеграмму.

– Да, я помню его, – чуть заметно улыбнулся Георг VI. – Этот большевик отказался от чести быть произведённым в рыцари лишь потому, что требовалось встать на колени. Пришлось из-за него несколько изменить церемонию. А вообще храбрый лётчик. У него самое большое количество сбитых немецких самолётов среди всех пилотов Объединённых наций.

– А почему он подписался «сэр Ланселот»?

– О, это действительно смешно и удивительно одновременно, – рассмеялся король. – Его фамилия переводится с русского как Ланселот. Ну а журналисты тут же это подхватили и провозгласили его чуть ли не потомком легендарного рыцаря. А вообще, есть в нём что-

то удивительное. Большевик, а ведёт себя так, словно бывать в высшем свете для него вполне привычное дело. Говорит абсолютно без акцента, и если не знать, кто он, то его вполне можно принять за жителя Лондона. Как мне доложили, он так же превосходно владеет немецким и французским языками. Командует элитной эскадрильей, и его очень высоко ценит Сталин. Но я всё же склонен думать, что он из семьи русских аристократов. Слишком он образован и независим для обычного большевика.

Кстати, ты, Лилибет, могла бы его отблагодарить в ответ на поздравление. Через неделю у них в России будут праздновать их большевистский праздник Первое мая. Вот и отправь этому рыцарю (а он себя в поздравлении именно так и называет) в подарок в честь этого праздника меч. А то какой же он рыцарь без меча? Это будет очень символично. Ты же знаешь, что я отдал приказ об изготовлении почётного меча[86], который хочу преподнести городу Сталинграду. Там состоялась грандиозная битва, в ходе которой русские разгромили и пленили огромное количество немцев. Я, как король, отправлю меч в дар городу, а ты, как принцесса, отважному пилоту.

– Спасибо, отец, это замечательная идея!

Елизавета едва не запрыгала от радости, но вовремя спохватилась. Она уже не ребёнок, чтобы так проявлять свои чувства.

– Что-то ещё, Лилибет? – Король прекрасно видел, что его дочь ещё не всё сказала.

– Да. Он пишет о нашей общей Победе и о том, что мы бок о бок сражаемся с общим врагом. Я тоже хочу сражаться[87]. Я, конечно, выступала по радио три года назад в передаче «Детский час», а недавно посетила полк гвардейских гренадеров, но это всё слишком мало.

Георг VI впервые видел свою дочь, настроенную столь решительно.

– Хорошо, – сказал он, – я подумаю, что можно сделать и как помочь тебе, и сообщу об этом.

Двадцать третьего февраля 1943 года в газете «Правда» была опубликована телеграмма короля Великобритании Георга VI Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину, в которой он упоминает о своём приказе об изготовлении меча.

Телеграмма Короля Великобритании Георга VI Председателю Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик М. И. Калинину

Сегодня я и мои народы присоединяемся к народам Советского Союза в искреннем воздании должного героическим качествам и великолепному руководству, благодаря которым Красная армия в борьбе против наших общих врагов своими славными победами вписала новые страницы в историю. Упорное сопротивление Сталинграда повернуло события и послужило предвестником сокрушительных ударов, которые посеяли смятение среди врагов цивилизации и свободы. Для того, чтобы отметить глубокое восхищение, испытываемое мной и народами Британской империи, я отдал приказ об изготовлении почётного меча, который буду иметь удовольствие преподнести городу Сталинграду. Я надеюсь, что в грядущие счастливые дни этот дар будет напоминать о несгибаемом мужестве, в котором город-воин закалялся в борьбе против сильных и упорных атак своих врагов, и что он будет символом восхищения не только народов Британской империи, но и всего цивилизованного мира.

Георг

Лондон, 21 февраля 1943 г.

В самолёте я банально уснул и проснулся, уже когда шасси коснулись взлётной полосы Центрального аэродрома в Москве. Интересно, Сталину доложат о том, что происходило на приёме в посольстве, или он пожелает узнать всё, так сказать, от первого лица? Скорее будет и то и другое. А у меня ещё и награждение впереди. Перед самым отлётом в Куйбышев Новиков шепнул, что все наши наградные подписаны, а это значит, что награды получит весь личный состав эскадрильи, в том числе и технический. И это правильно: парни выложились полностью, обеспечивая боевую работу лётчиков.

С аэродрома сразу поехал в штаб ВВС – доложить о прибытии. Новиков, поздоровавшись, тут же выставил меня из кабинета и велел ждать в приёмной.

Через несколько минут он приказал подать машину и стремительно вышел из кабинета, махнув мне рукой, чтобы я следовал за ним.

– Знаешь, майор, – уже в машине хохотнул он, – я порой чувствую себя не главкомом ВВС, а твоим личным адъютантом. Хозяин велел привезти тебя к нему.

Снова Кремль, и снова кабинет Сталина.

– Ну что, товарищ Копьёв, как вас встретили англичане?

Настроение у Сталина явно было хорошее.

– Нормально встретили, товарищ Сталин. На клопов жаловались. Пришлось напомнить им, что и в их Англии этой гадости навалом.

Думаю, что все мои разговоры в английском посольстве хозяину кабинета уже известны дословно.

– Видимо, наши клопы не особо любят англичан и кусают их как-то слишком сильно. – Сталин с усмешкой прищурился. – А что, в Англии действительно много клопов?

– Много – это не то слово, товарищ Сталин, – усмехнулся я. – В гостинице, где меня поселили, я на кровати откинул в сторону простыню, а под ней этих самых клопов как фрицев под Сталинградом, да ещё и такие же шустрые: драпанули в разные стороны так быстро, что я только штук пять и успел раздавить. Одним словом, полнейшая антисанитария, у нас в любой избе чище. А у них в гостинице в номерах под потолком в углах паутина. Я поначалу думал, что это они просто меня поселили в такой грязный номер, чтобы показать своё отношение к советскому человеку. Но в тот же день зашёл в соседний, познакомиться, так сказать, так там жил английский полковник, а паутины и грязи под потолком было не меньше.

Сталин от души посмеялся, а отсмеявшись, сказал:

– Есть мнение, товарищ Копьёв, что вы переросли должность командира эскадрильи и пора вам переходить на новую, более высокую ступень. Как вы на это смотрите?

– Товарищ Сталин, мне командующий ВВС, – кивок в сторону присутствующего здесь же Новикова, – уже предлагал должность командира полка, но я отказался.

– Объясните: почему? – Сталин смотрел мне прямо в глаза.

– Во-первых, у меня нет соответствующего образования. У меня, кроме школы и ФЗУ, вообще никакого образования нет. А должности командира полка нужно всё же соответствовать, в том числе и знаниями. А во-вторых, эскадрилья стала для меня семьёй, и я готов и впредь воевать в её составе, хотя бы даже простым лётчиком.

– Хм. – Сталин хмыкнул и принялся не спеша набивать трубку. – Я думаю, что вам, товарищ Копьёв, вскоре предстоит пойти учиться в академию. Вы правы, образовательный уровень нужно повышать. – Он раскурил трубку и выпустил облако ароматного дыма. – Надеюсь, вы не против учёбы?

– Нет, не против.

Подучиться действительно не мешало бы, особенно если я и дальше, уже после войны, буду продолжать службу. Если выживу, конечно. А военная академия давала некоторую гарантию, что меня после Победы не демобилизуют. В той моей жизни одной из причин, по которой я уволился из армии, было то, что меня упорно не хотели отпускать учиться в академию. Последней каплей было, когда вместо меня на учёбу уехал майор из штаба, у которого был блат где-то в вышестоящих штабах. Вот тогда я психанул и положил рапорт об увольнении на стол.

– С этим вопросом мы решили, – сделал Сталин утвердительный жест с зажатой в руке трубкой. – Ну а что касается эскадрильи, которой вы командуете, то есть мнение включить её в состав особой авиационной группы, командовать которой вам, товарищ гвардии майор, предстоит. Вы были инициатором создания самолёта дальнего радиолокационного обнаружения и тактики его применения, а значит, именно вам и предстоит проверить на практике его эффективность. Подробности вам доведёт товарищ Новиков. У вас есть какие-нибудь вопросы или просьбы?

– Есть просьба, товарищ Сталин.

Ну а почему бы и нет? Тем более мысль пришла буквально только что.

– Я вас внимательно слушаю.

– У нас на днях состоится награждение. Разрешите после церемонии сфотографироваться всем личным составом на Красной площади.

– Вы считаете, что это так необходимо?

– Да, товарищ Сталин. Пройдут годы и десятилетия после нашей Победы, а эти фото в семьях будут хранить и передавать из поколения в поколение как величайшую святыню.

– Хорошо, товарищ Копьёв, я подумаю, что можно сделать, и вам сообщат.

Глава 18
Курск. Чёрный Ангел

Я почти час просидел в приёмной, ожидая, когда выйдет Новиков. Тот, выйдя из кабинета Сталина, сиял, как начищенный пятак. Уже в машине он молча открыл папку и протянул мне листок. Это был наградной лист.

В нём говорилось, что Копьёв Илья Андреевич, гвардии майор, командир 13-й отдельной истребительной авиаэскадрильи специального назначения, представляется к… Далее «ордену Александра Невского» зачёркнуто красным карандашом и сверху написано им же «званию Героя Советского Союза», а рядом красная подпись – «И. Ст.». Ну а внизу, в кратком изложении подвига или заслуг, также красным зачёркнута цифра 139 во фразе «в воздушных боях лично уничтожил 139 самолётов противника» и исправлена на цифру 150, а рядом такая же подпись.

В полной прострации я протянул наградной лист обратно Новикову. О-БАЛ-ДЕТЬ! Это, получается, я стану первым ТРИЖДЫ Героем Советского Союза? М-да, как говорится, сходил за хлебушком.

Вернувшись в расположение, озадачил Гайдара и Данилина:

– Значит так, други мои! Будет вам ответственное задание. Ваша задача – найти здесь, в Москве, хорошего фотографа и цветную фотоплёнку. Хоть немецкую, хоть американскую. Купите, украдите, если надо, то убейте, но добудьте и то и другое! И чтобы в день награждения личного состава он стоял вот тут, передо мной, в полной готовности, со всеми своими прибамбасами и с запасом фотоплёнки. Задача ясна? Исполняйте! Заодно ты, Аркадий, можешь домой заехать, своих навестить. И вообще, надо дать людям увольнительные. Пусть погуляют по Москве, на людей посмотрят и себя покажут. Но чтобы без всяких там эксцессов. Никаких одиночных увольнений, только группами по три-пять человек. Думаю, дней пять у нас точно есть, так что все сходить успеют.

Через два дня меня, Шилова, Гуладзе и Юсупова награждали в Кремле. Парни получили по второй Звезде Героя. Всего награждённых

было человек пятьдесят. Правда, Героя получили ещё четверо кроме нас. Остальным Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин, дедушка с бородкой клинышком и в круглых очках, вручил коробочки с орденами. Сидевший в Президиуме Сталин громко аплодировал каждому награждённому.

Меня вызвали последним. Калинин с улыбкой и ясно видимым удовольствием вручил мне коробочку с Золотой Звездой и грамоту Верховного Совета СССР под оглушительный гром оваций.

Потом был банкет, на котором Сталин ещё раз поздравил всех награждённых и произнёс тост за Победу. Некоторое время спустя, когда мы вчетвером только-только разлили ещё по одной рюмке, он подошёл к нашему столику. Мы при приближении Сталина, естественно, встали, на что он махнул рукой.

– Когда у вас награждение личного состава, товарищ гвардии майор?

– Планируем завтра с утра, товарищ Сталин.

– Я переговорил с ответственными товарищами, и они дали добро на то, чтобы разрешить вам сделать фото на Красной площади. Автобусы прибудут к вам в расположение завтра утром. Фотограф у вас есть? Может, помочь с этим?

– Спасибо, товарищ Сталин, фотографа мы нашли.

Фотографа Гайдар действительно нашёл. Привлёк своего знакомого фотокорреспондента. Клялся, что он просто суперпрофессионал. Цветную плёнку где-то раздобыл Данилин. Так что за эту часть запланированного мероприятия я был спокоен.

Церемония награждения прошла очень торжественно. Награды получили все: лётчики – ордена Красной Звезды или Красного Знамени, весь технический состав – ордена Отечественной войны первой либо второй степени. Также орденами Отечественной войны первой степени были награждены Гайдар, Данилин и экипаж «дуси». Фотограф без устали щёлкал затвором фотоаппарата, снимая каждого награждённого.

А потом все загрузились в автобусы и поехали на Красную площадь. О конечной цели знали лишь я и комиссар с особистом. Остальные с интересом глазели в окна, будто бы каждый из них не сходил в эти дни хотя бы раз в увольнение. Хотя с не меньшим интересом они посматривали на молчаливых сопровождающих,

которые были в каждом автобусе. Посматривали, но с вопросами не лезли. Раз едут здесь люди, значит, так надо.

Когда наша маленькая колонна подъехала к Историческому музею, я подал команду на выход. Организованной толпой в сопровождении всё тех же молчаливых людей с пехотными петлицами, но повадками волкодавов, мы прошли по Кремлёвскому проезду мимо Никольской башни на площадь.

Тут уже всё взял в свои руки фотограф. Мы с ним заранее обговорили, что надо так сделать фото, чтобы на заднем плане было видно красное знамя над куполом Сенатского дворца, Мавзолей и Спасскую башню. Он долго выстраивал нас, бегал, переставляя людей с места на место, чтобы композиция получилась идеальная, на его взгляд.

Вдруг он в ступоре остановился, глядя куда-то нам за спины. Я тоже обернулся. К нам, не спеша, от подъехавших и остановившихся в стороне машин шёл Сталин в фуражке и кителе с маршальскими погонами на плечах и звездой Героя Социалистического Труда на груди. И шёл он не один, а в сопровождении ещё одного военного в том же звании и с очень характерными, узнаваемыми пышными усами.

Воцарилась тишина. Весь личный состав с обалдением смотрел на приближающихся Сталина и «братишку Будённого». И если лётчики (ну, почти все) видели вождя при награждении Звёздами Героев, то для остальных это было сродни сошествию ангелов с небес.

Пришлось по-быстрому приводить их в чувство.

– Становись! – Команду выполнили молниеносно, на рефлексах. – Смирно! Равнение направо!

Разворачиваюсь в сторону уже совсем близко подошедшего Сталина и, вскинув ладонь к фуражке, печатаю шаг навстречу.

– Товарищ Верховный главнокомандующий!

Сталин с улыбкой по-быстрому откозырял в ответ и махнул рукой.

– Вы прямо оглушили, товарищ Копьёв. Мы же с вами не на плацу.

– Вольно, майор. – Будённый, стоящий на полшага позади Сталина, тоже улыбался в свои легендарные усы. – Ты здесь прямо строевой смотр устроил.

– Так это и есть плац, товарищи маршалы, – ответил я. – Самый главный плац нашей Родины.

– Хорошо сказал. – Сталин обернулся к своему спутнику: – Как считаешь, товарищ Будённый?

– И хорошо, и верно. – Будённый, чуть прищурившись, оглядел замерший в немом восхищении строй. Казалось, что никто даже не дышит. – А орлы-то какие. Все орденоносцы.

– А давай мы с тобой, Семён Михайлович, попросимся сфотографироваться с этими орлами.

– Так я же разве против. С такими быть на одном фото – это почётно.

– Ну как, товарищи, примете нас с товарищем Будённым в свои ряды?

Отвечать пришлось мне, потому как эти самые товарищи просто онемели.

– С большим удовольствием, товарищ Сталин.

Фотографировались мы довольно долго. Вначале наш фотограф не знал, как ему сказать *самому* Сталину, чтобы он встал там, где нужно. Помог начальник охраны Сталина Власик. Сам увлекающийся фотографией, но по-быстрому расставил всех. Сделали несколько кадров, а потом Сталин попросил сделать отдельные фото, на которых он *каждому* персонально пожимает руку. Да ещё и маршал Будённый стоял рядом.

Уверен, пройдёт совсем немного времени, и эти фотографии займут свои места на самом почётном месте в домах лётчиков и техников, а у кого-то и вместо икон будут висеть в красном углу.

На следующий день всё на тех же автобусах личный состав отбыл в уже ставшее нам родным Раменское. Там нас ждали новые машины, по словам Новикова, сделанные по специальному заказу для нашей эскадрильи, и пополнение. В особую авиагруппу включили, помимо нашей 13-й отдельной гвардейской истребительной эскадрильи, четырёх транспортных самолётов, включая нашу «дусю» и, собственно, самолёта ДРЛО, получившего обозначение Пе-8ВР (воздушный радар), ещё одну истребительную эскадрилью на новейших Ла-5ФН, пока даже не пошедших в серийное производство. Эскадрилья Ла-5 получила обозначение «тринадцать-бис».

Ох и ругался я с Новиковым, когда узнал, какое «счастье» мне привалило. На матюках с ним орали друг на друга. Увы, но мои

лампасы против его, как говорится, не пляшут. Мне в очередной раз подсубботили сборную солянку из лётчиков для «лавочкиных». Как говорится, на тебе, боже, что нам негоже. Собрали откуда только можно «безлошадных» и со спокойной душой пристроили к нам в группу.

А то, что нужно ещё и слетаться, так это уже не их забота. Хорошо хоть удалось буквально вырвать две недели на подготовку. И ведь не поспоришь особо. Смог в прошлый раз за две недели сколотить эскадрилью, ставшую самой лучшей в ВВС не только Советского Союза, но и всех стран-союзников, так, значит, справишься и на этот раз. Так что, как говорится, флаг тебе в руки, барабан на шею и вперёд, в светлое будущее с песнями. Я с тяжёлым вздохом только рукой махнул на эти аргументы.

Кстати, с фотографиями всё получилось просто замечательно. Через пару дней нам их привёз человек, предъявивший документы личного порученца товарища Сталина. Он передал, что товарищ Сталин распорядился, чтобы фотографии доставили по указанным адресам спецпочтой: так они точно и быстро дойдут к адресатам. Естественно, что все воспользовались этой возможностью.

Пе-8 со здоровенным «блином» над фюзеляжем вызвал фурор. Каких только предположений не было о предназначении этого самого «блина». Кто-то даже сказал, что это гиперболоид[88], с помощью которого будут в воздухе лучами смерти разрезать на части немецкие самолёты.

Близко к самолёту, стоящему на самой дальней стоянке, никого не подпускали. Крепкие даже на вид бойцы своим присутствием отбивали всякую охоту проявлять лишний интерес. Даже мне пришлось предъявить письменное разрешение, чтобы познакомиться с самолётом и его экипажем.

Увиденное приятно удивило. Нашим конструкторам и инженерам удалось сделать поистине уникальную машину. Совместив наработки по радиолокации всех стран, они сконструировали и построили самолёт, который просто не знает аналогов. Да что там аналогов. Подобное должно было бы появиться лет на двадцать позднее[89], а оно вот, рядом.

Теперь цели на экране отображались не вертикальной линией, а привычными мне точками. Ещё в Казани, где осуществлялось

переоборудование бомбардировщика, провели испытания по определению типов самолётов по их отметкам. Для этого привлекли не только отечественные самолёты, но и поступающие от союзников, и трофейные немецкие, так что теперь операторы могли достаточно точно указать тип цели, её курс и удаление.

С экраном тоже поступили изобретательно. Так как выпускать достаточно крупные электронно-лучевые трубки пока не умели, то расположили перед экраном линзу, как впоследствии сделают на первых советских телевизорах.

Экипаж состоял из командира корабля, второго пилота, штурмана, бортового техника, помощника бортового техника, бортрадиста. Кроме того, имелся расчёт РЛС в составе четырёх человек и техника, обслуживающего эту самую станцию, плюс трое операторов-планшетистов наземного командного пункта, который нам предстояло развернуть по прибытии на место.

Мы летим на фронт. Позади две недели интенсивной подготовки. Вымотались и бывалые лётчики из 13-й, и новички. Да, новички. Особенно один. Когда я его увидел, то не поверил глазам, а уж когда он представился, то просто уронил челюсть на землю. Сержант Иван Кожедуб. Лучший ас в моём времени. Шестьдесят четыре сбитых (это если официально), трижды Герой Советского Союза.

Хотя пока он никакой не герой, да и сбитых у него ровно ноль. Его выдернули из полка, где он, после того как чудом посадил сильно повреждённый в бою истребитель, стал безлошадным и летал на «остатках», то есть на свободных самолётах. Пришлось мне подсуетиться и отправить на него представление на звание младшего лейтенанта. Вот накануне отлёта приказ и пришёл. Так что своё офицерское звание Кожедуб получил немного раньше, чем в моём мире.

Летает он очень даже неплохо. До нашего уровня, конечно, пока не дотягивает, но науку схватывает буквально на лету. В последние дни подготовки уворачиваться от его атак стало очень и очень непросто. Также он увлёкся нашей забавой, стрельбой по тарелочкам, благо мы обзавелись специальной машинкой для их запуска. Благодаря превосходному глазомеру, он навострился выбивать восемь, а то и девять из десяти. Я назначил его командиром звена.

– Я Орлан! – раздался в наушниках голос оператора РЛС. – Прямо по курсу, удаление сто, одиночная цель, дистанция быстро уменьшается. Идёт встречным курсом.

– Я Тринадцатый! Принял тебя, Орлан. Зверь-один, прямо по курсу, удаление меньше ста, одиночная цель. Приказываю цель перехватить и опознать. Похоже, это наш проводник.

Смотрю чуть вбок и вижу, как четвёрка «лавочкиных» звена Кожедуба ринулась на перехват. Спустя некоторое время Орлан доложил, что цель перехвачена. Молодцы – и звено Кожедуба, и операторы РЛС. Пока перебазируемся, они времени зря не теряют и отслеживают окружающее пространство, тем более что производить селекцию целей научились. Все самолёты нашей авиагруппы оборудованы авиационными радиоответчиками СЧ-1 системы «свой – чужой». Да и просто фиксировать воздушные цели стало проще. Теперь на экране они были видны не как вертикальные полосы, а в виде привычных мне точек.

Вскоре в пределах видимости появились наши «лавочкины», сопровождающие одиночный Пе-2. Ну точно, наш проводник.

Курс наш лежит почти в сам город Курск. Там, на окраине деревни Толмачёво, находится аэродром, на котором дислоцирована эскадрилья связи. Взлётную полосу удлинили, уложили на неё дефицитнейшее металлическое разборное покрытие. В общем, привели всё в должный вид. Во всяком случае, должны были.

Интерлюдия

Курская область. Деревня Толмачёво. Аэродром эскадрильи связи

В свои двадцать семь лет Наталья Черемезова считала себя опытной лётчицей. Впрочем, не она одна. О ней очень хорошо отзывалась Марина Раскова[90]. И не только потому, что они жили в одном доме в детстве и ходили в одну школу, но и за лётное мастерство. Благодаря Марине, Наталья, окончив аэроклуб, связала свою жизнь с авиацией. Конечно, ей было далеко до тех рекордов, которые ставила её старшая подруга, но она не отчаивалась. Какие её годы. Вся жизнь ещё впереди.

Война внесла существенные коррективы в дальнейшие планы. Узнав о том, что по инициативе Расковой формируются три женских авиаполка[91], Наталья тут же написала своей подруге письмо с просьбой зачислить в любой полк. Увы, но, несмотря на согласие Расковой, из аэроклуба, где она была инструктором, её не отпустили. Пришлось приложить немало усилий и буквально завалить начальство рапортами, прежде чем дали добро и отпустили на фронт. Вместо авиаполка её направили командовать эскадрильей связи, укомплектованной исключительно женскими экипажами.

Казалось бы, связные самолёты летают в тылу, где относительно безопасно, но от первого состава эскадрильи осталось всего два экипажа из десяти. Вот такая вот арифметика. Да и в последний месяц редкий вылет проходил без того, чтобы не быть атакованными немецкими истребителями. Три самолёта уже потеряли.

А две недели назад их тихий аэродром превратился непонятно во что. Вся местность вокруг была оцеплена частями НКВД, въезд и выезд с территории аэродрома – только по спецпропускам. Вокруг понаставили зениток, а прибывший целый сапёрный батальон спешно оборудовал на противоположном конце взлётной полосы землянки, блиндажи, капониры и склады. Туда также никого близко не подпускали. Взлётную полосу удлинили почти до двух с половиной километров, тщательно выровняли, укатали и вдобавок уложили разборное металлическое покрытие, выкрашенное в защитный цвет.

И вот сегодня, едва строители успели закончить работы и уехать, как с неба послышался тяжёлый гул моторов, и на посадку начали заходить транспортные самолёты. Следом за ними сел тяжёлый бомбардировщик с непонятным блином над фюзеляжем, а затем настала очередь юрких истребителей. Наталья насчитала две эскадрильи истребителей двух разных типов. И если все прилетевшие самолёты сразу зарулили на дальний конец аэродрома, то последняя севшая пара «аэрокобр» свернула к их штабу.

Стоящие рядом девчонки, высыпавшие из землянок и во все глаза смотрящие на развернувшееся перед ними действо, ахнули от восторга. На фюзеляже одной из «аэрокобр» красовались пятнадцать крупных звёзд с цифрой 10 в каждой. Сердце у Натальи затрепыхалось в груди от догадки, кто это мог быть.

Наконец двигатель истребителя замолчал, и в открывшейся дверце кабины показался *он*. Тот, кто давно уже прочно поселился в её девичьих снах и чья фотография, вырезанная из газеты, бережно хранилась в её планшетке. Он с улыбкой обвёл взглядом собравшихся и сказал:

– Это мы удачно сели. Здравствуйте, красавицы!

М-да! Что называется, попал. Нет, я знал, что здесь базируется эскадрилья связи, но я не знал, что она женская. Иначе потребовал бы сменить нам место дислокации. А как иначе-то? У меня две эскадрильи, не считая экипажи транспортников и АВАКС[92], молодых здоровых парней. Из них целая эскадрилья – Герои, увешанные наградами как новогодние ёлки, перед которыми мало какая представительница прекрасного пола устоит, а здесь целый цветник. Блин, их специально, что ли, отбирали? Все как одна – красавицы.

И вот попробуй в таких условиях удержать дисциплину в подразделении. Мои же орлы начнут беспорядки с дисциплиной нарушать и сюда бегать. Придётся пообещать поотрывать провинившимся все не нужные для управления истребителем части организма.

Сюда я зарулил с двумя целями. Во-первых, познакомиться с хозяевами и, во-вторых, воспользоваться их связью, чтобы доложить о прибытии на место. Зарулил, называется.

Открыв дверцу кабины, я не без удовольствия осмотрелся.

– Это мы удачно сели. Здравствуйте, красавицы!

Стоило лишь мне отстегнуть и скинуть парашют, как раздалось восторженное «Ах!». Ну да, пришлось мне перед вылетом нацепить все свои награды, чтобы, так сказать, наладить контакт с местными. Наладил, ёшкин дрын.

Взглядом выделил высокую молодую женщину с красивым лицом и с капитанскими погонами на плечах и подошёл к ней.

– Здравия желаю! – козырнул я и представился: – Гвардии майор Копьёв, командир особой авиагруппы.

– Здравствуйте, товарищ гвардии майор, – заметно смутившись, ответила красавица. – Командир отдельной эскадрильи связи капитан Черемезова. – И почему-то покраснев и опустив глаза, добавила: – Наташа.

– Очень рад знакомству. А я Илья. Разрешите от вас связаться и доложить о прибытии.

– Да, конечно. Идёмте, товарищ майор.

Наталья смутилась ещё больше, хотя, казалось бы, дальше уже некуда. А вообще, как-то странно она на меня реагирует: не настолько я неотразим, чтобы вот так воздействовать на женщин.

Уже идя следом за хозяйкой, я погрозил кулаком стоящему в окружении красавиц и сияющему как начищенный пятак ведомому. На это Силаев лишь удивлённо вскинул бровь: мол, а я-то здесь при чём?

По телефону я связался со штабом 16-й воздушной армии, на подведомственной территории которой мы сели, и доложился. В ответ мне пообещали, что к вечеру прибудут штабной автобус и машина с мощной радиостанцией. Также должны приехать два офицера связи для координации взаимодействия. Один будет находиться непосредственно на борту АВАКС, а второй – на наземном командном пункте, развёрнутом у нас. Все дальнейшие распоряжения я получу уже после их прибытия.

Я положил трубку и обернулся. Хозяйка землянки стояла и как-то нервно теребила в руках платочек.

– Благодарю вас, Наталья, – искренне улыбнулся я.

– Может быть, чаю? – торопливо произнесла она, глядя на меня с какой-то надеждой.

– С удовольствием, но чуть позже. Мне надо проследить, как разместился личный состав, и отдать распоряжения.

Едва вышли на улицу, как со стороны леса послышался неровный стрёкот мотора. Я закрутил головой и увидел, как из-за крон деревьев буквально вывалился, дымя мотором, У-2. Летел он как-то полубоком, едва держась в воздухе и то и дело норовя рухнуть на землю. У самой ВПП биплан выровнялся и довольно жёстко приземлился. Самолётик пробежал метров пятьдесят, и тут одна из стоек шасси у него подломилась, и он закрутился на месте. Двигатель напоследок взревел и умолк. У-2, упершись одним крылом в землю, замер на месте.

Мы с Дедом переглянулись и не сговариваясь бросились к самолёту. Следом за нами побежала Наталья, а за ней и все остальные. Разделяющее нас расстояние мы преодолели на одном дыхании.

У задней кабины на крыле стояла невысокая девчушка лет девятнадцати-двадцати, в комбинезоне, и, громко плача, тормошила кого-то.

– Нина! Ниночка! Очнись, пожалуйста! Ну прошу тебя, не умирай! Ниночка!

Я подвинул девчонку в сторону и заглянул в кабину. М-да! Тут, как говорится, без вариантов. Вся грудь молодой девушки буквально разорвана пулями, а иссиня-васильковые глаза безжизненно глядят в вечность. Силаев перегнулся через борт в кабину и отстегнул привязные ремни. Вдвоём мы вытащили тело девушки и уложили на землю. Молча стянули с головы шлемофоны. Окружившие нас девушки-лётчицы всхлипывали, глядя на свою мёртвую подругу, а та самая девчушка рыдала, уткнувшись в плечо Натальи.

Мы помогли уложить тело убитой на брезент в кузов подъехавшей полуторки, а сами побрели к землянкам женской эскадрильи. Надо распорядиться, чтобы наши истребители отбуксировали к нам на стоянку.

Наталья уже сидела на скамье и, опустив голову, курила. Услышав наши шаги, она быстро затушила папиросу и встала.

– Извините, товарищ майор, нервы. За десять дней эта сволочь уже четвёртый экипаж расстреливает.

– Что за сволочь?

– Да повадился тут один фриц подкарауливать наших. Девчонки его прозвали Чёрным Ангелом. «Мессер» у него в чёрный цвет выкрашен, а на плоскостях ангельские крылья намалёваны. И ведь,

гад, с истребителями в бой не вступает, боится и сразу драпает, а вот наши самолёты атакует. И всегда в одном и том же районе.

Слова о районе меня зацепили.

– На карте показать можете?

– Да, конечно.

Наталья развернула планшетку и вытащила из неё сложенную карту. Вместе с картой выпал какой-то листок, похожий на газетную вырезку. Силаев быстро наклонился и поднял его. Хотел было отдать его хозяйке, но, бросив мимолётный взгляд на фото на вырезке, замер с удивлённым выражением лица. Мне даже стало интересно, что это такое он там углядел, и я заглянул через плечо ведомого. На листе газетной бумаги красовалось моё фото со всеми регалиями.

Наталья, густо покраснев, резко выхватила листок из рук Силаева и быстро спрятала обратно в планшетку.

– Извините, – только и смог выдавить я из себя.

Похоже, у меня здесь есть поклонница, если не сказать фанатка. Кто бы мог подумать.

Тем временем Наталья справилась с собой и, расстелив на скамейке карту, показала места, где немец атаковал самолёты их эскадрильи. Всё в районе Дмитриева-Льговского. Хм, будем думать, как уконтрапупить эту сволочь.

На следующий день к нам в расположение приехал полковник Андреянов из оперативного отдела штаба 16-й воздушной армии, в чьей полосе нам предстояло действовать.

Решил, так сказать, лично познакомиться и посмотреть, что это за зверь такой – особая авиагруппа РВГК[93], подчиняющаяся, по слухам, аж самому товарищу Сталину лично.

– Ну и что с тобой прикажешь делать, майор? – Полковник задумчиво постучал пальцами по разложенной на столе карте. – Нам ты не подчиняешься, функции твоей авиагруппы непонятны, привлекать вас к выполнению боевых задач мы не можем – ни как истребителей, ни как бомбардировщиков, тем более что бомбардировщик у тебя один-единственный, правда, тяжёлый. Действуешь ты самостоятельно, хотя и согласовывая с нами свои действия.

– Товарищ полковник, у меня вообще нет ни одного бомбардировщика.

– А это тогда что? – кивнул Андреянов в сторону окошка, за которым был виден наш «петляков», вокруг которого суетились техники, готовя его к первому боевому вылету.

– Это самолёт дальнего радиолокационного обнаружения, или, попросту, летающий радар. Будет курсировать вдоль линии фронта, засекать вражеские самолёты на дальней дистанции и наводить на них наши истребители. Пока в качестве перехватчиков будем действовать мы, но, если понадобится, будем привлекать и машины тех частей, в зоне ответственности которых будем находиться, особенно эскадрильи охотников. Вся информация с радара будет поступать на наш КП и дублироваться вам. Для этого и нужно точное и чёткое взаимодействие.

Обсудив организационные вопросы, мы с полковником прошли на стоянку, где перед своим самолётом выстроился экипаж Пе-8ВР, а также пилоты истребителей сопровождения. Сопровождать наш летающий радар будет третье звено. Их «аэрокобры» оборудовали подвесными топливными баками, что позволит им держаться в воздухе пять часов. Сам Пе-8ВР, учитывая модификацию, мог патрулировать не менее восьми часов. Количество топливных баков у него, по сравнению с бомбардировщиком, было уменьшено с целью облегчить самолёт. Сегодня первый боевой вылет будет продолжительностью не более четырёх часов.

Получив задание, экипажи разбежались по машинам. Вот на взлёт первым пошло звено «лавочкиных», их задача – прикрыть взлёт основной группы.

Проводив взглядом набиравшие высоту машины, мы с Андреяновым прошли на КП. Здесь уже работали операторы-планшетисты, нанося на прозрачные планшеты получаемые данные. Нашему воздушному радару предстояло курсировать вдоль линии фронта от Поныри до Льгова на удалении тридцати-сорока километров от него. Учитывая, что с рабочей высоты радиус охвата радара был почти двести километров, мы могли контролировать достаточно большую область воздушного пространства над территорией противника.

За время патрулирования были засечены несколько взлетающих с аэродромов групп немецких самолётов. Всё сразу попадало на планшеты на КП, и Андреянов смог в режиме реального времени отслеживать действия противника. Он сразу связался с истребительными полками, в зоне ответственности которых ожидалось появление вражеских самолётов. Немцев встретили во всеоружии.

Вскрылся и существенный недостаток. Пропала возможность идентифицировать свои и чужие самолёты в условиях «собачьей свалки». В общем-то, я подобного и ожидал, но помалкивал: много умных мыслей от одного человека будет как-то слишком. На этом фоне разительно отличалась работа нашей эскадрильи «лавочкиных», самолёты которой были оснащены системой «свой – чужой», вылетевших на перехват одной из групп немецких самолётов. Их точно вывели на цель и своевременно давали целеуказания.

Андреянов впечатлился. После некоторых размышлений он пришёл к выводу о необходимости оснащения всех самолётов подобной аппаратурой распознавания. Пришлось немного охладить его пыл. Радиоответчики СЧ-1 начали поступать в войска совсем недавно, в январе месяце, и выпускалось их не так и много. Но если постараться, то можно установить их на истребители охотников. Эскадрильи, подобные нашей 13-й, уже давно начали формировать практически в каждой авиационной истребительной дивизии из наиболее подготовленных лётчиков.

Дождавшись возвращения из патруля Пе-8 с сопровождением, Андреянов поблагодарил всех и укатил к себе. Думается мне, что его отзыв о нашей работе будет исключительно положительным.

Не забыл я и об обещании разобраться с крашеным немцем, терроризирующим эскадрилью связи. Через того же Андреянова запросил данные с постов ВНОС в районе Дмитриева-Льговского о пролётах немецкого истребителя с характерным окрасом. Оказалось, что в том районе его видели довольно часто. Летает в паре с ведомым, в бой старается не вступать, атакует либо отставшие, либо повреждённые самолёты, возвращающиеся на свою территорию. Излюбленная манера – это атака с бреющего полёта. При появлении наших истребителей сразу уходит к себе.

Я несколько раз слетал в тот район с Силаевым – безрезультатно. Лишь один раз встретили четвёрку FW-190. Завалили двоих, по одному

с ведомым.

И всё же трижды этого самого «ангела» смогли засечь на экране радара. Вернее, уже потом, сопоставив эти данные с докладами с земли от постов ВНОС, мы поняли, что это, как говорится, наш клиент. Дважды он атаковал отставшие Ил-2 и один раз – У-2, правда, на этот раз юркому биплану удалось увернуться.

Заметили операторы РЛС и ещё одну особенность. Незадолго до нападений в том районе фиксировался курсирующий вдоль линии фронта, но не пересекающий её одиночный самолёт. По отражённой сигнатуре они предположили, что это мог быть Ме-110. Вполне возможно, это был самолёт-наблюдатель, который и наводил пару охотников на цели. Предстояло это проверить.

С тем и пришёл я к Наталье.

– Ой, Илья! То есть здравия желаю, товарищ гвардии майор!

Черемезова вскочила из-за стола, за которым сидела и что-то писала рядом с другой девушкой, с погонами старшего лейтенанта на плечах. Выглядела она смущённой, но при этом сделала некое движение бровями, от которого вторая девушка, торопливо поздоровавшись со мной, тут же выскочила за дверь.

Из-за двери сразу же послышалось чуть слышное хихиканье. М-да.

– Здравствуйте, Наталья. – Ну вот не воспринимаю я её как строгого начальника, да и как военного тоже не воспринимаю. Всё же война, кто бы что ни говорил, не женское дело. – А я вот к вам в гости решил зайти.

Боже, что я несу, какие «гости»?

– Может, чаю? – улыбнулась она.

– С удовольствием.

За кружкой чая я и изложил ей свою задумку.

– Нет! – Черемезова со стуком поставила свою кружку на стол. Передо мной сидела уже не молодая девушка, а командир. – Самолёт я вам не дам! Я несу ответственность за вверенную мне материальную часть.

– Жаль. – Я поставил кружку с недопитым чаем. – Извините, товарищ капитан, за беспокойство. Обращусь тогда к нашим соседям.

Соседями мы называли переехавший к нам пару дней назад и плотно обосновавшийся на нашем аэродроме КП 16-й армии. Очень

уж понравилось командованию работать в связке с летающим радаром и хорошо подготовленными планшетистами. Так что попробую через полковника Андреянова, с которым установились хорошие отношения, выбить нам один У-2 для проведения операции.

Я встал, надел фуражку и, козырнув, подошёл к двери.

– Илья, подожди, – окликнула меня хозяйка, стоило лишь мне взяться за дверную ручку. – Ты меня не так понял.

– Ну почему же, товарищ капитан, я вас прекрасно понял и не осуждаю. Надо было мне сразу обращаться к командованию и не беспокоить вас.

– Я не могу дать вам самолёт без лётчика.

– А я не могу рисковать жизнями вот этих вот, – я кивнул на дверь, – молодых девчонок. Так что пилотировать будет кто-то из моих.

– Я сама полечу, – твёрдо, совсем не женским взглядом глядя мне в глаза, сказала Наталья. – И они не девчонки, а боевые лётчики, которые каждый день рискуют своими жизнями. Так что я попрошу вас, товарищ гвардии майор, впредь так о них не говорить.

Чёрт! Похоже, переубедить её не получится. Но я всё же решил переговорить с Андреяновым.

– Да я бы с радостью выделил тебе самолёт, так ведь нет их. Всё пополнение идёт в легкобомбардировочные полки. Сюда, в эскадрилью связи, собираем с миру по нитке и то в ближайшее время и их обеспечить не сможем. Так что договаривайся с Черемезовой, хотя она баба упёртая. Если что, то можем просто приказать ей. Но лучше договорись.

В назначенный день проведения операции в воздух первым поднялся Пе-8ВР с сопровождением. Ему предстояло барражировать восточнее Дмитриева-Льговского. Для более точного наведения командование 16-й воздушной армии прекратило полёты нашей авиации западнее этого населённого пункта. Спустя некоторое время поступил доклад о занятии АВАКС указанного квадрата и почти сразу – об обнаружении одиночной цели, курсирующей в районе за линией фронта. Похоже, немецкий наблюдатель бдит.

Сразу после этого на взлёт пошёл У-2 под управлением Черемезовой. Она набрала высоту пятьсот метров и пошла в направлении линии фронта. Мы с ведомым взлетели через пятнадцать

минут и пошли на предельно малой высоте – что называется, траву пропеллерами стригли.

– Я Орлан! Тринадцатый, вас и Иволгу[94] наблюдаю, – контролирует пространство оператор РЛС.

У-2, как и было предусмотрено планом, совершил посадку на площадку, которую использовали в качестве посадочной полосы для связных самолётов. Практически сразу же пришёл доклад от Орлана.

– В квадрате семнадцать фиксирую появление двух целей. Классифицирую как истребители. Предположительно взлетели с аэродрома подскока. Идут в направлении Иволги.

Вспоминаю карту. Квадрат семнадцать практически вплотную примыкает к линии фронта, и немецких аэродромов там ни авиа-, ни наземная разведка не обнаружила. А значит, там действительно может быть небольшая, хорошо замаскированная площадка для одной-двух пар истребителей-охотников. Эх, предупредить бы Наталью, но, к сожалению, радиостанция на У-2 не предусмотрена. Будем надеяться, что ни она, ни её штурман-стрелок не упустят появление вражеских истребителей.

Мы с Силаевым начали забирать севернее, чтобы отрезать немцам путь к отступлению. Судя по докладам Орлана, нас ещё не обнаружили.

Всё, пора. Немцы уже достаточно углубились на нашу территорию. Набрав на горизонтали скорость, мы пошли в набор высоты. Вот они, голубчики, уже делают заход на биплан. Хорошо видны дымные стрелы трассеров, тянущихся от пулемёта У-2 в сторону фашистских стервятников. Молодцы, девчата, не дали застать себя врасплох.

Быстро сближаемся с «мессерами», так до сих пор и не заметившими нас. И действительно, один из них выкрашен в чёрный цвет, а на плоскостях белой краской изображены крылья, похожие на ангельские. Силаев уходит чуть в сторону. Цели мы распределили ещё на земле.

В последний момент пилот чёрного «месса», видимо, всё же заметил нас и бросил истребитель в сторону, уходя от моей очереди. Его ведомый был не таким расторопным и, распуская чёрный жирный хвост дыма, полез на высоту. Понятно, прыгать будет.

– Дед, отрезай чёрного от ленточки, если попытается уйти, – даю команду ведомому, бросая «кобру» вслед за немцем. Краем глаза замечаю распустившийся купол парашюта.

Немец оказался настоящим мастером манёвренного боя. Мы так крутили с ним в воздухе, что истребитель скрипел и трещал всеми элементами конструкции, порой казалось, что крылья отвалятся. Фриц упорно не хотел влезать в перекрестие прицела. Впрочем, и сбросить меня с хвоста у него не получалось.

Наконец буквально на долю секунды в прицеле мелькнула часть фюзеляжа. Я нажал на гашетки, даже не осознавая это, на одних лишь рефлексах. От немца полетели обломки. Он вильнул было в сторону и сбросил фонарь. Ну вот уж хрен тебе. Нам в качестве пленного и твоего ведомого хватит. Ловлю в прицел кабину, из которой пытается выбраться пилот, и с наслаждением всаживаю туда 37-мил лиметровый снаряд авиапушки. На мгновение показалось, что я увидел, как в стороны брызнуло чем-то красным. Вот так оно будет правильно. Чёрный Ангел может быть лишь падшим ангелом.

У-2 догнали уже над аэродромом, когда он заходил на посадку. Сделав победную бочку, тоже садимся, заруливая к стоянке девчат. Из кабины вижу какую-то неправильность и, не дожидаясь остановки винта, выскакиваю из кабины и бросаюсь к съехавшему с полосы биплану. Подбежал, когда ещё живую Наталью вытащили из самолёта и уложили прямо на землю. Комбинезон на груди девушки был изорван в клочья и пропитался кровью. Она хрипло и судорожно дышала.

Я опустился на колено рядом с ней. Наталья открыла глаза и, чуть заметно улыбнувшись одними губами, произнесла:

– Илья.

Её тело вздрогнуло, и взгляд карих глаз остановился, устремившись в бескрайнее голубое небо. Кто-то из девчонок зарыдал. Я поднялся на ноги и молча медленно стянул с головы шлемофон. Ненавижу войну!

Глава 19
Накануне «Цитадели»

То, что скоро на фронте должно произойти что-то серьёзное, чувствовал не только я, со своим послезнанием, но и все остальные. Интенсивность воздушных боёв всё возрастала.

Ко всему этому вскрылась серьёзная проблема. Из-за низкого качества используемой в производстве древесины, а также клея и красок, на многих самолётах обнаружили растрескивание и отставание обшивки. Произошло несколько катастроф. Была проведена проверка технического состояния авиапарка, в результате которой сотни самолётов признали непригодными к полётам. В основном это касалось истребителей Яковлева. И это накануне немецкого наступления. Аналогичная картина, хоть и не в таких масштабах, была и во 2-й воздушной армии, действующей южнее Курска.

Вот что мне нравится в этом времени, так это то, что возникшие проблемы решаются молниеносно, без тягомотины различных согласований, уточнений, новых согласований, согласований уже согласованных уточнений и так далее. Уже через три дня после поступления в Ставку сигнала о возникшей проблеме начали прибывать заводские ремонтные бригады, которые незамедлительно приступили к работе.

В связи с возникшей ситуацией нам работы прибавилось. Приходилось компенсировать выбывшие по техническим причинам самолёты увеличением количества боевых вылетов. Разработали мы и тактику совместных действий с «лавочкиными». Теперь при перехвате вражеских бомбардировщиков мы брали их на себя, а Ла-5 занимались истребительным прикрытием.

Вообще, от применения нами летающего радара немцам стало довольно кисло. Контролируя воздушное пространство, командование получило возможность точно наводить истребители на перехват самолётов противника. Куда бы ни сунулись немцы, практически везде их уже ждали.

Естественно, что наличие у русских странного самолёта не осталось без внимания немецкой разведки. Попытки с земли

подобраться к нашему месту базирования провалились. Ну так ещё бы, тут едва ли не под каждым кустом сидели бойцы НКВД, усиленные бронеавтомобилями. Несколько попыток авианалётов также были отбиты – как нашей авиацией, так и зенитной артиллерией, которой вокруг было, мягко говоря, немало. Тогда немцы решили нанести точечный удар.

С аэродрома вблизи Белгорода взлетела группа из восьми пикировщиков Ю-87 с прикрытием из шести «мессеров». Одновременно немцы нанесли бомбоштурмовой удар по нашим позициям на линии фронта и по нескольким аэродромам севернее Белгорода. Под этот шум ударная группа пересекла линию фронта и на малой высоте устремилась в нашу сторону.

Возвращающийся с патрулирования Пе-8ВР засёк их, когда они были над Обоянью, до нас им оставалось чуть больше пятидесяти километров. Я объявил тревогу и поднял в воздух звено «кобр», которым командовал Гуладзе, и два звена Ла-5. При этом одно звено, под командованием Кожедуба, направил в обход, чтобы он не дал уйти тем, кто уцелеет.

Немцев перехватили уже на подходе к аэродрому. Птенцов Геринга порвали, как Тузик грелку. Нам с Силаевым оставалось лишь кружить над побоищем и контролировать, тяжко вздыхая при этом. Мне даже не пришлось вмешиваться. С первого же захода на встречных курсах «кобры» свалили четыре «лаптёжника», а «лавочкины» – два «мессера».

Однако на немцев это, казалось, не произвело никакого впечатления. Они всё так же пёрли к цели. Камикадзе, блин, тевтонского разлива. Развернувшись, звено Дункана завалило ещё два «юнкерса», прежде чем оставшиеся два решили не искушать судьбу и, вывалив свой груз куда придётся, попытались уйти. Ага, счаз-з-з! Так им это и дали сделать. Ещё один заход – и на земле добавилось два костра. Им даже не надо крестов на могилы, сойдут и на крыльях кресты.

«Лавочкины» сожгли один и сильно повредили второй «мессер». Немец пошёл на вынужденную посадку. Ну, пусть попробует. Уверен, внизу его примут с распростёртыми объятиями.

Оставшаяся четвёрка фрицев рванула в сторону линии фронта. Одному не повезло: его настиг снаряд из 37-мил-лиметровой

авиапушки одной из «кобр» на дистанции, когда немецкий лётчик уже почувствовал себя в безопасности. Похоже, снаряд угодил в бензобак, так как немец взорвался в воздухе.

Идущий чуть в стороне «мессер» вдруг пошёл в плавный вираж с небольшим набором высоты, и от него отделилась фигурка лётчика, хотя, насколько я мог видеть, по нему никто не стрелял. Может, до этого получил повреждение?

Я связался с землёй и передал координаты прыгуна.

– Зверь-один! – вызываю по радио Кожедуба. Кстати, позывной не я придумал, такой ещё в Раменском присвоили, но, чувствую, это навсегда. – К тебе двое недобитков идут. Встреть.

– Принял, Тринадцатый. Недобитков добьём.

Кожедуб доволен. Любит подраться в небе.

Мы уже сели, и я прошёл на КП, чтобы узнать обстановку, когда на связь вышел Кожедуб.

– Здесь Зверь-один! Точка, – (позывной нашего КП), – предупредите зенитчиков, чтобы не пальнули, а то сюрприз попортят. Я тут гостинчик веду.

Беру в руки микрофон.

– Здесь Тринадцатый! Зверь-один, объясните, что за гостинец и что за сюрприз?

– Да фриц никак не пожелал сбиваться, вот я и решил его к нам притащить. Вёрткий, собака! Сделаю из него чучело и у входа в землянку поставлю, мышей отпугивать, – весело хохмит Кожедуб.

Я связался с зенитчиками и предупредил их. Вскоре показался «мессер», позади которого шла пара Ла-5. Ещё одна пара пошла на посадку, показывая немцу, куда ему следует садиться и заруливать. Немец выполнил всё в точности, и вот из откинутого вбок фонаря на землю летит пистолет, а пилот встаёт в кабине с поднятыми вверх руками.

Когда я увидел документы пленного немецкого лётчика, то у меня натуральным образом отпала челюсть. Лейтенант Эрих Альфред Хартманн[95], награждён Железными крестами 2-го и 1-го класса, считается наиболее результативным пилотом-истребителем за всю историю авиации, одержав триста пятьдесят две воздушные победы. Вернее, считался там, в другом времени. А здесь он отлетался. Здесь у него есть все шансы стать лучшим и результативным лесорубом где-

нибудь в сибирском лагере. И, что характерно, приземлил его лучший советский ас Иван Кожедуб. Правда, лучший тоже в том, другом времени, но и здесь у него есть все шансы.

Но и это были ещё не все сюрпризы. Из допроса Хартманна узнали, что они сопровождали группу пикировщиков, которой командовал… Ганс-Ульрих Рудель[96]. Тот самый Рудель, сбросивший на линкор «Марат» в Ленинграде тысячекилограммовую бомбу, которая попала в орудийную башню главного калибра и вызвала взрыв погребов и частичное затопление корабля. По словам Хартманна, Рудель погиб в первые же секунды боя. М-да, топчу «бабочек» целыми стаями.

Написал на Кожедуба представление на звание лейтенанта и награждение орденом Красного Знамени. Заодно засел за отчёты о боевой работе. Рядом сидел и, что называется, скрипел пером Гайдар. Во время допроса Хартманна я аккуратно подвёл его к вопросу, знает ли он о предшествующей деятельности Руделя. Во время рассказа он и упомянул о Ленинграде и о линкоре «Марат». Ну а Гайдар уцепился за это и теперь писал очерк о настигшем немецкого аса возмездии.

Кстати о Гайдаре. Я несколько раз замечал, что он частенько, особенно по вечерам, сидит какой-то печальный. Как-то подсел к нему.

– Что взгрустнулось добру молодцу? Аль кручина какая одолела? – попытался шуткой несколько расшевелить его.

– Родина моя тут, рядом, – вздохнул Гайдар. – Я же родом из Льгова. Отец с матерью преподавали в начальной школе для детей рабочих, и мы жили в квартире при ней. Это потом уже, когда мне было пять лет, мы переехали под Сормово и через год – в Горький, он тогда ещё Нижним Новгородом был. А сейчас вот тоска что-то навалилась. Родные места, как-никак.

– А знаешь, друг мой Аркадий, – сказал я после недолгих размышлений, – бери-ка ты машину с водителем и съезди навестить родные места. Город совсем недавно освободили, и людям, особенно детям, будет приятно, что их знаменитый земляк о них не забыл. Документы тебе выпишем, чтобы всё было как положено, и вперёд. Тут по прямой километров семьдесят будет. Ну, по дороге, понятно, и все сто. Так что даю тебе краткосрочный отпуск сроком на трое суток.

Гайдар вернулся из Льгова довольный. Школа, как и квартира, где он жил с рождения, не пострадали. Прямо там, в школе, организовали

его встречу с детьми, и он с удовольствием пообщался с ними. Представляю, как рады были дети увидеть любимого писателя (а его действительно любили), да не просто писателя, а ещё и с голубыми петлицами авиатора.

В конце июня меня срочно вызвали в Москву. Причину вызова не объяснили, но приказали вылететь без промедления. И это в то время, когда со дня на день начнётся немецкое наступление, да и уже сейчас интенсивность воздушных боёв всё нарастала и нарастала. Настолько, что мы начали нести потери. За месяц мы потеряли двух лётчиков на Ла-5 убитыми и четыре самолёта, из которых один – «кобра». Гоч словил плюху от «фоккера». Хорошо хоть сам отделался лишь парой царапин, да едва не налетел на стабилизатор, когда выбросился с парашютом из горящей машины. На остальных истребителях эскадрильи тоже хватало отметин от немецких пуль и снарядов.

И вот в такое время я на «дусе» в качестве пассажира вылетел в столицу.

Вот кого я не ожидал увидеть в кабинете Сталина, так это айр-маршала Ли-Мэллори. Кроме него и самого Сталина здесь же присутствовали нарком иностранных дел Молотов, нарком внутренних дел Берия и посол Великобритании в СССР Арчибальд Керр. Ну и, как я понял, переводчик и фотограф. Хотя переводчик – это скорее для тех же англичан и Берии. Во всяком случае, как я узнал ещё там, в будущем, Сталин довольно неплохо знал английский, хотя и не подавал вида, и это знание во время переговоров с союзниками давало ему некоторую фору во времени, чтобы обдумать сказанное.

Не ожидал я и того, что произошло после моего доклада о прибытии и взаимных приветствий.

– Сэр! – начал Ли-Мэллори. – Я нахожусь здесь по поручению её королевского высочества принцессы Елизаветы. Её королевское высочество выразила сожаление, что такой прославленный рыцарь-воин не имеет своего рыцарского меча, и поэтому в знак признания ваших воинских заслуг она поручила мне вручить вам, сэр рыцарь Копьёв, этот меч.

Из-за его плеча вышел посол Керр, держа в руках продолговатый предмет, завёрнутый в красный бархат. Айр-маршал бережно принял его у посла и, развернув, с лёгким поклоном вручил мне меч в ножнах.

В этот момент я, что называется, подвис. Вот никак не ожидал я такого алаверды от английской принцессы. Однако не принять нельзя: это уже дело государственное. Поэтому со всем возможным почтением беру в руки меч. А ничего так подарочек. Вынимаю его из ножен. На отполированном до зеркального блеска обоюдоостром лезвии длиной чуть меньше метра с обеих сторон гравировка: «Храброму рыцарю, отважному лётчику-истребителю гвардии майору Красной армии Копьёву в знак признания его воинских заслуг от принцессы Елизаветы». С одной стороны на русском языке, а с другой стороны – на английском.

Я приложился губами к клинку и вернул его в ножны.

– Сэр айр-маршал! – обратился я к Ли-Мэллори. – Прошу вас передать её высочеству, что этот меч будет обращён исключительно против нашего общего врага и любых других сил зла.

После недолгих обменов любезностями англичане с фотографом откланялись, и мы остались в кабинете одни.

– Видал, Лаврентий, какие у нас орлы, – кивнул Сталин в мою сторону. – Он там в Англии уже с принцессой умудрился познакомиться, и она ему такие подарки шлёт.

– Может, ты, майор, рановато женился? – решил, видимо, Берия, поддержать шуточный тон хозяина кабинета. – А то бы с английским королём породнился.

– Я свою жену и дочку, товарищ Берия, и на тысячу их принцесс не променяю, тем более что я ни одной в глаза не видел, – ответил я серьёзно.

– Хорошо сказал, молодец, – уже без улыбки произнёс Сталин. – Мы тут с товарищами вспомнили, что в суматохе позабыли об одном важном деле. Ведь тебе ещё как дважды Герою полагался бюст на родине, а так как ты награждён уже трижды, то есть мнение, что бюст будет стоять здесь, в Кремле. Так что сегодня вам, товарищ Копьёв, следует посетить скульптора. Он уже извещён и ожидает вас.

Два дня! Два дня я потратил на то, чтобы по нескольку часов неподвижно сидеть на стуле. И это тогда, когда дорога каждая минута. Хорошо хоть меч сдал под расписку на хранение в Спецхран: а куда мне его девать на фронте? Ох и вымотал меня этот самый скульптор. И так сядь, и вот так голову подними, и вот такое выражение лица

прими, и вообще не шевелись. В общем, я банально сбежал от него сразу после того, как он сказал, что, в принципе, уже кое-что начало получаться.

Немцы пятого июля, как это было в известной мне истории, наступление не начали. Не начали они и шестого, и седьмого. Видимо, отсутствие Манштейна, упокоенного мной под Ленинградом, как-то сказалось на сроках начала операции «Цитадель».

А восьмого рано утром к нам приехал полковник Андреянов с ещё одним полковником с пехотными петлицами, представившимся как полковник Гулыгин из разведупра.

– Выручай, майор, – начал Андриянов, – вся надежда на тебя. Со Ставкой всё согласовано и получено добро на участие в операции вашей эскадрильи. Товарищ Гулыгин введёт в курс дела.

– Вот здесь, – разведчик развернул карту и ткнул на отметку северо-западнее Припяти, – партизанский аэродром.

Местность вокруг заболоченная и труднопроходимая. Сейчас там находится транспортный самолёт. Необходимо любой ценой обеспечить прикрытие этого самолёта на взлёте и на всём маршруте полёта. На нём должны вывезти ценный груз. Какой, тебе знать необязательно. Скажу лишь, что ради него немцы сейчас осуществляют сплошное прочёсывание лесного массива и, по радиограммам партизан, над лесом постоянно висят немецкие самолёты. Пока аэродром не обнаружили, но это дело ближайших часов. В лесу вокруг идут бои. Партизаны пока сдерживают немцев, но сил у них маловато. Самолёт должен взлететь и прибыть сюда сегодня, иначе будет поздно. Вот такие пироги с котятами, майор.

Я склонился над картой и прикинул расстояние. Четыре с половиной сотни километров только в одну сторону. Это даже если просто слетать туда-сюда, и то почти полностью опустошим топливные баки, а ведь, вероятнее всего, придётся и подраться.

– Дневальный! – крикнул я в сторону входа.

Тут же в приоткрытую дверь просунулась голова одного из солдат, охранявших аэродром.

– Срочно сюда старшину Федянина, всё третье звено в полном составе и лейтенанта Силаева.

– Одно звено? – переспросил Андреянов. – Не маловато будет?

– Самолёты этого звена оборудованы подвесными топливными баками. Иначе горючего нам не хватит. Дооборудование остальных машин эскадрильи займёт слишком много времени, а его, как я понимаю, у нас нет. Поэтому со звеном пойду ещё и я с ведомым, тем более что звено неполное.

Дверь открылась, и в землянку ввалились слегка запыхавшиеся лётчики и с ними Кузьмич. Увидев двух полковников, они изобразили что-то вроде строевой стойки, и капитан Юсупов начал было рапортовать о прибытии, на что я махнул рукой.

– Значит, так! Слушайте боевой приказ. Старшина Федянин! Срочно подготовить к боевому вылету машины третьего звена и мою с ведомым. На наши подвесить топливные баки. Горючего под пробку и ещё чуток сверху. На всё про всё у вас не более часа времени. Исполнять!

Дождавшись, когда Кузьмич выскочит за дверь, я продолжил:

– Теперь наша задача. – Я жестом пригласил пилотов к карте и ткнул пальцем в район партизанского аэродрома. – Летим сюда, здесь разгоняем фрицев и сопровождаем транспортник. Он должен долететь любой ценой. Федь, – обратился я к старшему лейтенанту Смолину, – ты один. Гоч безлошадный и будет дежурить здесь, на КП. Твоя задача – непосредственное сопровождение транспортника. В бой по возможности не лезь. Твоё дело – отбиваться от тех, кто будет его атаковать. Вылет ровно через час. Документы и награды оставить здесь. Всё! Готовьтесь к вылету!

Когда все ушли, я вытащил из кармана гимнастёрки документы, снял Звёзды Героя и ордена и положил всё это на стол. Из планшетки достал недавно присланное мне фото, на котором Света сидела на стуле, а у неё на коленях устроилась улыбающаяся Катюшка. Чуть касаясь пальцами, провёл по глянцу фотокарточки. Как же я соскучился.

В землянку вошёл Гайдар, а следом за ним и Данилин.

– Собираешься?

– Сохрани, Аркадий, – кивнул я на стол, положив фото на награды сверху.

– Само собой. – Гайдар даже не притронулся к вещам. – Что тут хранить-то? Вернёшься через пару часов.

Ровно через час пятёрка «аэрокобр» оторвалась от полосы и взяла курс на запад. Для хоть какой-то маскировки на том участке фронта, через который нам предстояло перелететь в тыл к немцам, в срочном порядке организовали штурмовку немецких позиций силами 30-го ИАП, вооружённого «аэрокобрами». Под устроенный ими шум мы пересекли линию фронта и, набрав высоту, устремились на запад.

Летели почти час. Минут за пятнадцать до места назначения я вышел на связь с транспортником, благо позывными и паролем меня обеспечили.

– Тринадцатый вызывает Каймана! Шипка! Тринадцатый вызывает Каймана! Шипка!

– Кайман на связи! Ангара!

– Принял тебя, Кайман! Буду в вашем квадрате через пятнадцать минут. Готовьтесь к взлёту через указанное время. Доложите обстановку.

– Понял тебя, Тринадцатый! К взлёту готовы. Над полосой кружат два немецких биплана «Хеншель-123», периодически сбрасывают бомбы наугад. Нас пока не обнаружили. Южнее замечен ещё один самолёт-разведчик. В километре от полосы идёт бой. Ребята, поторопитесь.

– Мы почти на месте. Как только очистим небо, сразу взлетайте. Отбой!

– Понял тебя, Тринадцатый! Отбой!

Мы снизились к самым верхушкам деревьев, едва не срубая их крыльями. Два немецких самолёта, выписывающих восьмёрки над лесом, мы заметили издали. Похоже те самые Hs-123. Несмотря на свой довольно архаичный внешний вид, противник очень неудобный. На редкость живучий и юркий самолётик.

Созданный в середине тридцатых годов как пикирующий бомбардировщик, он достаточно хорошо зарекомендовал себя в качестве штурмовика, имея возможность помимо бомб подвешивать под крылья специальные контейнеры с 20-миллиметровыми авиапушками. Сбивать его тоже было не самым простым занятием, особенно для неопытных лётчиков. Мало того что он цельнометаллический, что делало его устойчивым к повреждениям, так ещё и невысокая скорость полёта не позволяла долго держать его в прицеле. И при этом отсутствие заднего стрелка, что было настоящим

бичом Ил-2 первых модификаций, немцев до самого конца войны не напрягало.

Живучий-то он живучий, но против 37-миллиметрово-го снаряда его живучесть, как говорится, не пляшет. Пара Князь – Горбатый смахнули оба биплана с неба не напрягаясь, практически одновременно. Надеюсь, что немцы не успели ничего передать по радио. Самолёт-разведчик, о котором предупреждали, видно не было. Возможно, кончилось горючее, и он улетел. Ну так нам проще.

– Кайман, здесь Тринадцатый! Небо чистое, взлетайте.

– Принял, Тринадцатый! Взлетаем.

А хорошо партизаны замаскировали свой аэродром. Сколько я ни вглядывался, но пока тушка транспортного Ли-2 не всплыла, словно подводная лодка, над деревьями, так и не разглядел площадку. Точно помню: там было болото с растущими на нём низкими корявыми деревцами.

Тут же к транспортнику пристроился истребитель Смолина. Мы попарно разошлись в разные стороны, чтобы контролировать большее пространство.

При пересечении Днепра попали под зенитный обстрел. Пару раз машину довольно сильно встряхнуло, и почти сразу появилась какая-то вибрация от двигателя.

– Командир! Дымишь! – раздался в наушниках встревоженный голос ведомого.

Кручу головой и чуть подаю ручку влево, закладывая небольшой вираж. За самолётом тянется ясно видимый тёмно-серый след. Твою ж дивизию!

И тут же, оправдывая пословицу, что беда не приходит одна, раздался доклад Князя, идущего чуть выше:

– Слева «мессеры»! Две четвёрки! Идут на нас!

Решение приходит моментально. До линии фронта я, скорее всего, не дотяну: двести пятьдесят километров с повреждённым двигателем – это нереально, тем более что вибрация всё больше усиливается, и уже явственно потянуло гарью.

– Князь! В бой не вступать! Прикрывать Каймана! Уходите, я их задержу! Это приказ! Дед, в пару к Пихте! Я вернусь, парни! Ребята, будем жить!!!

Последнюю фразу я прокричал, бросая свой повреждённый истребитель навстречу немцам, благо последним своим манёвром я почти довернул на них. Беру в прицел один из «мессеров» и бью короткой, трёхснарядной очередью из пушки, и тут же, почти наугад, так как от отдачи прицел сбивается, даю короткую очередь в идущий рядом. Повезло. Первый фриц взорвался в воздухе, а второй закружил кленовым семечком с отбитым крылом. Минус два.

Немцы, ошеломлённые мгновенной потерей сразу двух своих камрадов, порскнули в разные стороны. Так! Самолёт пока вполне слушается управления, но назад лучше не оборачиваться. Дым из тёмно-серого стал чёрным. Значит, с минуты на минуту двигатель встанет, и тогда мне крышка. Но, пока есть возможность, буду драться.

Доворачиваю вслед за четвёркой «мессеров» и успеваю всадить очередь из всех стволов в один из них, когда по бронеспинке словно кувалдой ударили. На миг перехватило дыхание. Двигатель окончательно встал, и истребитель начало заваливать на левое крыло. Прыгать? Оборачиваюсь назад и сквозь клубы чёрного дыма вижу, как пара «мессеров» заходят мне в хвост. Нет, тут без шансов. Расстреляют в воздухе, как куропатку. Сосредотачиваюсь на управлении, и мне с большим трудом удаётся выровнять машину. Под крыльями – широкая река. Днепр. И впереди его правый, западный берег.

В этот момент «кобра» затряслась от попаданий. Пригибаюсь за бронеспинкой и притираю истребитель к воде. Подняв огромный фонтан брызг, самолёт зарылся носом в днепровскую воду и начал быстро погружаться. По поверхности побежали две строчки фонтанчиков от пуль, а над головой с рёвом пронеслась пара «мессеров». Я едва успел отстегнуть парашют и выбраться из кабины, когда «кобра» хвостом вперёд ушла под воду.

До берега осталось метров тридцать. Хорошо, что сейчас лето и я неплохо плаваю, так что доберусь. Плохо то, что это западный берег.

Интерлюдия

Город Белорецк. Светлана

С самого утра какое-то непонятное, тягуче-тоскливое чувство поселилось в душе Светланы. На работе всё валилось из рук, и она едва дождалась окончания рабочего дня. Забрала Катю из детсада, дома пожарила яичницу-глазунью из купленных у соседки яиц. Яичницу Катя любила и могла есть её сколько угодно. Нет, в детсаду детей кормили хорошо, да ещё и повариха старалась положить для девочки-блокадницы побольше, но кто же откажется от такого лакомства. Сама Света без аппетита поковырялась вилкой в тарелке и отодвинула её от себя. Муторно что-то было на сердце.

Катюшка наелась и убежала во двор играть с соседскими ребятишками, а она сняла со стены большую рамку с фотографиями, присланными мужем, и, разложив их перед собой, невольно улыбнулась и смахнула непрошеную слезу. Она очень соскучилась, а что уж говорить о Катюшке. Эта маленькая непоседа каждый вечер перед сном рассказывала фотографиям Ильи о том, как прошёл её день, жаловалась на мальчишек в детском саду и всегда заканчивала одной и той же фразой: «Папочка, миленький, плиезжай сколее. Я тебя очень-плиочень сильно люблю и скучаю».

Когда ещё там, в Ленинграде, к ней домой приехал Гайдар и сказал, что Илью арестовали за убийство какой-то женщины, она не поверила. Он не мог такого сделать. Потом её вызвали в НКВД и долго расспрашивали о том, приносил ли Илья ей продукты и не знает ли она: продавал ли он их? Она честно рассказала, что да, приносил и не только ей, но и отправил много продуктов в Институт растениеводства. Нет, не продавал.

Тётя Дуся тоже подтвердила, что все продукты, которые приносил Илья, они привезли с собой с Большой земли. Также она рассказала о той самой торговке, которая за золотые серьги продала ей банку кофе, и о том, как на это отреагировали Илья и его механик Анатолий Кузьмич. Описала она и внешность спекулянтши.

Гайдар и начальник особого отдела эскадрильи, которой командовал Илья, Данилин, помогли с документами, и её с дочкой

отправили в эвакуацию на Большую землю. Так они попали в этот маленький уральский городок, уютно расположившийся среди гор, покрытых густым лесом.

Белорецк ей понравился, хотя, пока они ехали в маленьком, почти игрушечном узкоколейном вагончике с насквозь промёрзшими стёклами, который долго петлял среди гор, было немного тревожно. Как оно всё будет на новом месте?

Встретили их очень хорошо. Сразу выделили комнату в доме, расположенном прямо в городском парке, и это привело Катюшку в неимоверный восторг. Она никогда не видела так близко такие огромные сосны. Соседи, узнав, что к ним подселили блокадников, в тот же вечер натащили к ним в комнату буквально всего, включая тёплые зимние вещи, постельное бельё, посуду. Соседка, тётя Насима, даже зарубила курицу и приготовила вкусную наваристую лапшу, которой угостила их. Все старались что-то сделать для них.

На следующий день Светлана пошла на металлургический завод, куда её распределили работать, благо было близко – лишь спуститься по деревянным ступенькам вниз и перейти по мосту через реку Белую. Так она начала работать в машинописном бюро. Катюшку устроили в детский сад.

Светлана сразу написала для Ильи письмо и отправила его на московский адрес Гайдара. От Ильи писем долго не было, но она понимала, что у него просто нет возможности писать. А вскоре почтальонша с улыбкой на лице вручила ей заветный конверт со штампом на лицевой стороне «Воинское» и на обратной – «Просмотрено военной цензурой». Счастью Светланы не было предела. Да и соседи, узнав о пришедшем письме, радовались не меньше, словно это им пришла весточка от родного человека.

Светлана бессчётное число раз перечитала письмо сама, закапав слезами, потом несколько раз вслух читала для Катюшки, которая от радости прыгала, хлопая в ладоши. Потом были ещё письма, наполненные любовью и нежностью. Она тоже писала в ответ, что любит и ждёт. Сходила и сделала фото с Катюшкой и отправила Илье.

Перед самым Первомаем она увидела в газете фото Ильи на первой странице. Он улыбался со снимка, а на его груди над многочисленными наградами были три Золотые Звезды Героя. Продавщица в киоске с удивлением смотрела на странную

покупательницу, которая со слезами на глазах рассматривает фото. Светлана до сих пор так никому и не сказала, кем является её муж: стеснялась она его известности. А Катя вырезала фото из газеты и прикрепила на стену над своей кроваткой. В детсаду она всем хвалилась, что её папа «лыцаль и гелой», но на это мало кто обращал внимание.

Однако рано или поздно всё тайное становится явным. Через несколько дней после праздника к ней домой пришёл военный в форме НКВД и, проверив предварительно документы, вручил объёмный конверт, на обратном адресе которого значилось «Москва, Кремль».

В конверте были фотографии. Красивые, цветные. На одной из них, самой большой, на фоне Кремля была запечатлена вся героическая эскадрилья, а в первом ряду, рядом с Ильёй, стояли *сам* Сталин и легендарный маршал Будённый. На следующем фото Сталин пожимал руку Илье. Были и другие фото, на которых улыбающийся Илья стоял рядом с Гайдаром, с дядей Толей Федяниным, своим механиком, со своим ведомым, которого он называл Дедом.

Светлана рассматривала фото, вглядываясь в лицо того, кто стал её самым близким (после Катюшки, конечно) человеком, и едва сдерживала слёзы. Слёзы радости и гордости за любимого.

Соседка, баба Шура, не выдержала первой. Естественно, визит к новой соседке военного с пакетом не остался незамеченным, и все искали повод зайти и разузнать подробности. Вот и баба Шура, зайдя в дверь и уже открыв рот, чтобы что-то спросить, вдруг замерла, устремив взор на лежащие на столе фотографии.

– Ох ты ж божечки! Сам Сталин! А енто хто ж рядом с ним-то?

– Это мой папа! – радостно завопила Катюшка, кружась в каком-то только ей ведомом танце.

Баба Шура перевела совершенно обалдевший взгляд, в котором без всяких слов отчётливо читался очередной вопрос, на Светлану.

– Это мой муж, лётчик Илья Копьёв, – тихо произнесла Светлана.

Баба Шура, не отрывая взгляда от фотографий, боком вышла в дверь. Было слышно, как она почти галопом помчалась куда-то.

В следующие несколько дней к ним домой, казалось, наведалась половина города. Сарафанное радио моментально разнесло, что здесь, рядом, живёт семья того самого лётчика-аса, трижды Героя Советского Союза, который уничтожил сто пятьдесят фашистских стервятников.

Люди приходили, чтобы увидеть *те самые* фотографии, приносили гостинцы. Один старичок принёс полную банку мёда и долго благодарил за что-то Свету. Даже директор завода и первый секретарь горкома партии приезжали. Предлагали Светлане переехать в большую квартиру, но она отказалась. Ей было неудобно от всего этого: словно она причастна к тем подвигам, что совершил её муж. Так и остались они в этой комнатке.

И вот сегодня что-то тревожно сдавило сердце. Она ещё раз погладила пальцами лицо Ильи на фото и решительно вернула рамку обратно на стену.

– Он жив! – сказала она вслух самой себе, и та тяжесть, что давила на неё, вдруг исчезла. – Он жив! – произнесла она, уже окончательно успокоившись.

Глава 20
За линией фронта

Наверное, загонная охота – это увлекательное мероприятие. Особенно если не вы в роли дичи. Мне вот не повезло, и пришлось играть эту самую роль. И немцы были близки к тому, чтобы я стал их трофеем. Уж не знаю, кого или что умыкнули у них партизаны, но злость интуристы решили выместить на мне. Сыграло роль в их заочной нелюбви к моей персоне и то, что я пилотировал самолёт с так ненавистной им расцветкой. А может, и бортовой номер со звёздами заметили.

В общем, обложили они меня плотно и грамотно, при этом наглухо перекрыв возможность переплыть Днепр. Появившийся бронекатер с нацистским флагом на корме явно намекал о нежелательности такого заплыва.

Самым паршивым являлось то, что на этом берегу было редколесье, так что особо не спрячешься. Зато местность подболоченная, а значит, немцам придётся прочёсывать её в поисках меня пешочком: техника здесь не пройдёт.

Отдалившись от берега примерно на полкилометра, решил произвести ревизию своих запасов. В планшетке у меня была карта, основательно размокшая без возможности высохнуть, и компас. В разгрузке – пистолет ТТ с двумя запасными магазинами, две гранаты Ф-1, перевязочный пакет, две упаковки с «рационом Д», нож НР-40 и бензиновая зажигалка в герметичном футляре. В общем, всё по нашему стандарту.

Нацепил компас на руку вместо разбитых часов, сверился с картой и ползком между кочек, уподобившись ужу, двинул на запад. Через полчаса таких упражнений пришлось экстренно зарываться в болотную жижу: немцы были буквально в десятке метров от меня, за редким кустарником. Судя по разговорам, лезть в самое болото они не собирались и ждали, когда пригонят местных полицаев. И вообще, русского лётчика живым никто не видел и, скорее всего, он утонул вместе со своим самолётом.

Хорошо хоть собак у них не было. Аккуратно, буквально по сантиметру, стараясь, чтобы не было ни малейшего всплеска, я отполз назад. Тэк-с, сменим направление. Судя по карте, севернее проходит железная дорога и находится мост через Днепр. Туда мне точно не надо, так как злых бундесов там как блох на бобике. Значит, мне дорога южнее. Надеюсь, все парни долетели до дома благополучно.

Остаток дня и всю ночь я проторчал в этом долбаном болоте. Пригнанные полицаи без особого энтузиазма, обходя совсем уж топкие места, прочесали местность. Пару раз мне пришлось нырять в болотину с головой, укрываясь от них. Надежда на то, что ночью они угомоняться, не оправдалась. Выставив посты из всё тех же полицаев, основная масса немцев укатила, а оставшиеся то и дело пускали в небо осветительные ракеты и изредка постреливали наугад. Зато я смог найти более-менее сухой участок и, сняв форму, выжать её насколько это было возможно. Продрог просто до костей.

Едва забрезжил рассвет, как над болотом начал подниматься густой туман, через час уже в паре метров нельзя было ничего разглядеть. Вот он, мой шанс. Уже почти не таясь, лишь пригнувшись, я двинулся в западном направлении, сверяясь по компасу. Того, что меня услышат, я не боялся: туман очень хорошо скрадывает звуки, но всё же старался лишний раз не шуметь.

Через полтора часа, когда туман начал рассеиваться, я совершенно неожиданно вышел на дорогу. На хорошую такую наезженную грунтовку, к счастью, в этот ранний час совершенно пустую. Хотя… Тарахтение мотоциклетного мотора было хоть и слабо, но слышно. Туман уже начал подниматься, и видимость была метров пятьдесят.

Я едва успел залечь с пистолетом на изготовку в неглубокой придорожной канавке, как из тумана показались два мотоциклиста с характерными, узнаваемыми металлическими горжетками на груди. Блин, вот что за невезуха. В фильмах, что я когда-то смотрел, немцы разъезжали на мотоциклах с колясками, с непременным пулемётом в них, а мне повстречались два бундес-байкера на одиночках. Ну да дарёному коню в зубы не смотрят. Какой-никакой, а транспорт. Всё же лучше ехать на колёсах, чем топать ножками.

Убеждаюсь, что следом за мотоциклистами никого нет, и, резко вскочив на колено, стреляю двойками вначале в одного, затем в другого фрица. Первый резко вильнул в сторону и, проломив редкий

кустарник, проехал ещё несколько метров, прежде чем упасть. Второй свалился прямо посредине дороги.

Бросаюсь к тому, что лёг в кустах. Готов. Даже контроль не требуется. Аккуратная дырочка чуть выше переносицы ясно говорит о том, что клиент уже в стране вечной охоты. Надеюсь, в качестве дичи. А вот второй оказался живым, хоть это и ненадолго. Быстро освободил его от ремня с кобурой и подсумками, закинул бывший при нём карабин за спину и за руки потащил фрица в низинку, в которой уже находился его более везучий напарник. Уложил немца чуть в стороне и бегом вернулся на дорогу за мотоциклом. Потом, насколько смог, замёл все следы отломанными ветками.

Раненый немец начал приходить в себя и первое, что он попытался сделать, это подползти к своему убитому камраду с целью завладеть оружием. Хотя подползти у него явно не получалось: сложно это сделать с переломанными ногами и дыркой от пули в груди.

Увидев меня, немец замер. Я с самой доброжелательной улыбкой, на какую только был способен, вытащил нож из ножен и сделал шаг в его сторону. Почему-то наш гость из не очень-то солнечной Германии моё дружелюбие не оценил. И без того бледное его лицо побелело ещё больше, а в глазах застыл животный ужас. Ну ещё бы. Он сейчас видит перед собой злобного русского, изгвазданного болотной тиной по самую макушку, радостно улыбающегося в предвкушении разделки ножом тушки ещё живого германского цивилизатора, несущего варварам на востоке свет европейских ценностей.

– Найн, найн, – чуть слышно просипел фриц. Было заметно, что у него от страха отказывают голосовые связки. – Bitte! Tote nicht! Ich flehe dich an![97]

– У меня для тебя плохие новости, камрад.

Немец от удивления даже замер. Ну да, мне не раз говорили, что на немецком я говорю так, словно всю жизнь прожил в Берлине.

– Сегодня ты умрёшь. Но у тебя есть выбор, как умереть. Если ты отвечаешь на все мои вопросы, то я тебя зарежу не больно: чик – и ты уже на небесах. Но если ты решишь изображать из себя героя рейха, то я порежу тебя на ремни, а потом разрежу твой живот, и ты будешь долго и мучительно умирать, глядя на свои вывалившиеся кишки.

Стараясь не глядеть на только что зарезанного мной фрица, я подсчитывал трофеи. Не то чтобы мне было как-то не по себе. Нет, ничего такого я не испытывал. Просто неприятно было смотреть на его перерезанную шею и залитое кровью тело – чисто эстетически. Вот удивительное дело. Было такое, что довелось мне пару-тройку раз кур резать, так сердце кровью обливалось от жалости. Я потом есть не мог лапшу, сваренную из них. А тут перерезал человеку ножом горло, и хоть бы что-то в душе шелохнулось. Хотя человеку ли? Впрочем, он свой выбор сделал сам.

На вопросы немец отвечал довольно бодро и подробно. Его с унтер-офицером отправили на патрулирование и на всякий случай предупредили, что в их зоне ответственности может объявиться сбитый русский лётчик. Хотя, как он сказал, командование было уверено, что лётчик погиб.

Партизан в непосредственной близости нет, хотя неделю назад в нескольких километрах выше по течению был взорван железнодорожный мост через Днепр. Сейчас там полным ходом идут восстановительные работы, и всё вокруг оцеплено охранными подразделениями и полицией из местных. Западнее шли бои с партизанами, и сейчас охранные части при поддержке армейцев и полицаев из местных проводят зачистку местности.

А потом фриц всё же решил испытать свою судьбу и дёрнулся к лежащему чуть в стороне на земле ремню с пистолетом в кобуре. Если честно, то я даже в какой-то мере был благодарен ему. Не знаю, смог бы я вот так хладнокровно зарезать его. А тут как-то само собой получилось резко махнуть рукой с зажатым в ней обратным хватом отточенным до бритвенной остроты ножом. Немец схватился руками за перерезанное горло в тщетной попытке остановить бьющую толчками кровь. В глазах его застыл ужас вперемешку с какой-то обидой, и он завалился на бок. Ну да туда ему и дорога.

Я вытер нож о его брюки и, убрав его в ножны, занялся трофеями. Вот чем-чем, а трофеями мы, лётчики, обделены. Но тем они и ценнее для нас в целом и для меня в данный момент в частности.

От двух убитых фельджандармов мне досталось следующее. Мотоцикл без коляски – две штуки, из них один явно больше никуда не поедет, так как фриц, укативший на нём в кусты, умудрился на полном ходу наскочить на невесть откуда взявшийся здесь пень. В общем,

переднее колесо в хлам. Автомат МР-40 (а может, и МР-38, я их так и не научился различать) – одна штука; магазины к нему – четыре штуки, из них один пристёгнут к автомату и три в подсумке; карабин «Маузер-98к» – одна штука; патроны к нему в обоймах по пять штук в подсумках; бинокль – одна штука; два пистолета «Вальтер Р-38» и по два запасных магазина к каждому из них.

Вот, кстати, вспомнил, как об этих пистолетах отзывались сами немцы. Они говорили, что из него можно сделать восемь предупредительных выстрелов и один точный бросок.

Кроме оружия в пристёгнутых к мотоциклам брезентовых сумках нашлись хлеб, два круга копчёной колбасы, шмат солёного сала граммов так на пятьсот, несколько банок консервов и термос с ещё горячим кофе. Удивительно, но после всех кульбитов он уцелел.

Я сложил все продукты в сумку целого мотоцикла, надел пояс с кобурой и вальтером в ней. Второй пистолет, как и свой ТТ, отправил к продуктам. Пока я возился, по дороге проехали первые две грузовые машины. Я замер, но грузовики проехали не останавливаясь. Значит, ничего подозрительного не заметили.

А ещё это означало, что мне пора было двигать в путь, пока на дороге не началось интенсивное движение. Можно было бы, конечно, где-то затихариться, зная, что через пару месяцев здесь уже будут наши, но, во-первых, это не в моих правилах – прятаться, а во-вторых, таких убежищ поблизости просто не было. Значит, надо было искать возможность переправиться на восточный берег Днепра и двигаться навстречу нашим войскам.

Я быстро перекусил чем фюрер послал, запил всё это тёплым кофе из термоса и, поднатужившись, выкатил мотоцикл на дорогу. Выглядел я, конечно, немного странновато. День обещал быть тёплым и ясным, а на мне был накинут плащ-накидка. Увы, но переодеться в немецкую форму не получилось. Один, так сказать, комплект был залит кровью, а носитель второго комплекта оказался на редкость объёмным и низкорослым. Ну да буду надеяться, что никто не захочет связываться с обладателем горжетки фельджандармерии и останавливать его, чтобы задать вопросы относительно формы одежды.

Автомат я повесил на грудь под накидку, а карабин закинул сверху за спину: жалко было бросать что-то из оружия, тем более не на себе

тащить, во всяком случае пока. Напялил каску и мотоциклетные защитные очки. Мысленно перекрестившись, завёл железного коня со значком «БМВ» на бензобаке. Эх, вспомню молодость. Помнится, у моего тестя был мотоцикл «Урал», и, когда гостили у них, частенько доводилось ездить на нём, в том числе и без коляски.

Я отмотал километров семьдесят на север вдоль Днепра. Некоторая заминка вышла лишь на железнодорожном переезде в самом начале пути. Здесь образовалась небольшая пробка. Я, не притормаживая, нахально объехал по обочине стоящие грузовики и на самом переезде вклинился между двумя из них. Думал, что стоящие здесь солдаты во главе с унтер-офицером попытаются меня остановить, но те не обратили на это грубое нарушение никакого внимания.

Дальше мой маршрут пролегал по грунтовке вдоль реки. Я высматривал местечко для переправы. Увы, но везде, где только можно, стояли войска. Кто-то отдыхал, расположившись на берегу, кто-то готовился к переправе на тот берег по наплавным мостам. Я было сунулся на один из таких, но вовремя остановился: на въезде на мост стоял патруль и проверял документы у всего проходящего транспорта.

Рисковать я не стал и двинулся далее в надежде найти удобное место и переждать до ночи. Может, в темноте удастся переплыть Днепр. Хотя, если вдуматься, на той стороне тоже всё забито войсками. Немцы гонят и гонят подкрепления в район Орла, и это делает перспективу перейти линию фронта всё более и более туманной. Проще дождаться наступления наших войск.

Так я добрался до деревни Бывальки. Дальше, судя по карте, обнаруженной у убитых мной фельджандармов, начинался крупный лесной массив, примыкающий к реке. Удобнее места для того, чтобы укрыться до времени, не найти. Опять же, могу встретить партизан.

А вот в деревне творилось нечто совсем неправильное. Мало того что несколько домов полыхало, так на поляне на окраине деревни стояло, наверное, всё её население в окружении немцев и полицаев, а перед ними высилось сооружение, бывшее не чем иным, как виселицей. И под этой виселицей стояли несколько человек. Я как раз только-только въехал на холм перед деревней, и всё действо было передо мной как на ладони.

Быстро осмотревшись вокруг, я свернул с дороги и проехал метров сто пятьдесят по чуть заметной тропинке до разросшегося кустарника. Бросив мотоцикл, взобрался на вершину холма и прильнул к окулярам бинокля.

М-да, картина маслом. На виселице уже покачиваются три трупа, два из которых мужские и один женский, и к ней тащат ещё одну женщину. Чуть в стороне стоят два грузовика, легковой «кюбельваген» и четыре подводы. Из кузова одного из грузовиков полицаи споро выгружают канистры.

Рядом с виселицей стоит мотоцикл, в отличие от честно затрофеенного мной, с коляской и пулемётом в ней.

Тут же присутствовал и немецкий офицер в сопровождении двух солдат и какого-то типа в штатском – видимо, переводчика. По моим прикидкам, немцев было человек пятнадцать, и ещё человек двадцать полицаев. Ну что же, как говорится, расклад перед боем не наш, но мы будем играть[98]. Просто так пройти мимо мне совесть не позволит.

Снял со спины карабин и, разложив перед собой десяток обойм с патронами, улёгся поудобнее. Плащ тоже снял и скатал валиком, положив на него ствол карабина. Автомат пристроил рядом. До немецкого офицера отсюда метров триста – самое то. Хотя его пуля будет вторая. Первая предназначена для пулемётчика, как самого опасного.

Плавно затвором вгоняю патрон в патронник и делаю глубокий вдох. Ну, понеслась.

Немец в коляске мотоцикла ткнулся головой вперёд, получив пулю прямо под обрез каски – в затылок. Немцы никак не отреагировали: треск пожара хорошо заглушил звук выстрела. Быстро перезаряжаю и ловлю в прицел стоящего чуть впереди мотоцикла офицера. Выстрел – и офицер складывается пополам.

Всё же орднунг – он и в Африке орднунг, а у немцев и подавно. Фрицы бросились врассыпную, паля во все стороны. Полицаи несколько замешкались, что стоило им одного из них.

Местные жители, как по команде, бросились в разные стороны. Все, кроме одного. Точнее, одной. Та самая женщина, вернее, даже девушка, которую тащили к виселице, вдруг метнулась к убитому полицаю и, схватив лежащий рядом с ним автомат ППШ, полоснула

очередью с колена по ближним к ней немцам, срезав сразу троих. А потом…

Нет, подобного я в обеих своих жизнях не видел ни разу. Хотя вру, видел – в голливудских боевиках. Но одно дело – смотреть киноподелки, а другое – видеть вживую.

Перекаты, стрельба стоя, с колена, лёжа, в движении. Девушка двигалась нереально быстро, словно молния. Вот она одним слитным движением вытащила из кобуры убитого мной офицера пистолет и тут же всадила пулю в неосторожно высунувшегося полицая.

Я тоже не бездействовал, отстреливая фрицев и их холуев. Вот пятеро немцев, паля без разбора во все стороны, бросились к грузовикам, водители которых из-под колёс палили в белый свет как в копеечку. Дождавшись, когда беглецы приблизятся к стоящим рядом с машинами канистрам, стреляю в крайнюю из них. М-да, это только в кино ёмкости с горючим эффектно взрываются от одного попадания. Здесь, хоть я и видел, что пробил насквозь несколько из них, возгорания не произошло. Пришлось выстрелить ещё дважды, прежде чем там полыхнуло, окатив горящим бензином и немцев, и машины.

Пока я устраивал фейерверки, моя нечаянная союзница скрылась из вида. Лишь то тут, то там звучали выстрелы. Несколько полицаев попытались уехать на одной из подвод, и у них это могло получиться, пусть и не у всех. Но так как я был не особо сентиментальным, то просто выстрелил в лошадь. Да, животное жалко, но по-другому никак. Двое в чёрной форме и с белыми повязками на рукавах рванули в поле. Но, как говорится, не бегай от снайпера, а то умрёшь уставшим. Они и умерли. А следом за ними умерли ещё двое. Пара-тройка всё же смогли скрыться. Я даже в бинокль не смог их разглядеть. Похоже, затихарились где-то в густой траве.

Перевёл взгляд на деревню. Девушку нашёл сразу. Она осторожно выглядывала из-за угла дома, высматривая врага, а сзади, за другим углом, к ней подкрадывались двое немцев. Бросаю бинокль и хватаюсь за карабин. Чёрт, далековато! Фигуры фрицев едва можно различить рядом со стеной дома.

Стреляю почти наугад и сразу же, передёрнув затвор, делаю второй выстрел, после чего вновь смотрю в бинокль. Один явно готов, а вот второй живёхонек. Тянет из-за пояса гранату и, дёрнув за запал, уже замахнулся, когда прямо перед ним словно из-под земли возникла

самая настоящая фурия. Получив очередь из немецкого автомата в живот, фриц выронил гранату себе под ноги и рухнул, а девушка рыбкой скользнула обратно за угол, спасаясь от взрыва.

Едва прогремел взрыв, как она заглянула за угол, убедилась, что живых там нет, и задумчиво посмотрела на застреленного мной фрица. Что-то прикинув, обернулась в мою сторону и, подняв руку с немецким автоматом до высоты плеч, опустила её вниз. И так несколько раз. А затем ту же руку подняла над головой и, покружив ею, энергично опустила вниз. И тоже несколько раз.

Так-так, в памяти что-то забрезжило. Да это же пехотные сигналы жестами из Боевого устава пехоты РККА. Я-Копьёв в Осоавиахиме их изучал. Первый означает «путь свободен», а второй – «ко мне, сбор». Ну что же, пора, как говорится, и поближе познакомиться (не подумайте чего плохого).

Быстро сложил в подсумки оставшиеся патроны для карабина и ещё раз внимательно осмотрел местность в бинокль. Вроде всё чисто. Закинув карабин за спину, подхватил автомат и быстрым шагом пошёл к деревне.

– Стой! Руки! – остановил меня окрик, едва я дошёл до крайних строений. – Кто такой? Оружие брось!

– Ага, счаз-з! Может, тебе ещё и спину вареньем намазать? – Я медленно развёл руки в стороны, продолжая держать в одной из них автомат. Незнакомку я так и не увидел. – Девушка, а по мне что, не видно, что я майор Красной армии?

– И откуда вы здесь взялись, майор?

Во, уже на вы. Прогресс, однако.

– Я лётчик. Был сбит. Теперь пытаюсь выйти к своим или к партизанам.

– Оружие откуда?

– Немцы поделились. На, говорят, возьми, а то по нашим тылам без оружия ходить скучно и неинтересно.

– Документы есть?

– Нет. Перед вылетом на задание сдал. Кстати, а на ваши взглянуть можно? И вообще, невежливо во время разговора прятаться.

– Я тоже перед вылетом на задание сдала, – внезапно раздалось у меня за спиной, хотя до этого я явно слышал голос перед собой.

Стараясь не делать резких движений, я повернулся. Передо мной, направив ствол автомата мне в живот, стояла молодая девушка в простой крестьянской одежде, покрытой изрядным количеством пыли. И стояла она довольно интересно. Хоть из-под длинной юбки (как только она умудрилась так скакать в ней?) и не были видно ног, но вся её поза была словно сжатая пружина, готовая в любой момент разжаться в молниеносной атаке.

Девушка опустила ствол автомата.

– Сержант госбезопасности Гнатюк, ОМСБОН НКВД[99].

– Майор Копьёв, – представился в свою очередь я, опустив руки. – Тринадцатая отдельная истребительная эскадрилья специального назначения. Можно сказать, коллеги с вами. Вы спецназ наземный, а мы – воздушный. Надо бы местных предупредить, чтобы уходили, – кивнул я в сторону деревни. – Немцы через пару-тройку часов могут заявиться и на них отыграются. Знаешь, к кому здесь лучше обратиться, чтобы организовал людей?

– Я местная и всех здесь знаю, – немного грустно улыбнулась девушка. Вздохнув, она посмотрела на виселицу. – Это моя двоюродная тётка по отцу, её муж и сосед. А времени, думаю, есть даже побольше. Немцы приехали из Лоева, а полицаев набрали из соседних деревень Крупейки и Синск. Так что пока опять соберутся, часов пять-шесть точно пройдёт, если не больше. А там уже и вечереть начнёт, а на ночь глядя они не сунутся. Сёмка! – высмотрела она кого-то. – Поди сюда!

Из-за плетня показалась вихрастая и абсолютно рыжая голова мальчишки лет двенадцати. Он опасливо оглядел лежащие то тут, то там трупы немцев и полицаев и, стараясь обходить их стороной, подбежал к нам.

– Беги, Сёмка, по деревне и скажи, чтобы все здесь собрались. Скажи, командир Красной армии велел, – показала девушка головой на меня.

Она как-то задумчиво посмотрела вслед убежавшему мальчишке и вдруг резко обернулась.

– Майор Копьёв? Лётчик-истребитель? Тот самый, который дважды Герой Советского Союза? Нам про вас на политинформации рассказывали.

– Уже трижды, товарищ сержант госбезопасности, – чуть заметно улыбнулся я. Похоже, она уже давно здесь, в немецком тылу. – Вас как зовут? А то неудобно по званиям обращаться в такой ситуации.

– Маргарита. – Девушка сверкнула глазами. – Только не называйте меня Марго. Лучше Ритой.

– А я Илья. Значит, Рита? Пума?

– Почему «Пума»? – недоуменно уставилась на меня Рита.

– Если твоё имя Рита написать прописными буквами и прочитать по-английски, то получится «Пума». Это такая хищная и очень опасная большая кошка, которая живёт в Южной и Северной Америке. Её ещё называют горным львом, или кугуаром. Тебе, кстати, такой позывной подошёл бы. Есть в тебе что-то такое, кошачье и хищное, – сделал я комплимент.

А сам вспомнил, как в одном из гарнизонов, где проходил службу Силаев, официантку в лётной столовой все звали Пумой. За глаза, естественно. Я поначалу и не понял почему, это потом мне объяснили фокус с её именем и его английской транскрипцией.

А на околицу тем временем начали подходить недавно разбежавшиеся отсюда люди. Встали чуть в стороне от лежащих на земле трупов. Кто-то крестился, кто-то откровенно плевался. Из-за угла крайнего дома показалась целая процессия, центром которой был невысокий парень в чёрной форме с белой повязкой на рукаве. Руки у него были связаны за спиной, и ему периодически отвешивали пинок или затрещину, чтобы придать некоторое ускорение в ходьбе.

Дедок-белорус, державший в руках верёвку, конец которой был привязан к шее полицая, смачно сплюнул под ноги.

– Вось, таварыш камандзір, злавілі подлюгу! У хляве ў Міронаўны хаваўся, Ірад! Гэта Міцька высялкоўскі. Гэта ён немцам цётку Ганну выдаў, што яна Рытку ў сябе хавае[100].

Рита подошла вплотную к полицаю.

– Ну, что, Митенька, выслужиться перед своими хозяевами хотел? Ну и где они теперь, эти твои хозяева? Или ты мне всё мстишь за то, что когда-то по морде тебе дала? Так я могу и повторить. – Она повернулась ко мне. – Мы учились вместе в школе, а в сорок первом он меня на станции в форме видел.

– Я так понимаю, это для тебя приготовили? – показал я на свободную петлю на виселице. – Вот и давайте его туда. Получит то,

что заслужил. Именем Союза Советских Социалистических Республик!

Полицай нервно заозирался по сторонам и начал упираться ногами, когда толпа потащила его к виселице.

– Людзі добрыя, прабачце! Не забівайце! Хрыстом Богам вас прашу! Таварыш камандзір, пашкадуйце! Я ўсё што ведаю пра немцаў раскажу![101] – завопил он, проглатывая слёзы и сопли. На штанах спереди у него расплылось мокрое пятно.

Вот только никто на его вопли, сопли и обоссанные штаны не обратил внимания. Его поставили на скамью и, споро накинув петлю на шею, вопросительно уставились на меня. Рита было дёрнулась, но я удержал её за руку. Вот не знаю почему, но не хотел я, чтобы она выступала в роли палача. Поэтому сам подошёл к стоящему с петлёй на шее и рыдающему полицаю и выбил у него из-под ног скамейку со словами:

– Отправляйся в ад, мразь, тебя там черти заждались!

– Таварыш камандзір! А нам тое што цяпер рабіць?[102] – обратился ко мне тот самый дед.

– Люди! Слушайте меня! – громко прокричал я. – Немцы скоро вернутся, поэтому собирайте всё самое необходимое и уходите! В лес, к родственникам – куда угодно! Те, кто к утру останутся здесь, умрут лютой смертью! Немцы убьют вас, ваших детей и сожгут ваши дома![103] Поэтому не медлите ни минуты!

– Людзі! Слухайце гэтага чалавека! – звонким голосом на белорусском прокричала Рита. – Я ведаю яго! Ён кажа праўду! Трэба крыху пачакаць! Хутка тут будуць нашы![104]

– Эх! Калі толькі яны тут будуць?[105] – чуть слышно вздохнул дед.

– Два-три месяца нужно потерпеть, не больше.

Я смотрел прямо ему в глаза. Не знаю, что он там увидел, но лишь одобрительно кивнул и стал покрикивать на баб, разгоняя их по домам собирать пожитки.

– Не пойдут они в лес, – произнесла Рита, глядя вслед уходящему деду. – Тут у каждого в соседних деревнях родня, так что к ним подадутся.

Оставив Риту заниматься сбором трофеев, я вернулся к оставленному мной мотоциклу. Сам по себе он мне уже был не нужен:

я решил приватизировать мотоцикл с коляской, тем более что теперь я буду не один. Рита решила идти со мной.

Где партизаны, она точно не знала, но зато ей был известен один схрон. Такие несколько лет назад были тайно подготовлены для диверсионных групп и партизанских отрядов на случай войны. В схроны завозили оружие, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. А перед самой войной кто-то решил, что всё это не нужно, и мероприятия свернули, оружие и всё прочее вывезли, а часть схронов просто уничтожили. Но не все. По словам Риты, им перед заброской в немецкий тыл на карте показали местоположение нескольких таких, на случай если будет нужда отсидеться. От нас это место было километрах в сорока по прямой. По дороге все семьдесят-восемьдесят получатся.

Когда я подъехал, несколько мужиков уже сняли тела повешенных односельчан и даже привезли откуда-то три гроба, в которые их и уложили. Рита стояла с мокрыми глазами, глядя на своих родственников. Если честно, то я поначалу несколько удивился её безразличному отношению к их гибели. Думал, она вообще не испытывает эмоций, но это оказалась лишь маска, чему я был даже рад.

– Товарищ майор, я провожу? – кивнула она на гробы. – Оружие и боеприпасы я собрала, с провизией обещали помочь.

– Конечно проводи. Всё должно быть по-людски. А я пока посмотрю, чем мы богаты.

– Товарищ командир, а с этим что делать? – показал один из мужиков на висевшего полицая. – Может, тоже похоронить?

– Пусть висит. – Я едва сдержался, чтобы не плюнуть. – Такой погани вообще не место в нашей земле.

Пока Рита занималась похоронами, я провёл ревизию собранного оружия. Так, пулемёт однозначно берём. Также берём по автомату и по карабину, плюс пистолет у каждого. Остальное оружие и по десятку патронов на ствол надо отдать местным. Им же отдам оба затрофеенных у полицаев автомата ППШ. Только отсыплю себе немного патронов для ТТ. А деревенским всё в хозяйстве сгодится, в том числе и автоматы.

Тем временем вернулась Рита с красными глазами, видно было, что только что плакала. Старательно отворачиваясь в сторону, она

быстро осмотрела убитых немцев и, что-то мысленно прикинув, начала сноровисто раздевать одного из них. Сняла сапоги и, прикинув их к своей ноге, отбросила в сторону. Большие. Подходящий размер, впрочем, нашёлся быстро, и она скрылась в ближайшем сарае. Спустя несколько минут оттуда вышел бравый немецкий зольдат, одетый по всей форме, с автоматом на груди. Я аж в первое мгновение чуть не выстрелил, настолько это было неожиданно.

Рита, заметив это, рассмеялась.

– Я такая страшная, товарищ майор?

– Предупреждать надо, – буркнул я, перевешивая на мотоцикл с коляской пристяжные брезентовые сумки.

– Вам бы тоже переодеться. Я тут присмотрела форму. И не сильно запачкалась, и размер ваш.

Через час мы наконец-то тронулись в путь. Рита с большим трудом втиснулась в коляску, благо была девушкой, можно сказать, миниатюрной. Загрузились мы капитально: и в коляске, и в багажнике, а также в пристяжных сумках были патроны, хлеб, крупы, солёное и копчёное сало. Сзади на запасное колесо я привязал две чудом уцелевшие канистры с бензином. Кроме того, Рита загрузила котелок, чайник, ложки, кружки, металлические тарелки. Сейчас-то ладно, мы на колёсах. А вот как мы всё это попрём потом на себе, когда придётся бросить мотоцикл, это большой вопрос. Ну да до этого ещё дожить надо.

Уже отъезжая от деревни, я увидел, что некоторые местные, послушавшись меня, тоже двинулись в сторону соседней деревни, обвешавшись поклажей. Более чем уверен, что многие останутся, понадеявшись на авось. Но как бы их ни было жаль, я не могу гнать их из домов пинками. Они сами выбрали свою судьбу.

Глава 21
Партизаны

До схрона мы добирались почти трое суток. Я обнаглел настолько, что втискивался в колонны, обгонял, подрезал – в общем, беспределил на дороге, пользуясь мигалками, в смысле заветной фельджандармской горжеткой.

Было видно, что Рита, едущая в коляске за пулемётом, едва сдерживается, чтобы не полоснуть очередью на расплав ствола по ненавистным солдатам в мундирах цвета фельдграу. М-да, девушку в ней сейчас не узнал бы даже обладающий самым развитым воображением. Каска, надвинутая на самые глаза, пропылённая форма, лицо, также покрытое толстым слоем пыли. Она ещё и чехол натянула по самую шею, скрывая от посторонних глаз, так скажем, некоторые, пусть и не сильно, но всё же заметные подробности анатомии.

Под вечер первого дня мы нашли удобный съезд с дороги и, дождавшись, когда не будет машин, свернули на него. Заночевали прямо под открытым небом в перелеске, наскоро перекусив хлебом с колбасой и запив это водой из ручья.

К вечеру следующего дня наконец-то добрались до лесного массива, где должен был находиться схрон. Удалось улучить момент и сориентироваться по карте. Получалось, что дальше наш путь лежал через лес. К счастью, удалось обнаружить едва заметную, заросшую порослью даже не дорогу, а широкую петляющую тропу. Отъехали по ней от дороги метров тридцать и вернулись, чтобы поднять примятые траву и кустарник.

С большим трудом проехав ещё с километр, добрались до небольшого оврага, по дну которого протекал ручей. Здесь и решили заночевать и заодно приготовить себе горячую пищу, благо можно было развести костёр.

Как всё-таки мало человеку нужно, чтобы почувствовать себя счастливым. Вот, например, банальная горячая каша с салом, приготовленная на костре в лесу. И кажется, что вкуснее в мире ничего нет и быть не может. Все ресторанные изысканные деликатесы меркнут в сравнении с этой кашей – простой и сытной, да с дымком. А

горячий чай после неё? Кто, проголодавшись, не пробовал всего этого, тот не познал дзен[106].

Однако в мире всё находится в равновесии или, во всяком случае, стремится к нему. Вот и у нас период наслаждения пищей и медитации над обжигающим чаем сменился проливным дождём. Мы устроились на заранее приготовленном лапнике под низким навесом, сделанным из немецкой плащ-палатки, тесно прижавшись друг к другу.

Не скажу, что выспался. Так, пролежал всю ночь в каком-то полузабытьи, слушая одним ухом мерный шум дождя в лесу. Зато Рита, похоже, вполне себе спала, правда, вскоре повернувшись ко мне лицом, обняв меня рукой и закинув на меня одну ногу. Если честно, то сдержался я на одних лишь морально-волевых. Я же не железный, и женщины у меня не было уже очень давно, а тело молодое и полное сил. Хорошо ещё разум человека уже солидного возраста справляется с бушующими молодыми гормонами и желаниями.

Ближе к утру дождь прекратился, и над землёй заклубился туман. Я выбрался из-под навеса и начал делать махи руками и ногами, чтобы разогнать кровь и согреться. Спустя несколько минут показалось заспанное лицо Риты. Она встала, быстро сбегала к ручью умыться и занялась завтраком. И всё это молча, лишь изредка бросая на меня недовольные взгляды.

Позавтракав, решили дальше идти пешком. С собой взяли, помимо оружия, запас продуктов, сколько смогли поднять. Всё, что осталось, закопали под берегом овражка, укрыв сверху чехлом с коляски мотоцикла. Сам мотоцикл тоже замаскировали. Пулемёт решили с собой не брать: тяжёлый, зараза. Его закопали чуть в стороне вместе с канистрами с бензином. Найдём схрон, и тогда можно будет вернуться за оставленным добром.

Схрон нашли с большим трудом. Рите в своё время показали лишь примерное его местоположение, так что пришлось буквально на карачках ползать, чтобы найти хоть какие-то приметы того, что где-то здесь есть укрытие. Нашла Рита. Она обратила внимание на родник внизу довольно большого холма с растущими на нём соснами. Раскидав камни, из-под которых он вытекал, мы увидели вполне себе металлическую трубу, уходящую под тот самый холм. Ну а дальше, как говорится, дело техники. Всего каких-то пара часов – и вот уже в сумерках мы наконец-то откопали крышку, закрывающую лаз в схрон.

Под крышкой был лаз высотой примерно два метра, заканчивающийся помещением два на два метра, стены и пол которого были обшиты досками. В одной из стен была дверь, за которой обнаружился проход со ступеньками, ведущий вниз под углом сорок пять градусов. И уже внизу, на глубине метров пяти, за очередной крепкой дверью, снабжённой то ли смотровым окошком, то ли бойницей, было оборудовано само убежище, представляющее собой большой сруб.

Вот только я так и не понял, каким образом всё это построили. Непохоже, что вначале вырыли котлован, в котором собрали сруб, а потом его засыпали. Большие сосны над головой говорили о том, что строили всё это под землёй, не трогая поверхность. И всё это в глухом лесу, где ни дорог, ни тропинок нет.

Первым за дверью было помещение размером два на четыре метра, выполняющее функцию прихожей. Здесь же были оборудованы стойки для оружия, в данный момент пустые. В углу при свете фонарика я разглядел какую-то крышку на полу. Открыл её и удовлетворённо хмыкнул: это был неглубокий колодец, на дне которого бил родник с кристально чистой водой. В полуметре от крышки вода уходила по металлической трубе, выполнявшей роль перелива. Ну, во всяком случае, водой мы теперь обеспечены.

Здесь же на полке нашлись две заправленные керосиновые лампы. Похоже, не всё вывезли отсюда. Непонятным было поначалу предназначение большого железного ведра, накрытого крышкой и стоявшего в дальнем углу. Только присмотревшись, я разглядел, что крышка – это не просто крышка, а не что иное, как стульчак. А значит, передо мной не что иное, как параша. Порадовала сложенная у одной из стен довольно приличная поленница дров. А если есть дрова, то должна быть и печка, для которой они предназначены.

Печка нашлась в следующем помещении размером три на четыре метра. Добротная такая кирпичная печь. Дымоход уходил куда-то вверх, и я уверен, на поверхности он тщательно замаскирован. Здесь же были крепкий стол и скамейки. Сама печь стояла в простенке со следующим помещением, оказавшимся чем-то вроде спальника четыре на четыре метра. Судя по количеству трёхъярусных нар, здесь могло вполне комфортно разместиться как минимум пятнадцать человек. Что

мне особенно понравилось, так это то, что воздух здесь был не спёртый и не сырой. Видимо, вентиляция тоже была сделана по уму.

Перетаскали с поверхности свои пожитки и растопили печь. Уже стемнело, и можно было не бояться, что дым увидят, но я всё же выбрался наружу и… не увидел вообще никакого дыма. Даже вот так, глядя в упор. Даже запаха дыма не было. Боюсь даже предположить, где именно строители проложили дымоход.

Постоял некоторое время на вершине холма, прислушиваясь к шуму леса. Как там наши? Как мои девочки в далёком и неведомом уральском городке Белорецке? Как же я по ним соскучился. А тут ещё эта… кошка, блин, со своими зелёными глазищами.

Так, стоп! А когда это я успел разглядеть цвет её глаз? Или это просто ассоциация? Раз Пума, значит, кошка, а у кошек глаза зелёные. Да нет, точно зелёные. Так, ещё раз стоп! Я что, запал на неё, что ли? Хотя что-то в ней есть.

Я ещё раз вдохнул полной грудью и полез вниз.

У печки при тусклом свете керосиновой лампы возилась Рита. Было тепло и пахло чем-то вкусным.

– Товарищ майор, скоро ужинать будем.

В полумраке блеснули её глаза. За прошедший день мы с ней обменялись едва ли десятком фраз.

– Рита, мы же вроде договаривались обращаться по именам. Ещё там, в деревне. Или уже забыла?

– Ой, извини, Илья. Просто…

Она отвернулась, так и не сказав, что именно «просто».

А я тем временем расстелил на столе карту. Просто так отсиживаться в схроне с бабой под боком я не собирался. Вот в чём немцам не откажешь, так это в том, что карты у них точнее наших, советских. Жалко только, что мы в данный момент находились почти у самого верхнего края этой самой карты. Ну да, как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят, но новой картой обзавестись всё же стоит.

Я склонился над столом, пытаясь хоть что-то разглядеть. Рита подкрутила фитиль, и стало значительно светлее. На мой немой вопрос она ответила:

– Я канистру с керосином нашла, так что можно пользоваться не экономя. Надолго хватит.

– С утра пойдём за остальными вещами, а потом я пробегусь по окрестностям. Вот здесь мостик интересный обозначен, хочу на него глянуть.

– А я? – резко повернулась Рита. – Я с тобой.

– А ты останешься здесь.

– Между прочим, товарищ майор, у меня спецподготовка, в том числе по снайперскому и минно-взрывному делу. У меня три заброски в немецкий тыл, включая эту.

– Извини, Рита, – несколько смутился я. – Я никак не привыкну. Для меня ты просто девушка.

– Я не просто девушка! – вспыхнула она. – Я сержант госбезопасности! Я подготовленный диверсант! Хотя, – лукаво улыбнулась она, – мне приятно, что ты наконец-то разглядел во мне девушку.

После ужина улеглись спать. Конечно, голые нары – это не мягкая постель в заграничном отеле, но зато тепло и сухо. Правда, абсолютная тишина сильно давила на уши. Могильная тишина.

На соседних нарах завозилась Рита.

– Я в эту заброску почему-то совсем не боялась, – нарушила она тишину. – До этого дважды прыгала за линией фронта и тряслась всё время, а тут ну ни капельки страшно не было. Нас забросили в район Ровно ещё в феврале. Мы должны были взорвать один мост и выйти на связь с партизанами. Мост мы взорвали, а на месте встречи нас ждала засада. Завязался бой, и в живых остались лишь я и наш радист Толя.

Нас спасла поднявшаяся метель. Мы смогли уйти незамеченными. Долго шли в сторону фронта, питались чем придётся. В один из дней, уже сильно ослабевшие, мы переходили шоссе, когда из-за поворота выскочил мотоцикл с пулемётом. Немцы сразу начали стрелять. Толю убили, а меня тяжело ранили. Не помню как, но смогла добраться до ближайшего сарая в какой-то деревне и там потеряла сознание. Меня выходила одна женщина, это к ней я забралась.

Когда я смогла ходить, она дала мне документы своей дочери, которую угнали в Германию. Я к тому времени уже решила, что подамся в родные места. Мы с родителями перед самой войной уехали в Тамбов, а здесь осталась отцова родня. Я надеялась, что в родных местах смогу наладить связь с партизанами, но не получилось. Знаю, что где-то здесь они есть, но вот встретиться с ними так и не удалось.

Ну а потом в деревню приехали немцы с полицаями, и дальше ты всё сам знаешь. Тётку Ганну жалко. Она меня всегда привечала…

Рита чуть слышно всхлипнула. Она ещё долго рассказывала о своей жизни в деревне до войны, о родителях, о Митьке, который в школе не давал ей прохода, а в самом начале войны дезертировал из Красной армии, пошёл служить немцам и в итоге выдал её. Голос девушки становился всё тише и тише, и в конце концов она уснула. Я ещё некоторое время лежал, стараясь уловить хоть какие-то звуки, но, кроме мерного дыхания своей спутницы, ничего не слышал. Вскоре сон одолел и меня.

С утра решили, что пойдём сразу к мосту, правда, завернём по пути за своим добром к замаскированному мотоциклу. Я решил прихватить с собой пулемёт – на всякий случай. Рита вооружилась автоматом и пистолетом. Выглядели мы, конечно, довольно колоритно: два немецких золь-дата, вооружённые пулемётом, за каким-то бесом забредшие в лесную чащу. Тут не нарваться бы на тех же партизан: ненароком и пристрелить могут сгоряча.

До моста пришлось топать десять километров, зато вышли мы к нему очень удачно. На нашей стороне небольшой речушки была возвышенность, вот на ней мы и расположились. Мост был как на ладони. Деревянный, длиной примерно метров тридцать пять – сорок. С обеих сторон моста были пулемётные гнёзда, выложенные мешками с землёй, и будки охраны.

Охранялся мост довольно неплохо, и тому было объяснение. Сама речушка была не более десяти метров шириной, зато берега, насколько хватало глаз, представляли собой болото. А значит, мост был единственным способом преодолеть её. Судя по карте, больше вблизи дорог и переправ не было.

Я в бинокль рассматривал мост, до которого было примерно двести пятьдесят метров, прикидывая, как его уничтожить, когда к нему подъехала небольшая колонна из восьми грузовиков. Они остановились перед въездом на мост и по одному начали переезжать на другой берег. Первые три проехали нормально, а вот под задним левым колесом четвёртого грузовика вдруг провалился настил, и машина опасно накренилась, засев на мосту по самую заднюю ось.

Из кабины выскочил водитель и, обойдя машину, присел у заднего борта, заглядывая под кузов. Из следующих за ним грузовиков также

вылезли водители. Началось любимое занятие водителей всего мира, когда один засел, а другие дают ему «вумные» советы, как надо было ехать, чтобы не застрять. Радовало то, что из кузовов никто не вылез, а значит, солдат в них не было.

Водитель застрявшей машины встал, сказал что-то резкое в адрес своих коллег, чем вызвал среди них взрыв хохота, и, откинув угол тента, закрывающего кузов, заглянул внутрь, проверяя груз. Мы находились как бы позади колонны, и я успел разглядеть, что он там вёз. А разглядев, тут же начал устанавливать пулемёт и патронный ящик. Всё же нам очень повезло, что у немцев оказался МГ-34 с коробкой-бочонком на пятьдесят патронов, а кроме того, и патронный ящик с лентой на сто пятьдесят патронов.

– Что там? – спросила молчавшая до сих пор Рита.

– Бочки там в кузове. – Я примерился к прикладу. – С бензином. Сможешь отсюда снять пулемётчиков?

Рита прильнула к карабину и чуть повела стволом.

– Ближнего гарантированно, а дальнего постараюсь.

– Начнёшь сразу после меня. Приготовились.

Я уже выжал свободный ход спускового крючка, когда впереди идущий грузовик вдруг начал сдавать назад.

– Стоп! Ждём! Пусть зацепит его.

Водитель застрявшей машины уже размотал буксировочный трос и ждал. Едва он накинул его на фаркоп, я скомандовал:

– Огонь!

Пулемётной очередью срезал стоящих на мосту водителей других машин и прошёлся по кабине впереди стоящего грузовика. Рядом хлопнул одиночный выстрел и сразу же ещё один. Рита чуть сдвинулась в сторону и открыла огонь по дальнему блокпосту, ну а я влепил длинную очередь в кузов застрявшей машины.

Грузовик вдруг вспух огненным шаром. Горящий бензин выплеснулся на настил моста и на рядом стоящий автомобиль. Я ещё и добавил туда короткую очередь – так сказать, для устойчивого горения.

Добив остатки ленты по стоящим на нашем берегу грузовикам, я пристегнул магазин на пятьдесят патронов, когда случилось *это*.

Раздался взрыв такой силы, что нас аж подкинуло вверх. И тут же ещё два таких же, один за другим. Тот грузовик, что пытался вытащить своего собрата, просто разнесло на атомы, прихватив при этом заодно

и мост. О силе взрыва можно было судить ещё и по тому, что оторванное колесо упало, не долетев до нас каких-то пять метров. Ещё по одному грузовику с обеих сторон моста также взлетели на воздух, разметав всё, что находилось рядом. Похоже, везли боеприпасы, и, судя по всему, это были авиабомбы крупного калибра: артиллерийские снаряды *так* не взрываются.

В голове гудело так, словно в ней находился гигантский колокол, по которому вдарили не менее гигантской кувалдой. Рита сидела чуть в стороне, зажав уши руками и покачиваясь из стороны в сторону.

– Пума! Валим! – прокричал я, называя свою напарницу мной же присвоенным ей позывным.

Прокричать-то прокричал, вот только голоса своего почти не слышал. Звуки долетали словно через толстый слой ваты в ушах. Потряс головой – вроде помогло, и слышать стал отчётливее. Подхватив Риту за шкирку, бросился бежать прочь от дороги. А за спиной прогремело ещё несколько взрывов, но уже не таких сильных.

– Что это было? – спросила запыхавшаяся Рита через час, когда мы остановились перевести дух у лесного ручья.

– Очень похоже на то, что детонировали авиабомбы. – Я нагнулся над водой и ополоснул лицо. – Я так думаю, в каждом грузовике их было примерно тонны по четыре, не меньше. Ну и как минимум в одном – бочки с бензином.

Следующий день мы решили посвятить бытовым вопросам. А проще говоря, Рита затеяла стирку. Наше обмундирование, снятое с немцев в Бывальках, явно нуждалось и в стирке, и в штопке. Рита в первую очередь постирала в ручье мою советскую форму и развесила её сушиться на ветках. На тёплом летнем ветерке да под солнышком это не заняло много времени, и вскоре я с удовольствием облачился в свою хоть и сыроватую, но всё же родную форму. Рита скрылась в схроне и вскоре выбралась оттуда уже в деревенском платье.

Пока она стирала и штопала одежду, я занялся чисткой оружия. Пришлось даже пару раз отвлекать Риту. Возникла проблема с разборкой пулемёта. И хотя патронов к нему не осталось, но я решил его не бросать. Как говорится, в хорошем хозяйстве всё пригодится, а патроны так вообще дело наживное.

– Илья, не хочешь ополоснуться? – тихо подошла сзади Рита. – Там ниже по ручью есть хорошая заводь, и в ней вполне можно

искупнуться.

Я снизу вверх посмотрел на неё. Что она опять задумала? И ведь стоит с абсолютно невинным лицом.

– Ну, ты пока думай, а я схожу. Ты только покарауль меня, а то вдруг кто выйдет.

Интересно получается. Меня она, значит, не стесняется, а вот кого другого боится. Хотя кого здесь, в чаще, бояться? Партизаны если и есть, так что-то их не видно до сих пор, немцы в такие дебри не полезут. Того, что они могут пройти по следам от места, где мы обстреляли колонну, я не боялся: мы почти треть пути прошли по заболоченной местности или по руслам ручьёв, так что даже собаки, если они будут, след не возьмут. Но бережёного Бог бережёт. Я взял автомат и пошёл следом за девушкой.

Заводь действительно была хорошая. Здоровенная сосна упала поперёк ручья, перегородив его. Весной талые воды нанесли мусор и ил, окончательно перегородив протоку крепкой плотиной, и получилась вполне приличная запруда. Рита быстро скинула с себя платье, оставшись в одной длинной сорочке. Я думал, она так и полезет купаться, но эта чертовка, хитро посмотрев на меня, лишь бросила:

– Отвернись, – и не успел я среагировать, как скинула и её.

Я резко повернулся к девушке спиной, но всё же успел разглядеть ладную фигурку. По-моему, у меня покраснели уши. Сзади раздались хихиканье и плеск воды.

После водных процедур провели ревизию наших запасов. Получалось, что продуктов, если экономить, хватит ещё на неделю, а потом надо будет что-то думать. Патронов тоже осталось негусто. Если автоматные мы не расходовали, то винтовочных было по пятьдесят штук на каждого.

– Илья, а мы когда к линии фронта пойдём? – спросила Рита, закончив подсчёт припасов.

– Думаю, что не раньше чем через месяц.

Я уже думал об этом. Ну не век же мне отсиживаться в немецком тылу.

– Почему именно через месяц?

– Немцы со дня на день должны начать, если уже не начали, крупное наступление на Курский выступ. Там сейчас сосредоточено

столько их войск, что под каждым кустом либо танк, либо солдат. Мы просто не сможем пройти, а переходить линию фронта южнее или севернее – только потеря времени. К тому же придётся идти через оборудованные рубежи обороны. Под Курском немцев ждут, и их наступление обречено на провал. А вот потом уже наши перейдут в контрнаступление, и нам останется либо просто дождаться их здесь, попутно всячески вредя фрицам, либо идти навстречу через отступающие порядки немцев, пока те не встали в оборону. Вот как-то так.

– Ты в этом уверен?

– Я это знаю.

Вечером приготовили оружие и запас продуктов на пару дней. Предстоял ранний подъём. Я хотел пройтись чуть в стороне от уничтоженного нами моста километров на двадцать и пошуметь там. Заодно, если получится, взять языка и разжиться новой картой.

Казалось бы, что такое двадцать километров для молодого здорового человека по хорошей дороге? Часов шесть-семь ходьбы, если с перекуром. Не расстояние, а так, прогулка. Но то по дороге. А вот это же расстояние по лесу – это, что называется, две большие разницы. Мы добрались до своей цели лишь ближе к вечеру, дважды переходя вброд речушки.

Отойдя от дороги так, чтобы нас с неё не было видно, устроились на привал. Ноги гудели. Я всё же лётчик, а не спецназовец какой. Моё дело по небушку летать, а не по земельке топать. Даже Рита, с её подготовкой, и то устало привалилась к стволу дерева.

А на дороге в это время кипела жизнь. Машины сновали туда-сюда почти беспрерывно. Похоже, это была не самая лучшая моя идея – устраивать здесь шум. Нам просто не дадут уйти при таком трафике. Да и не угадаешь, что там в кузове под тентом у проезжающих грузовиков. А если личный состав? Вот тут к нам и придёт северный пушной зверёк. Ну да ладно, поглядим, что будет дальше.

Передохнув и слегка подкрепившись, подобрались ближе к дороге. Начало смеркаться, и интенсивность движения заметно снизилась, а вскоре движение и вовсе прекратилось. Я примерно минут двадцать наблюдал за пустынной дорогой и уже собрался уходить обратно в лес, когда из-за поворота в полукилометре от нас вывернула легковая машина.

А ведь это шанс, и шанс неплохой. Решение пришло мгновенно.

– Пума! Я остановлю машину, а ты бей по водителю, когда он вылезет. Пассажира берём живым.

– Есть! – коротко ответила Рита, устраиваясь с карабином поудобнее.

Получилось всё просто идеально. Я прострелил переднее колесо, и авто завиляло по дороге, остановившись почти напротив нас. Едва водитель открыл дверцу, как пуля отбросила его обратно в салон. Через пару секунд обе задние дверцы распахнулись, и из них, паля во все стороны из пистолетов, выскочили два офицера. В руках одного из них был портфель.

Ох мои же вы хорошие. Вот как не похвалить этих двух фрицев? Оба бросились бежать с дороги, да не куда-то там, а почти прямиком в нашу сторону. Видимо, не разобрались, откуда по ним стреляют.

– С портфелем берём, второго вали, – командую я, выцеливая свою добычу.

Два выстрела прозвучали практически слитно. Ритин фриц взмахнул руками и замертво упал на землю, а мой как-то по-бабьи взвизгнул и, свалившись, заскулил. Ну да, пуля в ляжку – это больно. Пока подранок не очухался, быстро бегу к нему, не забывая контролировать: ещё чего доброго начнёт палить, а мне моя шкурка дорога.

Фриц почти успел поднять пистолет в мою сторону, когда я с разбегу врезал ему сапогом в лицо. Мордальная красота ему уже точно не понадобится. Немец с витыми погонами майора был явно не рад такому обращению, поэтому решил затаиться в обмороке. Я быстро избавил его от портупеи и пистолета, вытащил из штанов брючный ремень и перетянул им ногу, чтобы фриц не помер раньше времени. Рита достала откуда-то кусок верёвки и сноровисто связала пленнику руки за спиной.

Всё, клиент упакован. Осталось проверить авто на предмет чего-нибудь полезного. Заодно неплохо было бы столкнуть машину с дороги, чтобы не сразу заметили.

Продукция немецкого автопрома из трофеев порадовала лишь чемоданом в багажнике. Больше ничего интересного не было, и мы, поднатужившись, столкнули этот агрегат в кювет. На обратном пути подхватили убитого Ритой немца, оказавшегося лейтенантом. Мой

подранок к этому времени пришёл в себя и пытался развязать руки. Увидев убитого, он вдруг начал как-то странно всхлипывать. Сквозь всхлипы было слышно лишь одно слово, которое он повторял без конца: «Клаус! Клаус!»

– Я вижу вас, майор, расстроила смерть вашего подчинённого? – спросил я на языке Гёте. – Ну что же, это похвально, когда начальник так относится к низшему по званию.

– Вы бандиты! Варвары! Убийцы! – Немец смотрел на меня с ненавистью. – Клаус был моим племянником, сыном моей сестры. Бедный мальчик! Что я теперь скажу Урсуле?

– Я так полагаю, что вы этой вашей Урсуле уже ничего сказать не сможете. Но я непременно её разыщу, когда мы войдём в Германию, и передам ей, что её сын и брат были казнены мной, когда пришли на мою Родину убивать и грабить.

– Вы варвары! Убийцы! Бандиты! – задёргался немец, брызгая слюной.

– Вы повторяетесь, майор. Да и не только вы. Каждый убитый мной немец говорил точно так же. Поверьте, меня это нисколько не задевает. Я даже не буду вам объяснять, кто из нас с вами варвар, бандит и убийца: по-моему, это глупо – что-либо объяснять трупу. А ведь вы труп, майор. Вам осталось лишь сделать выбор, как вы умрёте. Можете быстро, а можете – долго и в страшных мучениях. Мы, варвары, знаете ли, такие затейники в плане устроить своей жертве непередаваемые ощущения перед смертью.

– Что вы хотите?

– Всего лишь пообщаться. Вы отвечаете на мои вопросы и после умираете быстро и безболезненно. Я думаю, это хорошая сделка.

Майор, будучи интендантом, обладал некоторой информацией. Главным было то, что немцы наступление всё же начали, хоть и позже, чем в известной мне истории. Потери у них были большие, но пленный бахвалился, что этот удар сокрушит оборону большевиков, потому что вермахт сосредоточил перед наступлением большое количество новейшей техники.

О партизанах он сказал, что до недавнего времени, после того как ещё зимой были уничтожены два отряда, в окрестных лесах было спокойно, но на днях крупный отряд напал на колонну снабжения люфтваффе у моста и полностью уничтожил её вместе с мостом, что

затруднило обеспечение полка бомбардировщиков топливом и боеприпасами. По словам немца, отряд был рассеян и уничтожен. Я на это заявление лишь хмыкнул. Приписки и у немчуры распространены, несмотря на их пресловутый орднунг.

Для обеспечения безопасности перевозок все важные мосты, железнодорожные переезды, броды через реки взяты под усиленную охрану. Подняты все силы местной полиции и охранные части.

Но самой неожиданной новостью, от которой я буквально сел, была другая. Я наконец-то узнал, из-за кого я очутился здесь. Гитлер, прекрасно понимая, что толковых танковых военачальников у него, мягко говоря, не до фига, а после гибели Манштейна стало на одного меньше, решил вернуть находящегося в опале с февраля месяца на должности главного инспектора бронетанковых войск Гудериана обратно в войска. Незадолго до этого Гудериан в очередной раз вдрызг разругался с командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом фон Клюге, с которым у него были не самые лучшие отношения ещё с сорок первого года. По слухам, дело едва не дошло до дуэли[107].

В этот раз Гитлер решил развести оппонентов по разным углам ринга и направил Гудериана в группу армий «Юг». На какую именно должность, майор не знал, но Гудериан зачем-то прилетел по пути на юг в Коростень. Далее на машине с сопровождением он отправился в Овруч, предположительно для того, чтобы встретить эшелон с новейшими танками «Тигр», которые направлялись в его подчинение.

По пути из Коростеня в Овруч колонна с Гудерианом попала в засаду партизан, и Быстроногий Гейнц[108] был ими захвачен. Была организована целая войсковая операция с целью вызволить из плена Гудериана, но партизанам удалось проскользнуть в припятские леса и оттуда самолётом переправить ценного пленника на Большую землю. По словам майора, над линией фронта состоялось целое воздушное сражение, но самолёт с Гудерианом на борту уцелел.

Задав майору ещё несколько вопросов и расспросив его об отмеченных на найденной у него карте объектах, я встал и вытащил из кобуры пистолет.

– Минутку! – Рита, до этого молча сидевшая чуть в стороне, быстро подошла к немцу и распутала ему руки за спиной. – Ausziehest! Schnell! Nur ein Kiebitz![109]

Майор непослушными руками с трудом расстегнул пуговицы и снял китель. Губы у него тряслись.

– Вы обещали мне, что дадите возможность написать записку, – с дрожью в голосе обратился он ко мне, на мгновение отвернувшись от стоявшей рядом Риты.

– Обойдёшься, – произнесла девушка.

Пума (а назвать эту хищницу по имени у меня в тот момент при всём моём желании язык не повернулся бы) с разворота всадила нож прямо в сердце немца. Профессионально. Майор лишь хэкнул и, закатив глаза, рухнул на землю. Рита вытерла нож о его штанину и начала деловито снимать штаны с другого убитого.

На мой немой вопрос она ответила:

– Размер твой, и в крови не заляпано. Чуть почистить, и можно будет носить. Может, пригодится когда. Откуда так хорошо немецкий знаешь? Разговариваешь на нём, как на родном. Я хоть и знаю его неплохо, но и то не всё понимала, о чём ты с этим фрицем говорил.

– Я родом из Саратова. Наверное. Детдомовский я. А на немецком заговорил одновременно с русским. Там рядом Республика Немцев Поволжья была, так что хочешь не хочешь, а заговоришь.

За разговорами посмотрел, что нам досталось от фрицев. В портфеле, помимо карты, были какие-то накладные, папка с документами, три штуки золотых карманных часов, бутылка французского коньяка и набор из четырёх серебряных рюмок.

В чемодане обнаружились две пары чистого нижнего белья, пара полотенец, три куска душистого мыла, одеколон, банка с обувным кремом, обувная щётка, несколько фотографий, на паре из которых молодой лейтенант с гордым видом позировал на фоне повешенных гражданских, ещё на одной был он же с довольно симпатичной женщиной. Под бельём нашлась такая же бутылка коньяка, как и в портфеле, банка с консервированными сосисками, замечательный швейцарский нож, мешочек, в котором оказались золотые кольца, цепочки, какие-то кулоны, пара золотых часов и, по-моему, несколько зубных коронок.

Что меня особенно порадовало, так это несессер с принадлежностями для стрижки и бритья. Этот вопрос уже становился актуальным. Скоро обрасту так, что буду как самый настоящий

партизан, какими их изображали в том моём будущем. Не хватает только ездового медведя и балалайки.

Пока было хоть что-то видно, мы уходили в глубь леса. Переночевав под раскидистой елью, утром, едва забрезжил рассвет, отправились в обратный путь. Решили сделать небольшой крюк и пройти мимо небольшого хутора, помеченного значком на карте, взятой у майора-интенданта.

А на хуторе вовсю кипела жизнь. Хуторяне весело и сноровисто загружали в стоявшую здесь подводу какие-то фляги, корзины, мешки и вполне приветливо общались с двумя полицаями, очевидно, приехавшими на этой самой подводе. Вот один из полицаев смачно приложился ладонью к филейной части пробегавшей мимо дородной девахи, на что она лишь весело засмеялась и шутливо отмахнулась от кавалера. Ну прям пастораль, да и только.

Я развернул карту. Если поспешим, то сможем перехватить подводу в паре километров отсюда. Им ещё объезжать небольшое озерцо, а мы пойдём напрямик. Устраивать разборки здесь, на хуторе, я не рискнул: кроме двоих полицаев насчитал ещё как минимум шестерых мужиков, и это только те, кто был на виду.

Подводу мы обогнали и успели выбрать хорошее место для засады. Рита оставила мне всё оружие, взяла лишь нож, который спрятала в рукаве и засунула под китель пистолет. Натянула посильнее на голову кепи и вышла на дорогу.

Чуть за кустами появилась лошадь, тянущая гружёную подводу, как Рита нетвёрдой, шаркающей походкой медленно пошла в попутном направлении, изображая то ли в хлам пьяного, то ли смертельно уставшего человека. Я из-за кустов взял полицаев на прицел автомата. Вот они наконец-то заметили впереди на дороге странного пешехода. Смущала их только немецкая форма. Однако винтовки подхватили и стали настороженно крутить головами.

– Эй! – окликнул один из полицаев. – Стой! Хальт!

Лошадь быстро нагнала Риту.

– Стой, ети твою в колено! Хальт, тебе говорят!

Один из полицаев, наверное, самый нетерпеливый, спрыгнул с подводы и, быстрым шагом нагнав Риту, схватил её за локоть. Это было его ошибкой. Последней. Резкий взмах рукой – и вот уже полицай с выпученными глазами валится на дорогу, двумя руками

зажимая горло, а из-под пальцев у него толчками бьёт кровь. Второй ещё не успел понять, что произошло, а ему прямо в лоб уже смотрел ствол вальтера.

– Оружие брось. – Голосом Пумы можно было заморозить целый океан.

– Ась? – Второй полицай обалдело переводил взгляд с Пумы на своего товарища и обратно. Он явно не ожидал такого поворота в своей судьбе.

– Оружие брось, иначе пристрелю!

– Ась? – Полицая, похоже, переклинило.

– Винтовку брось, дурак!

Я вышел из-за кустов. Полицай вздрогнул и буквально отшвырнул от себя винтовку, словно это была ядовитая змея.

Допросить толком полицая не получилось, а возиться с ним было некогда. Да и, если честно, желания не было. Конечно, кое-что он всё же рассказал, да и то после того, как Пуме надоело слушать его междометия и она, поигрывая ножиком, подошла к нему вплотную. Полицай нервно сглотнул, штаны у него спереди намокли, и от него пошёл характерный такой запах: похоже, кишечник тоже оказался слабым. Лишь после этого он изредка начал выдавать членораздельную речь.

На тот хутор они ездили дважды в неделю за продуктами для офицерского стола. Жила там родня местного начальника полиции, который, как оказалось, до войны был здесь участковым. Теперь старался всячески выслужиться перед новыми хозяевами. Почти весь личный состав полиции бросили на охрану мостов и железной дороги, а его с напарником за хорошую службу начальник оставил при себе как снабженцев.

На этом внятная речь закончилась. Рита вопросительно посмотрела на меня, и я в ответ отрицательно покачал головой. Хищной серебристой рыбкой мелькнул в воздухе брошенный Пумой нож, и полицай завалился на бок с пробитой шеей.

Оттащив трупы подальше в лес, удобно расположились на подводе. Рита села за возницу. Ну да, я в этом деле полный ноль. Лошадь – это вам не истребитель, тут иной подход нужен и органы управления совершенно другие.

С комфортом проехав пару километров свернули на едва заметную лесную дорожку и по ней проехали ещё с километр, прежде чем остановились. Я, пока ехал, успел обследовать груз, что везли с хутора. В трёх бидонах было молоко, ещё в одном – сливочное масло, в корзинах лежали яйца, сало солёное и копчёное, в двух мешках был свежий хлеб и ещё в одном – пара великолепных копчёных окороков. Аромат от них стоял такой, что я чуть слюной не подавился, Рита, судя по всему, тоже. Отдельно, тщательно замотанные в тряпки, стояли три пятилитровые стеклянные бутыли с самогоном.

Мы с большим удовольствием плотно поели, напились вкусного молока и сели думу думать, как нам всё это допереть на нашу базу. В конце концов решили проехать на подводе, сколько можно будет, а там потихоньку перетаскаем.

Глава 22
Вестники ада

Следующий месяц мы с Ритой занимались отстрелом окрестных немцев и полицаев. Уходили в рейд на пару дней, в течение которых устраивали охоту на полицаев, солдат и офицеров противника. Заодно пополняли запасы продовольствия.

В одном из рейдов мы расстреляли одиночную легковушку, в которой обнаружился очень интересный и полезный трофей. Если честно, то вначале я даже подумал, что это СВТ-40, но лишь на мгновение. Винтовка, найденная в машине, была одновременно и похожа, и непохожа на нашу «светку». Покрутив сей девайс в руках, обнаружил выбитое клеймо – G.43(W)[110]. К винтовке прилагались оптический прицел и четыре магазина на десять патронов каждый. Ну и сами патроны тоже имели место быть.

Владелец винтовки, теперь уже бывший и скоропостижно скончавшийся, оказался, судя по документам, инструктором Кёнигсбергской школы снайперов. Вот уж подарок так подарок.

Опробовать трофей удалось уже через несколько дней, и очень даже удачно. Мы сумели устроить самое настоящее крушение эшелона со снарядами. Ну и заодно (так уж получилось) разнесли в щепки ближайшую железнодорожную станцию со стоящими там составом с топливом, эшелоном с танками и ещё одним с живой силой. И на это нам потребовалось лишь несколько патронов. Я, откровенно говоря, слегка офигел, когда узнал о масштабах сотворённого нами.

В тот раз мы решили прогуляться до железной дороги. Взрывать нам её, понятное дело, было нечем, но пакость какую-нибудь сделать хотелось. Близко подойти тоже не получилось: по насыпи ходил патруль. Нет, перестрелять их было недолго, но не факт, что тут же не поднимется тревога, и тогда нам придётся уходить несолоно хлебавши. Так что решили подождать. И, как оказалось, не зря.

Примерно через двадцать минут после патруля проехала дрезина, а ещё через пятнадцать минут послышался шум идущего поезда.

Полотно здесь шло под небольшим уклоном в сторону расположенной в пяти километрах станции, и поезда довольно прилично разгонялись.

Вскоре показался паровоз, весело тянущий за собой состав. В передней его части была оборудована площадка, на которой стояли, зорко вглядываясь вперёд, два немецких солдата в мотоциклетных очках. Машинист, высунув голову из окна, тоже что-то рассматривал впереди. Вот он обернулся в будку и что-то сказал. Почти сразу открылась дверь, и из неё выглянул ещё один, по-видимому, помощник машиниста, и тоже стал рассматривать то, на что ему указывал его товарищ.

Такой шанс я упускать не стал. Два выстрела – и вот один из машинистов исчез из окна, а тот, что стоял в дверях, безжизненно повис на ступеньках, зацепившись за что-то. Вот где пригодилось умение стрелять по движущимся мишеням. Рядом раздался выстрел, потом ещё и ещё один – это Рита подключилась к веселью. Надо сказать, мы с ней стали довольно хорошей снайперской парой.

Впередистоящих немцев словно сдуло. Я в это время перевёл прицел на тендер, в котором периодически мелькала голова кочегара. Он заметил, что с его коллегами что-то не так, и, вместо того чтобы спрятаться за стальным бортом, на мгновение высунулся. Где-то я слышал фразу, что любопытство не порок, но погубить может. Вот это и произошло с данным товарищем. Он, что называется, раскинул мозгами в прямом и переносном смысле.

Эшелон, громыхая, пронёсся дальше. Дождавшись, когда последний вагон проедет мимо, мы начали неспешно собираться и уже отошли на некоторое расстояние, когда со стороны станции сильно громыхнуло, да так, что аж земля вздрогнула под ногами, и в небо поднялся большой столб жирного чёрного дыма. Молча переглянувшись, мы лишь прибавил шаг.

А вот немцы обиделись, и обиделись всерьёз. Всю следующую неделю мы сидели в схроне, лишь изредка со всеми предосторожностями выбираясь наверх. Все окрестные леса прочёсывались частым гребнем. Казалось, что фрицы с полицаями заглянули под каждый куст, проверили каждую кочку и ямку. Наш район это не затронуло, но бережёного, как говорится, Бог бережёт. Тем более что над головой периодически кружил самолёт-разведчик.

Через неделю всё успокоилось. Я решил сделать вылазку поближе к станции и разузнать, чего это мы там такого начудили. Мы шли по лесу параллельно заброшенной лесной дороге, когда впереди послышались голоса. Говорили на русском языке.

– Да мы уже час топаем по лесу, и всё без толку, – возмущался один, при этом довольно громко. – Знаешь, что с нами сделают, если обнаружат, что нас нет ни на посту, ни в патруле?

– Не обнаружат. Там Васька, если что, подтвердит, что мы где-то на маршруте. И старшина тоже что-нибудь придумает. А мы скажем, что заметили подозрительное движение в лесу и пошли проверить.

– Так тебе и поверят. Ещё и Ваське достанется.

– Ну, Серёг, давай ещё десять минут пройдём дальше и обратно повернём. Может, хоть в этот раз встретим кого.

– Да нет здесь твоих партизан. Здесь всё прочесали, так что если кто и был, так ушёл куда от греха подальше.

Я подал Рите знак рукой. Мы разошлись в разные стороны, чтобы взять тропу под прицел, и затаились. Из-за кустов вышли двое с винтовками, в чёрной немецкой форме[111], один в один напоминающей известную мне по фильмам форму войск СС. Шли они не таясь.

– И вообще, ты хоть подумал о том, что эти самые партизаны тебя первым делом расстреляют, да и меня с тобой заодно, – продолжал тот, которого звали Серёгой.

– А мне плевать! – резко остановившись, почти прокричал в лицо собеседнику второй. – Только пусть вначале выслушают, а потом делают со мной что хотят! Я лучше от своих пулю в лоб получу, чем так дальше жить! Ты же видел, что эти звери творят! Там, в деревне! Не знаю, как ты, а я уже не могу больше сдерживаться! Я как глаза закрою, так всё это как наяву вижу! Я же не сегодня-завтра могу просто не выдержать. И плевать мне и на старшину, и на всё остальное! Я же их убивать хочу! Всех до единого!

– Ты это брось! Старшина велел искать партизан и установить с ними связь. И без самодеятельности.

– А на хрена вы сдались партизанам, такие красивые? – проговорил я, прячась за густой листвой кустарника и оставаясь для них невидимым.

От моего голоса они оба аж подпрыгнули и заозирались по сторонам. Один из этих двоих скинул винтовку с плеча и перехватил поудобнее.

– Кто здесь?

Его товарищ усиленно крутил головой и чуть не подпрыгивал от возбуждения.

– Товарищи, не стреляйте! Мы свои! Нам до партизан надо!

– Вы винтовочки-то на землю положите и пять шагов назад. И без глупостей.

Я для убедительности передёрнул затвор, чтобы он погромче клацнул.

Оба любителя лесных прогулок послушно сложили оружие и попятились назад. Я вышел из-за кустов, невольно заставив их вздрогнуть. Ну да, стараниями Риты мы были в чистой, добротной немецкой форме.

– Так я повторюсь: на хрена вы нужны партизанам? Какой от вас прок, кроме расхода патронов на ваш расстрел?

– А вы кто? – чуть слышно спросил тот, которого звали Серёга.

– Дед Пихто! – усмехнулся я. – И бабка у меня тоже Пихто. И внучка Пихто. Пихт*ы* мы. Фамили*ё* у нас такое.

– А мы это, – захлёбываясь, начал тот, что был для меня пока что безымянным, – мы из «Русской дружины». То есть мы раньше были в Красной армии, потом попали в плен, а потом сюда. Нам к партизанам надо. У нас сведения есть.

Он, забывшись, сделал пару шагов вперёд и резко остановился, увидев направленный прямо ему в лоб ствол снайперской винтовки. Намёк он понял и попятился обратно на своё место.

– То есть вы воевали против немцев, потом попали в плен и пошли служить тем же немцам? – хищно прищурился я. – Я ничего не перепутал?

Тот, что Серёга, начал тихонько, по миллиметру, смещаться за спину своего спутника.

– Даже не пытайся! – как из-под земли выросла у них за спиной Рита с автоматом. – И не оборачивайся!

– Ну так что с вами делать, граждане предатели?

Я пристально посмотрел им в глаза. Молодцы, взгляд не отвели.

– Да пристрелить их, товарищ майор, и всех делов. Время ещё на них тратить. – Молодец Рита, обозначила, кто есть кто.

Тот, имя которого я ещё не знал, весь как-то сдулся. Плечи его опустились, голова поникла. Он тяжело вздохнул и произнёс:

– Стреляйте, товарищи. Мы всё понимаем. Только дайте вначале рассказать, ради чего мы вас разыскивали.

Мы с Ритой развели этих двух кадров в разные стороны, и, пока она стерегла одного, я допрашивал другого. Вернее, даже не допрашивал, а выслушивал, потому что они оба старались выговориться по полной. Мне оставалось лишь задавать уточняющие вопросы.

От них я и узнал о том, что натворил расстрелянный нами эшелон на станции. Влетев на полной скорости, он на стрелке сошёл с рельсов и врезался в цистерны с топливом, сминая их и сам сминаясь в гармошку. Вагоны наползали один на другой, и тут разлитый бензин полыхнул. Почти сразу рванули детонировавшие снаряды и авиабомбы. Взрыв разметал остатки вагонов, и волной пылающего бензина накрыло эшелон, везущий к фронту солдат. Спастись почти никому не удалось. Стоящий там же на соседних путях состав с танками тоже весь искорёжило. Некоторые танки, в том числе и тяжёлые «тигры», восстановлению не подлежат.

Станция до сих пор не может работать в полном объёме. Смогли лишь пробросить одну ветку пути, да и ту временно. Водокачку, уничтоженную взрывом, пока не восстановили. В прилегающем посёлке действует комендантский час. Все посты усилены и выставлены дополнительные. Немцы прочесали все окрестности, но безрезультатно, и теперь срывают злобу на местных жителях, без лишних разговоров расстреливая и вешая всех, нарушивших комендантский час.

На усиление охраны из-под Жлобина, из деревни Красный Берег, перебросили ту самую «Русскую дружину», набранную из числа советских военнопленных. По словам Сергея и Николая (так звали второго), тех, кто искренне хотел служить немцам, были единицы. В основном туда шли для того, чтобы спастись от побоев и издевательств, а также от отправки в Германию в лагеря смерти.

А вот от той части их рассказа, ради которой они и искали партизан, у меня буквально зашевелились волосы на голове[112].

В самом начале войны немцы заняли крупную белорусскую деревню Красный Берег. Почти сразу в старой помещичьей усадьбе был оборудован военный госпиталь. Вскоре всем, кто умел, а главное, хотел думать, стало понятно, что блицкриг забуксовал, и война принимает затяжной характер. Количество раненых солдат и офицеров всё увеличивалось.

В конце сорок второго – начале сорок третьего года, после ряда поражений, остро встал вопрос о донорской крови, которой катастрофически не хватало. И тогда гитлеровцы нашли, как им показалось, идеальный выход из создавшегося положения. Они решили брать кровь у… детей. У детей тех самых славян, которых сами же считали неполноценной расой. Видимо, сильно прижало.

Рядом с госпиталем появился детский концентрационный лагерь, куда со всей округи свозили изъятых у родителей детей. Брали не всех, а только детей в возрасте восьми-четырнадцати лет: в этот период в организме ребёнка идёт гормональная перестройка, и кровь имеет самые сильные свойства.

При поступлении в лагерь детей осматривали на предмет заболеваний и делили на две группы. В первую отбирали детей с первой группой крови, у них забирали сразу всю кровь. Вторая группа предназначалась для многократного забора крови. Ещё часть детей отправлялись в другие госпитали, в том числе в Германию, в качестве живых резервуаров с донорской кровью.

Был разработан ужасающий, бесчеловечный и садистский способ добычи крови. Ребёнку вводили веществоантикоагулянт и подвешивали под мышки, сильно сжимая при этом грудную клетку для лучшего и более полного оттока крови. На ступнях делался глубокий надрез, либо глубоко срезалась кожа, либо ступни полностью ампутировались. Кровь стекала в специальные ёмкости и затем переливалась раненым немецким солдатам и офицерам.

Был ещё и другой, более «гуманный» способ. Добрые приветливые тёти в белых халатах клали ребёнка на специальный стол, руки просовывались в специальные отверстия, в вены втыкали иглы, после чего выкачивали всю кровь. При таком способе ребёнок просто засыпал. Навсегда. Трупы детей потом сжигали на костре[113].

В охране и администрации детского концлагеря вместе с немцами служили и украинцы, и белорусы, и русские, перешедшие на службу к

немцам. Они, стараясь выслужиться перед своими хозяевами, отличались особой жестокостью и безжалостностью, особенно выходцы из Западной Украины.

Сергей с Николаем закончили свой рассказ, а я сидел в полном ступоре. О лагерях смерти, таких, как Освенцим и Дахау, в будущем слышали, наверное, все. Но мало кто слышал о детских донорских лагерях. По-видимому, в советское время об этом умалчивали, боясь вызвать волну ненависти по отношению как к немцам из того же ГДР, так и к отсидевшим и уже зачастую реабилитированным бывшим коллаборационистам из числа украинцев, белорусов и русских. Ведь были ещё живы родители, у которых дети пропали в годы войны на оккупированных территориях.

На Риту было страшно смотреть. Безжалостная машина смерти, которая могла абсолютно хладнокровно перерезать горло фрицу и сразу после этого пойти обедать, стояла, не моргая глядя в одну точку. Из глаз у неё непрерывным потоком текли слёзы.

– Нам старшина приказал во что бы то ни стало найти партизан и сообщить обо всём. Нужно детей спасать, – произнёс Николай после недолгого молчания.

Было видно, что и им обоим тяжело вспоминать всё это.

Я стряхнул с себя оцепенение. Сейчас не время для этого.

– Что за старшина? Кто он такой?

– Старшина Плужников. Ну, то есть бывший старшина. Он фельдфебель нашей первой роты. Нормальный мужик.

Мой дорогой читатель, прошу, прочитав эти строки, встань, почти минутой молчания память этих невинных детских душ, принявших страшную мученическую смерть от рук фашистских нелюдей в человеческом обличье, помолись о них как можешь. Пожелай им мягких облачков на небе у Боженьки.

Руководитель нашей подпольной ячейки, – подключился к разговору Сергей.

– Что же ты мне вот так сразу всё рассказываешь? – чуть прищурившись, посмотрел я на него. – А вдруг мы на немцев работаем?

– Не-ет, – усмехнулся он в ответ, – вы точно партизаны. Вы извините, но от вас двоих пахнет костром, будто вы рядом с ним

ночевали. А от немцев пахнет душистым мылом.

– Так себе признак, но ты прав, немцам мы не служим. Где сейчас этот ваш старшина-фельдфебель?

– Так с нами, здесь, на станции. Мы через день в караулы ходим, а он за разводящего. Немцы ему доверяют.

– Передайте ему, что нам нужно встретиться.

Я развернул карту и попросил показать, где расположены посты.

– Значит, послезавтра вот здесь, – показал я на карте небольшой овражек в километре от крайнего поста. – Пусть приходит один. Если будет ещё кто, то всех перестреляем и уйдём. Так и передайте. Буду ждать его с полудня до шестнадцати часов. А теперь идите, а лучше бегом бегите: слишком долго вы здесь гуляете.

– Ты им веришь? – спросила Рита, когда два «дружинника» скрылись из вида. – Они же предатели. Им же слова свои подтвердить нечем.

– Ну так и ты свои слова ничем подтвердить не можешь, но я ведь тебе поверил и верю сейчас. А им нет, до конца не верю. Однако такое, что они нам тут рассказали, придумать невозможно.

– И что будем делать?

– Для начала нужно встретиться с этим фельдстаршиной, а там уже планировать что-либо. Ну а пока возвращаемся на базу. Кое-что заберём и идём к месту встречи. Нужно там всё осмотреть и подготовиться.

Если верна фраза, что рождённый ползать летать не может, то верно и то, что рождённый летать вряд ли станет первоклассным бегуном. Нет, наверное, исключения есть и в том и в другом случае, но это явно не про меня. Марш-бросок до схрона и далее до места предполагаемой встречи дался мне тяжко. И это ещё спасибо молодому телу, которое я старался поддерживать в хорошей физической форме. Рита держалась молодцом, хотя тоже вымоталась.

Мы облазили все окрестности вокруг будущего места встречи. Подготовили несколько путей отхода, если что-то пойдёт не так. Удобно было то, что с двух сторон практически вплотную подходило болото и подобраться оттуда было довольно проблематично. Зато Рита нашла хорошую позицию, с которой отлично просматривались два других направления. Там она и затаилась со снайперской винтовкой.

Я тем временем переоделся в свою родную советскую форму, развёл небольшой костерок, над которым подвесил немецкий котелок с водой, и принялся ждать. Кстати, такой котелок позднее скопировали в Советском Союзе, и он верой и правдой служил даже в оставленном мной времени.

Вода в котелке закипела, и я бросил в неё заварку из высушенного иван-чая, листьев лесной малины и земляники – подсел я на этот напиток за время нашего с Ритой партизанства. Кстати, это она насобирала и насушила такую вкусную и полезную заварку.

Я снял котелок и поставил рядом с костерком, чтобы чай как следует заварился, когда над овражком трижды прокуковала кукушка. Это Рита подала сигнал, что гость на подходе и идёт один. Если бы прокуковала четыре раза, то значит, гостей много, и надо быстро сваливать. Я посмотрел на часы. Час дня. Можно сказать, гость уложился по времени и при этом не заставил себя долго ждать.

Мужиком бывший старшина, а ныне фельдфебель, оказался колоритным. Ростом под два метра, широкий в плечах настолько, что казалось, что чёрная, в прошлом эсэсовская форма вот-вот лопнет на нём по всем швам. Немецкий автомат, висевший у него сбоку, казался на его фоне игрушечным. На плече он нёс здоровенный мешок, придерживая его одной рукой. Я невольно хмыкнул: уж очень похож он был в это момент на одного голливудского актёра – качка-губернатора из будущего. Разве что лицо более живое и даже, я бы сказал, располагающее к себе.

Шагах в десяти от костерка он остановился. В лесу дважды прокуковала кукушка – всё чисто. Мой гость чуть заметно усмехнулся.

– Ну, проходи, мил человек, присаживайся, – кивнул я на лежащий напротив меня ствол поваленного дерева. – Ты только автоматик свой там, где стоишь, оставь и мешочек там же положи.

Гость без лишних движений плавно опустил мешок на землю и, скинув автомат с плеча, положил его сверху. После этого он, держа руки так, чтобы их было видно, подошёл к костру и сел на указанное ему место. Я молча налил во вторую кружку ещё горячий чай и протянул ему. Какихлибо враждебных действий с его стороны я не опасался: уверен, Пума держит его на прицеле.

– Благодарствую.

Гость взял в свою лапищу кружку и, с удовольствием отхлебнув из неё, поднял на меня взгляд. Я также налил себе чай и принялся неспешно пить, рассматривая своего визави. Держится хорошо, спокоен, глаза не бегают, хотя и чувствуется, что явно не такого приёма он ожидал.

Выпив свой чай, гость аккуратно поставил кружку рядом. Я сделал ещё пару глотков, затем не спеша вылил остатки на костёр и, глядя гостю в глаза, спросил:

– Ну что, мил человек, удивлён таким приёмом?

– Так я, товарищ…

– Тю-тю-тю, – прервал я его, покачав указательным пальцем, – *пока* ещё не товарищ.

– Я всё понимаю, – после некоторой паузы произнёс он, опустив голову, – форма эта… Да вы только скажите, и мы её сразу скинем! – вскинулся гость. – Мы бить этих гадов хотим! Мы к вам, к партизанам хотим уйти!

– А кто тебе сказал, что мы партизаны? – усмехнулся я. – И что вам и тебе конкретно мешает бить этих самых, как ты говоришь, гадов? Ты здоровый, сытый, с оружием в руках. Немцев даже и искать не надо, их полно вокруг. Бей их да бей. Зачем ты сюда пришёл?

Он растерялся.

– Так я… Я думал…

– То, что думал, это уже хорошо. Вопрос только в том, о чём ты думал, когда эту форму надевал, – кивнул я на его чёрный мундир. – Ну да ладно, не об этом сейчас. Расскажи-ка, мил человек, кто ты такой и с чем тебя едят.

Гость кашлянул и начал свой рассказ.

Плужников Иван Силантьевич до войны работал в колхозе неподалёку от Пензы кузнецом. Продолжал, так сказать, династию. Вскоре после начала Финской войны его мобилизовали и отправили на Карельский перешеек. Там вступил в партию. Воевал пулемётчик Плужников геройски и вернулся в родной колхоз с медалью «За боевые заслуги».

В июле сорок первого Плужникова вновь мобилизовали и направили на краткосрочные курсы младшего комсостава, из которых он выпустился в звании старшины и был направлен в формирующийся

стрелковый полк на должность старшины пулемётной роты. На первом же партийном собрании он был избран парторгом роты.

Красная армия отступала, оставляя под немецким натиском города и сёла. В одном из боёв позиции роты накрыла огнём немецкая артиллерия и сверху ещё добавили пикировщики. Плужникова контузило и засыпало землёй. Старшина смог откопаться, но от резкой боли в левой руке потерял сознание. Придя в себя, обнаружил, что все его карманы вывернуты, пропали все документы и, что было для него хуже всего, партбилет. Хотя это и спасло ему жизнь. Найди немцы партбилет – пристрелили бы тут же, на месте. А так они, обыскав его, погнали к другим таким же бедолагам, попавшим в плен.

Их разместили в чистом поле, огороженном забором из колючей проволоки. Здесь было навскидку не менее пяти тысяч человек. Дважды в день немцы привозили несколько бочек с неким варевом, которое хороший хозяин даже свиньям давать не станет. Бочки просто сгружали рядом с воротами, и охрана, смеясь, наблюдала за тем, как обезумевшие от голода люди борются за пригоршню хотя бы такой еды. Почему за пригоршню? Да потому, что ни ложек, ни тарелок ни у кого не было.

Несколько человек чудом сохранили свои котелки и попытались зачерпнуть ими еды для своих товарищей, которые не могли ходить, но немцы не позволили этого сделать. Они просто открыли огонь и расстреляли и обладателей котелков, и десяток человек, просто оказавшихся рядом. Есть можно было лишь руками.

Иногда для большего веселья бочки переворачивали, и варево, состоявшее из не чищенных и не мытых полусгнивших картошки, свёклы, моркови и каких-то отходов, вываливалось прямо на землю. Пленные бросались к этой луже и торопливо запихивали себе в рот всё, что попадалось под руку. А фрицы ржали и кричали: «Неу, russische Schweine! Essen Sie mehr Spa!»[114]

Но немцы не были бы немцами, если бы даже и тут не постарались ещё больше нагадить. Варево было безбожно пересолено, и те, кто умудрились набить им себе брюхо, потом страдали от страшной жажды. Воды в лагере не было. Люди умирали каждую минуту. Трупы умерших сносили в одну кучу.

Плужникову повезло, что среди пленных оказался военврач, который пощупал его руку и сказал, что она просто выскочила из

сустава. Он же и вправил её. На следующий день врача, который оказался евреем, расстреляли: какая-то сволочь выдала его немцам.

В этом аду Плужников провёл четыре дня. Повезло, что за это время прошёл довольно сильный дождь, и можно было хоть на время утолить жажду. Каждый день за колючую проволоку пригоняли всё больше и больше пленных. Дошло до того, что невозможно стало лежать: просто не хватало места.

На пятый день немцы приказали всем выходить и строиться в колонну. Тех, кто не смог встать, они перестреляли. Колонну погнали к ближайшей железнодорожной станции. До станции дошло чуть больше половины пленных, остальные остались лежать вдоль обочин. Немцы без лишних разговоров штыками и пулями добивали упавших. Ну а тех, кто всё же выдержал этот марш, погрузили в вагоны для скота и куда-то повезли. Так старшина Плужников оказался в концлагере под Минском.

Здесь через месяц на контакт с ним вышли люди из лагерного подпольного комитета. После долгой беседы Плужникову дали задание вступить в формирующуюся из числа советских военнопленных так называемую «Русскую дружину», собрать о ней все возможные сведения, после чего выйти на связь с партизанами или подпольщиками и передать информацию.

Невозможно передать словами те чувства, что испытывал старшина, сделав пять шагов вперёд, когда вербовщик выкрикнул желающих вступить в «Дружину». Казалось, что в спину вонзились сотни ненавидящих взглядов, которые прожигали его насквозь. Он едва не вернулся назад, но вовремя вспомнил о задании. Самым омерзительным было то, что одновременно с ним вышли самые отъявленные негодяи и предатели, которые всеми силами старались выслужиться перед немцами. Нет, их, вышедших из строя, было чуть больше десятка, но тем острее было чувство стыда оттого, что ты оказался одним из них.

А на следующий день старшина стал свидетелем казни всех членов подпольного комитета: нашёлся предатель, и их повесили. Оборвалась последняя ниточка, связывающая его со своими.

В «Дружине», узнав, что Плужников в прошлом был старшиной роты (не такая он большая птица, чтобы скрывать это), его назначили фельдфебелем второй роты.

– Что из себя представляет эта ваша «Дружина»?

– В составе «Дружины» три роты по сто человек в каждой. Плюс взвод усиления, состоящий из немцев. В каждой роте по три взвода. Командует «Дружиной» подполковник фон Ламсдорф, из бывших царских офицеров. Хотя фактически командует немец, гауптман Шольц, числящийся советником. Сам Ламсдорф в расположении появляется очень редко и ненадолго.

Командир первой роты – штабс-капитан Вилкас, литовец. Садист и каратель. Он и в свой взвод отобрал тех, кто ему под стать. С Ламсдорфом они земляки и в Гражданскую вместе воевали, так что на все карательные акции против мирного населения у нас всегда ездит первая рота. Нашей второй ротой командует ротмистр Ведерников. Жадный до невозможности. Чёрной завистью завидует Вилкасу: первая рота имеет возможность всласть пограбить, и у литовца имеется золотишко.

Наша вторая и третья роты ходят в караулы и патрули, а там разжиться нечем. Вот и приходится мне выполнять его поручения, – кивнул Плужников головой на свою лежащую в стороне поклажу. – Командир третьей роты – штабскапитан Сомов. Ему вообще на всё наплевать, лишь бы были шнапс и закуска. Трезвым я его ни разу не видел. Любит выпивать в компании Ведерникова. Взводами командуют поручики и подпоручики. Все из бывших.

– Что там у тебя? – показал я на мешок.

– Сапоги. Новые. Десять пар. Думаю, вам пригодятся.

– А как же поручение ротмистра?

– Так это и есть его поручение, – хохотнул Плужников. – Он приказал выписать со склада новые сапоги, якобы на замену изношенных, провести по ведомостям, что я их выдал, и сразу списать как старые, а сами сапоги продать, и желательно за золотишко. Да вы не беспокойтесь, у меня есть чем с ним рассчитаться.

Он вытащил что-то из кармана и раскрыл ладонь. Там лежали пара золотых серёжек, колечко и золотой царский рубль. Я нахмурился, глядя на это.

– Да вы не подумайте чего плохого. Я это на шнапс и всякое другое выменял в той же первой роте. Они, конечно, грабежом это добыли, но теперь пойдёт на дело. Я через это имею возможность

свободно выходить из расположения, у меня постоянный пропуск есть. А с ротмистром мы ещё посчитаемся.

– Ладно, об этом после поговорим. Кто те двое, что на нас вышли?

– Серёга с Колькой? Надёжные ребята, проверенные. Попали в плен и в лагере, чтобы избежать издевательств и отправки в Германию, записались в «Дружину». Думали, что смогут из неё сбежать. В общем-то, чуть не сбежали, да решили меня напоследок убить. Так с ними и познакомился. Выполняют иногда мои поручения. Есть ещё верные люди, но больше тех, кто колеблется. Боятся, что если уйдут к партизанам, то вы их сразу расстреляете.

Плужников вопросительно посмотрел на меня.

– Отчасти правильно боятся. Сразу, конечно, их к стенке никто не поставит, но разбираться будут от и до. Расскажи о госпитале.

– Госпиталь…

Плужников сжал кулаки, и было слышно, как скрипнул зубами. Всё, что мне уже рассказали, он подтвердил. Разве что добавил, что в Красном Берегу есть ещё и взрослый концлагерь, в котором, по его оценке, находится пять-шесть тысяч человек. Ещё он сказал, что командование решило вернуть их в Красный Берег через несколько дней.

– Сколько человек готовы пойти с тобой? – задал я важный вопрос.

– Точно пойдут человек тридцать. Может, ещё кто присоединится.

– А какие силы у немцев? Вооружение?

– Если не считать нашей «Дружины», то примерно батальон, человек семьсот. Это вместе с охраной лагерей и железнодорожной станции. Есть ещё вспомогательная полиция из местных гадов, там человек пятьдесят. Вооружение в основном стрелковое, пулемёты. Из техники имеются два наших трофейных бронеавтомобиля БА-10, два немецких броневика «Ганомаг» и один химический огнемётный танк ОТ-26. Насчёт танка не могу сказать, на ходу он или нет, при мне он ни разу не выезжал. Техника находится в нашем расположении в ангарах. Ещё у немцев есть несколько грузовиков, но они стоят в гараже в комендатуре. Рядом со станцией – зенитная батарея.

– М-да…

Я встал и прошёлся туда-сюда. Сил маловато. Даже если Плужников не врёт и за ним пойдут те самые тридцать человек, это

очень и очень мало. Можно, конечно, использовать броневики БА-10, вооружённые пушкой, но без прикрытия пехотой их быстро сожгут, а затяжной бой нам противопоказан. Огнемётный танк в условиях отсутствия противотанковой артиллерии, конечно, может навести шорох, но только при условии, что он сможет выехать. В общем, куда ни кинь, везде клин. Но и оставлять всё как есть тоже нельзя.

– Значит, так, старшина. – Я резко остановился напротив сидящего и с надеждой смотрящего на меня Плужникова, отчего тот вскочил. – Слушай меня внимательно. Вы все, вся эта ваша «Дружина», совершили преступление, сдавшись врагу и записавшись в его вооружённое формирование. У вас есть один-единственный мизерный шанс если не вернуть себе доброе имя, то хотя бы получить какое-то снисхождение. Вы должны кровью смыть с себя этот позор, и лучше, если эта кровь будет вражеской. Поэтому готовь своих людей, аккуратно прощупай через них тех, кто колеблется. Укомплектуй экипажи на бронеавтомобили и подготовь к бою. Про танк узнай всё, и если есть такая возможность, то прими меры к тому, чтобы он смог принять участие в бою. Если в деревне есть подпольщики или связники партизан, то кровь из носу нужно выйти с ними на контакт. Их помощь в предстоящей операции будет очень даже кстати. Как с тобой там можно будет связаться?

– По субботам у нас банный день, а после, примерно часиков в шесть-семь вечера, я могу уйти в увольнение часа на два-три – скажем, в пивную, что на базарной площади. Там ещё рядом кафе для немцев.

– Тогда по возвращении жди по субботам, что с тобой выйдут на связь. Буду либо я, либо человек от меня. Он спросит, где можно купить славянский шкаф. Если всё нормально, то ответишь, что славянский шкаф уже продан, но есть никелированная кровать. Если заметишь слежку или что-то подозрительное, то просто пошли куда подальше. От связника получишь инструкции. До этого времени собери всю информацию об охране госпиталя, о том, где содержатся и как охраняются дети, и об охране взрослого концлагеря. Всё ясно?

– Так точно. – Плужников вытянулся по стойке смирно.

– Тогда действуй, старшина. Встретимся в Красном Берегу.

Глава 23
В лесах Белоруссии

Старшина ушёл, а я ещё сидел, задумчиво глядя на тлеющие угли. И было отчего быть таким задумчивым. Больших иллюзий по поводу старшины и тех, кто записался в эту самую «Дружину», я не испытывал. Далеко не факт, что те, о ком говорил Плужников, пойдут за ним на верную смерть. А ведь это так и есть. Это задание для смертников.

Детей мало освободить, надо ещё и вывезти их в безопасное место. Да хоть бы и в лес. И немцы просто так нас с детьми не выпустят, а значит, кому-то, и скорее всего большинству, придётся остаться прикрывать и отвлекать преследователей. И вот у тех, кто останется, шансов уцелеть практически нет. Согласятся ли те, кто однажды уже смалодушничал, на такой расклад? Лично я не уверен.

Надежды на партизан тоже нет. Сколько мы здесь уже наводим шороха, но так и не встретили ни одного и ни от кого из захваченных немцев и полицаев о них не слышали. Нет, время от времени где-то, по слухам, подрывали рельсы, пускали под откос поезда, обстреливали колонны, но в нашем районе, кроме тех случаев, когда отметились мы с Ритой, больше ни о чём слышно не было. Может, в районе Жлобина повезёт повстречать их.

– Гость ушёл. Всё тихо. – Пума, как всегда, подкралась бесшумно. – А это что такое? – кивнула она на так и оставшийся лежать чуть в стороне мешок, который приволок старшина.

– Это подарок для партизан. Сапоги. Новые.

– Он думает, что здесь отряд? Ты ему не сказал?

– Я не стал разубеждать его. Пусть пока будет уверен, что есть ещё кто-то, кроме нас с тобой.

Надежда на то, что удастся воспользоваться укрытым в лесу мотоциклом, не оправдалась: хвалёная немецкая техника наотрез отказалась заводиться. Было бы побольше времени, я бы его оживил, но вот времени-то как раз и не было. Ну что же, придётся выдвигаться в пешем порядке в надежде, что по пути удастся экспроприировать

транспорт у немцев. Да и, так скажем, полезную нагрузку придётся несколько скорректировать. Во всяком случае, пулемёт придётся оставить.

Выйти в дальний рейд мы смогли лишь через трое суток. Помешал проливной дождь, который, как назло, лил без передышки всё это время. Все три дня мы отсыпались впрок.

Всё, что возьмём с собой, было приготовлено нами в первый же день. Рита, накинув на плечи полностью уложенный немецкий маршевый пехотный ранец с пристёгнутой сверху скаткой из одеяла и плащ-палатки, повесив на шею автомат и застегнув ремень с кобурой с пистолетом и подсумком с автоматными магазинами, покрутилась, походила туда-сюда, насколько позволяли условия, и заявила, что запросто сможет тащить ещё и пулемёт. Пришлось охладить её пыл. Тащить она его может и сможет, но недолго и недалеко, а вдобавок ещё и небыстро. А мы и так задержались из-за ливня. И вообще, пулемёт – это дело наживное, как, впрочем, и транспорт.

Мы отмахали за четыре дня километров восемьдесят, ночуя под открытым небом, укрывшись плащ-палатками, и, перейдя вброд речушку, о которой говорят, что в ней воды воробью по колено, решили устроить очередной большой привал, хоть время едва перевалило за полдень. Завтра с утра нам предстояла переправа через Березину, и надо было перед этим отдохнуть и о ночлеге подумать, как и о перекусе. Продуктов, что взяли с собой, осталось мало, а в деревни, что попадались по пути, мы заходить опасались.

Я едва успел скинуть с плеч ранец и винтовку и сесть, как где-то совсем рядом раздался выстрел, и пуля неизвестного стрелка впилась в дерево, к которому я прислонился, прямо рядом с моим ухом. Кульбиту, который я выполнил, перекатываясь за дерево, позавидовал бы любой цирковой гимнаст. Рита тоже мгновенно распласталась по земле и словно ящерка юркнула в сторону. Миг – и её уже не видно, лишь чуть заметно шелохнулась в стороне высокая трава.

А неизвестный стрелок всё никак не унимался. Ещё одна пуля впилась в ни в чём не повинное дерево. Чтобы не дать стрелку возможности перевести внимание с меня на окружающее, я взял автомат, который попросту не успел снять с плеча, за ствол и попытался, вытянув руку, зацепить рукоятью за лямку лежащего в стороне ранца. Со второй попытки это получилось, и я потянул ранец

на себя. Трава колыхнулась, и раздался очередной выстрел. Я продолжал потихоньку тащить на себя, а стрелок ещё трижды выстрелил, прежде чем всё стихло.

Прошло ещё чуть больше минуты, и с той стороны, откуда стреляли, раздался чуть слышный свист. Я выглянул из-за дерева и увидел Риту, ведущую скрюченного в позе ласточки с заломленными назад руками стрелка. При этом руки ему она скрутила ремнём его же винтовки.

Пока Рита конвоировала неизвестного, я осмотрел свои пожитки, и увиденное заставило меня выдать малый боцманский загиб, да с такой экспрессией, что трава начала слегка вянуть вокруг. Этот грёбаный Вильгельм Телль местного разлива умудрился попасть прямиком в оптический прицел моей винтовки. И мало того что оптика в хлам, так ещё и затвор покорёжило. В общем, это теперь не оружие, а металлолом с добавлением небольшого количества дров.

– Ты что же, сукин сын, наделал?! – накинулся я на стрелка сразу, как его привела Рита. – Ты за каким, я извиняюсь, бананом материальную часть уничтожил?! Я где теперь другую такую винтовку должен искать, по-твоему?

Стрелок, а им оказался молодой парень, совсем ещё пацан, лет шестнадцати, исподлобья с ненавистью смотрел на нас и чуть слышно бурчал себе под нос:

– У, гады фашистские! Даже ругаться по-нашенски выучились.

– Тьфу! – сплюнул я и глубоко вдохнул, успокаиваясь. – Ты кто таков будешь? Почему стрелять ни с того ни с сего начал?

– Да пошёл ты, гад! – Парень говорил с характерным «гэкающим» говором. – Ничего я вам, фашистам, не скажу.

– Товарищ майор, разрешите? – чуть заметно улыбаясь, кивнула Рита на своего пленника.

– Действуйте, сержант, только так, чтобы он говорить после мог.

– Говорить он точно сможет, а вот всё остальное…

Рита с кровожадной улыбочкой посмотрела на стоящего у дерева парня, отчего он невольно сглотнул. Да, умеет она с людьми работать. Покрутив на ладони нож и полюбовавшись на игру солнечных бликов на отточенном до бритвенной остроты лезвии она, покачивая бёдрами, подошла к парню и, перехватив нож прямым хватом, как мне вначале показалось, резко ударила ему в низ живота. Парень от неожиданности

икнул и, выпучив глаза, опустил взгляд вниз, на остановившееся в миллиметре от его паха остриё.

– Я тебе сейчас всё хозяйство твоё отрежу и перед тобой положу, чтоб ты видел, если не будешь отвечать на вопросы товарища майора. Ты меня хорошо понял?

Рита говорила совершенно спокойно, словно каждый день подобным занималась, да ещё и со своей фирменной улыбочкой. И от этого становилось ещё страшнее.

Парень быстро-быстро закивал головой:

– Я понял, всё понял. А вы точно не немцы?

– Ты что, дурак? – Рите явно начало это всё надоедать. – Ты где видел немцев, в одиночку шастающих по лесу? Тебя как звать-то?

– Так это… Сёмка я. То есть Семён. А можно меня развязать? А то рукам больно.

– А дурить не будешь?

– Не-а.

Рита развязала парню руки и отвернулась, убирая нож в ножны, чем он и воспользовался, тем более что открытая кобура у неё на поясе так и манила к себе. Выхватив вальтер, он отпрыгнул в сторону и, вскинув оружие, нажал на спуск. «Щёлк, щёлк», – сказал пистолет, из которого загодя был вынут магазин. Незадачливый стрелок в недоумении посмотрел на пистолет в руке.

– Товарищ майор, – со вздохом произнесла Рита, – можно я ему хоть шею намылю как следует?

– Не нужно, – усмехнулся я. – Думаю, Семён уже всё понял. Будь мы немцами, так давно бы уже его пристрелили, а перед этим на ремни порезали. Ну а ты, дружок, иди сюда, садись и рассказывай. Не то отдам Пуме на съедение.

Рита для убедительности клацнула зубами и заливисто засмеялась, глядя на вздрогнувшего парня.

Увы, но мои ожидания не оправдались. Сёмка не был партизаном, хотя и страстно этого желал. О том, что они где-то поблизости есть, он догадывался, но лично так и не встретил, несмотря на то что облазил все окрестные леса. Он, может, так и отправился бы на поиски партизан, но было одно но. И это самое но звалось дядька Панкрат, у которого жил Сёмка и который пообещал нещадно выпороть его, если он только помыслит о том, чтобы уйти.

– Так-то он мне не родной дядька, – рассказывал Сём-ка. – Он меня к себе забрал, когда в тридцать первом годе мамка с папкой с голоду и от болезни померли. Я тогда совсем малой был, четыре годка только исполнилось, и сам чуть Богу душу не отдал, да как-то выжил. Так с тех пор и живу у него да помогаю. А выпороть он может запросто: рука у него тяжёлая, а силушкой Бог не обидел. Да только я всё едино на месте не усижу. Вот, ей-богу, уйду с вами в лес. Я знаете, уже сколь фашистов набил? Штук двадцать точно. Ну, может, и не двадцать, но десять точно.

Он стушевался под насмешливым взглядом Риты.

– Ну ладно, пять. Я дядьке говорю, что иду силки проверить, а сам винтовку беру из потаённого места и к дороге али к чугунке сбегаю. А там стрельну раз-другой – и тикать. Пятерых немцев точно застрелил.

– Ну ты прям настоящий герой, – без тени иронии сказал я. – Ты мне скажи: как нам на тот берег реки Березины перебраться? Может, знаешь, где лодка есть?

– Знаю, товарищ командир. У дядьки Панкрата. Только вы сами с ним договаривайтесь.

– А далеко до этого твоего дядьки добираться?

– Та ни, – замотал головой Сёмка, – версты три, может, четыре. Быстро дойдём. Мы с ним на самом берегу Березины живём. Рыбу ловим да сдавать отвозим в Шацилки[115] в комендатуру али на рынок в Жлобин. Только в город ездить далече, и мы редко туда выбираемся. Вы только не подумайте чего, дядька немцам не служит. А то, что рыбу сдаёт, так на то он сказал, что так надо. За то нам аусвайсы выдали и в город пропуск дали.

О том, что дома у Сёмки не всё в порядке, стало понятно задолго до того, как мы этот самый дом увидели. Во всяком случае, визг свиньи, которой кто-то явно не расслабляющий массаж делал, было слышно издалека. Визг резко оборвался. Сёмка аж присел от неожиданности и скинул с плеча винтовку, которую мы ему отдали.

– Енто чего это, товарищ командир? – поднял он на меня полные тревоги глаза. – Вроде как Машка наша визжала. Чего енто она?

Я взял на изготовку автомат и, присев на одно колено, кивнул Рите в сторону источника шума. Пума бесшумно растворилась среди подлеска. Прошло чуть больше получаса, в течение которых я едва не

силой удерживал порывающегося бежать к своему дому Семёна, когда она так же бесшумно вернулась.

– Там полицаи. Допрашивают какого-то старика, – доложила она. – С вами кто-то живёт, кроме тебя и твоего дядьки Панкрата? – это уже вопрос к Сёмке.

– Ни, – замотал он головой, – тильки мы вдвоём.

– Значит, допрашивают дядьку Панкрата. Полицаев шестеро. Приехали на двух подводах. Режут всю живность.

– Ясно. – Я на секунду задумался. – Сёмка! Ты остаёшься здесь и отсюда ни на шаг не сходишь, пока не позову. Это приказ! Понял?

Парнишка весь как-то подобрался и кивнул.

– Ну а мы прогуляемся. Вперёд!

Как я и предполагал, полицаи предавались своему любимому занятию – грабежу. У одной из телег, привалившись спиной к колесу, сидел седой мужчина со связанными за спиной руками и кровоподтёком на лице и с тоской смотрел на то, как из избы через дверь и разбитое окно прямо на землю летит разная домашняя утварь. Прямо напротив него трое полицаев разделывали свиную тушу.

– Пан начальник! – показался в окне ещё один полицай. – Та нэма здесь ничього! Ни грошей, ни ценного!

Тот, к кому обращались из хаты, стоял и курил, лениво посматривая на работу своих подчинённых.

– Лучше ищи! – Он замысловато выругался. – Весь дом переверни, но найди! Должны быть гроши! – После этого он повернулся к сидящему на земле хозяину дома: – Ну что, сам отдашь или нам спалить тут всё? И где этот твой племянник? Куда спрятался? Молчишь? Ну смотри, сам себе хуже делаешь. Помирать тоже можно по-разному. Можно быстро, а можно так, что смертушка за избавление покажется.

Что ответил пленник, я не расслышал, но его ответ явно не понравился главарю. Он принялся пинать ногами беспомощного старика, при этом злобно что-то приговаривая.

– Работаем! Главного – живьём! – бросил я и метнулся влево.

Пума начала обходить постройки справа, чтобы незаметно подобраться к входной двери в дом. Укрывшись за сараем, я выждал немного и, вскинув автомат к плечу, выскочил из-за угла. Полицаи, что занимались свиньёй, даже не успели понять, что их убило.

А вот их главарь оказался расторопнее. Он резко метнулся в сторону и, обхватив сзади за горло поднявшегося с земли старика, прикрылся им, как живым щитом, при этом направив пистолет в мою сторону. Не выстрелил он лишь потому, что на секунду замешкался, увидев перед собой немецкого солдата.

Эта заминка и стала для него роковой. Молнией мелькнул в воздухе нож и вонзился ему в спину чуть выше правой лопатки. Пистолет выпал из руки. Я не мешкая подскочил к главарю и, оттолкнув от него старика, что есть силы ударил полицая кулаком в живот. Всё, клиент готов. С крыльца спустилась довольная Рита. Судя по тому, что в хате не стреляли, она опять работала своим любимым ножом.

Быстро оглядев поле боя, я посмотрел на Риту. Чего-то явно не хватало для полноты картины.

– А где?..

Мы произнесли эту фразу одновременно, глядя друг на друга, и тут со стороны леса прогремел выстрел, после чего откуда-то из-под крыши сарая свалилось ещё одно тело. А вот и шестой, которого я потерял. Ну а Сёмка получит вначале хорошего леща за неисполнение приказа, а потом – благодарность за умелые действия и меткую стрельбу.

Эх, Баня! Только так, исключительно с большой буквы. Тот, кто провёл в лесу, где из водных процедур доступно лишь купание в холодном ручье, хотя бы пару-тройку недель, тот меня поймёт.

С банькой расстарался Панкрат Филиппович. Вернее, сначала, едва ему развязали руки, он отвесил Сёмке увесистый подзатыльник, от которого тот едва не полетел на землю, а потом отправил его за водой и топить баню.

– Чего стоишь, рот раззявил? Не видишь, гости у нас. Им баня сейчас точно не помешает.

Казалось, наличие на его подворье кучи трупов и одного стонущего нисколько не заботит раненого Панкрата, а вот Сёмку явно потряхивало. Похоже, смерть вот так, на расстоянии вытянутой руки, он видел впервые.

– А не боишься, Панкрат Филиппович, что мы немцы? – Я, чуть прищурившись, смотрел на него.

– Не, мил человек, вы не немцы, – усмехнулся он. – От немцев так лесом и костром не несёт, как от вас. Да и девка твоя больно уж шибко боевая. У немчуры таких нет.

В это время Рита вязала руки раненому главарю полицаев. Полицай уже пришёл в себя и скрипел зубами, с ненавистью глядя на нас.

– Перевяжите, суки! – зло прошипел он. – Кровью же истеку!

Панкрат подошёл к полицаю.

– Эх, Пашка, Пашка. Как был ты дураком, так дураком и помрёшь. А строил из себя честного коммуниста, борца с врагами народа, активистом был. Помнишь, как ты в тридцать седьмом написал донос на Ковалёва, а потом вселился в его дом? А Микулишну помнишь, на которую ты тоже донос написал? И всё из-за того, что её сын когда-то в детстве тебе накостылял хорошенько. А теперь ты совсем опаскудился, к немцам в услужение пошёл. Тьфу! – сплюнул он под ноги.

– А ты меня не совести! – оскалился полицай. – Думаешь, сам чистенький останешься? Или надеешься, что, когда большевики придут, они не узнают, что ты агент коменданта? Так что болтаться тебе на берёзе. Жаль, я этого уже не увижу.

– Знаешь его? – спросил я у Панкрата.

– Да кто ж его не знает? – усмехнулся тот. – Он до войны главным активистом здесь был. Всё врагов народа выискивал. Сколько честных людей по лагерям из-за него отправили, не пересчитать. Как немцы подошли, он пропал было. Мы уж думали, с нашими отступил, а он через месяц объявился аж цельным начальником полиции.

Из допроса полицая стало известно, что виновником их визита на хутор Панкрата стал… Сёмка. Попался он кому-то на глаза сегодня утром, когда пошёл на свою «охоту». Ну а этот кто-то донёс проезжавшим по своим делам полицаям. Полицаи, в свою очередь, решили наведаться на хутор Панкрата и на месте изловить Сёмку. И всё бы у них получилось, не нарвись новоявленный партизан на нас и не подоспей мы вовремя на хутор.

Самым смешным во всём этом было то, что Сёмке не нужно было рыскать по лесам в поисках партизан, чтобы присоединиться к ним. Партизаны оказались рядом – буквально руку протяни. Панкрат был связником у подпольщиков. Более того, он был одним из тех, кого

задолго до войны готовили к подпольной работе. И он, и наш схрон были, что называется, из одной оперы. С началом войны о Панкрате вспомнили и приказали остаться на оккупированной территории в качестве связного. Даже соответствующий документ выдали, отпечатанный на шёлке.

Полицая Панкрат после допроса пристрелил сам. Мы втроём погрузили трупы, предварительно раздев их до исподнего, на одну из телег, после чего увезли подальше, к заросшей заводи, и побросали в воду.

– Пущай раки да сомы порадуются. Всё какая-то польза от этой падали. – Панкрат по обыкновению своему плюнул вслед последнему скрывшемуся в воде полицаю. – А лошадок с телегами я завтрева господину коменданту сведу. Скажу, в лесу повстречал без хозяев. А то как же? Не просто же так я в его агентах числюсь, – жизнерадостно рассмеялся он.

– Так про агента – это правда?

– Конечно правда. Как есть являюсь агентом. Докладаю господину коменданту о всяких подозрительных личностях, что по лесам шастают. Уже сколько раз они полицейских за партизан принимали и, бывало, постреливали, – со смешком в голосе рассказывал Панкрат. – А я что? Я увидел каких-то людей с оружием в лесу и докладываю как есть. А кто они, то мне неведомо. Да и кто, окромя партизан, по лесам бродить станет? Господин комендант даже хвалил за бдительность, но велел впредь внимательно смотреть, кто есть кто.

Мы ехали на телеге обратно на хутор.

– Хитёр ты, Панкрат Филиппович, – хмыкнул я.

– Так с волками жить, сам знаешь как. Ты спрашивай, что хотел. Вижу же, что вопросы имеются.

– Мне нужна связь с партизанами.

– Так где же я её тебе возьму? Что есть партизаны поблизости, я знаю, но связи с ними у меня нет. Да и на что они тебе, партизаны эти?

Панкрат мельком глянул на меня, но мне показалось, что под рентгеном побывал.

– Концлагерь хочу освободить. Детский.

– Эвон как! Рассказывай!

И я рассказал всё, что слышал от старшины. О госпитале в Красном Берегу, о детях, у которых выкачивают кровь для немецких

солдат.

– Это не может быть ошибкой или дезинформацией? – резко перешёл на деловой тон Панкрат. И куда только подевалась его деревенская сущность?

– Уверен, что это правда. Да и проверить не так и сложно.

– Проверим. Всё проверим. – Панкрат на какое-то время задумался. – Вон оно, значит, как. О том, что немцы детей у родителей отбирают и в Красный Берег свозят, я слышал. Также слышал, что их потом в Германию отправляют. Только я думал, увозят на работы, а оно вон как.

– Детей развозят по другим госпиталям в качестве живых резервуаров с кровью.

Ладони Панкрата с силой сжались в кулаки. Минуту спустя он протяжно выдохнул, успокаиваясь.

– А теперь рассказывай, кто ты таков будешь. А то про меня ты знаешь, а вот я про тебя и твою деваху – нет.

– Майор Копьёв. Зовут Илья. Лётчик. Позывной Тринадцатый. Был сбит при выполнении задания. Решил здесь, в немецком тылу, дождаться, когда фронт подойдёт поближе, а пока, насколько возможно, наносить вред немцам. Со мной сержант госбезопасности Гнатюк. Зовут Рита. Позывной Пума.

– Ну и добрэ! Покумекаю я, чем тебе помочь можно.

Когда мы вернулись на хутор, здесь уже мало что напоминало о произошедшем. Двор был прибран, все вещи, что полицаи выбросили на улицу, занесли в дом. Даже стреляные гильзы и те собрали от греха подальше. Сёмка стоял над тушей зарезанной свиньи и шмыгал носом – жалко.

А потом была жарко натопленная баня, в которой я до скрипа кожи отмылся и, поддав пару, развалился на полке. Похоже, меня разморило, потому что я не слышал, как скрипнула дверь. Очнулся оттого, что что-то нежно-мягкоупругое прижалось к моему боку и чья-то рука заскользила по груди, опускаясь всё ниже по телу. Я успел перехватить нахальную ладошку в самом низу, но молодое здоровое тело уже предательски отреагировало на эту нежную агрессию.

А потом мы, завернувшись в простыни, сидели в предбаннике и пили ядрёный квас. Я старался не смотреть на довольную Риту. Мне было откровенно стыдно. В своей прошлой жизни я был однолюб, и

единственной моей женщиной была моя жена. В этой жизни, насколько я помнил её до своего вселения в это тело, у Копьёва тоже с такими отношениями было, мягко говоря, негусто. А у меня теперь и здесь была жена, и изменять ей я не собирался.

Видимо, Рита что-то такое прочитала у меня на лице.

– Илья, не переживай ты так. – Она положила ладонь мне на плечо, и не скажу, что это было неприятно. – Твоя жена ничего не узнает, если сам не расскажешь. И не думай ни о чём. Война всё спишет. Сегодня мы живы, а как будет завтра, нам знать не дано. Так пусть этот маленький миг счастья останется с нами.

На следующий день с самого раннего утра Панкрат на двух подводах (тех, на которых приехали полицаи), привязав к ним свою лошадь, уехал в Шацилки, чтобы там сдать господину коменданту якобы найденные в лесу подводы. Заодно со словами «чтоб им насмерть подавиться, иродам проклятым» закинул в одну из подвод заднюю свиную ногу и бутыль самогона литра на три.

Вернулся он под вечер, верхом на своей лошадке.

– В Жлобин поедете через три дня, когда я вернусь. Комендант приказал прочесать ту местность, где я, по моим словам, нашёл подводы. Так что меня эти дни не будет, и вы тут с Сёмкой хозяйничайте, он знает, что да как. Нужно заготовить рыбу и мяса накоптить, не пустыми же вам в город ехать. А я немцев да холуёв их по лесу у озера Большого повожу. Специально туда крюк сделал с утра да наследил как следует. Пущай там побегают, авось умаются.

Три дня прошли в сплошных хлопотах. Мы вытаскивали сети, потрошили рыбу, солили и коптили её. Также закоптили сало.

Панкрат вернулся уставший, но довольный.

– Ох и помотал я их, – со смехом рассказывал он, за обе щёки уплетая тушёное мясо с картошкой. – По всем буреломам да болотам провёл. Умотал их так, что на ногах еле держатся. Даже господин комендант похвалил за рвение. Насчёт покойничков тех решили, что они к партизанам подались и, скорее всего, и до того на партизан работали. Теперь к полиции из местных у немцев веры нет никакой.

А вы завтра с утречка собирайтесь. Семён с вами поедет, заодно и покажет, что и где в городе. Господин комендант выписал мне пропуск на его имя на базар. В городе найдёте фотомастерскую Агдашева

Павла Сергеевича, она рядом с рынком. Передадите хозяину привет от бабки Аграфены да скажете, что она прихворала, но велела кланяться. Он ответит, что вы ошиблись и он никого с таким именем не знает – это отзыв. Если скажет, чтобы кланялись в ответ, то немедленно уходите оттуда. Всё запомнил?

Дождавшись моего кивка, он продолжил:

– Расскажешь фотографу всё, что мне рассказал. Там и порешаете, что делать дальше. Сёмку потом обратно отошлёте. Обратно, я сказал! – хлопнул ладонью по столу Панкрат, видя недовольную физиономию Семёна, и обратился уже к нему: – И не вздумай там остаться! Хватит! Из-за тебя и так чуть всё дело насмарку не пошло! В Отрубах передашь Савельевне записку от меня. Ещё одно письмо отдашь в городе Анне Фёдоровне.

– Так, боец, в чём дело? – вмешался я, видя недовольно бурчащего себе под нос Сёмку. – Тебе командир твоего подразделения отдал боевой приказ! Какие могут быть пререкания? Ты хотел по-настоящему бить фашистов, так тебе такая возможность предоставлена. Ты сейчас не просто пацан с хутора, а боец специального подразделения. И неважно, что ты не на фронте и не в лесу в партизанском отряде. Сейчас везде фронт! В том числе и прямо здесь. Фронт без флангов. И твоё место именно здесь. Вопросы есть? Вопросов нет! Исполнять приказ!

Примерно два километра пришлось вдвоём с Сёмкой грести до расположенной на берегу Березины деревни Отрубы на большой деревянной лодке, загруженной так, что она едва не черпала бортом воду. Ума не приложу, как он потом будет один выгребать на ней. Хотя лодка будет пустая, так что должен справиться. Тем более, как он сказал, не впервой.

Едва пристали к мосткам, как Сёмка куда-то убежал. Местные посматривали на нас настороженно. Их можно понять: мы с Ритой были в чёрных куртках полицаев с повязками на рукаве. Я даже прихватил документы одного из полицаев с более-менее похожим лицом на фотографии. Теперь я Николай Парченко. Для беглого осмотра сойдёт, а до вдумчивого доводить не нужно.

Хотя и на такой случай Панкрат меня кое-чем снабдил. Уже на берегу он вложил мне в ладонь металлический овал, на котором я с

немалым удивлением прочитал: «Geheime staatspolizei»[116]. Внизу был выбит номер, а на обратной стороне – немецкий орёл со свастикой. Я не сразу понял, что это такое, а когда до меня дошло, я удивлённо посмотрел на Панкрата. «По случаю достался, – пожал он плечами. – Мне он без надобности, а тебе, может, и сгодится».

Сёмка вскоре вернулся с телегой, в которую была запряжена самая настоящая кляча. Даже мне, не особо разбирающемуся в лошадях, было понятно, что лошадка за свою жизнь изрядно поработала, и ей бы дожить свои деньки спокойно, но приходится таскать телегу.

Сёмка заметил мой скептический взгляд.

– Та вы не сомневайтесь. То лошадь только выглядит так, как кляча какая немощная. На самом деле она сильная и резвая. Зато на неё никто не позарится, проверено уже.

Перегрузив всё из лодки в телегу, поехали на другой конец деревни и остановились у крепкого пятистенка. Из ворот вышла пожилая женщина.

– Вот, Глафира Савельевна, – обратился к ней Сём-ка, – те самые люди, о которых дядька Панкрат писал.

– Проходьте в хату.

Женщина повернулась и пошла в дом. М-да, что-то неласково нас встречают.

– Панкрат просил помочь вам. – Она мельком глянула на Риту. – Пойдём, дочка, я тебе одёжу дам. Негоже девке в мужицком ходить, подозрительно это.

Вскоре Рита вышла к нам уже в образе деревенской девушки, и, надо сказать, нормальная женская одежда ей шла. Хотя, как говорят, на красивую женщину хоть мешок картофельный надень, она от этого менее красивой не станет. А Рита, что греха таить, была красавица. Не зря же Сёмка нет-нет да посматривает на неё, когда думает, что его никто не видит.

– Вот, здесь документы моей дочки. – Глафира Савельевна положила на стол бумаги. – Здесь и аусвайс, и справка от старосты.

– А дочка как же? – тихо спросила Рита.

– А дочку в неметчину угнали. Полгода уже как. А теперь ступайте с Богом.

Женщина отвернулась к окну, обхватив себя руками. Мы молча поклонились ей в пояс и вышли.

До Жлобина добрались почти без приключений. Почти потому, что в Папоротном нас остановил немецкий патруль. До этого в тех деревнях, через которые мы проезжали, на нас никто особо внимания не обращал, тем более что видели на телеге меня с оружием и повязкой полицая.

На это раз немецкий унтер-офицер попался жутко дотошный. Не понравились ему документы – ни мои, ни Ритины, ни Сёмкины. Он долго на ломаном русском расспрашивал нас, кто мы, откуда и куда следуем. Пришлось выбрать момент и, когда он начал задавать вопросы мне, чуть кивнуть головой в сторону, приглашая его отойти.

Немец насторожился, но всё же сделал пару шагов в сторону. Я достал из кармана жетон и показал его на ладони так, чтобы больше никто не увидел. После этого я чуть наклонился к нему и на чистом немецком сказал:

– Унтер-офицер! Вы ставите под угрозу срыва чрезвычайно важную операцию. Думаю, ваше начальство будет явно не в восторге, когда узнает, что это произошло по вине их подчинённого. Сделайте вид, что всё в порядке, и дайте команду, чтобы нас пропустили. И хороший вам совет: забудьте о том, что только что видели, и вообще забудьте о нас. А я, в свою очередь, отмечу в своём рапорте вашу внимательность и отлично поставленную службу.

Видимо, связываться с гестаповцем унтеру не очень-то и хотелось, поэтому нас тут же отпустили.

В Жлобине на въезде в город на посту лишь бегло посмотрели документы и пропустили. Мы доехали почти до самого центра города, переехав через железнодорожные пути, когда Сёмка завернул в какой-то проулок и подъехал к полисаднику, за которым виднелся небольшой флигель.

– Слава богу, доехали. – Он хотел было уже перекреститься, но, бросив на меня быстрый взгляд, в самый последний момент передумал. – Мы с дядькой завсегда у Анны Фёдоровны останавливаемся, когда в город ездим. Ох и строгая она.

Если честно, то я и сам был удивлён тем фактом, что мы всё же добрались сюда. Кляча, насчёт которой я имел очень большие сомнения, показала на деле, что внешность бывает обманчива. Она довольно бодро тянула телегу, и было видно, что это ей не особо и в тягость.

Анна Фёдоровна оказалась женщиной лет пятидесяти. О таких принято говорить «из бывших». Было в ней что-то аристократическое, что не скроешь ни под какой одеждой или маской простушки. В первый момент она посмотрела на меня с нескрываемой брезгливостью.

Сёмка протянул ей свёрнутое письмо от Панкрата. Читала она его очень внимательно и, как мне показалось, не один раз. Брезгливость во взгляде исчезла.

– Проходите в дом. Там поговорим. А вы, Семён, займитесь пока лошадью. Я позову вас, когда понадобится.

Едва мы вошли в дом, она начала без предисловий:

– Панкрат пишет, чтобы я помогла вам связаться с подпольем. Что ещё требуется?

– Приютить на несколько дней, – ответил я.

– С фотографом встречались?

– Нет. Собирался завтра сходить на рыночную площадь и осмотреться для начала.

– Вам нужно переодеться. В городе много немцев, а полиции из местных мало, и все друг друга знают. Есть во что или нужно будет принести?

– Много немцев – это хорошо. Не волнуйтесь, во что переодеться есть. Нужно только всё привести в порядок.

Глава 24
Под чужой личиной

На следующий день из флигеля вышел немецкий офицер в звании майора. Всё же не зря тащил форму с собой. Теперь она, отутюженная, подшитая, где это было необходимо, сидела на мне как влитая. Трудности возникли с сапогами. Те, в которых я ходил, явно не подходили к образу немецкого офицера. Но Анна Фёдоровна быстро куда-то сбегала – и вот новенькие сапоги уже стоят передо мной.

– Как у вас со знанием немецкого языка? – спросила меня хозяйка дома на языке Гёте.

– Немцы, с которыми мне доводилось общаться, были уверены, что я родился и всю жизнь прожил в Германии, – на том же языке ответил я.

– Я бы тоже была в этом уверена, – чуть улыбнувшись, сказала Анна Фёдоровна. – И всё же будьте осторожны. У вас нет документов.

Через пару минут из двери выскользнула Рита в красивом платье, туфлях и шляпке. В руках, затянутых в белые перчатки до локтя, небольшая дамская сумочка. Яркая помада не очень подходила для образа скромницы, но вот для искательницы приключений была самое то. Рита взяла меня под ручку, и мы не спеша пошли в сторону рыночной площади.

Да, немцев в городе было, что называется, до фига и даже чуть побольше, поэтому внимания на меня никто особо и не обращал. Больше смотрели на Риту, а мне по-тихому завидовали.

Фотомастерскую мы нашли быстро. За большими стеклянными витринами были выставлены портретные фотографии, а в самой центральной витрине, в обрамлении витиеватой рамки, прямо по центру стоял на подставке большой портрет Гитлера. Было хорошо заметно, что стекло на этой витрине гораздо новее других. Похоже, его периодически бьют, о чём говорили маленькие осколки стекла, застрявшие в брусчатке под стеной. Вывеска сверху сообщала, что перед нами фотоателье Агдашева, а табличка на двери предупреждала: «Nur fur Deutsche»[117].

Я толкнул дверь и первым вошёл в прохладное помещение. Чуть слышно звякнул звонок над дверью, и из-за занавески, отгораживающей другое помещение, вышел мужчина на вид лет тридцати – тридцати пяти.

– Господин майор! Что угодно? – На немецком фотограф говорил довольно чисто.

– Я бы хотел сделать фото, – также на немецком ответил я. – Вы ведь господин Агдашев Павел Сергеевич?

– Да, господин майор, это я.

– Вам привет от бабки Аграфены, она прихворала, но велела кланяться, – уже по-русски назвал я пароль.

– Вы ошиблись, я никого не знаю с таким именем, – так же по-русски произнёс он отзыв.

После чего быстро подошёл к двери, выглянул на улицу, повесил табличку «Закрыто» и, действительно закрыв дверь на защёлку, вернулся в мастерскую.

– Уф и напугали вы меня. Анна Фёдоровна передала, что у неё гости от Панкрата, но мы не ожидали, что вы появитесь вот так.

– Нагло? – хмыкнул я, краем глаза заметив, что Рита заняла такую позицию, чтобы контролировать и входную дверь, и само помещение, и закрытый занавеской проход в соседнюю комнату.

– Скорее неожиданно. – Фотограф преобразился, во взгляде пропала угодливость. – Так зачем вы искали встречи?

– Мне нужны документы на нас двоих и связь с партизанами. Срочно. Вопрос жизни и смерти сотен детей.

– Вы сказали «детей»?

– Именно так я и сказал.

– А поподробнее?

– Что вам известно о немецком госпитале в Красном Берегу?

– Немного. Им особо не интересовались. Знаем, что там сборный пункт, на который со всей округи свозят детей от восьми до четырнадцати лет для отправки в Германию. Вы об этом говорите?

– Не совсем. – Похоже, подполье и партизаны упустили некоторые важные детали. – Это не совсем такой сборный пункт, как вы думаете. В госпиталь свозят детей, чтобы изъять у них кровь для переливания раненым немецким солдатам. Чтобы вам было более ясно, добавлю:

всю кровь! Остальных детей отправляют в другие госпитали, в том числе в Германию, с той же целью.

Лицо фотографа стало словно лист белой бумаги. Похоже, проникся.

– Документы вам будут. Сейчас сделаем фото, и через день их принесут домой к Анне Фёдоровне. С партизанами сложнее. Придётся обождать как минимум дня три-четыре. Сами понимаете, до них ещё добраться надо, а им, соответственно, сюда. Да и не могу гарантировать, что они согласятся на встречу с вами.

Я едва не сплюнул на пол от досады. Время уходило как песок сквозь пальцы.

– У вас есть контакты в Красном Берегу? Дадите мне их, и встречу назначим там. Я отправлюсь туда сразу, как будут готовы документы. В отряд передайте, чтобы были готовы в любой момент выступить. Помните, что каждый день проволочки – это десяток жизней детей, – пошёл я на шантаж. – Кроме того, по итогам операции в Центр будет доложено о действиях либо бездействии каждого. На этом всё!

– Я вас понял, – кивнул фотограф, – я передам ваши слова руководству. А теперь пройдёмте, сделаем фото на документы.

Мы прошли в другую комнату, но не в ту, где на треноге стоял большой фотоаппарат. а в следующую. Здесь было что-то вроде фотолаборатории. На столе лежали несколько фотографий, на которые я не обратил внимания. Зато обратила Рита.

– А для чего на некоторых стоят цифры?

Она взяла в руки одну из фотографий и протянула мне. На ней были два немецких офицера, позирующих на фоне виселицы с повешенными. Над их головами стояли цифры 1 и 2. На другом фото был запечатлён немецкий офицер, направивший ствол пистолета в затылок женщины с ребёнком на руках, стоящей на краю огромной ямы, заполненной трупами. Здесь над головой офицера была цифра 1, а над стоящими чуть в отдалении полицаями – 2, 3 и 4. Я перевернул фото другой стороной. Там под номерами были вписаны фамилии и звания.

– Это фотосвидетельства зверств фашистов, – скрипнул зубами фотограф. – Господа офицеры любят позировать при казнях, а потом приносят плёнки мне для проявки и печати фото. Видимо, домой их

потом отправляют, чтобы родные гордились ими. Здесь копии их фотографий с их именами. Чтобы потом найти каждого и покарать.

– Сохрани! – протянул я ему фотографии. – Как зеницу ока храни! И документируй всё, что можешь, тщательно, до мелочей. Это очень важно! Пожалуй, важнее этого ничего нет!

Документы на имя майора Макса Штирлица принесли через два дня вечером. Я даже особо и не думал, когда называл имя, на которое нужно их сделать. И без всяких приставок «фон»: это признак аристократии, а эта братия знает друг друга на десяток поколений в прошлое. Так что тут киношники слегка перемудрили. Рита стала Маргаритой Шварц из фольксдойче.

Причём среди моих документов было и командировочное предписание для контроля прохождения грузов на станции Жлобин. Не могу сказать, насколько серьёзную проверку выдержат эти документы, но хочется верить, что откровенную туфту мне не подсунули. Также посыльный, парнишка лет пятнадцати, который представился Григорием, сказал, что проводит нас до Красного Берега.

С Сёмкой мы расстались накануне. Он до самого последнего момента то и дело заводил разговор о том, какой он замечательный стрелок и вообще отличный партизан, и что было бы неплохо ему остаться с нами, и делал при этом жалостливые-жалостливые глаза.

Пришлось слегка прикрикнуть на него и напомнить, что он является бойцом подразделения, которым командует дядька Панкрат, и обязан подчиняться своему командиру и находиться там, куда его посылает командование. В противном случае его действия могут быть расценены как саботаж и дезертирство, и наказание за это будет по законам военного времени.

Кажется, парнишка проникся. Он тепло попрощался с нами и, запрыгнув на телегу, отправился в обратный путь. Надеюсь, доберётся до дома без происшествий.

Честно говоря, если бы не наш провожатый, то вряд ли мы смогли бы дойти до своей цели. Нет, до деревни мы бы в любом случае дошли, благо за время наших похождений по немецким тылам научились обходить патрули и посты. Но дойти до деревни мало, надо ещё и найти нужный дом. И в этом Григорий был просто незаменим.

Мало того что он двигался настолько бесшумно, что даже Рита это оценила, так ещё и знал Красный Берег как свои пять пальцев.

Так, огородами и проулками, уже в темноте добрались до небольшого домишки, приткнувшегося в тупичке рядом с заросшим густым кустарником берегом речки Добысна. Место было удобное. Отсюда можно было незамеченным со стороны уйти в любой момент. В домике жила старушка, которая, увидев нас, лишь молча махнула рукой – заходите, мол – и полезла на печку спать.

Григорий по-хозяйски заглянул в печку и достал оттуда накрытый крышкой чугунок.

– Сидайте. Поснедаем чуток картохи, да спать лягайте.

– Ты местный? – спросил я, устраиваясь за столом.

– Тутошний. – Парнишка сел напротив. – Как немцы пришли, батька на войну ушёл, а в наш дом бомба попала. Мамку с братишкой сразу убило, а я в сарае был, и меня контузило. Теперь вот с бабкой своей, – он кивнул в сторону печи, – живу да в Жлобине у материной сестры двоюродной.

– Знаешь, где немецкий госпиталь?

– Знаю. В бывшей барской усадьбе.

– Проводить туда сможешь?

– Смогу, только близко туда не подойти. Там везде охрана стоит.

– А если подумать?

– Ну-у-у… – Гриша задумался. – Можно вдоль речки попробовать подойти. Только там мост, и он охраняется. Если получится под ним прошмыгнуть незаметно, то дальше лесок почти к самой усадьбе подходит. Но там патрулей много. Ещё можно от церквы понаблюдать. Там, правда, не шибко видно, зато и не так опасно. Люди в церкву часто ходят, так что никто и не заметит.

– Ясно. – Я побарабанил пальцами по столу. – Знаешь, где казармы «Русской дружины»?

– Этих предателей? – В глазах Григория полыхнула ненависть. – Конечно, знаю. То все знают.

– Нужно узнать, все ли они на месте. У них одна рота надолго уезжала, и нужно узнать, вернулись они или нет. Это важно. Когда прибудет связной от партизан?

– То мне неизвестно. Утром схожу и передам, что вы здесь, заодно и про «Дружину» узнаю.

– Сегодня вторник. В субботу ближе к вечеру нужно будет проводить товарища сержанта, – я кивнул на Риту, – на базарную площадь. К этому времени мне нужна связь с отрядом. Ну а ты, как вернёшься, проводишь меня к церкви. На месте посмотрю, что там и как.

Вопреки словам Гришки, народа у церкви не было. Лишь две бабульки вышли из неё, торопливо перекрестились и, не поднимая взгляда от земли, посеменили по дороге. Я быстро осмотрелся. Увы, но от церкви из-за деревьев и строений была видна лишь крыша усадьбы Козел-Поклевских, в которой и находился госпиталь. На крыше было разложено большое белое полотнище с красным крестом посредине. Знают, сволочи, что наши по госпиталю бомбить не будут, и пользуются этим. Ну да я, в отличие от других, взращён в другом времени, и толерастией не страдаю. Если придётся, то расхреначу всё и глазом не моргну, и мне без разницы, что там разложено на крыше.

Чтобы не привлекать внимания, я решил зайти в церковь. Григорию ничего не оставалось делать, как пойти со мной. Перед входом снял кепку и под удивлённый взгляд моего провожатого перекрестился. Не сказать, чтобы я что в той, что в этой жизни был таким уж верующим, но к религии относился терпимо, главное, чтобы она, религия эта, не лезла в мою семью и мою жизнь.

В церкви стоял ни с чем не сравнимый запах ладана и восковых свечей, что горели перед иконами. Не успел я осмотреться, как к нам подошёл священник в рясе.

– Здравствуйте! – Он говорил абсолютно спокойно и даже как-то умиротворяюще, обращаясь ко мне. – Пойдёмте со мной. Вас ждут.

– Вы это мне? – Сказать, что я был удивлён, это ничего не сказать. Я здесь впервые, более того, я только что вошёл. Гришка тоже стоял с открытым ртом. – Вы уверены?

– Так велел Старец, а он не ошибается.

Мы спустились по ступенькам куда-то вниз, в подвал. Григорий остался ждать меня наверху. Перед массивной деревянной дверью мой провожатый остановился и рукой показал мне, чтобы я вошёл.

За дверью была абсолютная темнота. Я бы даже сказал, осязаемая на ощупь вязкая тьма.

Голос, что раздался из этой тьмы, был каким-то… отеческим.

– Знаешь ли ты, что означает твоё имя, Илья?

– Знаю, – ответил я, пытаясь хоть что-то разглядеть. – Оно имеет иудейские корни и означает «Мой Бог – Яхве».

Почему-то я нисколько не был удивлён тому, что этот самый Старец знает моё имя.

– Верно. Но есть и другое его значение – «крепость Господня». У нас же в православии твоё имя известно как имя Ильи-пророка, что на огненной колеснице по небу летит. Так же, как и ты. Не удивляйся, – невидимый Старец буквально угадал мои мысли, – мне многое ведомо. Я хоть и слеп, но вижу больше других людей. Вот и с тобой было мне видение, что должен ты сегодня в храм войти.

На тебе благословение Господа. Не каждому дано умереть и возродиться в другом теле. Не бойся, тайна эта ведома только тебе и мне и более никому. И так и впредь будет.

Вижу, терзает что-то душу твою, покоя не даёт, хоть ты это порой и не осознаёшь. Всё оттого, что появился ты в этом мире не просто так. Миссия на тебя возложена. Должен ты спасти души невинные, что страдают здесь, рядом. Слуги Сатаны устроили преддверье ада и терзают их, пьют кровь детей христианских. Спаси тех, кого сможешь, и обретёшь покой на душе. Подойди ко мне, воин.

Чиркнула спичка, и тьму подземелья разметало по углам. От колыхающегося огонька зажглась свеча, за ней ещё одна и стало вполне возможно различать обстановку и сидящего за почерневшим от старости столом седовласого Старца.

Я сделал три шага к нему. Старец довольно легко встал и поднял руку для крестного знамения. Я склонил голову.

– Благословляю тебя, воин Илья, на подвиг ратный. Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа! Аминь! А теперь ступай и ничего не бойся. Господь поможет тебе!

Стоило лишь выйти из церкви, как Гришка пристал с расспросами:

– А что, правда Старец там был? А какой он? А правда, что он всё-всё о человеке сказать может?

– А ты сам-то что слышал про этого Старца? – спросил я.

– Да много чего, только не верю я в это. А вообще, старики говорили, что всегда в лихую годину откуда-то приходит этот самый Старец и людям помогает. Только мало кто его видел вживую. А что он

сам кого-то к себе зовёт, так я об этом и вовсе не слышал. Никто не знает, сколько ему лет, но старики сказывают, что даже когда они сами ребятёнками были, Старец уже тогда таким был. Это, конечно, церковные сказки и поповская пропаганда, но уж больно дюже интересно на него посмотреть и обо всём разузнать.

А я шёл и думал. Куда подевались настоящие священники в том, моём будущем? Как я уже говорил, к религии я всегда относился нейтрально, но вот когда священнослужители, если их можно так называть, начали освящать казино, виллы, джипы и яхты новых русских, когда они полезли в школы и даже в детские сады – вот тогда шкала моего к ним отношения резко поползла вниз. Однажды случайно услышал разговор одного «братка» с другим. Он хвастался, что «забашлял» в церкви, и ему все грехи отпустили, и он теперь чист, аки младенец, и может опять начинать грешить, а потом ещё «забашляет», и всё будет «чики-пуки».

Почему на Руси-матушке обязательно должно наступить какое-нибудь лихолетье, чтобы появились вот такие вот Старцы, не дающие людям окончательно оскотиниться и погрязнуть во Тьме?

Прошли мы с Григорием проулками-переулками да огородами и к месту расположения «Дружины». Серьёзно у них здесь всё. Высокий забор с колючей проволокой, вышки с пулемётами по углам, крепкие ворота с огневой точкой, сложенной из мешков с землёй, перед ними.

Домой вернулись уже под вечер. Рита с хозяйкой, которую, как я узнал от Гришки, звали баба Нина, о чём-то тихонько разговаривали, сидя за столом. Увидев меня, баба Нина что-то тихонько пробормотала себе под нос и, перекрестившись на висевшие в углу иконы, полезла к себе на печку.

А через два дня, которые мы просидели, не высовываясь на улицу, во избежание, так сказать, поздно вечером пришли гости. В дверь чуть слышно постучали, и почти сразу в хату вошёл здоровенный детина.

– Доброго вечору, хозяева! – поздоровался он и произнёс пароль, который мне сообщили в Жлобине: – Не дадите ли водицы испить? Только мне бы колодезной.

– И тебе не хворать, добрый человек! Пей на здоровье. Только в колодце водица с тиной, – назвал я отзыв.

Детина ощерился, что, по его мнению, видимо, должно было означать радушную улыбку.

– Ну и добрэ! Заходьте! – обернулся он наружу.

Тотчас в хату вошёл мужчина средних лет с шикарными будёновскими усами. Он выпрямился, и стало видно, что и ростом Боженька его не обидел.

– Здравствуйте, товарищ Копьёв! Я командир отряда Сидарчук!

Я вытаращил глаза от удивления. Гость это заметил.

– Вас узнал фотограф. Мы несколько раз получали газеты с Большой земли, и там была ваша фотография. Газеты мы передавали фотографу, чтобы расклеили по городу, а у него профессиональная память на лица. Поэтому к вам на встречу пришёл я, а не связной. Кроме того, переданная вами информация о госпитале подтвердилась.

– Каким образом?

– Две девочки смогли сбежать оттуда. Они перед осмотром врачей натёрли всё тело крапивой, и их поместили в отдельный карантинный блок. А там охрана была слабая, и им ночью удалось убежать. В лесу их встретил наш дозор. Они рассказали, что их перед осмотром проводили мимо комнат, в которых на столах лежали дети, а на полу стояли тазы с внутренними органами. Ещё они видели, как выносили трупы умерших детей. Много трупов. Мы этих девочек чуть в чувство смогли привести, и всё равно они ночами с криком просыпаются.

– Ясно! Значит, вы должны понимать важность предстоящей операции. Важность и опасность. Сколько у вас бойцов и есть ли связь с Большой землёй?

– Вы, товарищ майор, опасностью нас не пугайте. У нас каждый готов, если потребуется, жизнь отдать за Победу. В отряде шестьдесят семь бойцов. Связи нет. Теперь нет, – вздохнул гость. – Три недели назад после сеанса связи нарвались на немцев. Радистку убило, а рацию осколком мины посекло.

– Хреново! Очень хреново! А что соседние отряды? С ними связь есть?

– С другими отрядами связь через тайники, но это займёт много времени.

Мне очень хотелось выматериться, но я сдержался. Штурмовать гарнизон численностью под тысячу сотней бойцов – это чистой воды авантюра. Да и то сотня наберётся, если за старшиной пойдут те самые тридцать человек. А если не пойдут? Тогда и мы все здесь ляжем, и детей не спасём. А ведь немцы запросто могут остановить на станции

какой-нибудь состав с перебрасываемой на фронт живой силой, и тогда к нам гарантированно придёт северный полярный лис песец.

С Силантием Михайловичем Сидарчуком, командиром отряда, договорились, что будем поддерживать связь и встретимся ещё раз уже перед самой операцией, чтобы всё уточнить и согласовать. На том и распрощались. Он пообещал всё же отправить связников к тайникам и сообщить в другие отряды о необходимости срочно встретиться.

В субботу, ближе к условленному со старшиной времени, отправились к рыночной площади – Рита, переодевшись в деревенскую одежду, в сопровождении Григория, и я, чуть пораньше, в форме немецкого майора.

Привлечь к себе внимание я не боялся. Наша авиация буквально вчера разбомбила жлобинский железнодорожный узел, и здесь, на самой станции Красный Берег и на подъездных путях скопилось несколько эшелонов с личным составом, техникой и различными грузами. На улицах немцев стало ещё больше, причём незнакомых друг с другом. Так что быть узнанным, вернее, не узнанным, я не боялся. Для полноты картины перед выходом прополоскал рот вонючей самогонкой и немного плеснул себе за воротник кителя, чтобы пахло сильнее.

В таком виде, изображая пьяного и слегка покачиваясь, я вышел на улицу. По пути до рыночной площади даже докопался до патруля за нарушение формы одежды. Расслабились, понимаешь, здесь в тылу. В то время, когда их камрады в окопах на фронте проливают кровь за фюрера, пытаясь остановить злобных большевиков, они здесь даже не утруждаются почистить сапоги и ходят так, словно только что из собачьего дерьма вылезли. В общем, ни дать ни взять пьяный самодур офицер. Естественно, проверять документы у меня никто не стал. Патрульные, наверное, вздохнули с облегчением, когда пьяный майор махнул на них рукой и нетвёрдой походкой направился дальше.

Всё так же покачиваясь, дошёл до кафе с уже знакомой мне по Жлобину табличкой «Nur fur Deutsche». Краем глаза увидел Риту с Гришкой, стоящих неподалёку от входа в пивную. Грамотно стоят: и сами не на виду, и вход видно отлично.

А я тем временем ногой толкнул дверь в кафе и вошёл. Слегка покачиваясь, осмотрел зал. Либо день такой, либо заведение не особо

жалуют, что удивительно, учитывая, что оно здесь одно такое. Зал был полупустой.

Ко мне тут же подскочил официант и, услужливо склонившись, на ломаном немецком сказал:

– Рады вас видеть, герр майор! Чего изволите? Есть свежее пиво, шнапс, коньяк, русская водка. Из закусок колбаса, сало, жареная курица, жареная свинина.

Я пьяным взглядом уставился на говорившего. Типичный представитель своей профессии, правда, времён так *до* революции.

– Пиво тащи, свинья! И колбасу! Жареную! Да пошевеливайся, свинья!

Я сделал вид, что хочу пнуть официанта, но он умело (чувствуется опыт) увернулся и буквально испарился.

Со словами «свинская страна», так, чтобы слышали посетители, я сел за свободный столик у окна, из которого был виден вход в расположенную напротив пивную.

– Вы позволите, герр майор?

Я поднял взгляд от стола, всё ещё изображая пьяного. Передо мной стоял гауптман.

– Присаживайтесь, гауптман. – Я икнул. – Хоть одно приличное лицо в этом захолустье.

– Благодарю вас, герр майор! Позвольте представиться: гауптман Ранке. Можно просто Карл.

– Майор Штирлиц. Макс Штирлиц, – кивнул я гауптману. – Я бы выпил с вами, Карл, но мне до сих пор не принесли мой заказ. Где, чёрт побери, моё пиво? – Последнюю фразу я проорал.

Официант с подносом в руках материализовался буквально через секунду.

– Не извольте беспокоиться, господин майор. Вот ваш заказ.

Он споро выставил на стол кружку с пивом и тарелку с жареными колбасками. Напротив гауптмана он поставил маленький графинчик, судя по цвету, с коньяком и тарелку со свиной рулькой.

Я взял в руки кружку и, отсалютовав ею, сделал изрядный глоток. Если честно, то пиво было очень даже неплохим, но нужно было отыгрывать роль всем недовольного вояки. Я сморщился и поставил кружку на стол.

– Это не пиво, а свинская моча. О, майн гот, как же я хочу оказаться в моём дорогом Кёльне, зайти в «Brauhaus Sion» и выпить там кружечку превосходного кельша. А теперь Кёльна нет. И старого доброго бара тоже нет. Проклятые островитяне всё разбомбили.

Я аж пьяно всхлипнул. Разоблачения я не боялся, тем более что в своё время, будучи несколько раз в Кёльне, побывал и в самом старейшем пивном баре «Brauhaus Sion». Конечно, оригинальное здание было разрушено в результате бомбёжек, и это был новодел.

– Не расстраивайтесь так, герр майор, – попытался успокоить меня гауптман. – Лимонники нам за всё заплатят. Вот раздавим русских и займёмся их островом. А насчёт пива вы правы, здесь оно дерьмовое, но другого всё равно нет. Позвольте угостить вас коньяком.

– С удовольствием, – благодарно кивнул я. – И называйте меня по имени – Макс. И давай на «ты».

– Благодарю, Макс. Тогда и ты называй меня Карлом. – Гауптман разлил коньяк в две рюмки и подвинул одну в мою сторону. – Прозит!

– Прозит, – ответил я и отпил половину рюмки, покатав напиток во рту. – Недурной коньяк. Конечно, не сравнится с тем, что мы пили во Франции, но, учитывая, что мы сейчас в России, тоже вполне неплох.

– Вы были во Франции?

– Ещё до русской кампании. Благословенные были времена, Карл. Вот где рай на земле. Изысканные вина, коньяк и прекрасные француженки. А здесь, в России, только мороз, грязь, вши и берёзовые кресты. Увы, но о Франции нам с тобой остаётся только мечтать. Давай выпьем за мечту, друг мой.

Ну что могу сказать. В очередной раз убедился, что «эуропейский» организм пить наравне с нами не может в принципе. Хилые они. Да и, если честно, я жульничал: пил через раз, да и то не полную. В общем, развезло моего «друга» гауптмана капитально.

Зато язык у него развязался. От него я узнал, что служит сей гауптман при том самом госпитале и занимается вопросами отправки отобранного контингента. Что следующая отправка произойдёт через пять дней и что через четыре дня обещали начать пропускать составы через Жлобин, а значит, и со здешней станции наконец-то уберут эшелон с топливом и ещё один с боеприпасами, который какой-то умник поставил бок о бок с цистернами. Из двух других эшелонов,

которые везли пополнение на фронт, личный состав сгрузили и отправили пешком.

Я вытащил из кармана часы, ещё те, золотые, что у майора, хозяина этого мундира, нашлись, и открыл крышку. Время приближалось к семи часам, а старшины всё не было.

Гауптман, увидев блеснувшую крышку, завистливо хмыкнул. Я разлил коньяк по рюмкам и предложил выпить. Естественно, мой визави не отказался. Опрокинув в себя благородный напиток, он уронил голову на стол и захрапел. Готов. Я жестом подозвал официанта и, бросив на стол несколько марок (вот в чём в чём, а в немецких деньгах у нас недостатка не было, благо разжились в качестве трофеев), попросил позаботиться о моём друге, а сам, напялив на голову фуражку, чуть покачиваясь, пошёл на выход.

Причина моей спешки была проста: к пивной подъехал мотоцикл, за рулём которого сидел знакомый мне по встрече в лесу Сергей, один из людей старшины, а из коляски шустро выскочил его напарник Николай и, быстро посмотрев по сторонам, бросился в пивную.

Так, это «ж-ж-ж» неспроста. Но почему нет самого старшины? Всё так же изображая подвыпившего, направился к пивной. Сергей, увидев идущего к нему немецкого офицера, явно занервничал. Впрочем, такая реакция будет у любого солдата любой армии при приближении к нему пьяного офицера. Чёрт его знает, что придёт в дурную пьяную голову.

– Aufstehen! Stillgestanden![118] – гаркнул я.

Сергея буквально сдуло из-за руля мотоцикла, и он вытянулся в струнку. Все, кто был поблизости, прикинулись ветошью и предпочли по-тихому исчезнуть, пока пьяный самодур не обратил на них внимание. Выскочивший из пивной Николай резко затормозил у двери, не зная, что ему делать. В принципе, будь я действительно немецким офицером, у него был бы конкретный залёт: распитие спиртных напитков во время службы – это в любой армии чревато нехорошими последствиями.

Я, не обращая на них внимания, полез в коляску, при этом чуть заметно махнув рукой наблюдавшей за всем происходящим из-за заборчика Рите. Она наверняка узнала этих двоих. Устроившись в коляске под удивлёнными взглядами Сергея с Николаем, я снял фуражку, пригладил волосы и едва слышно прошипел:

– Поехали! Чего встали столбом?!

К счастью, замешательство этих двоих длилось секунду. Сергей ударил ногой по кикстартеру, а Николай запрыгнул на заднее сиденье, по-прежнему не сводя с меня удивлённых глаз. Узнали, черти.

Проехав немного, я махнул рукой в сторону глухого проулка. Мотоцикл свернул и остановился. Я выбрался из коляски.

– Где старшина?

– Това…

Рот Николая сам собой начал растягиваться в улыбке, но пришлось его осадить:

– Герр майор. Так где старшина?

Эти двое переглянулись и в молчании уставились на меня. Ладно, попробуем с другой стороны.

– Где продаётся славянский шкаф? – произнёс я пароль.

Оба моих собеседника синхронно выдохнули.

– Славянский шкаф уже продали, но есть никелированная кровать, – чётко, по словам, ответил Сергей. Я ещё в прошлую нашу встречу заметил, что он более сдержанный.

– Вот и добрэ! Так где ваш фельдфебель?

– Он сегодня разводящим в карауле на станции и не смог прийти на встречу, отправил нас. А мы в мотопатруле разъезжаем по округе.

– Ясно! Передайте старшине, что я буду ждать его завтра вечером по адресу Моховая, одиннадцать. Это срочно. Пусть выкручивается как хочет, но он обязан быть там. Всё запомнили? Тогда свободны.

Старшина пришёл часов в восемь вечера. Накануне я отправил Григория, едва они с Ритой вернулись, в отряд Сидарчука. На встречу и разработку детального плана времени уже не было, детей вот-вот должны увезти в другие госпитали. Задача у партизан была простой и одновременно сложной: они должны будут ударить по госпиталю и вывезти детей в безопасное место.

Я поздоровался с бывшим старшиной.

– Проходи, Иван Силантьевич. Рассказывай, как дела обстоят.

– Дела обстоят хуже, чем хотелось бы, но лучше, чем могло быть.

Плужников сел за стол, косясь на сидевшую в углу и делавшую себе маникюр ножом Риту.

– О как! А поподробнее?

– Не успели приехать, как сразу начали ходить в караулы. Охраняем станцию, госпиталь, внутренний караул и патруль. С верными людьми переговорил, все ждут сигнала. Возможно, когда начнём, сможем ещё кого перетянуть на нашу сторону.

– Что с техникой?

– Вот здесь лучше, чем ожидалось. Как оказалось, все броневики – и наши, и немецкие – на ходу, и боезапас на них надо только загрузить. Я аккуратно так пообщался с начальником мастерской, тоже из бывших пленных, военинженер Ермилов, откровенно ему всё рассказал. Честно, держал в кармане пистолет на всякий случай. А он сам вдруг вытаскивает из своего кармана пистолет и говорит мне: мол, я думал, что ты, фельдфебель, сука, а оно вон как оказалось. В общем, вся техника, в том числе и огнемётный танк, готова к бою. Экипажи сформированы.

– Есть возможность быстро достать взрывчатку?

– Переговорю с Ермиловым. Сколько нужно?

– Чем больше, тем лучше. Нужно послезавтра ровно в полдень взорвать на станции эшелон с топливом. Да, старшина, – ответил я на немой вопрос Плужникова, – послезавтра начинаем. Всем своим скажи, чтобы, как начнём, повязали белую ленту себе на правую руку ниже локтя. Кто будет без этого опознавательного знака, те враги.

Мы сидели ещё часа три, прежде чем Плужников ушёл. Пока фортуна нам улыбалась. Послезавтра рота старшины заступает во внутренний наряд, а один из взводов – на охрану госпиталя. На станции будет в карауле первая рота, где собрали в основном отморозков-садистов, а третья рота остаётся в качестве резерва.

Я высказал сомнения в возможности взорвать эшелон, если на станции будет дежурить верное немцам подразделение.

– Есть там пара человек, – задумчиво произнёс старшина, – забитые, все их шпыняют. На акции ездят с явной неохотой. Вилкас давно бы сдал их в гестапо, но тогда вся его репутация перед немцами коту под хвост. Он же у них считается самым преданным и надёжным – и вдруг у него в роте такое. Переговорю я с ними, предложу отомстить за все унижения.

– Ты смотри аккуратнее с ними. Могут и сдать и тем выслужиться.

– Ничего. Двум смертям, как говорится, не бывать.

– А вот этого не надо, старшина. От тебя сейчас фактически зависит успех всей операции. Пошли для разговора кого-нибудь из своих парней.

Глава 25
Смерть останется голодной

За час до назначенного времени к небольшому домику в глухом тупичке подъехал грузовик в сопровождении мотоцикла с коляской. Если бы кто-то из соседей вдруг оказался в этот момент на улице, то он был бы очень удивлён открывшейся ему картине. Из старого покосившегося сарая выскочили десять человек, одетых в чёрную немецкую форму и вооружённых, и шустро загрузились в кузов грузовика, прикрыв за собой тент, а из избушки вышел немецкий офицер в звании майора в сопровождении молодой женщины, почему-то одетой в мужскую, немецкую же форму, правда, серого цвета.

К счастью, местное население за время оккупации было уже приучено в таких случаях сидеть тихо и не высовываться, поэтому и посторонних зрителей не было.

Откуда взялись люди? Так сами пришли, ещё ночью. Сидарчук по договорённости прислал, так сказать, группу поддержки, а Плужников ещё вчера передал для них комплекты формы. Я даже не удивлюсь, если это было сделано с ведома его ротного. Судя по тому, что я узнал о нём от старшины, он мать родную продал бы, а не то что какую-то там форму.

Нашей задачей было незадолго до взрыва на станции приехать в госпиталь, нейтрализовать охрану и не допустить, чтобы детям нанесли какой-либо вред. Тем более что в составе охраны должны быть люди старшины. Поэтому с нами едет Николай Кочур, бывший сержант Красной армии, попавший в плен в печально известном киевском котле. Будучи помощником старшины, он знал тех из охраны, кто готов искупить кровью свою вину и кто будет сражаться на нашей стороне. Люди, по словам Николая, были уже оповещены и готовы. Партизаны тоже затаились в лесочке в километре от усадьбы Козел-Поклевских.

Теперь главное, чтобы на станции всё прошло так, как задумано. Но даже если взрыва и не будет, операция всё рано начнётся в установленное время. Хотя и будет значительно труднее, но выбора у нас нет.

Интерлюдия

Станция Красный Берег

Наверное, впервые с тех пор, как попал в плен, Олег Нарусов улыбался, и душа его пела. Сегодня он отомстит всем этим мразям за все унижения. И он не один. Рядом с ним с чуть заметной улыбкой на губах идёт его друг, единственный друг Сашка Бреев. А есть ещё и другие люди, он уверен, что их не один, и не два, которые так же, как и он, ненавидят всю ту мразоту, что их окружает.

Он всегда слушался всех знакомых, малознакомых и совсем незнакомых и делал всё, что ему велят. Ну не умел он отказывать, вот и доставалось работы больше, чем другим. И работы самой грязной и тяжёлой. Мать часто говорила ему: «Ох и момока же ты, Олежек, ох и момока. И в кого ты такой уродился? Все тебе готовы на шею сесть, а ты и рад для них стараться. Умей спорить и отказываться, иначе так и будешь всю жизнь других обрабатывать». Он обещал матери, но… Ничего сказать супротив не получалось, и ему вновь доставалась грязная и тяжёлая работа.

Когда началась война, его призвали, и почти сразу он попал на фронт. Повоевать удалось недолго, и через месяц остатки их полка попали в окружение. Патроны и продовольствие закончились. Попытались прорваться, да в чистом поле, через которое они бежали, их окружили гогочущие во всё горло немцы на мотоциклах.

А потом были лагерь, постоянные унижения и побои. Приходилось выполнять самую грязную работу, такую как чистка нужников, вынос трупов, уборка в казарме охраны. Не выдержав всего этого, он при первой же возможности записался в «Русскую дружину». Думал, здесь будет полегче, и, может быть, оттуда удастся сбежать.

Однако все надежды оказались напрасны. Видать, на роду ему так написано. Здесь тоже были постоянные унижения и побои. Кормили, конечно, хорошо, но что толку от той кормёжки, если любой мог харкнуть ему прямо в тарелку или под всеобщий хохот высыпать в кашу горсть соли.

Но хуже всего было не это. Хуже всего были выезды на карательные акции. Он поначалу пытался лишь делать вид, что, как и

все, стреляет в стоящих у кромки рва или оврага женщин, детей, стариков, и палил мимо, но это быстро заметил командир их роты штабс-капитан Вилкас. Подведя к нему молодую трясущуюся от страха еврейку, Вилкас достал пистолет, упёр ствол Олегу в затылок и приказал: «Стреляй!» Он зажмурился и выстрелил. Когда открыл глаза, девушка лежала на земле и хрипела. «Даже это сделать нормально не можешь, ублюдок». Вилкас без всяких эмоций выстрелил в неё, а потом со всего размаха ударил Олега кулаком в лицо.

В тот вечер Олег решил, что с него хватит, и, когда все улеглись, пошёл в нужник. Из петли его вытащил Сашка.

– Ты что, сдурел? – прошипел он, отвязывая от балки верёвку с петлёй на конце.

– Не могу я так больше, – затрясся в рыданиях Олег. – Лучше умереть, чем так.

– Ну и дурак, – зло бросил Сашка. – Что толку от твоей смерти? Эти-то так и будут жить дальше. Ты если уж надумал помереть, так кого-нибудь из них с собой на тот свет забери. А ещё лучше присматривайся да думай, как не одного забрать, а побольше.

Так они и подружились. А вчера, после того как Олег вычистил нужник и присел за углом передохнуть, к нему вдруг подсел Колька Кочур из второй роты.

– И не надоело тебе всё это? – спросил он, протягивая открытую пачку.

– А что поделаешь? – с горьким вздохом произнёс Олег, беря одну из сигарет.

– Ну, надо как-то отпор дать. Или ты собираешься всё это терпеть до конца жизни?

– И что ты предлагаешь? Поубивать всех?

– Да хотя бы и поубивать! – рубанул кулаком в стенку Николай. – Или тебе кого-то из них жалко?

– Жалко?! – Олег аж вскочил. – Да я бы этих тварей живьём закопал! Вот только… – Он замолк и весь как-то осунулся. – Что я один-то могу?

– А если не один? – Николай пристально смотрел ему в глаза.

– Я готов! – Олег сам удивился, откуда взялась у него решительность. – Что нужно сделать? Из пулемёта их перестрелять?

– Нет, не из пулемёта. Вы ведь завтра в караул на станцию заступаете? Ты на какой пост идёшь?

– Известно на какой, – усмехнулся Олег. – В пеший патруль вдоль составов. Эти-то туда не пойдут. Там весь день ни присесть, ни покурить. Там и у начальства на виду, и цистерны с бензином с одной стороны да эшелон со снарядами – с другой.

– А напарник кто?

– Так Сашка Бреев. Мы завсегда с ним вместе.

– А он как? – Николай покачал перед собой ладонью с растопыренными пальцами.

– Он так же, как и я, всех этих ненавидит.

– Надёжный, значит? Веришь ему?

– Верю, – решительно сказал Олег. – Он меня от смерти спас.

– Ну тогда, как стемнеет, приходи к мастерским. Там тебе скажу, что надо делать.

К мастерским Олег пришёл не один. Он привёл своего друга Сашку, которому ещё днём всё рассказал.

– Я так и думал, что вы вдвоём придёте, – раздалось из темноты, и к ним вышел Николай.

– Мы это… Мы готовы… – хрипло произнёс Олег и посмотрел на друга.

Сашка быстро закивал головой.

– Ну, тогда слушайте, что нужно сделать. Когда выйдете в патрулирование, нужно будет вот эти вот штуки ровно в полдень подложить под цистерну с бензином в середине состава.

Николай нагнулся и поднял с земли две железные цилиндрические коробки от противогазов. Только, судя по тому, как он их держал, в них было что-то более увесистое, чем противогаз.

– Это мины. Нужно открыть крышку, вот так, – продемонстрировал он, – и зажечь вот этот шнур. У вас будет две минуты на то, чтобы убежать. А если дёрнуть вот за это колечко, то взрыв произойдёт сразу. Но это на крайний случай. Так как, вы готовы?

– Мы всё сделаем как надо, – каким-то не своим, твёрдым и решительным голосом ответил Олег.

Если бы кто видел его в этот момент со стороны, то не узнал бы. Куда подевался тот всеми унижаемый и вечно забитый человек? Нет,

сейчас с гордо поднятой головой стоял воин, готовый отдать даже саму жизнь ради Победы.

В патрулирование они вышли как обычно, и как обычно ходили вдоль составов туда-сюда от одной входной стрелки до другой. Всё было привычно, непривычной была только тяжесть сзади на ремне. Проходя мимо станции, они оба с нетерпением поглядывали на большие часы, висящие на столбе, мысленно подгоняя стрелки.

За пять минут до двенадцати они остановились посредине состава с топливом и начали пристраивать мины под днище цистерны.

– Ждём пару минут, и поджигай, – шёпотом произнёс Сашка, распрямляя запальный шнур.

– Эй! Вы что там делаете?!

Громкий окрик, раздавшийся откуда-то справа, заставил их вздрогнуть. К ним быстрым шагом приближался сам господин штабс-капитан Вилкас с двумя своими подручными. Видимо, решил лично проверить несение службы в карауле.

Сашка скинул с плеча карабин и выстрелил. Вилкас, нелепо взмахнув руками, грохнулся на спину. В ответ прозвучала автоматная очередь и пули просвистели совсем рядом с вжавшимся в колёсную пару Олегом.

Сашка будто бы споткнулся и стал медленно оседать на землю. Из последних сил он прохрипел:

– Взрывай! – и упал замертво.

Олег в растерянности смотрел на своего друга, лежащего на земле, на бегущих к нему двух карателей в ненавистной форме. Вдруг он резко выпрямился и метнулся к минам. Он ещё успел почувствовать, как автоматная очередь разрывает его спину, но палец был уже просунут в кольцо, и, падая, он из последних сил рванул его на себя.

Интерлюдия

Расположение «Русской дружины»

Фельдфебель второй роты Плужников не находил себе места. Он не спал всю ночь, ожидая, что вот-вот за ним придут, и буквально весь извёлся за утро. А стрелки часов словно прилипли к циферблату.

Словно в тумане прошли подъём и завтрак. Затем он проверил несение службы караулом, заодно ещё раз обговорив детали с верными людьми, зашёл в ремонтные мастерские и перекинулся парой фраз с бывшим воентехником Ермиловым. Все были готовы и ждали сигнала. Вот и Плужников сидел сейчас, гипнотизируя стрелки часов, что лежали перед ним на столе, и ждал его. Впрочем, как сказал тот майор, независимо от того, будет взрыв на станции или нет, операция начнётся ровно в полдень.

За пятнадцать минут до назначенного времени Плужников встал, повязал на правую руку белую повязку, сделанную из оторванной от простыни полосы ткани, передёрнул затвор автомата, засунул за пояс три гранаты с длинной ручкой и подошёл к окну.

Из его каптёрки хорошо были видны внутренний двор и одна из вышек. Пулемётчик на ней развернул МГ и весь напрягся. На его правом рукаве хорошо было видно белую повязку. Сегодня на всех вышках и на въезде стоят его люди. Благодаря тому, что господин штабс-капитан откровенно забил на службу, расписание нарядов составлял фельдфебель. Вот он и распределил верных людей на ключевые посты.

У штаба стояла легковая машина. Похоже, господин подполковник фон Ламсдорф собственной персоной решил проверить, как несёт службу вверенное ему подразделение. Ну оно и кстати. Тут он и останется.

Стрелкам осталось совсем чуть-чуть до встречи на двенадцати, когда казармы едва заметно встряхнуло. Протяжно завыла сирена, и почти сразу же вокруг началась стрельба. Пулемёты били по казарме немецкого взвода и по штабу. Внутри казарм тоже звучали выстрелы. Плужников выскочил из каптёрки и сразу же к нему присоединились

четверо из внутреннего наряда – все с оружием и с белыми повязками на рукавах.

Из канцелярии роты вывалился ротмистр Ведерников. Было видно, что он, как обычно, пил и сейчас пытался понять, что происходит.

– Фельдфебель! – заорал он, выпучив глаза. – Какого…

Договорить он не успел: старшина всадил ему в живот короткую очередь из автомата. Ротмистр сложился пополам и завалился на пол.

– За мной! – скомандовал Плужников, выбегая на улицу.

Во дворе вовсю шёл бой. Вернее, даже не бой, а избиение. В этот момент со стороны станции раздался оглушительный взрыв. Казалось, что все здания вокруг подпрыгнули, а кое-где даже выбило стёкла.

Из раскрытых ворот мастерских выкатились оба бронеавтомобиля и открыли огонь из пушек и пулемётов. Довершил разгром штаба и немецкой казармы огнемётный танк. Он выпустил по каждому из строений по одной огненной струе. Этого хватило. Пламя растеклось по внутренним помещениям, сжигая тех, кто был ещё жив.

– Господин фельдфебель! – подскочил один из теперь уже точно бывших дружинников с белой повязкой. Плужников так глянул на него, что тот осёкся. – Виноват, товарищ старшина! Там это, что-то непонятное в казарме третьей роты происходит.

– Что там?

– Так там бой идёт внутри, а наших там нет.

– Так с кем они тогда воюют?

– Ну, получается, что друг с другом.

К этому времени броневики и танк, закончив с казармой и штабом, подкатили к расположению третьей роты и встали так, чтобы контролировать казарму со всех сторон. Плужников посмотрел на часы. С момента взрыва на станции прошло двадцать пять минут. Пора выдвигаться к госпиталю, а тут вот такое. Вздохнув, он вышел на середину плаца прямо перед окнами третьей роты.

– Внимание! – что было сил прокричал Плужников, благо голосина был сильный. – Третья рота! Я старшина Плужников, фельдфебель второй роты! Бросайте оружие и выходите! Даю вам три минуты!

Он демонстративно посмотрел на часы.

– А если не выйдем, то что? – раздалось со стороны казармы.

– Тогда я отдам приказ, и мы вас просто сожжём! Время пошло!

– Не стреляйте! Я иду на переговоры!

Из дверей казармы вышел унтер-офицер с поднятыми руками. Подойдя к Плужникову, он спросил:

– А вы кто будете? Партизаны?

– Что-то вроде того, – ответил старшина. – А ты кто такой?

– Командир отделения унтер-офицер Мухин, бывший старший сержант. Я вас знаю, господин фельдфебель, то есть товарищ старшина. Мы с вами хотим.

– Все хотите?

– А те, кто не хотел, уже покойники. У нас вначале меж собой бой произошёл.

– Сколько вас?

– Тридцать семь. Из них девять раненых, четверо тяжело.

– Слушай приказ, старший сержант Мухин. Выводи своих сюда, на плац. Всем повязать такие же повязки как у нас. Всё оружие и боеприпасы, что есть, забирайте с собой. Раненых, кто не может идти, погрузить в машины. Подстелите им матрасы и заберите побольше простыней, пойдут на перевязки. Всё, исполнять, бегом! – скомандовал старшина.

Вскоре на месте расположения так называемой «Русской дружины» остались лишь полыхающие строения. Коллаборационистское формирование, на которое немцы возлагали большие надежды, прекратило своё существование.

За полчаса до полудня мы подъехали к КПП на въезде в усадьбу Козел-Поклевских. Николай поднял правую руку с белой повязкой, и шлагбаум тут же пошёл вверх. Часовые на КПП споро повязывали себе на рукава белые полоски материи.

– Тут наши, – сказал мне Николай. – Все остальные – нет. Может, и захочет кто присоединиться, но это вряд ли.

Подъехали к главному входу. Под удивлённые взгляды раненых, вышедших на прогулку, из кузова высыпали вооружённые люди в чёрной форме с белыми повязками на рукавах. Немцы лишь недоумённо переглядывались. Взяв с собой Риту, Николая и ещё троих, я направился к входной двери. Остальные остались у машины, готовые в любое мгновение открыть огонь.

Первый, кого я встретил, войдя внутрь, был мой собутыльник и «лепший друг» Карл, он же гауптман Ранке.

– Герр майор! Макс, какими судьбами?

Видно было, что Ранке очень удивлён как моим визитом, так и моей группой поддержки.

– А, Карл, – изобразил я радость. – Это очень хорошо, что я тебя встретил. Я здесь исключительно по службе. – Вытащив из кармана гестаповский жетон, я предъявил его гауптману. – В ведомство рейхсфюрера пришла жалоба, что из вашего госпиталя в другие госпитали поставляют контингент явно монголоидной расы. Это категорически недопустимо – переливать кровь представителей неполноценных рас немецким солдатам. Меня направили сюда разобраться с жалобой и провести первичную селекцию контингента.

– Но с этим вопросом нужно обращаться к доктору Краммеру, – окончательно растерялся Ранке. – Он тут главный по всем медицинским вопросам, и он решает, кого из контингента использовать сразу, здесь, на месте, а кого отправлять в другие госпитали.

– Прекрасно. Отправьте кого-нибудь за ним, а мы с вами пройдём посмотрим, что вы на этот раз собираетесь отправлять. Ведь отправкой, насколько я помню, занимаетесь именно вы, Карл?

– Да, конечно, господин майор. Прошу вас следовать за мной.

Мы прошли в пристройку, в которой когда-то, наверное, была конюшня. Сейчас помещение было разделено на несколько частей, в каждой из которых стояли деревянные нары в три яруса. На нарах, прижавшись друг к другу, сидели дети. Много детей. От совсем маленьких до подростков.

– Что здесь происходит? – раздалось сзади.

К нам быстрой походкой спешил, как я понял, сам, если можно его так назвать, доктор Краммер.

– Я так понимаю, вы доктор Краммер? – не давая ему перехватить инициативу в разговоре, спросил я. – Я майор Штирлиц. – Я ткнул жетон почти в нос Краммеру. – Мне поручено проверить имеющийся у вас контингент на предмет наличия представителей монголоидной расы. В ведомство рейхсфюрера Гиммлера пришла жалоба, что вы поставляете, в частности в госпитали в генерал-губернаторстве, именно такой контингент. Это недопустимо. Сколько у вас сейчас в

наличии голов и сколько вы планируете отправить в ближайшее время?

– Э… – Краммер несколько растерялся от моего напора. – На сегодняшний день у нас триста двадцать семь единиц контингента. К отправке подготовлено сто сорок. Остальные разделены на две группы. И вообще, подобное невозможно, – возмутился он. – У нас ещё на стадии поступления проводится тщательная селекция. Возможно, из других пунктов, таких, как наш, была поставка бракованной партии доноров. Но мы здесь совершенно ни при чём.

– Хорошо, господин Краммер. Пройдёмте в ваш кабинет и там продолжим разговор. Я намерен выяснить все нюансы порученного мне дела.

Дав знак троим нашим бойцам остаться, мы с Ритой в сопровождении Ранке и Краммера направились в кабинет начальника госпиталя.

Проходя по коридору мимо одной из открытых дверей, я резко остановился. Там в сверкающем белизной помещении под мышки была подвешена маленькая девочка. Её грудь обхватывал широкий, туго затянутый корсет. Ступней на её ножках не было. Вместо них на ногах были какие-то манжеты, от которых отходили трубки. Трубки тянулись за ширму, к двум кушеткам, на которых лежали немецкие раненые. Вокруг них порхала медсестра в белом чепчике и что-то им вполголоса щебетала, заботливо поправляя простыни. Ещё одна медсестра следила за тем, чтобы кровь от девочки равномерно текла по трубкам.

Двое мужчин-санитаров в это время снимали со стола, похожего на массажные из моего времени (те, что с прорезью для головы, только тут ещё были предусмотрены отверстия для рук), тело мальчика-подростка. Рядом со столом на специальной подставке стояли в ряд бутылочки граммов по пятьдесят каждая, наполненные кровью.

Ещё не до конца осознавая то, что увидел, я сделал шаг внутрь помещения.

– Здесь у нас пункт забора крови. Заодно сразу и прямое переливание раненым делаем. Свежая кровь буквально творит чудеса.

Краммер рассказывал так, словно всё происходящее было вполне нормальным явлением. Хотя для них это, может, и норма.

Я выхватил пистолет и всадил по пуле в каждого, кто находился в помещении. В жирного немца, лежащего на кушетке и смотрящего масляными глазами на филейную часть весело щебечущей медсестры, в его камрада на соседней кушетке, в медсестру и её напарницу, следящую за тем, чтобы кровь из ребёнка вышла вся, в двух санитаров, деловито укладывающих труп мальчика на носилки. Сзади, хрипя перерезанным горлом, осел на пол гауптман.

Краммер стоял, с обалделым видом глядя на меня.

– Этого живым, – по-русски бросил я Рите, кивнув на находящегося в оцепенении доктора.

Я бросился к девочке. Признаков жизни она уже не подавала. Я подхватил почти невесомое тельце, и вдруг она открыла глаза и чуть слышно прошептала:

– Мамочка… больно…

Я почувствовал, как она в последний раз встрепенулась, словно маленький воробышек, и затихла… навсегда.

В этот самый момент здание ощутимо вздрогнуло, задребезжали стёкла. Со стороны входа раздалась длинная пулемётная очередь, а вслед за ней – несколько автоматных очередей и серия глухих взрывов. В соответствии с планом, бойцы забросали гранатами караульное помещение. Гуляющих по парку немцев, похоже, тоже помножили на ноль.

Я аккуратно, словно самую дорогую ценность, положил девочку на кушетку и, выйдя в холл, громко прокричал:

– Внимание! Всем оставаться на своих местах! В коридор не выходить, к окнам не подходить! Нарушителей ждёт смерть!

Почти сразу дверь одной из палат открылась и оттуда показались два немца в больничных пижамах. Короткая очередь Ритиного автомата срезала их на пороге.

– Повторяю! Все вышедшие в коридор и подошедшие к окнам будут убиты! – Аж в горле запершило от крика.

Во входную дверь вбежал один из бойцов.

– Товарищ майор! Караул весь перебили, немцев в парке и у входа тоже. Заняли оборону. Со стороны деревни слышна стрельба.

– Ясно! – Я был доволен. Пока всё идёт как надо. Старшина наводит шорох у себя в расположении и скоро должен выдвинуться сюда, партизаны тоже должны вот-вот подойти. – Передай Николаю,

чтобы двоих сюда прислал. И внимательно следите за окнами, чтобы ни одна гадина не сбежала.

Партизаны и бывшие дружинники подошли почти одновременно. Из-за этого чуть было не перестреляли друг друга. От той силы, что привёл с собой старшина, командир партизанского отряда Сидарчук просто обалдел – два пушечных броневика, танк, два немецких броневика, десять грузовиков и больше сотни хорошо вооружённых бойцов. Это Плужников по пути заглянул «на огонёк» в комендатуру и экспроприировал там автотранспорт. Вернее, огонёк там появился уже после визита хомячистого старшины.

Зато теперь будет на чём вывезти детей в сторону Брянска. Именно туда был намерен выдвигаться со своим отрядом Сидарчук. Он уже отправил в брянские леса связников, которые должны выйти на связь с действующими там партизанами и организовать встречу колонны. Да, далеко, больше двух сотен километров, но наличие автотранспорта позволяло существенно сократить время в пути. А уж провести колонну в обход населённых пунктов партизаны смогут. Во всяком случае, Силантий Михайлович в том едва не божился.

Колонну сформировали быстро. Головными в ней пойдут два мотоцикла, «ганомаг» и наш БА-10, замыкать колонну будет второй «ганомаг», БА-10 и огнемётный танк.

Пока грузили детей, мы с Ритой прошерстили документацию. Краммер очень скрупулёзно фиксировал все поступления и отправки детей, результаты своих исследований по переливанию крови и вскрытию ещё живых детей. Здесь были и фотографии. Страшные фотографии. Информация по другим подобным госпиталям тоже нашлась. Всё это мы тщательно упаковали и передали Сидарчуку с наказом во что бы то ни стало доставить это вместе с детьми за линию фронта.

Колонна уже ушла, а наша замыкающая группа с танком, броневиком и парой мотоциклов с коляской немного задержалась. Осталось последнее незавершённое дело. Всех немцев – и раненых, и персонал госпиталя, – сразу по приходе партизан согнали в одну самую большую палату на первом этаже. Краммер стоял рядом со мной напротив входа в усадьбу и дрожал как осиновый лист.

– Господин майор, что с нами будет? Не забывайте, что мы некомбатанты и здесь госпиталь, а значит, мы подпадаем под действие

международной конвенции. Кроме того, есть правила войны, по которым нельзя уничтожать госпитали, – клацая зубами, как от холода, произнёс он.

– Вот как? – Я посмотрел на него словно на насекомое. – Скажите, Краммер, а вы вспоминали о конвенции и этих ваших правилах, когда выкачивали всю кровь из детей? Из *наших* детей! – Последнюю фразу я буквально прорычал, заставив этого псевдодоктора отпрянуть. – Вспоминали ли об этой конвенции и этих ваших правилах ваши лётчики и танкисты, когда расстреливали, бомбили и давили гусеницами наши эшелоны с ранеными, госпитали, больницы? А ведь на них даже слепой увидел бы символику Красного Креста. Впрочем, можете не отвечать. Не вы первый, кто попадается мне в руки и начинает лепетать о конвенциях и каких-то правилах войны. Только почему-то эти самые правила должны действовать лишь в отношении вас, а другие под их действие не подпадают. Так что придётся вам отвечать за все ваши злодеяния.

– Что… что… что вы собираетесь с нами сделать? – Голос Краммера аж вибрировал от страха.

– Что касаемо вас, то вы будете повешены. Вот здесь, – махнул я рукой в сторону ворот, над которыми была ажурная кованая решётка. – А остальные… – Новый взмах рукой, и огнемётный танк, рыкнув двигателем, подкатил поближе. – Знаете, Краммер, у нас, у славян, есть замечательный закон кровной мести. Вы убивали наших детей, буквально пили их кровь, но их кровь вам не достанется. Вы понесёте самую жуткую кару.

Из ствола танка вырвалась струя нестерпимо жаркого пламени и ударила в окно. Стекло сопротивлялось лишь мгновение, и вот волна очистительного огня ворвалась в набитое нелюдями помещение. Сквозь гул пламени были слышны крики и визги заживо сгорающих прислужников Сатаны.

Мы уезжали, оставляя позади пылающую усадьбу и мерно покачивающегося в петле бывшего когда-то человеком Краммера. Сегодня Смерть останется голодной. На повороте аллеи, ведущей от усадьбы на дорогу, мы немного отстали, пропуская вперёд танк. Это и спасло нам жизнь. Едва вывернув из-за деревьев, танк вдруг исчез в ослепительной вспышке, разбрасывая в разные стороны куски брони. Из-за крайних домов деревни выползли две самоходки, а за ними –

густая цепь вражеской пехоты. И это были не тыловики, это были явно имевшие боевой опыт солдаты.

Броневик, развернув башню в сторону немцев, выскочил на дорогу, прикрываясь горящими останками танка, и, выстрелив, метнулся обратно. На месте, где он только что стоял, вспух взрыв. На самоходки его выстрел не произвёл никакого впечатления, а вот пехота залегла. Я выдернул из крепления на коляске пулемёт и залёг в придорожной канаве. Рядом пристроилась Рита. Николай с остальными бойцами занял позицию чуть в стороне.

Установив пулемёт, я выждал, когда немцы опять поднимутся, и выпустил по ним очередь. Немцы опять залегли, и кое-кто из них – навсегда. Самоходки остановились и начали доворачивать корпусом на нас. Я послал по ним пару коротких очередей, надеясь на то, что удастся разбить приборы наблюдения. Похоже, что не разбил.

На стволе одного из «штугов» расцвёл цветок выстрела, и снаряд разорвался с небольшим недолётом. Вторая самоходка ударила немного в сторону от нас. Этим тут же воспользовался экипаж броневика, который в очередной раз выскочил на дорогу и влепил 45-миллиметровый снаряд прямо в гусеницу одного из «штугов». Самоходка крутнулась на месте и замерла.

К сожалению, это было последнее, что сделал героический экипаж бронеавтомобиля. Чуть в стороне, ломая яблони и забор, выползла ещё одна самоходка и выстрелила в броневик. С БА-10 взрывом сорвало башню, которая, перевернувшись в воздухе, упала на середину дороги. Одновременно с этим со стороны немцев начался ураганный огонь такой силы, что головы нельзя было поднять. Наши мотоциклы превратились в изрешеченные куски металлолома.

Я попытался сменить позицию, и тут что-то сильно ударило меня по бедру. Нога сразу перестала слушаться, и что-то тёплое потекло на землю. Я хватанул по ноге рукой и, поднеся её к лицу, увидел, что она вся в крови. Всё, отбегался.

– Илья! – метнулась ко мне Рита. – Ты ранен!

– Ага! Ты тоже это заметила? – с какой-то обречённой весёлостью ответил я.

А что уж теперь? Всё! Уйти нам не дадут, да и ходок я теперь откровенно никакой. Так что осталось только принять смерть как подобает мужчине и воину и дать хоть какой-то шанс уйти остальным.

Рита тем временем перетянула мне ногу выше раны ремнём и уже полезла за перевязочным пакетом.

– Оставь! – бросил я ей, продолжая короткими очередями отстреливать немцев. – Забирай остальных, и уходите. Если поспешите, то догоните наших.

– Я тебя не брошу, – замотала головой из стороны в сторону Рита. В глазах у неё стояли слёзы.

– Сержант госбезопасности Гнатюк, выполняйте приказ! – прикрикнул я и уже спокойно продолжил: – Рита, только ты одна можешь вывести всех к нашим и рассказать обо всём, что за это время произошло. Не забывай, из какого ты ведомства, тебе быстрее поверят. Надо, Ритуля, надо! Я своё уже отбегал. И вот ещё что… – Я на секунду замолчал. – Когда выйдешь к нашим, то напиши моим жене и дочке, что я их очень сильно люблю. Адрес узнай у комиссара эскадрильи Гайдара.

– Илья! Я тебя…

– Не надо, Рита, не надо. Прощай! Оставьте мне гранаты и уходите.

Я приник к пулемёту и выпустил очередь по начавшим подниматься фрицам. Немцы опять залегли. Рядом свалился на землю Николай.

– Товарищ майор, вот.

Он выложил передо мной пять немецких гранат с длинной ручкой и пару наших «лимонок». Рядом легла снаряжённая пулемётная лента. Я обернулся и протянул ему руку. Он крепко пожал мою ладонь и, хлопнув меня по плечу на прощание, перекатился в сторону.

Наши ушли, а я ещё минут десять сдерживал немцев. Странно, но самоходки не двигались вперёд, а стреляли с места, стараясь нащупать мою позицию. И, что мне очень не нравилось, у них это вполне получалось. Прихватив гранаты, я попробовал отползти назад, и у меня это хоть и с трудом, но получилось. С этой стороны меня прикрывала дорога, и можно было передвигаться согнувшись.

Я встал и сделал шаг. Лишь вовремя выставленный вперёд в качестве костыля пулемёт не дал мне упасть: боль прострелила так, что казалось, глаза выпадут из орбит.

Тем временем лёгкий ветерок сменил направление, и теперь густой чёрный дым от горевших танка и броневика стелился над

дорогой. Чёрт! А ведь это шанс. На той стороне церковь. Стены у неё крепкие, и их не сразу возьмёшь из пушки. Займу позицию на колокольне, и фрицы задолбаются меня оттуда выкуривать.

Удивительно, но я смог дойти до дверей церкви, несмотря на то что немцы открыли плотный огонь, в том числе и вдоль дороги прямо в полосу дыма. Наверное, кто-то свыше решил, что я должен ещё немного потрепыхаться.

Хромая, я поднялся по ступенькам. Ногу я уже совсем не чувствовал. Плечом открыв дверь, я ввалился внутрь церкви.

– Куда?! – бросился мне наперерез церковный служитель. С оружием нельзя!

Я уже хотел было просто и незамысловато послать его, как со стороны уже знакомого мне входа в подземелье раздался голос Старца:

– Пропусти его, Михаил, да помоги подняться на колокольню. То меч Господень у него в руках. А мы молитвой поможем воину одолеть супостата.

Глава 26
Плен. Побег

Я открыл глаза и увидел над собой белый потолок. Я жив! Я всё ещё жив, что просто невозможно. Я прекрасно помню, как с колокольни расстреливал из пулемёта немецкую пехоту, как бросал гранаты, оставив одну для себя. Помню, как две самоходки, встав бок о бок, дали залп по моему укрытию. А вот что было потом, я уже не помню.

Я попытался повернуть голову, и тут пришла она – боль. Голову словно резко сдавил раскалённый обруч, да так, что в глазах потемнело. Похоже, я даже на какое-то время опять потерял сознание.

Придя в себя, я увидел склонившуюся надо мной женщину в белом халате и с белой косынкой на голове. Она молча резко распрямилась и быстро скрылась из поля зрения. Лишь чуть слышно скрипнула дверь. Ну, и что это было? Чёрт возьми, ну почему одежда медиков везде одинаковая? Ещё и ни слова не проронила. Вот и гадай теперь: у немцев я или у наших?

Хотя, если рассуждать логически, нашим здесь взяться неоткуда. И вообще, где это самое «здесь» находится? Вопросы, вопросы, а ответов нет. Значит, будем подождать. Кстати, если я у немцев, то почему лежу явно в больничной палате, а не в лагерном бараке? Или они приняли меня за своего? Ведь в том бою я был в форме немецкого майора.

Но всё же, может, всё-таки наши?

Дверь снова скрипнула, и мои надежды рухнули в пропасть. Передо мной, в поле моего зрения, стоял и лыбился во все свои тридцать два зуба явно немецкий офицер в накинутом поверх мундира белом халате.

– Гутен таг, герр Копьёв! Вы даже представить себе не можете, как я рад, что вы наконец-то пришли в себя.

Вот ни хрена себе такое здрасти! Меня ещё и опознали. Может, хоть расстреляют или повесят сразу. А то, если пытать вдруг начнут, слишком многое могут узнать. И как бы я ни крепился, но пытками из

человека можно выжать абсолютно всё из того, что он помнит, а также и то, о чём он давно уже забыл.

– Не удивляйтесь, – продолжил немец, – мы почти сразу узнали, кто вы есть на самом деле. Ваши заокеанские союзники нам в этом очень помогли.

– Герр офицер, раненому нужен покой. Прошу вас удалиться.

Мужской голос шёл откуда-то сзади, и я не видел говорившего, но предположил, что это врач.

Стоящий передо мной немец лишь коротко кивнул и ушёл, а надо мной склонился говоривший. Он осмотрел меня, попросил проследить глазами за молоточком, померил пульс. В общем, обычное дело в любой больнице. Потом мне сделали укол, и я вырубился.

А ночью мне опять стало хуже, и я впал в беспамятство. Помню, что последней мыслью было, что, может, судьба будет ко мне милостива, и я уже не очнусь.

Увы, не повезло. Через четыре дня я вновь пришёл в себя.

Уже знакомый мне офицер заявился спустя ещё пару дней.

– Ну что же вы, герр майор? – Немец придвинул стул поближе к кровати и сел на него. Сегодня он был без медицинского халата, и я смог разглядеть его форму и звание. Судя по вышитому орлу над правым карманом кителя, петлицам и нарукавному знаку, он был из люфтваффе и имел звание майора. – Складывается такое впечатление, что вы хотите лишить меня удовольствия общаться с вами.

– Вы правы, майор. – Говорил я довольно тихо, так как от малейшего напряжения голова начинала немилосердно болеть. – Я очень сильно желал бы сдохнуть и лишить вас этого удовольствия.

– Вы говорите как настоящий солдат, – польстил мне немец. – Только мы, военные, в отличие от гражданских, спокойно относимся к смерти и не боимся её. Но всё же торопить её не нужно. Как говорится, всему своё время.

А ваше время, я надеюсь, придёт ещё нескоро, чего я вам искренне желаю.

– Если вы хотели меня успокоить или подбодрить, то у вас это явно не получилось.

– Вы храбрый солдат и умелый лётчик, за что я вас очень уважаю. – Немец чуть заметно склонил голову. Ну и актёр пропадает. – Да, мы, немцы, умеем уважать сильного и достойного противника. А

вы противник более чем достойный, герр Копьёв. Вас очень ценит и ваше руководство, и ваши союзники. Вот, полюбуйтесь.

Он достал что-то из кожаной папки, лежащей у него на коленях, и показал мне. Журнал «Time», а на его обложке – моё фото при всех наградах и, что характерно, уже с тремя Звёздами Героя.

Следующие полтора месяца, пока я находился в какой-то, судя по всему, частной клинике и проходил лечение, майор Герхард Нойман был рядом со мной постоянно. Он вёл задушевные беседы и всячески выказывал мне своё уважение. От него, впрочем, я получил кое-какую информацию.

Когда мою бессознательную тушку извлекли из-под завалов того, что было колокольней, немцы уже знали от пленного партизана, что ими руководил некто в форме немецкого майора. Естественно, их заинтересовало, кто бы это мог быть. Меня отправили в госпиталь в Жлобин (местный к тому времени уже догорал), где извлекли пулю из бедра. Я, в результате тяжёлой контузии, всё это время был без сознания.

Моей личностью заинтересовался один из офицеров СД[119], курировавший местные айнзацкоманды[120]. Был он человеком продвинутым и почитывал английскую и американскую прессу, которой его снабжали по знакомству из Берлина. Он и обратил внимание на схожесть фото из журнала «Time» и моей физиономии.

Далее меня отправили в Варшаву и уже оттуда в эту клинику, расположенную в живописном пригороде аж самого Берлина. Можно сказать, в самом логове нахожусь.

Постепенно меня начали выпускать на прогулки в парк, в котором и располагалась клиника. Естественно, не одного, а всё с тем же Нойманом. Во время этих прогулок Нойман в красках расписывал мне все те радужные перспективы, которые меня ждут, если я соглашусь перейти на службу к немцам.

– Я не понимаю вашего упорства, майор, – вещал он. – Ведь вы даже не член большевистской партии, а значит, не фанатик, а здравомыслящий человек. И, как здравомыслящий человек, вы должны понимать, что Советская Россия не выиграет в этой войне, она обречена. Наши неудачи на фронте носят временный характер. Наступление Красной армии выдохлось, ещё одно усилие – и линия фронта покатится на восток до самого Урала.

У вас крайне отсталая в технологическом плане страна, примитивное оборудование и такая же примитивная техника. Да даже вы сами, майор, воевали, и вполне успешно, на американском самолёте. Так что большевистская Россия – это колосс на глиняных ногах. Вся ваша военная мощь держится исключительно на поставках техники из Англии и Америки. Однако те, кого вы называете своими союзниками, уже завтра перейдут под наши знамёна, чтобы не упустить возможность получить свою часть трофеев по окончании войны.

У вас есть шанс вернуться на родину в числе тех, кто освободит Россию от жидобольшевистского правления и поможет ей стать частью цивилизованного европейского общества. Вы будете определять будущее своей страны в составе объединённой Европы. Уже многие из ваших генералов перешли на сторону Германии и воюют против большевиков за европейское будущее России. Вы, наверное, не в курсе, но даже сын Сталина перешёл на нашу сторону. Разумеется, в России большевики об этом не говорят, но это так.

А вот тут ты, херр майор, просчитался. Насколько я помню из истории, Яков Джугашвили погиб в лагере Заксенхаузен 14 апреля 1943 года. Погиб, но ни отца, ни Родину не предал.

Однако показывать свою осведомлённость я не стал, а сделал вид, что это меня заинтересовало.

– Так устройте нам с ним встречу, Нойман, и тогда я, может, и подумаю.

– К сожалению, пока это не представляется возможным, майор. Сын Сталина сейчас занят очень важной работой, от которой его лучше не отрывать, – выкрутился немец.

Ну да, несмотря на всю любовь немцев к оккультизму, воскрешать умерших они так и не научились.

Всё же что ни говори, а медицина у немцев на высоком уровне. Через полтора месяца я довольно сносно мог ходить, и голова почти не болела. Я часто задумывался о том, что же будет дальше. Можно было, конечно, попытаться бежать, но, учитывая здешнюю охрану, это, скорее всего, закончится моей гибелью. А значит, ещё побарахтаемся, а там, может, судьба подбросит удобный случай.

За мной пришли утром, до завтрака. В палату, где я находился, ворвались несколько солдат с эмблемами СС и, надев мне на руки наручники, затолкали меня в машину, завязали глаза и куда-то повезли.

Ехали довольно долго. По моим прикидкам, часа два точно. Наконец машина остановилась, и меня буквально за шиворот вытащили наружу.

Похоже, это был тюремный двор. Вокруг возвышались мрачные тёмно-серые стены, пахло сыростью и обречённостью. Где-то высоко, в узком квадрате едва не сходящихся стен, виднелся лоскуток синего неба.

Меня заставили снять удобную мягкую больничную пижаму и, выдав полосатую робу, бросили в холодную сырую камеру. Что-то мне это напоминало. Сиживал я уже в подобной. Там также не было окон и лишь свет тусклой лампочки под высоким потолком слегка рассеивал тьму. Даже запах был похожий.

Так как меня, что называется, изъяли до того, как принесли завтрак, то скоро я ощутил голод, который становился всё сильнее. Сколько времени прошло до того момента, как узкое окошко в двери лязгнуло и открылось, я не знаю, но по ощущениям пара суток. В окошко просунули плошку с отвратительно пахнущим варевом. М-да, не отель «Ритц», но хоть что-то. Не чувствуя вкуса, съел содержимое миски. Хорошо хоть тёплое, а то вряд ли у меня получилось бы влить *это* в себя.

Баланду выдавали нерегулярно, и вскоре я потерял счёт времени. От холода и сырости рана на бедре воспалилась и давала о себе знать постоянной дёргающей болью. За неимением лучшего я оторвал лоскут от робы и, смачивая его своей мочой, протирал рану. Странно, но меня никто никуда не выводил, не было ни допросов, ни пыток – ничего. Хотя, вероятнее всего, таким образом пытались меня банально сломать.

И вот однажды дверь в камеру с лязгом открылась.

– Aufstehen! Raus hier![121]

Меня провели в тюремный лазарет, где обработали рану, сделали какой-то укол и перевязали. Если до этого мне было уже откровенно по фигу на всё, то последние действия немцев заинтересовали: потенциальным трупам раны не обрабатывают и перевязки не делают.

Затем был уже знакомый мне тюремный двор. А на улице-то уже зима. Нет, не та, наша, со снегопадами и морозами, от которых уши сворачиваются, а вполне себе европейская зима с чуть заметным снежком. Это сколько же времени я тут провёл?

Меня посадили в закрытый фургон, бросили под ноги какую-то потрёпанную шинель советского образца и куда-то опять повезли. Так я оказался в печально известном концлагере Заксенхаузен. В том самом, где совсем недавно погиб Яков Сталин. Вернее сказать, не в самом лагере, а в лагерном отделении, расположенном в пригороде Берлина Штеглиц-Целендорф.

Определили меня в общий барак, в котором размещались советские военнопленные. Едва я вошёл, как со всех сторон на меня посыпались вопросы, кто я, откуда и как там на фронте. Однако сопровождавший меня капо[122] прикрикнул, и все затихли. Строго тут у них.

Едва я разместился на жёстких деревянных нарах, покрытых тощим матрасом, как меня обступили заключённые. Пришлось рассказывать.

– Майор Копьёв. Лётчик. Был сбит, партизанил, попал в плен. Нет, как сейчас дела на фронте, не знаю, меня сбили в начале июля сорок третьего года, но то, что фрицам там кисло, это точно.

Меня расспрашивали до тех пор, пока капо опять не прикрикнул. Все нехотя разошлись по нарам.

– Товарищ майор! – Мой сосед говорил чуть слышным шёпотом. – Вы, если что надо, обращайтесь ко мне. Я вам всем, чем могу, помогу.

– Тебя как зовут? – так же шёпотом спросил я.

– Так это, Харитон я, Тарасевич моя фамилия. Рядовой. Я давно уже здесь, аж с сорок первого года, и всё здесь знаю.

– Спасибо, Харитон. Если что, обращусь.

Ох не нравится мне этот мой соседушка. Говорит, что с сорок первого здесь, а морда ни грамма не схуднувшая от местного питания.

Некоторое время спустя решил я посетить местный туалет. Уже на выходе услышал откуда-то сбоку из тёмного закутка шёпот. Похоже, здесь все предпочитают так изъясняться.

– Товарищ майор! Ваш сосед провокатор. Он на немцев работает.

Я остановился и сделал вид, что поправляю штаны.

– Ты кто?

– Я сержант Рябинин. Бортстрелок на Ил-2. Я вас по Ленинграду знаю. Я в пятнадцатом штурмовом полку служил.

– Какое прозвище у командира третьей эскадрильи?

– Птица-говорун. Вы сами его так прозвали. Ещё сказали, что это потому, что он отличается умом и сообразительностью.

– А что вы подарили мне на свадьбу?

– Так самовар, товарищ майор. – Даже не видя собеседника, я чувствовал, что он улыбался. – Я сам лично надраивал его до блеска и потом полировал бархоткой.

– Тебя как зовут, сержант?

– Так Илья. Ваш тёзка, стало быть.

– Спасибо тебе, тёзка. А этого гада я и сам уже раскусил.

Вот такая беседа состоялась у меня.

Наутро провокатора нашли задушенным в туалете. Вроде как сам повесился. Ага, от угрызений совести. Весь барак вывели на плац и заставили стоять на холодном пронизывающем ветру. Немцы отсчитали каждого десятого, по очереди привязывали их к столбу и пороли смоченными в солевом растворе розгами. По десять ударов каждому.

Обитателей бараков немцы периодически гоняли на разбор завалов после бомбёжек. Я со своей хромой ногой попал в команду, которая работала внутри лагеря. Мы чистили сортиры, убирали территорию, наводили порядок в казармах охраны.

Рядом за забором был ещё один лагерь. Там находились пленные американские и английские лётчики. Условия там были не в пример лучше, что меня нисколько не удивило, знал я об этом из истории. Американцы с англичанами были вполне сытыми, добротно одетыми. Каждый день у них проходило построение личного состава, причём немцы при этом не присутствовали. Старшие офицеры проводили перекличку, докладывали об этом своему старшему по званию, и уже он шёл в комендатуру и там докладывал коменданту лагеря о наличии личного состава.

Естественно, ни на какие работы их не гоняли. Они получали посылки от Красного Креста, спали, играли в карты в некоем подобии клуба. В общем, вполне себе комфортный плен у них был. При этом ни единой попытки хоть как-то помочь советским военнопленным: ни куска хлеба не передали с той стороны, ни клочка бинта.

Через несколько дней после Нового года мне приказали идти в комендатуру. Эх, вот и наступил 1944 год. Как там Света с Катюшкой? Как ребята из эскадрильи? Как Рита? Смогла ли она догнать колонну с детьми и вывести их к нашим?

В комендатуре меня встретил, словно старого друга, по традиции улыбаясь при этом во все тридцать два зуба, не кто иной, как майор Герхард Нойман. Вот интересно, он же немец, суровый типа тевтон, а всё время лыбится, словно голливудская звезда.

– Господин Копьёв! Как же я рад вас видеть! Вы не представляете, какой скандал разразился из-за вас! Рейхсфюрер Гиммлер требовал, чтобы вас казнили непременно самым жестоким способом, но за вас вступился сам рейхсмаршал Геринг. Цените это, майор! Ему стоило больших трудов уговорить рейхсфюрера отменить свой приказ о вашей казни. Как видите, люфтваффе умеет уважать сильных соперников. Но ведь и этого мало. Дошло до курьёза, когда начали драться артиллеристы-зенитчики и лётчики, споря, кто же из них смог вас сбить. Может, поможете рассудить их спор и скажете, кто одержал такую знаменательную победу? – рассмеялся Нойман.

– Пусть и дальше дерутся, им полезно, – хмыкнул я.

Наверное, уже кучу крестов получили и те и другие за то, что сбили советского аса. А Нойману, я, коне-е-ечно, ве-е-ерю. Так вот прямо сразу и бесповоротно. А то ведь Гиммлеру с Герингом делать больше нечего, кроме как из-за меня спорить. И весь этот спектакль с клиникой и лагерем не что иное, как метод кнута и пряника. В моём случае пряника, кнута и… Теперь, по логике, должен опять последовать пряник, а вот потом уже могут, что наиболее вероятно, и шлёпнуть.

– Не желаете прогуляться, майор? – сделал Нойман приглашающий жест в сторону двери.

– Можно и прогуляться. Всё равно от моего ответа, как я понимаю, мало что зависит.

– Зря вы так, – изобразил огорчение немец. – Я, можно сказать, отношусь к вам по-дружески, с уважением, а вы этого не цените.

– Идёмте, Герхард, – усмехнулся я. Тоже мне, друг выискался. – Свежий воздух полезен для здоровья.

Мы вышли из комендатуры и направились по очищенной от снега дорожке. Прошли вдоль изгороди, разделяющей советский и англо-

американский лагерь. На той стороне англичане весело играли с американцами в футбол.

– Кстати, господин Копьёв, полковник Оуэн, старший в лагере ваших союзников, когда узнал, что здесь находится кавалер Креста лётных заслуг, рыцарь и кавалер ордена Британской империи, в категоричной форме потребовал, чтобы вас перевели к ним. Там находятся сбитые над территорией рейха английские и американские лётчики. Так что одно ваше слово – и вы уже не вернётесь в свой барак, а будете находится в более достойных условиях с хорошей медицинской помощью. Ваши союзники даже имеют возможность получать посылки от Красного Креста. Главы их государств, в отличие от вашего Сталина, подписали конвенцию об обращении с военнопленными, и Германия свято соблюдает её. Сталин же назвал всех, попавших в плен, предателями. Их семьи ждёт Сибирь и верная смерть. И вашу, кстати, тоже, майор. Подумайте, стоит ли упорствовать при таком отношении к вам со стороны большевиков.

– Вы лукавите, Нойман, когда говорите о соблюдении вами Женевской конвенции. Вернее, откровенно врёте. В её тексте сказано, что ратифицировавшие конвенцию государства обязаны соблюдать ее, даже воюя с государствами, которые стороной конвенции не являются. Вот и получается, что вы эту самую конвенцию нарушаете. А что касается предложения переселиться к англичанам с американцами, то, пожалуй, откажусь. Мне среди моих товарищей вполне комфортно.

Немец на это лишь нервно дёрнул щекой: не ожидал от меня таких познаний.

Некоторое время шли молча. Затем Нойман опять начал убеждать меня перейти в их буржуинство за бочку варенья и корзину печенья.

– Вот вы, майор, заговорили о комфорте, – вещал он. – А что вы, собственно, знаете о том, что такое настоящий комфорт? У вас же в вашей большевистской России даже туалетов в домах нет, всё на улице. И это я не говорю о таких элементарных вещах, как водопровод и ванна. А дороги? Это же ужасно! Стоит пройти небольшому дождю, и по вашим так называемым дорогам невозможно передвигаться. Так что только победа рейха, обладающего подавляющим техническим превосходством, приобщит вашу отсталую варварскую страну к благам цивилизации.

– То есть вы предлагаете мне предать ради того, чтобы у меня в доме был сортир и моя задница не мёрзла зимой? Вы большой оригинал, Нойман. А что касается так называемого технического превосходства, то его у вас нет и не было никогда, а без него вам точно не победить. Да и далеко не всё на поле боя решает техника. Так что не вижу никакого смысла переходить на сторону тех, кто в любом случае проиграет.

Нойман приехал снова через три дня. Меня опять вызвали в комендатуру и вместо робы выдали вполне приличный гражданский костюм с рубашкой и галстуком, пальто, ботинки и фетровую шляпу.

– Ну вот и всё, герр Копьёв. Теперь вы под защитой рейхсмаршала Геринга. Конечно, о свободе пока речь не идёт, но в лагерь вы больше, я надеюсь, не вернётесь.

Ага, тонкий намёк на толстые обстоятельства. Этак завуалированно мне было сказано, что в случае чего меня сразу отправят обратно. Например, в случае отказа от сотрудничества.

Моим новым пристанищем стал вполне приличный домик, с хозяйкой и охраной под окнами. Естественно, с пресловутым сортиром в доме и водопроводом с ванной, которую я сразу же принял – приобщился, так сказать, к европейской цивилизации. Эка фрицам втемяшилось перетянуть меня к себе. Хотя понять их можно: это же какой пропагандистский эффект может быть. Трижды Герой, рыцарь Британской империи, любимчик (как они думают) Сталина – и вдруг переходит на сторону немцев. Вот только хрен им.

В таких условиях я прожил следующие десять дней, ежедневно встречаясь и беседуя с Нойманом. Тот, видя, что я реагирую без агрессии на его потуги, решил пойти, что называется, ва-банк.

– Сегодня я хочу пригласить вас, майор, в небольшую поездку. Думаю, вам не повредит немного, как это говорят у вас в России, проветриться. Заодно покажу вам кое-что, что наверняка изменит вашу точку зрения. Кстати, я уполномочен передать вам, что в случае, если вы согласитесь с нами сотрудничать, вам будет сразу выплачено двести тысяч рейхсмарок и предоставлен дом с прислугой и автомобиль. Кроме того, вам будет сохранено ваше звание, все сбитые вами самолёты будут вам засчитаны, а вместо ваших наград рейхсмаршал Геринг будет ходатайствовать о награждении вас Рыцарским крестом с

дубовыми листьями. Разумеется, особым распоряжением вам будет разрешено носить британские награды.

Будет создан особый авиационный полк из русских лётчиков, перешедших на сторону рейха и желающих бороться против жидобольшевиков. Командиром этого полка станете вы. Естественно, получив звание оберста, а возможно, и генерала. Как вам такие перспективы, герр майор? О, нет-нет, не отвечайте прямо сейчас. Вначале вы должны увидеть то, что сокрушит врагов рейха. Уверен, что вы, как опытный лётчик, оцените.

Пока мы ехали, Нойман без устали расписывал мне радужные перспективы, которые откроются мне сразу же, как только я дам своё согласие. А я сидел, слушал его разглагольствования и думал.

Вообще, было странно, что немцы не свели меня с генералом Власовым. И не просто не свели, а ни разу ни словом даже не упомянули о нём. Видимо, были у них какие-то планы относительно меня. Думаю, что они хотели создать некое воинское формирование в противовес власовцам, которое подчинялось бы Герингу. И тут я, в качестве полностью подконтрольной марионетки на посту формального командующего этого формирования, подошёл бы идеально как с военной, так и с пропагандистской точки зрения. Осталось лишь уломать меня.

Понятно, что на службу к немцам я не пойду ни за какие коврижки, но потянуть время по максимуму всё же нужно. А там кто знает, как повернётся фортуна.

– Мы почти приехали, герр Копьёв.

Вот интересная манера общения у этого Ноймана: то он обращается ко мне по званию, подчёркивая при этом, что мы с ним как бы равны, то на гражданский манер – по фамилии. Имя моё он нормально выговорить так и не смог.

Тем временем мы проехали через городок, называющийся, как было написано на указателе, Шперенберг, и свернули в сторону стоящих в паре километров ангаров.

– Сейчас вы увидите настоящее чудо-оружие, майор, – с пафосом произнёс Нойман, когда мы, миновав пост на въезде, остановились у одного из ангаров. – Можете гордиться тем фактом, что вы первым из не немцев увидите настоящую мощь германского рейха. Даже из

высокопоставленных немецких служащих мало кто может похвастаться подобным.

На девяносто девять процентов я уже был уверен в том, что именно собирается мне продемонстрировать Нойман. И, выйдя из-за ангара, я лишь убедился в этом. Передо мной стоял образчик сумрачного тевтонского технического гения Ме-262 «Швальбе» – первый в мире серийный турбореактивный самолёт. Чуть в стороне стоял его собрат со снятыми обтекателями двигателей. Что-то рановато, по-моему, они появились. Если мне не изменяет память, то сейчас они должны только-только проходить испытания перед запуском в серию. Может, это результат тех изменений в истории, виновником которых я оказался?

– Ну как, впечатляет?

Нойман прямо весь лучился от удовольствия.

– Судя по отсутствию винтов, это самолёт с ракетными двигателями? – Я, как говорится, включил режим деревенщины, поражённого технической новинкой. – И он летает?

– Вы не совсем угадали, майор. – Вот не думал, что этот немец способен улыбаться ещё шире, но у него получилось. – Это турбореактивные двигатели, которые позволяют развивать недостижимую для других самолётов скорость.

– Серьёзный аппарат.

Я не торопясь обходил самолёт, слегка поглаживая обшивку. Стоящие у второго самолёта техники вначале посматривали в нашу сторону, а потом бросили это занятие, дружно закопавшись в потрохах двигателей.

– Пушки тридцать миллиметров, если я не ошибаюсь? – спросил я.

– Вы абсолютно правы. Их, как вы видите, четыре, и это непревзойдённая огневая мощь. Кроме того, есть возможность подвешивать авиабомбы. Представьте, что может натворить армада таких самолётов, которые невозможно догнать и сбить, с такой огневой мощью? Они словно валькирии будут внезапно появляться над противником и уничтожать его ещё до того, как тот поймёт, что же его убило, – рассмеялся Нойман своим фантазиям.

В отличие от него, я прекрасно знал, что особой вундервафли из этого самолёта не получилось. Да, четыре 30-миллиметровых пушки,

но… Они были практически без стволов: ну что такое огрызок длиной пятьдесят четыре сантиметра для такого калибра? Да, пушка на редкость лёгкая, всего шестьдесят три килограмма, но бестолковая.

Где-то читал, что на дистанции тысяча метров отклонение снаряда было аж в целых сорок метров. Таким образом, чтобы поразить самолёт противника, ту же летающую крепость Б-17, немецкому пилоту нужно было идти едва не на таран и стрелять с дистанции сто пятьдесят – двести метров. Да, попадание было убойным, но ты попробуй приблизиться и попасть на такой скорости, да ещё когда по тебе в упор лупят крупнокалиберные пулемёты стрелков. Да и в целом самолёт был довольно сыроват. Однако у нас не было и такого.

Эта мысль пронзила меня как электрическим током. Чёрт возьми, а почему бы и нет? Терять-то мне всё равно нечего.

– Я так понимаю, пилотировать такой самолёт сможет далеко не каждый? Нужна особая подготовка?

– Вы совершенно правы, майор. – Нойман аж надулся от важности. – Для того чтобы управлять этой птичкой, нужно достаточно долго учиться. Однако для немецких пилотов нет ничего невозможного.

– Вы позволите? – кивнул я на кабину, фонарь которой был откинут вправо. Мне нужно было попасть в неё и удостовериться, насколько заправлены баки. Как я успел заметить, колодок под шасси не было.

– Конечно, герр майор, – сделал Нойман приглашающий жест.

Кстати, вот эта его манера обращаться ко мне по званию тоже сделала своё дело. Окружающие слышали, что я майор, и воспринимали это вполне нормально. Вот если бы я был в их глазах гражданским шпаком, тогда всё происходящее вызывало бы подозрение.

Я скинул пальто и шляпу на крыло и поднялся в кабину. Нойман даже любезно помог мне, так как нога у меня всё ещё побаливала. Устроившись, я осмотрелся. Да, приборы мне знакомы по тому разу, когда я в Америке познакомился с этой машиной. Уровень топлива был, что называется, под пробку, счётчик боеприпасов тоже показывал полную загрузку. В целом самолёт полностью готов к вылету. Грех упускать такую возможность.

– А вот здесь что такое? – показал я рукой в нижнюю часть приборной доски.

Нойман, стоящий у кабины на крыле, заглянул внутрь. Кобура с пистолетом оказалась прямо передо мной. Немец даже ничего не успел понять, как пистолет оказался у меня в руке и ствол упёрся ему в живот.

– Если вы дёрнетесь, Нойман, то я всажу весь магазин вам в брюхо, – прошипел я, свободной рукой почти вслепую производя предпусковые манипуляции. Как говорится, ручки-то помнят. Хотя, жить захочешь, ещё и не то вспомнишь.

– Вы не сможете взлететь, майор. – Нойман выглядел спокойным, но чувствовалось, что он боится. – Мало кто из наших лётчиков способен на такое. Лучше верните мне оружие, и я обещаю забыть это недоразумение.

– Вашим лётчикам и не снилось, на что способен русский лётчик. И вы не правы, я прекрасно знаком с подобной техникой.

У фрица глаза на лоб полезли, когда загудел стартер. Копошащиеся у второго самолёта техники лишь мельком взглянули в нашу сторону. А что, всё нормально. Вон один майор, правда, в штатском, сидит в кабине, а второй в это время стоит на крыле и что-то показывает первому в кабине.

В этот момент заработали оба двигателя, наполняя окрестности своим свистом. И Нойман всё же дёрнулся. В тот момент, когда я потянулся к ручке стояночного тормоза переднего колеса, находящегося внизу левой приборной доски, он попытался вырвать пистолет у меня из рук. Дурак! Ему бы спрыгнуть и поднять тревогу.

Три выстрела подряд за свистом движков никто не услышал. Нойман свалился с крыла, а я, захлопнув фонарь, прибавил газ и покатил к взлётной полосе. Я уже вырулил на взлётку, когда у ангара началась суета – заметили лежащего без движения Ноймана. Успел заметить бросившегося куда-то внутрь техника – видимо, побежал к телефону, – но самолёт уже начал стремительно набирать скорость. Последний толчок о землю, и вот оно – НЕБО.

О том, что догонят, я не волновался. Некому. Вот попытаться перехватить вполне могут. Вспоминая всё, что рассказывал мне когда-то владелец такого же самолёта, я аккуратно регулировал подачу топлива. Есть такой недостаток у этого аппарата, впрочем, один из

многих, когда при резком изменении подачи топлива происходит срыв пламени. Впрочем, мне подобного удалось избежать. Я набрал высоту десять тысяч, скорость восемьсот километров в час и пошёл на восток.

Увы, но карты не было, так что придётся идти, пока горючее не кончится, а там садиться куда придётся. Линию фронта я в любом случае не перетяну, но всё же буду поближе к своим.

М-да, кабина тут хоть и называется отапливаемой, но в моем костюмчике здесь, мягко говоря, холодновато. Ну да ничего, чуть больше часа потерпеть. О том, что, если удастся благополучно посадить самолёт (на что шансы были невелики), я попаду в настоящую русскую зиму, думать не хотелось.

Пару раз по пути меня пытались обстреливать с земли зенитки и перехватить истребители. Что от первых, что от вторых удалось увернуться. Через час после вылета я начал снижаться: топлива осталось совсем мало, надо искать, куда садиться.

Не знаю, кто мне на небе ворожит, но мне повезло и в этот раз. Среди лесного массива обнаружилась ровная вытянутая площадка, очень похожая на озеро. Прошёлся над ним на малой высоте, примерно прикидывая длину. Получилось чуть больше километра. Маловато, конечно, но сигнализаторы топлива выбора уже не оставляли. Буду садиться.

Разворачиваюсь и сбрасываю скорость, одновременно выпуская шасси. Сломаю так сломаю, всё равно выбор невелик: либо так, либо на брюхо, чего этот аэроплан очень и очень не любит. Притираю машину таким образом, чтобы коснуться поверхности задними колёсами при задранном кверху носе фюзеляжа. Сразу вырубаю двигатели. Похоже, совсем недавно здесь был довольно сильный ветер, потому что, по моим ощущениям, снега было совсем мало. Возможно, его просто выдуло.

Нос начал опускаться, и вот передняя стойка коснулась колесом поверхности. Я всё ждал, что она вот-вот подломится, но этого не произошло. Самолёт бодро так катил навстречу довольно высокой стене из снега. На тормоза шасси вообще никак не реагировали, лишь начало разворачивать. Так, полубоком, я и въехал в сугроб, оказавшийся берегом лесного озера. Правое крыло оторвалось вместе с гондолой двигателя. «Мессер» крутнуло на льду ещё раз, прежде чем он остановился.

– Да! Да! Да! Да! – орал я в кабине от радости.

Вырвался! Долетел! Я смог!

– Так, значит, ты, говоришь, из плена сбежал?

Я сидел за столом в партизанской землянке и пил горячий – ребята, *горячий!* – чай.

Там, у самолёта, я провёл почти сутки. С большим трудом мне удалось развести костёр. Вот только в своём костюмчике я всё равно страшно замёрз. Партизаны, примчавшиеся к озеру на звук пролетевшего почти у них над головами странного самолёта, закутали мою бессознательную окоченевшую тушку в тулуп и привезли к себе в отряд. Я только успел сказать, на какой-то миг придя в сознание, чтобы замаскировали самолёт.

Уже здесь, отогревшись и разговорившись с командиром отряда и комиссаром, я понял, что родился даже не в рубашке, а в самом настоящем бронежилете. Стало понятно, почему я вообще смог сесть здесь. А всё очень просто: я сел на… аэродром. На самый настоящий партизанский аэродром. И буквально пару дней назад партизаны принимали здесь самолёт с Большой земли, поэтому и снег был расчищен, только намести слегка успело.

– Точно так, сбежал. Из-под самого Берлина. Надо сообщить нашим, что здесь находится новейший немецкий турбореактивный самолёт, пусть пришлют специалистов, чтобы его разобрать и вывезти. Главное – это двигатели. Их необходимо обязательно вывезти за линию фронта, хотя бы один, но лучше оба. Также сообщите, что самолёт доставил гвардии майор Копьёв, позывной Тринадцатый. Думаю, ответить вам должны быстро.

– Экий ты прыткий. – Командир скрутил козью ножку и прикурил от стоящего на столе и чадящего светильника из гильзы от снаряда. – Вот так все и побёгли о тебе сообщать. Ты вообще неясно, кто таков. Документов при тебе нет, да и одет как на свадьбу к председателю. Это что же, в плену теперь немцы так наших одевать начали?

– В плену немцы наших в полосатую робу одевают. И я в такой ходил, пока они не решили меня завербовать. Вот и приодели, вроде как уважение оказали.

– А чего это тебе честь-то такая выпала? С какой такой стати немцы именно тебя вербовать начали?

– Наверное, потому, что я гвардии майор Копьёв, командир тринадцатой гвардейской отдельной истребительной эскадрильи специального назначения. – Я сделал паузу. – Трижды Герой Советского Союза, кавалер ордена Британской империи и произведён их королём в рыцари.

– Ох и горазд ты врать, как я погляжу, – прищурился комиссар. – Тебе годков-то сколько? Когда ты всё это заслужить-то успел?

– Вы отправьте радиограмму, а там всё и увидите.

Спорить было бесполезно, да и понимал я их прекрасно. Валятся тут какие-то с неба прямо на голову, а ты с ними разбирайся.

Прошла неделя. Я почти всё время сидел в землянке, выходя лишь по нужде. К самолёту, когда я сказал, что нужно уже сейчас начать разбирать его на части, меня не пустили.

Наконец в землянку вошёл командир отряда Фёдор Антонович Чухрай.

– Вот, читай, – протянул он мне листок. – Пришла радиограмма с той стороны. Сегодня решится твоя судьба. Ежели чего рассказать хочешь, то говори сейчас. Потом поздно будет.

Я взял листок.

> *Обеспечить приёмку самолёта. Сигналы прежние. На самолёте прибудут люди, способные опознать вашего гостя. Обеспечить целостность и сохранность как гостя, так и объекта*.

– Я всё, что мог, уже сказал, остальное скажу вот им, – кивнул я на листок с радиограммой.

Борт с Большой земли встречали ночью. На расчищенной от снега глади озера разложили кучи хвороста, которые зажгли, заслышав в небе гул моторов транспортника. Едва Ли-2 коснулся шасси поверхности, как костры тут же засыпали снегом.

Я стоял рядом с командиром отряда и комиссаром и ждал, когда транспортник зарулит в нашу сторону. Вот наконец моторы смолкли, и сбоку открылась дверца, из которой тут же выпрыгнула фигура человека. Было что-то неуловимо знакомое в его походке.

– Пума! – закричал я. – Рита!

Девушка чуть замедлилась, вглядываясь, а потом бросилась ко мне.

– Илья! Живой! А я знала! Я верила!

Рита, не стесняясь присутствующих, порывисто обняла меня. Впрочем, она быстро взяла себя в руки.

– Извините, товарищи! Я младший лейтенант, – (во как!), – госбезопасности Гнатюк. Это действительно гвардии майор Копьёв. Личность его подтверждаю.

– В радиограмме было указано, что прибудут двое, чтобы подтвердить личность, – пришёл в себя от созерцания такой встречи командир отряда.

– Так точно, – ответила Рита. – Второй вот, уже идёт.

Я обернулся и увидел спешащего к нам… Кузьмича.

– Здравия желаю, товарищи! Я старшина Федянин! – откозырял присутствующим Кузьмич. – Здорово, командир!

Он, не стесняясь посторонних, заключил меня в свои медвежьи объятия.

– Здорово, Кузьмич!

Я обнял в ответ близкого мне человека, и слёзы предательски потекли из глаз. И, конечно, едва освободившись от объятий, я не мог не сказать следующую фразу:

– Во, Кузьмич, принимай аппарат. Махнул не глядя! – И я указал рукой на укрытый лапником «мессер».

Эпилог

Маленький, почти игрушечный паровозик тащил такие же маленькие пассажирские вагончики, петляя среди живописных Уральских гор. Да, места здесь и правда красивейшие. Я невольно залюбовался медленно проплывающим за окном пейзажем и как-то незаметно для себя погрузился в воспоминания.

Тогда, в партизанском отряде, от Риты я узнал, что детей из лагеря благополучно смогли вывезти в брянские леса и уже оттуда самолётами переправили через линию фронта. Все бывшие «дружинники» во главе со старшиной Плужниковым остались с партизанами, и о их дальнейшей судьбе ничего не известно.

Немецкий самолёт мы всё же смогли вывезти из-за линии фронта. Две недели потребовалось нам и присланным после первого же рейса транспортника в тыл пяти техникам, чтобы разобрать его на части. Первым рейсом мы отправили один из двигателей, который сняли вместе с Кузьмичом и помощниками из числа партизан. Ох и намучились мы с ним – и с разборкой, и с погрузкой.

Зато потом началось форменное светопреставление. Обратно ЛИ-2 привёз и техников, и взвод вооружённых до зубов бойцов. По повадкам – форменные волкодавы, что подтвердила Рита. Также прибыл фотограф, который тщательно фотографировал каждый этап работ. И каждый следующий рейс нам перебрасывали подкрепление. По моим прикидкам, никак не меньше батальона, с парой пулемётов ДШК и миномётной батареей.

Партизаны слегка обалдели от такого авангардизма командования. Зато прониклись важностью момента и с ещё большим энтузиазмом помогали нам.

С последним рейсом меня вежливо, но достаточно решительно посадили в самолёт вместе с техниками, Кузьмичом, Ритой и тремя бойцами в качестве конвоя. Нет, я не питал особых иллюзий и, в принципе, знал, что последует далее.

Арестовали меня, едва открылась дверца севшего на Центральном аэродроме в Москве самолёта. А потом были три месяца, проведённые в камере внутренней тюрьмы на площади Дзержинского. В первый же

день я попросил побольше бумаги и самым тщательным образом, вспоминая даже малейшие детали, описал всё, что со мной происходило – с момента того самого последнего вылета на сопровождение транспортника с пленённым Гудерианом и до момента ареста на аэродроме.

А потом были допросы – почти каждый день, а иногда и ночью. Нет, методов физического воздействия ко мне не применяли, но постоянно пытались поймать на мелочах. Спрашивали, встречался ли я с Власовым или с кем-либо из других предателей, были ли встречи и беседы с другими представителями немецкого командования, кроме майора Ноймана. Много вопросов было касаемо «Русской дружины» и старшины Плужникова.

Ко всему происходящему со мной я относился с пониманием и без обид. Я прекрасно понимал, что с распростёртыми объятиями меня никто встречать не будет, но кое-что по-настоящему вывело меня из себя.

На одном из допросов передо мной молча выложили в ряд фотографии, на которых я был с Нойманом. Причём сделаны они были с такого ракурса, что казалось, мы ведём дружескую беседу. Да и не выглядел я на них чем-то недовольным, а даже вполне наоборот – был ухожен, одет в добротный костюм и стоял рядом с автомобилем.

И передали эти фото не кто-нибудь, а англичане. Кроме того, они передали письмо полковника Оуэна из лагеря, пришедшее по линии Красного Креста в Англию, в котором он описывает мои встречи с Нойманом. Из его писанины выходило, что я чуть ли не сам просился на службу к немцам и он это лично слышал. И это притом, что я его и в глаза-то не видел, а только слышал о нём от того же Ноймана.

В общем, выбесили меня англы. Я даже решил для себя, что когда выберусь отсюда и получу обратно свои награды, то официально откажусь от рыцарского звания и английских наград, и все их висюльки и меч отправлю обратно, о чём и уведомил ведущего допрос сотрудника.

В камере я тоже не бездельничал, благо в бумаге мне не отказывали. Напрягая память, я писал о всех известных мне достоинствах и недостатках немецкого Ме-262 и о путях их преодоления. Также написал, что копирование этого самолёта нецелесообразно, так как он ещё сырой. Вместо него изобразил что-то

похожее на Як-17, который можно изготовить на базе истребителя Як-3, как переходную машину с поршневой на реактивную авиацию. Ну и попытался довольно подробно изобразить что-то похожее на Су-25.

Кроме того, в пояснительной записке я написал о якобы разговоре с Нойманом, в котором он упомянул о разработках в Англии двигателей Rolls-Royce Nene с предполагаемой тягой значительно большей, чем установленные на Ме-262. Под него я набросал эскиз МиГ-15. Все свои записи я сразу же передавал следователям.

Спустя три месяца в один прекрасный день дверь камеры открылась, и мне было сказано выходить. С вещами. Потом был долгий путь по коридорам, пока наконец-то не остановились перед уже знакомой мне дверью. Находящийся за ней секретарь лишь кивнул головой на следующую дверь.

– Проходите, товарищ Копьёв, присаживайтесь, – указал Берия на стоящий ближе к нему стул. – Как ваше самочувствие?

– Спасибо, товарищ нарком, самочувствие отличное, готов хоть сегодня же отправиться на фронт.

Мне и правда не терпелось вновь сесть в кабину истребителя и бить врага. Да и обращение Берии ко мне внушало оптимизм: просто так товарищем он никого называть не будет.

– Это очень хорошо, товарищ Копьёв. Надеюсь, у вас нет никаких обид на то, что вас столько времени продержали в камере?

– Никак нет, товарищ нарком, обид нет. Я всё прекрасно понимаю и уверен, что по-другому было нельзя. Я находился в плену, и проверка всех фактов была необходима.

– Это хорошо, что вы так думаете. А то бывают тут у нас некоторые, – хмыкнул Берия. – Я слышал, вы решили вернуть англичанам их награды за то, что они прислали компрометирующие вас фотоснимки. Товарищ Сталин просил передать вам, чтобы вы воздержались от подобных действий. Англичане нам пока нужны, а вот международный скандал – как раз наоборот. Ну а чтобы вам совсем не было обидно, то принято решение наградить вас, товарищ Копьёв, орденом Красного Знамени за доставленный новейший самолёт противника и присвоить вам воинское звание подполковник. И для вас есть интересная работа. Вас сейчас отвезут в гостиницу, где вы отдохнёте пару дней, приведёте себя в порядок, а затем вам надлежит

отправиться в уже известное вам Раменское, в Лётно-исследовательский институт. Там заинтересовались вашими рисунками и пояснениями, да и с доставленным вами трофеем возникли некоторые проблемы.

От Берии меня действительно отвезли в гостиницу, где я сразу же залез в горячую ванну. По-моему, я даже ненадолго уснул, потому что когда очнулся, вода была уже почти совсем холодная.

Выйдя из ванной, я обнаружил лежащую на кровати выглаженную новенькую форму со всеми моими наградами и погонами подполковника. На столе лежали мои новые документы. Одевшись, я с удовольствием притопнул ногой в новеньком, начищенном до зеркального блеска сапоге. Вот теперь жить можно.

Осталось ещё одно безотлагательное дело. Я сел писать письмо Свете и Катюшке в Белорецк. А за окном вовсю расцветал май 1944 года.

В Раменском я познакомился с выдающимся человеком Марком Лазаревичем Галлаем. Он и стал кем-то вроде моего куратора. Так я стал испытателем новой техники.

Здесь, в ЛИИ, работали аж три конструкторские группы под руководством Яковлева, Микояна и Сухого. Яковлевцы, пользуясь моими эскизами, пытались скрестить ужа и ежа, то есть уже отработанный в производстве истребитель Як-3 и турбореактивный двигатель Jumo-004. КБ Микояна работало на перспективу над прототипом МиГ-15, пока без двигателя. Ну а Павел Сухой проектировал двухмоторный истребитель-перехватчик, внешне чем-то напоминавший Су-25 из будущего. Вообще, интересно они распределились. Ну, с Яковлевым понятно, а вот Микоян и Сухой пошли тем же путём, только значительно раньше.

Увы, но всех тормозили двигателисты. Один из двигателей они разобрали буквально по винтику, а второй гоняли на стенде. Они клялись и божились, что смогут воспроизвести образец сумрачного тевтонского гения и даже увеличить тягу до 1500 кгс. А это было уже кое-что.

Узнал я и о нашей эскадрилье, благо Кузьмича, как участвовавшего в разборке трофея, оставили при ЛИИ. Командовал теперь уже авиагруппой гвардии майор Шилов. Губин и Смолин погибли, Силаев получил тяжёлое ранение и был комиссован.

Авиагруппа так и осталась кочующим подразделением, которое бросали туда, где требовалось быстро завоевать господство в воздухе.

Я поступил на заочное отделение Военно-воздушной академии имени Жуковского на командный факультет.

Война шла своим чередом. Во всяком случае, каких-то глобальных изменений, вызванных моим вмешательством, я не заметил. Наверняка они были, но я просто не помнил до мелочей, как было в том, другом варианте истории. Изменения я заметил, можно сказать, в самый последний момент. Здесь немцы капитулировали тридцатого апреля, после самоубийства Гитлера, которое в этом варианте истории он совершил двадцатого числа, в свой день рождения. Любил он красивые эффекты. Хотя поговаривают, что ему «помогли».

Взявший на себя, после довольно кровавых разборок в верхушке рейха, функции руководителя правительства Геринг, который после моего побега и угона новейшего самолёта попал в немилость к фюреру и испортил отношения с остальной правящей верхушкой, тут же вышел на связь с нашим командованием и объявил о прекращении огня и капитуляции.

До этого он пытался связаться с американцами и договориться о перемирии, но те были далеко от Берлина, да и опасались реакции русских и потому просто послали его куда подальше, в надежде, что и Сталин сделает то же самое. Вот только у «дядюшки Джо» было совсем другое мнение, и в последний день апреля, уже вечером, в пригороде Берлина Карлсхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. В этом варианте истории не было раздела Берлина на зоны оккупации. Были созданы совместные с союзниками военные комендатуры. Хотя Германия также была разделена.

На фронт я всё же попал – уже, так сказать, под занавес. Нашим конструкторам удалось довести до ума немецкий турбореактивный двигатель и получить на выходе тягу в 1250 кгс. Хоть и меньше, чем обещали, но больше, чем было у немцев. Кроме того, удалось раздобыть документацию на английский двигатель «Нин». Уж не знаю, купили её или честно спёрли, но в КБ Микояна уже полным ходом идут работы над машиной под этот двигатель, а это значит, что МиГ-15, черновые наброски которого, сделанные с моих записей и эскизов, уже готовы, появится очень скоро.

Ну а я принял участие во фронтовых испытаниях истребителя Як-15, хотя, скорее, это был Як-17 с носовой стойкой шасси. Машина получилась довольно резвая, хотя и довольно прожорливая. Вооружённая двумя 23-миллиметровыми пушками, она могла находиться в воздухе почти час, если использовать подвесные топливные баки. По скорости наш истребитель не уступал немецкому «швальбе», а по манёвренности и скороподъёмности даже превосходил его.

Были, конечно, и недостатки, но куда без них, особенно на принципиально новой машине. Ещё во время испытаний в Раменском Галлай дважды сажал машину с отказавшим в полёте двигателем, а один раз ему пришлось прыгать из-за возникшего пожара. У меня в испытательных полётах также возникал помпаж[123], прогорали лопасти турбины, выключался двигатель. Ресурс движка тоже был очень маленьким – всего двадцать часов.

На фронт мы отправились вдвоём с Марком в начале марта 1945 года. Самолёты доставили по железной дороге и собирали уже на аэродроме под Бреслау. Пересекать линию фронта нам строжайше запретили.

Ещё в Раменском я попросил, чтобы истребители покрасили так же, как это было принято у нас в эскадрилье. На мою машину Кузьмич с видимым удовольствием, под восхищённые взгляды собравшихся (а собрались все, кто был в это время поблизости), нанёс номер 13 и пятнадцать крупных красных звёзд с цифрой 10 внутри каждой.

– Ты знаешь, – сказал тогда Марк Галлай, похлопав ладонью по фюзеляжу моего истребителя, – одно дело слышать об этом и совсем другое – вот так, наяву увидеть. Это же просто фантастика какая-то. – И он крепко пожал мою ладонь.

Там, над Бреслау, мы и столкнулись с четвёркой Ме-262. Всё же история изменилась. Насколько я помнил, немцы не использовали свои реактивные самолёты на Восточном фронте. Однако вот они, здесь. Мы были значительно выше немцев, и нас они пока не заметили. Как по учебнику зашли им в хвост и с дальней дистанции завалили двух из них. Кстати, Марк вполне освоил науку стрельбы с дальней дистанции. Более того, стал фанатом стрельбы по тарелочкам. Правда, теперь стреляли мы с ним на специально оборудованной площадке со

специальными «тарелочками» и машинкой для их запуска. По очкам у нас с ним ничья.

Потеряв моментально двоих, немцы занервничали и, пытаясь оторваться по прямой, прибавили газу. Для одного из них это кончилось печально: его самолёт резко клюнул носом и понёсся навстречу земле. Понятно, превысил допустимую скорость, и его затянуло в пикирование. Последнего, четвёртого немца расстрелял Марк.

Довелось подраться и со 109-ми «мессерами». Как говорится, против русской кувалды они не пляшут. Из встреченной нами шестёрки немцев уйти удалось лишь одному, да и то потому, что у нас топливо заканчивалось. Марк записал на свой счёт двух, и я – трёх фрицев. Наше превосходство над противником было полным.

По возвращении с фронта засели за написание рапортов. Да, писанины у испытателей очень много. Высказали и свои замечания, и предложения. По результатам фронтовых испытаний нас с Марком наградили орденами Красного Знамени. Их у меня теперь аж шесть штук.

Почти сразу приступили к подготовке к испытаниям опытного двухмоторного истребителя-перехватчика Сухого – Су-9. Я всё время порывался назвать его «Грачом», уж очень он внешне напоминал Су-25 из будущего. И нам с Марком предстояло, что называется, поставить его на крыло. Впрочем, как и всю реактивную авиацию в целом.

– Извините, товарищ подполковник, разрешите присесть.

Мужчина, уже в годах, отвлёк меня от воспоминаний. Правый пустой рукав пиджака был заправлен в карман.

– Да, пожалуйста, – приглашающе кивнул я.

Так-то вагончик был полупустой. Очевидно, ему просто захотелось поговорить. Я уже был научен хоть и не горьким, но всё же опытом и поэтому не снимал кожаную куртку, хотя и было немного жарковато. Очень уж по-разному народ реагировал на мой иконостас на гимнастёрке: либо буквально начинали качать на руках, либо просто боялись подойти, словно я небожитель какой.

– Где вас так? – кивнул я на пустой рукав.

– Это ещё в сорок первом под Киевом. Выжил, можно сказать, чудом. Танкист я. Наводчик. Старший сержант Назаров Михаил

Константинович, стало быть. Подбили нас, и из всего экипажа только я и смог выбраться. Мне руку раздробило, а ребята так и сгорели. Я тоже думал, что всё, отбегался, да хороший хирург попался, вытащил с того света. По госпиталям повалялся, а потом комиссовали меня, вернулся домой. Так с тех пор в Белорецке на сталепроволочном заводе работаю кладовщиком. А сейчас вот к дочке погостить ездил. Отпуск, стало быть, мне дали. А дочка у меня в Челябинске живёт. Замуж вышла. Зять у меня в уголовном розыске работает. А вы, товарищ подполковник, извините, в Тирлян или к нам, в Белорецк?

– В Белорецк, Михаил Константинович. Семья у меня там.

– Ento хто это? – не выдержала бабулька, сидевшая чуть подальше и внимательно прислушивающаяся к нашему разговору. – Я усех знаю, а тебя, милок, что-то не припомню.

– Так я не местный. Мою жену с дочкой сюда из Ленинграда эвакуировали. Вот еду их забирать.

– А жана-то чья будет? Можа, я её знаю?

– Светлана Копьёва. Она в машбюро на металлургическом заводе работает.

– Так знаю я её. Поди все у нас в Белорецке её знают. У неё же муж трижды Герой. Сказывали, что без вести пропал. Так… – Бабулька на миг замолчала. – Ох, так ежели… Ох ты ж, пресвятая Богородица, – перекрестилась она, – так значица… Господи… Так это ты, что ли, будешь муж ейный?

– Ну, получается, что так, – невольно улыбнулся я. Недолго моё инкогнито сохранялось.

Паровозик бодренько пробежал по рельсам, уложенным на берегу реки Белой, у самой кромки воды, и, вкатившись в ворота, замер, устало пыхтя паром, у небольшого перрона станции, расположенной прямо на территории сталепроволочного завода.

Я подхватил чемодан с гостинцами, закинул на плечо вещмешок и в сопровождении Михаила Константинович вышел из вагончика. Бабулька-попутчица всё сокрушалась, что не может меня проводить. Ей надо было ехать дальше, до станции Нура, а с собой были ещё два большущих баула.

Мы прошли по территории завода, и Назаров подробно рассказывал о расположенных здесь цехах. С удивлением узнал, что именно здесь, в Белорецке, выпускается пружинная проволока, из

которой изготовлялись боевые пружины для всего автоматического оружия нашей армии.

Мы вышли из проходной и оказались на берегу красивого большого пруда, на противоположной стороне которого на горе стояли дома. Верхнее селение, как сказал мой попутчик. Через пруд был проложен длинный деревянный пешеходный мост – метров пятьсот длиной, не меньше. На середине моста я невольно остановился и замер, глядя по сторонам. Да, места красивейшие.

Мы поднялись по ступеням деревянной лестницы на гору, и я вновь замер, обернувшись. Да тут, куда ни кинь взгляд, везде красота, а воздух, наполненный идущей от воды свежестью и смешанный с ароматом соснового леса, буквально пьянил.

Так и проводил меня Михаил Константинович до дома, где живут мои роднульки. Мы уже подходили, когда ноги вдруг перестали слушаться меня. Я невольно замедлил шаг. А вдруг не примут? Ведь времени с нашей последней встречи прошло очень и очень много, а произошло за этот период очень и очень многое.

– Ты чего, Илья Андреевич? – удивлённо оглянулся Назаров.

– Что-то волнуюсь я, Константиныч. Немцев бил, так не переживал, а тут аж поджилки трясутся.

– Знакомое дело, – усмехнулся он. – Я точно так же после госпиталя к дому своему подходил. Всё боялся, что не примут меня, однорукого инвалида. А тебе-то чего бояться? Ты молодой, здоровый, полный сил. Герой, каких больше и не сыскать. Ступай и не думай о всякой ерунде. Чай заждались тебя уже.

Первой, кого я увидел из-за невысокого деревянного заборчика, была Катюшка. Она весело играла во дворе с другими детьми. Вдруг она замерла и резко оглянулась в мою сторону. Мгновение – и вот радостный ураган с визгом и криками:

– Папочка! Папка! Мой папка приехал! – налетает на меня.

Я едва успел скинуть с плеча вещмешок и бросить чемодан, чтобы подхватить на руки мою доченьку. Какая же она стала большая и красивая. И букву «р» научилась выговаривать. Я едва не задохнулся, настолько крепко Катюшка обнимала меня за шею.

Из дома на шум выбежала Светлана. Она на миг замерла, а потом, как-то по-бабьи вскрикнув, сделала один несмелый шаг, потом второй и, наконец, кинулась ко мне в объятия.

– Илья! Илюша! Милый! Родной! Живой!

Она обнимала меня и целовала в губы, щёки, глаза, а я стоял, обнимал двух моих самых близких и родных девчонок и понимал, что вот оно СЧАСТЬЕ.

Соседи высыпали на улицу и глазели на нас. Женщины вытирали платочками слёзы с глаз, ведь далеко не все из них дождались с войны своих мужей, отцов, сыновей, братьев. И даже немногочисленные мужчины отворачивались и прятали ставшие внезапно мокрыми глаза.

Наконец мои девочки вдоволь наревелись, нацеловались и наобнимались со мной и вдвоём потащили меня за руки в дом.

– Подождите, неугомонные вы мои. У меня же гостинцы для вас.

Я наклонился за чемоданом с вещмешком. Моя куртка при этом расстегнулась, и, когда я, подхватив с земли поклажу, выпрямился, раздался громкий общий вздох восхищения – иконостас на моей груди предстал всеобщему обозрению.

После было небольшое застолье в честь моего приезда. Столы накрыли прямо во дворе, и любой человек с улицы мог свободно зайти и выпить рюмку прозрачного, как слеза, крепкого самогона за Победу, задать вопрос-другой. В общем, хорошо посидели, душевно. Света просто сияла и всё время держала меня за руку под столом, словно боялась, что я опять исчезну на пару лет.

Когда уже стемнело, соседка, о чём-то пошептавшись со Светланой, забрала Катюшку к себе ночевать, а мы пошли в дом.

Спустя некоторое время мы лежали обнявшись, оба усталые, но довольные.

– Илюш, а что дальше? – Света положила голову мне на плечо. – Ты писал, что нам надо будет отсюда уехать, но я мало что поняла. Почему мы не можем остаться в Белорецке? Я работаю, Катюшка тоже уже привыкла. Да и нравится нам здесь, и есть где жить. А там, куда надо ехать, неизвестно, как с жильём дело будет. Может, и правда, останемся?

– Привыкай. Ты жена офицера. Куда муж, туда и ты. – Я повернулся к жене и поцеловал её в нос. – Или уже жалеешь, что за меня замуж вышла?

– Дурак! – обиделась Света и отвернулась. – Я тебя так ждала. И ничуть я не жалею.

– Ну прости, родная. – Я обнял её за плечи и притянул к себе. – А не можем мы здесь остаться потому, что я всё ещё служу и намерен служить и дальше. Только место службы у меня теперь другое. Я буду испытывать новые самолёты. А насчёт жилья не беспокойся. Мне выделили квартиру в Москве. Большую, четырёхкомнатную. Там даже мой рабочий кабинет имеется. Места столько, что в футбол играть можно. Так что и нам, и детям тесно не будет.

– Детям? – удивилась Света.

– Конечно. Или ты думаешь, что одной Катюшки нам будет достаточно?

– Я думаю, – Света с лукавой улыбкой, видимой даже в полутьме, посмотрела на меня, – что нам надо ещё как минимум двух детей: мальчика и ещё одну девочку.

Решением этого вопроса мы и занялись безотлагательно. Угомонились лишь под утро. Светлана с блаженной улыбкой спала у меня на плече, закинув на меня руку и ногу, а я лежал, глядя в потолок, и млел от счастья, пока сон не сморил и меня.

Я видел сон. Странный сон. Как будто всё наяву. Я был там, в той своей квартире в будущем. Всё вокруг было до боли знакомо. Я невидимым призраком ходил по комнатам, а вокруг были мои жена и дети. Увидел я и себя-Силаева – в парадной форме и почему-то с погонами генерал-майора.

Похоже, всё происходило в самый канун Нового года. Во всяком случае, ёлка в углу присутствовала, как и большой праздничный стол, уставленный различными яствами и бутылками с разнообразными напитками.

– Витька больше не звонил? – громко спросил я-Силаев.

– Звонил пять минут назад, пап, – выглянула из кухни старшая дочь Надя. – Сказал, что уже подъезжает. Должен успеть.

– Должен он, – буркнул я-Силаев. – Он не должен, а обязан уже давно быть здесь. Он офицер или где?

– Не бурчи, старый. – Из кухни с запечённой курицей на тарелке вышла моя жена. – Знаешь же, что он за своей девушкой заезжал. Хочет привезти, познакомить. Ну а девочка, понятное дело, задержалась. Ей тоже хочется произвести на нас хорошее впечатление. Так что не нервничай. Я уверена, что они успеют вовремя.

В этот момент в прихожей раздалась трель дверного звонка. Жена посмотрела на меня: мол, что я тебе говорила.

– Пап, мам, сестрёнки! Вот, знакомьтесь, моя невеста Полина.

Из-за спины сына, чуть смущаясь, вышла симпатичная девушка.

– Добрый вечер. – А голос у неё тоже красивый, певучий, словно журчание ручейка. – С наступающим Новым годом! Я очень рада познакомиться с вами.

Я-Силаев обвёл взглядом всех домочадцев, включая мужей дочерей. У всех в глазах читалось одобрение выбором моего сына.

– Ой, давайте все быстренько за стол и включайте телевизор, – всполошилась моя супруга. – Сейчас поздравление будет.

Все с шутками-прибаутками расселись за столом, усадив Виктора и Полину вместе с торца стола, прямо как на свадьбе. Шампанское было открыто и бокалы наполнены.

Из большого плазменного телевизора, висящего на стене, раздался голос диктора.

«Внимание! Внимание! Говорит и показывает Москва! Передаём новогоднее поздравление с новым, две тысячи двадцать третьим, годом Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного совета СССР товарища…»

Я вздрогнул от раздавшегося чуть ли не над головой заводского гудка и проснулся. На моём плече, всё так же счастливо улыбаясь во сне, спала Светлана, а моё сердце бешено стучало. Теперь я знал наверняка, что всё было не напрасно.

---

notes

Примечания

1

ФЗУ – фабрично-заводское училище.

2

Штаффель – эскадрилья. Тактическая единица люфтваффе в количестве 9—10 самолётов.

3

«Штука», Sturzkampfflugzeug – пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87» («Лаптёжник», Ю-87).

4

УТ-2 – советский учебно-тренировочный самолёт предвоенного и военного периодов конструкции А. С. Яковлева, одномоторный двухместный моноплан, с тянущим винтом, низко расположенным свободнонесущим крылом, открытыми кабинами инструктора и ученика, расположенными тандемом, и неубирающимся в полёте шасси.

5

Внимание, в небе тринадцатый! (*нем*.)

6

«Фокке-Вульф Fw 189».

7

Бортовой номер Ил-2.

МБР – межконтинентальная баллистическая ракета.

9

Жигарев Павел Фёдорович (6 [19] ноября 1900, д. Бриково, Тверская губерния – 2 октября 1963, Москва) – советский военачальник, главный маршал авиации (1955). Главнокомандующий ВВС СССР (1941–1942, 1949–1957). Возглавлял Военно-воздушные силы Союза в самый тяжёлый первый период Великой Отечественной войны. Принимал непосредственное участие в планировании и руководстве боевыми действиями советской авиации в битве за Москву. Одновременно с июля 1941-го по апрель 1942 года – заместитель народного комиссара обороны СССР по авиации.

10

Супрун Степан Павлович – советский лётчик-испытатель, военный лётчик-истребитель. Проводил испытания самолётов И-16, И-180, Як-1, И-21, ЛаГГ-1, ЛаГГ-3, Supermarine Spitfire. Первый дважды Герой Советского Союза в Великой Отечественной войне (второй раз – посмертно). Погиб 4 июля 1941 года.

11

Испанка, или испанский грипп – общепринятое название гриппа во время масштабной пандемии, продолжавшейся с 1918-го по 1920 год. Заболевание поразило не менее 550 миллионов человек (около 30 % населения Земли). Число умерших от испанки достоверно неизвестно, различные оценки составляют от 17,4 млн до 100 млн человек.

12

Имеется в виду Первая мировая война.

13

Город Мирный – алмазная столица России. Своим существованием и названием город обязан открытию в 1955 году кимберлитовой трубки «Мир».

БАО – батальон аэродромного обслуживания.

15

Апанасенко Иосиф Родионович (3 [15] апреля 1890 – 5 августа 1943) – советский военачальник, генерал армии (1941). В июне 1943 года И. Р. Апанасенко после многочисленных просьб о направлении в действующую армию был назначен заместителем командующего войсками Воронежского фронта. Выезжал в части и на передовую, руководил частями во время боевых действий. Во время боёв под Белгородом 5 августа 1943 года был убит при авианалёте. Н. С. Хрущёв вспоминал, что пролетел один самолёт, и брошенная им бомба разорвалась далеко, но осколок попал точно в Апанасенко. При нём нашли записку, в которой он клялся в верности Коммунистической партии. Памятный разговор со Сталиным состоялся в октябре 1941 года. Уже в конце разговора Сталин поинтересовался, сколько в распоряжении Дальневосточного фронта имеется противотанковых пушек. Апанасенко ответил (пушек, кстати, было немного). И Иосиф Виссарионович приказал отправить пушки для обороны Москвы. Реакцию генерала присутствовавший при этом Борков, первый секретарь компартии Хабаровского края, описывает так: «И тут вдруг стакан с чаем, стоящий напротив Апанасенко, полетел по длинному столу влево, стул под генералом как бы отпрыгнул назад. Апанасенко отскочил от стола и закричал: „Ты что?! Ты что делаешь?! Мать твою так-перетак! А если японец нападет, чем буду защищать Дальний Восток? Этими лампасами?! – и ударил себя руками по бокам. – Снимай с должности, расстреливай – орудий не отдам!“ Я обомлел. Пронзила мысль: это конец, сейчас позовет людей Берии, и погибнем оба». Однако Сталин конфликтную ситуацию быстро замял и сказал: «Успокойся, успокойся, товарищ Апанасенко! Стоит ли так волноваться из-за этих пушек? Оставь их себе».

16

Армейский комиссар 1-го ранга – высшее воинское звание в Красной армии и Военно-морском флоте СССР для военнополитического состава.

17

Мехлис Лев Захарович (1 [13] января 1889, Одесса – 13 февраля 1953, Москва) – советский государственный и военно-политический деятель, генерал-полковник (29 июля 1944). 21 июня 1941 года назначен начальником Главного политуправления и заместителем наркома обороны. С 4 по 12 июля 1941 года – член Военного совета Западного фронта. С 10 июля 1941 года – заместитель народного комиссара обороны СССР. По итогам его деятельности на Крымском фронте директивой Ставки № 155452 от 4 июня 1942 года Мехлис был понижен в звании на две ступени, до корпусного комиссара, и снят с поста заместителя наркома обороны и начальника Главполитупра.

18

Внуком Аркадия Гайдара является Егор Тимурович Гайдар – российский либеральный реформатор, государственный и политический деятель, экономист, доктор экономических наук. Один из основных руководителей и идеологов экономических реформ начала 1990-х в России. В 1991–1994 годы занимал высокие посты в правительстве России, в том числе в течение шести месяцев (июнь – декабрь 1992 года) был и. о. председателя правительства. Принимал участие в подготовке Беловежского соглашения. Под руководством Гайдара начался переход от плановой к рыночной экономике, были проведены либерализация цен, реорганизация налоговой системы, либерализация внешней торговли, начата приватизация. Один из ключевых участников событий со стороны правительства во время Конституционного кризиса 1993 года и прекращения деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Организатор антивоенных митингов во время Первой чеченской войны. Основатель и один из руководителей партий «Демократический выбор России» и «Союз правых сил». Руководитель фракции «Выбор России» в Государственной Думе первого созыва (1993–1995) и депутат от фракции СПС Думы третьего созыва (1999–2003). Принимал участие в разработке Налогового кодекса, Бюджетного кодекса, законодательства о Стабилизационном фонде.

19

Гайдара демобилизовали из РККА с диагнозом «травматический невроз», который развился вследствие повреждения спинного и головного мозга после ранения осколком шрапнели и неудачного падения с лошади в 1919 году. В анамнезе, «составленном со слов больного», было отмечено, что болезнь проявилась во время сражений с белогвардейцами в Енисейской губернии: «Тут появилась раздражительность, злобность. Появилось ухарство, наплевательское отношение ко всему, развинченность… Стали появляться приступы тоскливой злобности, спазмы в горле, сонливость, плакал». Затем Гайдар неоднократно лечился в психиатрических клиниках. Он постоянно испытывал резкие перепады настроения. Сохранились воспоминания о том, что он несколько раз резал себя бритвой, и только своевременное вмешательство близких и врачей спасало его от неминуемой смерти.

20

Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годы, предшественник ДОСААФ.

21

Штурмовая инженерно-сапёрная бригада – формирование (соединение) инженерных войск Резерва Верховного главнокомандования в Красной армии ВС СССР, существовавшее во время Великой Отечественной войны. Бригада была предназначена для штурма приспособленных к обороне населённых пунктов и прорыва сильно укреплённых рубежей обороны противника. Создавались путём переформирования инженерно-сапёрных бригад. Сокращённое действительное наименование – ШИСБр. Иногда встречается название «панцирная пехота».

22

«*Эмка*» – ГАЗ М-1. Советский легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1936-го по 1942 год.

23

Имеется в виду Центральный аэродром имени М. В. Фрунзе. Располагался на Ходынском поле, откуда получил своё разговорное название – Ходынка. Закрыт в 2003 году. Использовался как испытательный аэродром экспериментальной авиации и военный аэродром. Здесь располагался первый московский аэропорт.

24

«Дуглас» (Douglas DC-3) – американский ближнемагистральный транспортный самолёт с двумя поршневыми двигателями. Разработан предприятием Douglas Aircraft Company. Один из самых массовых самолётов в истории мировой авиации: серийный выпуск, с учётом всех модификаций и лицензионного производства вне США, составил 16 079 машин. В 1937–1938 годах СССР закупил 18 самолётов DC-3. В Советском Союзе выпускались по лицензии под маркой ПС-84 (пассажирский самолёт завода № 84). Более известен как Ли-2.

25

ГВФ – гражданский воздушный флот.

26

«Арбуз» – жаргонное название самолёта Airbus A380. Крупнейший серийный широкофюзеляжный двухпалубный четырёх-двигательный турбореактивный пассажирский авиалайнер в мире. Вместимость – 525 пассажиров в салоне трёх классов и 853 пассажира в одноклассной конфигурации. Дальность беспосадочного перелёта до 15 400 км.

27

Бутлегер (англ. Bootlegger, сленг – подпольный торговец, контрабандист) – подпольный торговец спиртным во время сухого закона в США в 1920—1930-е годы.

28

«Сталь-2» – советский ближнемагистральный пассажирский самолёт с одним поршневым двигателем воздушного охлаждения разработки КБ инженера Путилова (НИИ ГВФ). Экипаж – один человек, пассажиров – четыре человека. Производился в 1933–1935 годах. Всего было выпущено 111 штук.

ДРЛО – дальнее радиолокационное обнаружение.

30

Три шпалы в петлицах – капитан государственной безопасности. Соответствует званию полковника РККА.

31

Двухместный учебный вариант истребителя И-16.

32

Копец Иван Иванович – лётчик-истребитель, генерал-майор авиации, командующий ВВС Западного фронта в первый день Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза за воздушные бои в Испании. Совершив облёт разрушенных аэродромов и узнав о масштабах потерь, Копец застрелился в своём служебном кабинете. Общие потери ВВС Западного фронта 22 июня составили 738 самолётов, в том числе 528 было потеряно на земле.

33

Рокоссовский Константин Константинович (Константий Ксаверьевич) (польск. Konstanty Rokossowski) – этнический поляк. Советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Кавалер ордена «Победа» (1945). Единственный в истории СССР маршал двух стран: маршал Советского Союза (1944) и маршал Польши (1949). Командовал Парадом Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. Один из крупнейших полководцев Второй мировой войны. В начале войны командовал 9-м механизированным корпусом в сражении под Дубно – Луцком – Бродами. Несмотря на некомплект танков и транспорта, войска 9-го мехкорпуса в течение июня – июля 1941 года активной обороной изматывали противника, отступая только по приказу. За успехи был представлен к четвёртому ордену Красного Знамени. 17 июля Рокоссовский прибыл в штаб Западного фронта, однако в связи с ухудшением обстановки ему было поручено руководство оперативной группой для восстановления положения в районе Смоленска. Ему выделили группу офицеров, радиостанцию и два автомобиля, остальное он должен был добирать сам: останавливать и подчинять себе остатки 19-й, 20-й и 16-й армий, выходивших из смоленского котла, и удерживать этими силами район Ярцево. Группа Рокоссовского способствовала деблокаде окружённых в районе Смоленска советских армий.

34

«Чато» (исп. «курносый») – прозвище, которое в годы гражданской войны в Испании (17 июля 1936 – 1 апреля 1939) дали истребителю И-15. «Супер чато», соответственно, назвали И-15бис, появившийся в Испании в последние месяцы войны.

35

Внимание! В небе Красные крылья! (*нем*.)

36

Красные крылья (*нем*.).

37

«Горбатый» – так прозвали на фронте штурмовик Ил-2 за его характерный силуэт.

38

В начальный период войны одноместные штурмовики несли большие потери от атак с задней полусферы. В авиачастях силами технических служб самостоятельно оборудовали огневые точки для защиты с этого направления. Воздушные стрелки, находясь в незащищённой бронёй части фюзеляжа, часто гибли. Некоторые лётчики-штурмовики вставляли сзади в фонарь кабины черенок от метлы, окрашенный в чёрный цвет, чтобы обмануть немецких истребителей. Пока на фронт не начали массово поступать двухместные штурмовики Ил-2 (какими они и проектировались изначально), проблему защиты задней полусферы решали кто как мог.

39

«Пешка» – фронтовое прозвище пикирующего бомбардировщика Пе-2.

40

Внимание! В небе Красные крылья! (*нем*.)

41

Капитан в РККА.

42

Официально лучший ас СССР Иван Никитович Кожедуб за два неполных года войны уничтожил 64 немецких самолёта, в том числе реактивный Ме-262. Кроме того, на его счету два сбитых в 1945 году американских самолёта Р-51 «Мустанг», которые атаковали его, якобы приняв за немецкий самолёт. Правда, американцев ему не засчитали.

43

Майский Иван Михайлович (настоящие имя и фамилия – Ян Ляховецкий) – полномочный представитель / Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании в 1932–1943 годах.

44

Реальный исторический факт.

45

Жёсткая верхняя губа – идиоматическое выражение, означающее, что человек, о котором говорят, проявляет стойкость и стоицизм перед лицом невзгод или проявляет большую сдержанность в выражении эмоций. Традиционно используется для описания качества британцев, которые остаются решительными и бесстрастными перед лицом невзгод. Признаком страха является дрожание верхней губы, отсюда и выражение «держать жёсткую верхнюю губу».

46

Маршал авиации (англ. Air Marshal) – воинское звание генералитета Королевских ВВС Великобритании. Соответствует званию генерал-лейтенанта в Британской Армии и Королевской морской пехоте и званию вице-адмирала в Королевском ВМФ.

47

«Британника», или «Британская энциклопедия» – британоамериканская универсальная энциклопедия, старейшая англоязычная универсальная энциклопедия.

48

Форин-офис (англ. Foreign, Commonwealth and Development Office) – Министерство иностранных дел и международного развития Великобритании.

49

В 1926 году молодой неопытный клерк Форин-офиса по ошибке отправил в Советское полпредство приглашение на ежегодное празднование в честь Шекспира в его родной Стратфорд-на-Эйвоне. Он просто взял список стран, признанных Британией, и разослал приглашения. А ведь прошло менее двух лет, как Англия была вынуждена признать СССР. Вся фишка состояла в том, что на праздновании на главной площади Стратфорда по традиции послы приглашённых стран поднимали свои государственные флаги. Естественно, красное знамя на английской территории видеть никто не желал.

Майский приглашение принял, чем вызвал страшный скандал. Дошло до прямых угроз жизни советского дипломата. Прошли митинги против участия СССР в шекспировском празднике. Официально отозвать приглашение англичане не могли, так как это могло вызвать международный скандал. Нашего посланника вызвали в Форин-офис и начали увещевать отказаться от поездки в Стратфорд, на что получили ответ: «Вы хозяева, мы гости. Вы прислали приглашение, мы ответили согласием. Если вы возьмете назад приглашение, мы, конечно, к вам не поедем. Но если вы не можете взять приглашение назад, мы тоже не можем взять назад согласие на приглашение». Ну а на слова, что приезд советского представителя может вызвать массовые волнения, Майский дипломатично ответил, что «совершенно уверен, что британское правительство способно поддерживать полный порядок на своей территории… если, конечно, оно этого желает».

Затем советскими дипломатами проводится большая работа, результатом которой стал массовый митинг в Бирмингеме, неподалёку от Стратфорда, на котором рабочие приняли резолюцию «приобщиться к шекспировской культуре». В итоге на празднике ровно в полдень было поднято огромное красное знамя с серпом и молотом, а рядом с ним встали на караул рабочие из Бирмингема.

На торжественном ланче произошла ещё одна провокация. Все посланники других государств по очереди произносили речи, но

советскому было отказано. Майский отправил записку с требованием прекратить этот цирк и дать ему слово. Англичане были вынуждены уступить. Майский выступил с проникновенной речью, в которой сказал, что в СССР любят и уважают Шекспира, советские театры ставят пьесы великого английского поэта и драматурга, а советские рабочие и крестьяне передают слова любви и уважения к нему.

С тех пор отказывать СССР в дипломатическом приглашении стало невозможно, и советское красное знамя каждый год гордо поднималось над площадью родины Шекспира.

От автора. Не знаю, как сейчас, но думаю, что англичане давно наплевали на дипломатию, идя в кильватере своих заокеанских «кузенов», и на родине Уильяма нашего Шекспира давно уже не поднимают российский триколор. О приглашении на празднование я вообще молчу.

50

Крест «За выдающиеся лётные заслуги» (англ. The Distinguished Flying Cross – DFC) – военная награда Великобритании. Учрежден 3 июня 1918 года. Крестом награждают персонал Королевских военно-воздушных сил за мужество и преданность долгу в период несения службы. Крест «За выдающиеся лётные заслуги» выполнен из серебра. В годы Великой Отечественной войны четверо лётчиков-североморцев были удостоены этой высокой награды. 19 марта 1942 года в торжественной обстановке награды вручал прибывший в Заполярье глава британской миссии в СССР генерал-лейтенант Макфарлан. Были награждены гвардии подполковник дважды Герой Советского Союза Сафонов Борис Феоктистович, гвардии подполковник Герой Советского Союза Коваленко Александр Андреевич, полковник Кухаренко Алексей Никитович и майор Туманов Иван Константинович.

51

Джерри – в годы войны англичане называли так немцев (от англ. сокращения Germany).

52

RAF (англ. Royal Air Force) – Королевские военно-воздушные силы. Военно-воздушные силы Великобритании.

53

В РИ в годы Великой Отечественной войны, согласно королевским указам, в состав военного дивизиона различных степеней были приняты 47 генералов и адмиралов, 115 офицеров и два сержанта Красной армии.

54

Рыцарь-командор, KBE (англ. Knight Commander) имеет право на рыцарство и на титул «сэр».

55

Реальная история.

56

151-е истребительное авиакрыло Королевских ВВС под командованием подполковника Невилла Рэмсботтом-Ишервуда в составе 81-й и 134-й эскадрильи КВВС, вооружённое самолётами Hawker Hurricane Mk IIB, прибыло в СССР на корабле «Llanstephan Castle» в составе первого арктического конвоя. Численность штаба авиакрыла составляла около 350 человек, а численность каждой эскадрильи – около 130 человек, включая не менее 30 лётчиков. После размещения и обустройства личного состава английские лётчики 11 сентября 1941 года совершили первый вылет для ознакомления с местностью. К середине октября (всего за несколько дней лётной погоды) английские лётчики совершили 365 вылетов, сбив 15 немецких самолётов, потеряв при этом только один свой и не позволив немецким истребителям сбить ни одного из сопровождаемых «харрикейнами» бомбардировщиков Пе-2. Во время нелётной погоды производилось обучение советских лётчиков и техников. В конце ноября 1941 года личный состав авиакрыла вернулся в Англию. Четверо из них – командир крыла Рэмсботтом-Ишервуд, командиры эскадрилий Э. Рук и Э. Миллер, а также сержант И. Хоу были награждены орденами Ленина.

57

Военнослужащий находился на полном государственном обеспечении: ему полагались форма, оружие, питание, включая паек, в который входили даже сигареты, либо папиросы, либо махорка (некурящим иногда выдавали сахар или шоколад), и водка (только на передовой). Но помимо вещевого и продовольственного довольствия им платили ещё и денежное довольствие, то есть зарплату. Кроме этого, за быстрый и качественный ремонт личный состав авиаремонтных мастерских получал премию в 500 рублей за каждый восстановленный самолёт. Техперсонал, обслуживающий самолёты, получал денежную награду в размере 3000 рублей при условии безотказной работы матчасти за каждые 100 самолётовылетов. Платили танкистам, артиллеристам и пехоте. Так, за каждый подбитый танк противника командиру орудия и наводчику полагалось 500 рублей, остальным членам орудийного расчёта – по 200 рублей. За каждый подбитый или подожжённый танк противника наводчик противотанкового ружья получал вознаграждение в 500 рублей, номер ПТР – 250 рублей, командир, механик-водитель, командир орудия танка – по 500 рублей, остальные члены экипажа – по 200 рублей. Устанавливалась денежная премия в 1000 рублей каждому солдату или командиру за лично подбитый или подожжённый танк врага при помощи индивидуальных средств борьбы (гранаты и бутылки с горючей смесью). При групповом уничтожении танка противника размер премии увеличивался до 1500 рублей, её выплачивали равными долями всем участникам группы.

58

История взята из реальной жизни.

59

43,4 кг.

60

Интендант 3-го ранга соответствует званию капитана.

61

Можно много писать о подвиге на фронте, о самопожертвовании, но ПОДВИГ (именно так, заглавными буквами) сотрудников Всесоюзного института растениеводства выходит за все рамки. Голливудские «супергерои» – никто рядом с этими суперлюдьми. Огромная коллекция из сотен тысяч (почти 200 000 сортов растений) образцов зерновых, масличных, корнеплодов и ягод осталась нетронутой до конца войны благодаря подвигу сотрудников института. А ведь как минимум четверть из них были съедобными: рис, пшеница, кукуруза, бобы и орехи. Две трети зерна, которое хранится в институте сегодня, это потомки тех семян, которые удалось сберечь в блокаду. Когда осада затянулась, один за другим стали погибать сотрудники. Люди умирали от голода на своих рабочих местах. В ноябре 1941 года прямо за рабочим столом умер от голода Александр Гаврилович Щукин, исследовавший масличные культуры. В руке у него нашли пакетик с образцом миндаля. В январе 1942 года не стало хранителя риса Дмитрия Сергеевича Иванова. Его кабинет был заставлен коробками с кукурузой, гречихой, просом и другими культурами. Хранительница овса Лидия Родина и ещё девять работников тоже скончалась от дистрофии в первые два года блокады.

62

Речь идёт о Рудольфе Яновиче Кордоне, назначенном в начале блокады главным хранителем семенного фонда Всесоюзного института растениеводства. Рудольф Янович оставался в институте до самого освобождения Ленинграда. Он дневал и ночевал в институте, постоянно подменяя заболевших и умерших сотрудников. После войны Рудольф Янович продолжил свою научную деятельность, до сих пор студенты сельскохозяйственных вузов изучают яблони по его книгам.

63

Зимняя война – Советско-финская война 1939–1940 годов.

64

«Брюстер F2A Баффало» (Brewster F2A Buffalo) – истребитель, спроектированный и построенный американской корпорацией Brewster Aeronautical Corporation. Поступил на вооружение ВМС США в 1939 году. В начале 1940 года был закуплен Финляндией (44 шт.), где получил обозначение «Brewster модель B-239E». Был оснащён четырьмя 12,7-мм пулемётами M2 Browning, мог нести две авиабомбы. Имел максимальную скорость 517 км/ч и дальность полёта 1553 км.

КШМ – командно-штабная машина.

66

Дерьмо собачье (*исп*.).

67

«Москас» («мушка») – прозвище истребителя И-16, которое ему дали испанцы во время Гражданской войны в Испании (1936–1939).

68

Две шпалы в петлицах до 1943 года были знаком различия майора в РККА и ВВС либо старшего лейтенанта госбезопасности.

69

Один кубик в петлице – младший лейтенант.

70

Степан Дмитриевич Рыбальченко (28 июня 1903, Новый Егорлык, Ставропольская губерния —18 января 1986, Москва) – советский военачальник, генерал-полковник авиации (1944). В начале Великой Отечественной войны С. Д. Рыбальченко назначен заместителем начальника, затем начальником штаба ВВС Северного фронта, участвовал в Ленинградской стратегической оборонительной операции. С сентября 1941 года – начальник штаба ВВС Ленинградского фронта, со 2 февраля 1942 года – командующий ВВС Ленинградского фронта. 20 ноября 1942 года был назначен командующим 13-й воздушной армией. Под его командованием армия участвовала в Синявинской операции, операции «Искра», операции «Полярная Звезда», Ленинградско-Новгородской, Выборгско-Петрозаводской, Нарвской и Прибалтийской операциях. 24 июня 1945 года в составе сводного полка Ленинградского фронта участвовал в Параде Победы.

71

Театр музкомедии проработал в Ленинграде все девятьсот дней блокады. Часто концерты прерывала воздушная тревога, бывало так, что спектакль останавливали до девяти раз за вечер. В конце концов артисты настолько привыкли к вынужденным антрактам, что, вернувшись из бомбоубежища, продолжали действие прямо с оборванной фразы. Спектакли делили на «тёплые» и «холодные», в зависимости от костюмов. Играли в зале, температура воздуха в котором опускалась до минус четырех, а то и минус восьми градусов. И это притом, что актрисам часто приходилось выходить в лёгких декольтированных платьях. Очередь за билетами занимали с пяти часов ночи, а с рук их продавали за дневную порцию хлеба. Каждое представление собирало аншлаги. Даже в самую лютую и тяжёлую зиму 1941/1942 года зал был неизменно полон. Случалось, что голодные и измождённые зрители от слабости не могли хлопать, и по окончании спектакля зал вставал и молча благодарил артистов. 31 декабря 1941 года в 19:15 в здании Александринки артисты театра дали большой новогодний концерт. Детям преподнесли по-настоящему царский подарок: были накрыты столы, и их угощали гуляшом с лапшой, сладким и хлебом. Дети достойно и чинно сидели за столами, и никто из них не дрогнул при виде фантастического на тот момент пиршества и не потянулся ручонкой к куску хлеба. В середине января 1942 года театр остался без электричества, но это не остановило репетиционный процесс. Артисты стали выезжать с выступлениями на фронт, к Дороге жизни и в госпитали. 3 марта энергетики смогли дать свет, и уже 4 марта в театре показали оперетту Имре Кальмана «Сильва», 5-го – «Баядеру», 6-го и 7-го – «Три мушкетера». За годы блокады в труппе численностью 291 человек погибли 64, из них 56 – от голода. Зрителям представили 15 (!) премьер и возобновлённых постановок, было дано 919 спектаклей и 1962 военно-шефных концерта перед 1,3 миллиона зрителей.

От автора. Когда я читал об этом, то мурашки размером с кулак бегали у меня по спине. Это не люди, это ТИТАНЫ. Это несокрушимая воля, мужество и вера. Это был вызов врагу,

невероятное сопротивление и стойкость. Мужество артистов не имеет аналогов. А. Масленников, получив похоронку на третьего, последнего своего сына, в этот день «смешил» зрителей в героическом спектакле «Лесная быль». Преклоняюсь перед ленинградцами.

72

«Хоукер Харрикейн» (англ. Hawker Hurricane) – британский одноместный истребитель времён Второй мировой войны, разработанный фирмой Hawker Aircraft Ltd в 1934 году. Поставлялся по ленд-лизу в СССР.

НЗ – неприкосновенный запас.

74

Незваль Иосиф Фомич (16 февраля 1898 – 24 ноября 1987) – советский авиаконструктор. Главный конструктор ОКБ А. Н. Туполева. В 1930-х годах был заместителем В. М. Петлякова. Руководил разработкой ТБ-7 и Ту-128. Осуществлял общее руководство разработкой конструкции Ту-160. Герой Социалистического Труда (1957). Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР. С 1938 года – главный конструктор по ТБ-7 (Пе-8) на Казанском авиазаводе. Разрабатывал транспортную версию Пе-8.

75

ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт. С 1935 года ЦАГИ расположен в городе Жуковский Московской области с филиалом в Москве.

76

«Зибель» – самоходный паром-катамаран, разработанный подполковником люфтваффе Фридрихом Вильгельмом Зибелем. Представлял собой катамаран, каждый из поплавков которого состоял из соединённых между собой понтонных секций. Обладал хорошей мореходностью и грузоподъёмностью. Благодаря своей конструкции был очень живучим, потопить его было чрезвычайно сложно. Применялся в качестве десантного средства, канонерской лодки и плавучей зенитной батареи.

77

В реальной истории в годы войны советская авиация Валаам не бомбила.

78

Закон суров, но это закон (*лат*.).

79

Речь идёт о городе со знакомым каждому русскоговорящему названием Huy, расположенном в Бельгии в провинции Льеж, в восьмидесяти километрах к юго-востоку от Брюсселя и примерно в тридцати километрах к юго-западу от Льежа.

80

Личный состав штрафных подразделений делился на постоянный состав и на переменный. Переменным составом были сами штрафники, которых приговорили к искуплению своей провинности на фронте (до 3-х месяцев, либо до получения ранения, либо до совершения какого-либо подвига). Постоянный состав набирался из числа наиболее подготовленных и надёжных командиров. Так что киноподелка «Штрафбат» не имеет к действительности никакого отношения.

81

В реальной истории блокада Ленинграда была прорвана 18 января 1943 года. В этот день войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе Рабочих посёлков № 1 и 5.

82

Елизавета II (21 апреля 1926 – 8 сентября 2022) – королева Великобритании и Северной Ирландии и королевств Содружества из Виндзорской династии, Верховный главнокомандующий вооружёнными силами Великобритании, верховный правитель Церкви Англии, глава Содружества наций с 6 февраля 1952 и до своей смерти 8 сентября 2022 года. В 1943 году принцесса Йоркская, третья в линии наследования престола.

83

В Куйбышеве размещалось и посольство Японии по ул. Чапаевская, 80 (посол Наотакэ Сато). На тот момент между СССР и Японией были дипломатические отношения. После нападения Японии на Пёрл-Харбор состоялась драка между американскими и японскими журналистами.

84

НКИД – народный комиссариат иностранных дел.

85

Содружество наций (англ. Commonwealth of Nations, до 1946 года – Британское Содружество наций – англ. British Commonwealth of Nations), кратко именуемое просто Содружество (англ. The Commonwealth) – добровольное объединение суверенных государств, в которое входят Великобритания и почти все её бывшие доминионы, колонии и протектораты. Членами Содружества также являются и другие государства, не имеющие исторических связей с Великобританией.

86

Сразу по окончании Сталинградской битвы король Георг VI в знак восхищения британского народа мужеством, проявленным советскими защитниками Сталинграда во время битвы за город, специальным королевским указом приказал выковать наградной (церемониальный) меч, украшенный драгоценными металлами и камнями. Эскиз меча выполнен оксфордским профессором (доном) изящных искусств Р. М. Й. Глидоу и одобрен лично королём Георгом VI. За ходом работ по изготовлению меча наблюдала комиссия из девяти экспертов от Гильдии золотых дел мастеров Великобритании. Меч изготовлен на заводе компании Wilkinson Sword кузнецами-оружейниками Томом Бизли и Сидом Роузом, каллиграфом Мервином С. Оливером и серебряных дел мастером капралом Королевских ВВС Великобритании Лесли Дж. Дарбином. Сталь для клинка поставлена шеффилдской фирмой Sanderson Brothers and Newbould. Осуществление проекта, от эскиза до готового меча, заняло около трёх месяцев. По клинку кислотой вытравлены надписи на русском и английском языках: ГРАЖДАНАМ СТАЛИНГРАДА КРЕПКИМ КАК СТАЛЬ • ОТ КОРОЛЯ ГЕОРГА VI • В ЗНАК ГЛУБОКОГО ВОСХИЩЕНИЯ БРИТАНСКОГО НАРОДА TO THE STEEL-HEARTED CITIZENS OF STALINGRAD • THE GIFT OF KING GEORGE VI • IN TOKEN OF THE HOMAGE OF THE BRITISH PEOPLE Вручён 29 ноября 1943 года премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем Маршалу Советского Союза Иосифу Сталину в присутствии президента США Франклина Рузвельта и почётного караула на церемонии, приуроченной к открытию Тегеранской конференции. Экспонируется в музее Сталинградской битвы в Волгограде.

87

В феврале 1945 года Елизавета по своей инициативе вступила во Вспомогательную территориальную службу (женские отряды самообороны) и прошла подготовку как механик-водитель санитарного автомобиля, получив воинское звание лейтенанта. Её военная служба продолжалась пять месяцев. Таким образом, принцесса Елизавета стала первой женщиной из королевской семьи, формально служившей в армии.

88

Имеется в виду аппарат, прообраз лазерной пушки, из романа А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», изданного в 1927 году.

89

Первый советский самолёт ДРЛО Ту-126, созданный на базе пассажирского Ту-114, поднялся в воздух 23 января 1962 года.

90

Раскова Марина Михайловна (в девичестве Малинина; 15 (28) марта 1912, Москва – 4 января 1943, Саратовская область) – советская лётчица-штурман, майор Военно-воздушных сил Красной армии, одна из первых женщин, удостоенная звания Героя Советского Союза (1938). Участница беспосадочного перелёта Москва – Дальний Восток (село Керби) протяжённостью 6450 км в составе женского экипажа (командир – В. С. Гризодубова, второй пилот – П. Д. Осипенко, штурман М. М. Раскова) на самолёте АНТ-37 «Родина». Когда началась Великая Отечественная война, Раскова использовала своё положение и личные контакты со Сталиным, чтобы добиться разрешения на формирование женских боевых частей.

91

15 октября 1941 года с одобрения Ставки ВГК (приказ НКО СССР № 0099 от 08.10.41) и с поддержкой Центрального комитета ВЛКСМ в городе Энгельсе из лётчиц, подготовленных аэроклубами, школами Гражданского воздушного флота и Осоавиахима, были сформированы три авиационных полка: 586-й истребительный (Як-1), 587-й бомбардировочный (Пе-2) и 588-й ночной бомбардировочный (По-2). Последний носил неофициальное название «Ночные ведьмы».

92

АВАКС (англ. AWACS – airborne warning and control system) – «авиационная система предупреждения и контроля».

РВГК – Резерв Верховного главнокомандующего.

94

Позывной У-2.

95

Эрих Альфред Хартманн – немецкий лётчик-ас, считается наиболее результативным пилотом-истребителем за всю историю авиации. В ходе Второй мировой войны совершил 1404 боевых вылета, одержав 352 воздушные победы (из них 344 – над советскими самолётами и 8 – над американскими) в 802 воздушных боях. В 1945 году сдался американским военным, но был передан Красной армии. Как военнопленный, обвинённый в порче социалистического имущества (так как фактов о его причастности к военным преступлениям не было) и приговорённый к 25 годам заключения в лагерях строгого режима, Хартманн провёл в них десять с половиной лет, до 1955 года. С 1956 года служил в люфтваффе Западной Германии, где дослужился до звания оберста (полковника). Умер в 1993 году.

96

Ганс-Ульрих Рудель – самый результативный пилот пикирующего бомбардировщика Ю-87 «Штука» в годы Второй мировой войны. Единственный кавалер полного банта Рыцарского креста: с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Единственный иностранец, награждённый высшей наградой Венгрии – Золотой медалью за храбрость. По количеству наград Руделя превзошёл только Герман Геринг. Убеждённый национал-социалист, никогда не критиковал Адольфа Гитлера. По официальным данным люфтваффе, Рудель совершил 2530 боевых вылетов (наибольшее количество среди пилотов Второй мировой войны). По словам самого Руде-ля (никогда позже не подтверждённых другими источниками), он уничтожил около 2000 единиц боевой техники, в том числе 519 танков, 800 автомашин, 150 артиллерийских орудий, 70 десантных лодок, девять самолётов, четыре бронепоезда, несколько мостов, повредил крейсер (недостроенный «Петропавловск»), лидер эсминцев «Минск», линкор «Марат». С 1948 года жил в Аргентине, затем перебрался в Швейцарию. Умер в 1982 году.

97

Пожалуйста! Не убивай! Я умоляю тебя! (*нем*.)

98

Фраза из песни В. Высоцкого «Их восемь, нас двое». Другие названия – «Песня лётчика» и «Воздушный бой».

99

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН) – советское воинское соединение, входившее в состав IV (партизанского) управления НКВД СССР. Соединение находилось в непосредственном подчинении у Л. П. Берии.

100

Вот, товарищ командир, поймали подлюгу! В хлеву у Мироновны прятался, ирод! Это Митька выселковский. Это он немцам тётку Ганну выдал, что она Ритку у себя прячет (*белорус*.).

101

Люди добрые, простите! Не убивайте! Христом Богом вас прошу! Товарищ командир, пощадите! Я всё, что знаю, про немцев расскажу! (*белорус*.)

102

Товарищ командир! А нам-то что теперь делать? (*белорус*.)

103

В 1943 году немцы сожгли в деревне Бывальки 330 домов. На момент освобождения в октябре 1943 года в деревне из 420 домой уцелело лишь 7, в которых и ютилось всё оставшееся население Бывалек.

104

Люди! Слушайте этого человека! Я знаю его! Он говорит правду! Нужно немного подождать! Скоро здесь будут наши! (*белорус*.)

105

Эх! Когда только они здесь будут? (*белорус*.)

106

Слово «дзен» происходит от термина «дхьяна», который в йоге и буддизме означает в широком смысле совершенную медитацию, а в более узком – сосредоточение ума на совершенном объекте.

107

Реальная история.

108

Прозвище Гудериана.

109

Раздевайся! Быстро! Только китель! (*нем*.)

110

Речь идёт о снайперском варианте автоматической винтовки Gewehr 43 (G.43), созданной на базе более раннего образца G.41 с учётом положительного опыта применения советских автоматических винтовок АВС-36, СВТ-38 (40). Поступила на вооружение в апреле 1943 года. Было выпущено около 500 тысяч экземпляров.

111

Вопреки бытующему мнению, в годы войны войска СС не носили форму чёрного цвета. С 1939 года, с началом Второй мировой войны, форма эсэсовцев стала полевого мышиного цвета. Отличие от вермахта было лишь в эмблемах. В 1942 году большое количество комплектов чёрной униформы СС было передано частям вспомогательной полиции и другим коллаборационистским формированиям на оккупированных территориях СССР.

112

Всё написанное далее является реальной историей… страшной историей, которую забывать нельзя!

113

По данным историков, в детском донорском концлагере в деревне Красный Берег фашистскими нелюдями были зверски замучены 1975 детей. Удалось установить имена пятнадцати (!) из них. Из второй группы детей, у которых кровь брали многократно, выжили девять (!). Из первой группы не выжил никто (!). В 2007 году в деревне Красный Берег Жлобинского района Гомельской области республики Беларусь открыт мемориал «Памятник детям – жертвам Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Всего в годы немецкой оккупации на территории Белоруссии было 16 (!) детских концентрационных лагерей. Все они были донорскими. Такое нельзя забывать! Такое нельзя прощать! Никогда! Никогда!

114

Эй, русские свиньи! Жрите веселее! (*нем*.)

115

Шацилки, или Шатилки – до 1961 года деревня (городской посёлок с 1956 года) в Гомельской области Белоруссии. В 1961 году городской посёлок Шатилки преобразован в город Светлогорск.

116

Жетон агента гестапо, государственной тайной полиции в нацистской Германии.

117

Только для немцев (*нем*.).

118

Встать! Смирно! (*нем*.)

119

SD (от Sicherheits Dienst) – служба безопасности. Основана в 1931 году. С 1939 года подчинялась Главному управлению имперской безопасности (РСХА). На Нюрнбергском процессе СД была признана преступной организацией.

120

Айнзацкоманды – антипартизанские формирования, осуществлявшие массовые убийства населения и членов сопротивления на оккупированных территориях. Руководство деятельностью айнзац-команд осуществлялось совместно СС и СД.

121

Встать! На выход! (*нем*.)

122

Капо – в 1940-е годы привилегированный заключённый, сотрудничавший с нацистской администрацией в концлагерях нацистской Германии.

123

Помпаж – срывной режим работы авиационного турбореактивного двигателя, нарушение газодинамической устойчивости его работы, что сопровождается микровзрывами в газовоздушном тракте двигателя из-за противотока газов, дымлением выхлопа двигателя, резким падением тяги и мощной вибрацией, которая способна разрушить двигатель.